

ШЕХСКИЙ ОТРЯДЪ.

съ октября 1862 по ноябрь 1864 года.

ШЕХСКИЙ ОТРЯДЪ.

СЪ ОКТЯБРЯ 1862 ПО НОЯБРЬ 1864 ГОДА.

ПШЕХСКИЙ ОТРЯДЪ

1861 1862 1863 1864 1865 1866

Извлечено изъ 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 5-го №№ „Военнаго Сборника“ на 1866 годъ.

К. С. В. 31



В-39-29278



2014142288

ПШЕХСКИЙ ОТРЯДЪ.

съ Октября 1862 по Ноябрь 1864 года.

I.

Краткій очеркъ послѣдняго періода кавказской войны, съ 1861 по 1863 годъ. — Колонизація. — Общій взглядъ на успѣхи отрядовъ, дѣйствовавшихъ къ востоку отъ Пшекуса. — Сформированіе пшехскаго и даховскаго отрядовъ. — Нѣсколько словъ отъ пишущаго. — Отряды, дѣйствовавшіе по Бѣлой. — Сила пшехскаго отряда. — Пшехская станица. — Задача зимней экспедиціи. — Мелкія дѣйствія отряда съ 20-го октября по 4-е ноября. — Рекогносцировка вверхъ по Пшехѣ. — Дѣло тверскихъ драгунъ у Волгаи-Обидова. — Занятіе ущелья Шебжъ. — Рекогносцировка дороги изъ Аммы въ ущелье Курджипись. — Кавказскія фуражировки. — Безпечность нашихъ солдатъ. — Возвращеніе отряда въ Пшехскую станицу. — Полковникъ Орейнкъ назначается начальникомъ отряда.

Съ 1861 года начался новый и послѣдній періодъ кавказской войны.

Если по характеру своему онъ и не слишкомъ рѣзко отличался отъ предъидущихъ, то все-таки имѣлъ замѣчательныя особенности, благодаря которымъ намъ удалось блистательнымъ образомъ окончить эту трудную и продолжительную войну.

Заселеніе вновь покоренныхъ мѣстъ огромными массами охотниковъ было однимъ изъ капитальныхъ дѣлъ въ послѣдніе четыре года.

Въ 1861 году намѣстникъ Кавказа, фельдмаршалъ князь Барятинскій, приказалъ выселить за рѣку Лабу весь 1-й Хоперскій казачій полкъ въ полномъ составѣ и 771 семейство Ейскаго округа. Но такъ какъ распоряженіе это, не достигнувъ желаемыхъ результатовъ, повело къ нѣкоторымъ недоразумѣ-

ніямъ, то признано было необходимымъ обратиться къ жеребьевой системѣ и къ вызову охотниковъ, какъ изъ казаковъ, такъ и изъ регулярныхъ войскъ Кавказа. Однако и этимъ способомъ устранить затрудненія было невозможно, ибо Кавказъ былъ не совсѣмъ богатымъ для сего источникомъ. Оставалось одно—обратиться къ Россіи и вызывать желающихъ оттуда.

Между тѣмъ, не было ни данныхъ, которыя могли бы объяснить переселенцамъ ожидавшую ихъ будущность, ни твердаго основанія, на которое упирались бы расчеты людей, живущихъ далеко отъ Кавказа, а потому не было и охотниковъ. Кто пойдетъ въ отдаленный уголокъ ловить неизвѣстныя ему выгоды? Кто промѣняетъ свое бѣдное хозяйство на темныя надежды будущихъ благъ?... Надо было освѣтить эту тьму — и свѣтъ вылился изъ того же источника, который непрерывно, въ продолженіе десяти лѣтъ, освѣщаетъ неразъясненные вопросы нашего отечества.

Его Императорское Величество, рескриптомъ своимъ на имя графа Евдокимова, вполне разрѣшилъ этотъ вопросъ, точно опредѣливъ права, вспомошествованія, даруемыя переселенцамъ на подъемъ, и льготы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по водвореніи ихъ на завоеванныхъ земляхъ.

Послѣ этого, земледѣльцы тѣхъ мѣстъ, гдѣ жить было тѣсно, имѣя твердую опору въ царскомъ документѣ, могли заранѣе рассчитать выгоды и невыгоды предлагаемаго переселенія и яснѣе понять все ожидавшее ихъ впереди. И вотъ цѣлыя вереницы обозовъ потянулись изъ Россіи, и уже къ концу 1861 года явилось на Кавказѣ 1,763 семейства, сгруппировавшихся въ одиннадцать вновь возведенныхъ станицахъ.

Введеніе колонизаціи въ обширныхъ размѣрахъ имѣло въ свою очередь благотворное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Заселеніе пространства, пройденнаго нашими войсками, измѣнило способъ войны: тылъ, защищаемый жителями и казаками на кордонахъ, давалъ возможность войскамъ не повторять задовъ, а непрерывно двигаться впередъ. Однако для предстоящаго движенія въ горы одной 19-й пѣхотной дивизіи было недостаточно, почему изъ Дагестана, изъ Терской области и изъ мѣстъ формировація резервовъ начали стягивать войска къ западной части Кавказа.

1861 годъ былъ замѣчательнъ въ военномъ отношеніи еще и тѣмъ, что съ этого времени началась особенно энергическая

дѣятельность: несмотря ни на сильныя лѣтніе жары, ни на суровыя зимы, войска, въ продолженіе всѣхъ четырехъ лѣтъ, не сходили съ боевыхъ позицій и не знали другихъ жилищъ, кромѣ палатокъ, перенося ихъ за собою все далѣе и далѣе въ глубь ущелій, ни на недѣлю не прекращая своихъ занятій, тогда какъ прежде отряды выступали для военныхъ дѣйствій только на короткіе періоды времени въ такъ называемыя экспедиціи, по окончаніи которыхъ расходились по своимъ штабъ-квартирамъ, смѣнивъ или усиливъ предварительно всѣ гарнизоны, стоявшіе по укрѣпленіямъ. Съ этого же года, вслѣдствіе мѣстныхъ и племенныхъ условій еще непокоренной части Кавказа, военные дѣйствія раздѣлились на два театра: одинъ — къ западу отъ рѣки Пшекупса, гдѣ главнымъ отрядомъ былъ адагумскій, дѣйствовавшій между устьемъ Кубани и берегомъ Чернаго моря; другой — къ востоку отъ этой рѣки, гдѣ было нѣсколько значительныхъ отрядовъ, направлявшихъ свои наступательныя дѣйствія отъ Лабы къ главному хребту горъ. Сильнѣйшимъ изъ нихъ и дѣйствовавшимъ постоянно по главной операціонной линіи былъ *пшехскій отрядъ*.

Такъ какъ кругъ военныхъ дѣйствій этого отряда не выходилъ изъ района, лежащаго къ востоку отъ Пшекупса, то я брошу предварительно самый общій взглядъ на все происходившее здѣсь съ 1861 до конца 1862 года, то есть до того времени, когда судьба сдѣлала меня свидѣтелемъ славнаго конца долготѣней кавказской войны.

Еслибъ племена, живущія между Лабою и Бѣлою, какъ-то: бесленеевцы, баракаевцы, махочевцы, егерухаевцы, темиргоевцы и, въ горныхъ ущельяхъ, абадзехи, были съ нами въ открытой враждѣ, то дѣйствія отрядовъ и въ особенности колонизаціи шли бы очень медленно; но, благодаря предъидущимъ дѣйствіямъ генерала Филипсона, заключившаго почти со всѣми вышеупомянутыми племенами мирные договоры, успѣшность того и другаго была болѣе чѣмъ быстра.

Пользуясь этой предварительной подготовкой, частныя начальники продолжали, по наружности, поддерживать миръ, стараясь даже не замѣчать нѣкоторыхъ наглыхъ выходовъ горцевъ, и, не теряя времени, успѣли трудами *абадзехскаго отряда* соединить Майкопъ со станицею Лабинскою, посредствомъ такъ называемой абадзехской линіи, а въ концѣ іюня, трудами войскъ *лабинскаго отряда*, выстроить ограды для одиннадцати станицъ.

Прикрывшись такимъ образомъ лабинскою и мало-лабинскою кордонными линіями и заселивъ русскими переселенцами все пространство между Лабою и Бѣлою съ одной стороны, Урупомъ и Ходзъ съ другой, мы такъ прочно установились между горскими племенами, что начальство наше нашло возможнымъ прекратить прежнюю политику и, по окончаніи только-что упомянутыхъ работъ, объявить всѣмъ туземцамъ, въ занятомъ нами пространствѣ, о необходимости выселенія ихъ къ извѣстному сроку. Переселеніе началось. Большая часть горцевъ пошла за Бѣлою, а остальная въ прикубанскія степи. Съ абадзехами же миръ не прекращался.

Обстоятельства, въ которыя поставлены были эти племена, показали имъ всю бесполезность сопротивленія, вслѣдствіе чего они молча покорились своей судьбѣ, кромѣ многочисленнаго племени бесленеевцевъ, которое не трогалось съ мѣста. Чтобы не дать ихъ протесту развиться до фанатизма и дабы избавиться отъ жертвъ съ нашей стороны, утромъ 20-го іюня 1861 года, аулы ихъ были внезапно окружены и все четырехтысячное племя выведено на правый берегъ Урупа, подъ сильнымъ прикрытіемъ нашихъ войскъ. Впрочемъ, желавшимъ переселиться въ Турцію дано было разрѣшеніе, вслѣдствіе котораго все племя изъявило намѣреніе къ этому переселенію, исключая 110 семействъ, оставшихся въ нашихъ владѣніяхъ и водворенныхъ въ нижне-кубанскомъ приставствѣ. Примѣръ бесленеевцевъ подѣйствовалъ на медлившихъ выселеніемъ: вскорѣ вышли всѣ бѣглые кабардинцы, которымъ отводились мѣста по лѣвому берегу Ходзъ, близъ Лабинской станицы. Часть шахъ-гиреевцевъ, не успѣвшихъ выселиться въ Турцію, подалась вверхъ по ущельямъ, гдѣ провела зиму съ 1861 на 1862 годъ; весною же часть изъ нихъ вернулась и поселилась близъ бѣглыхъ кабардинцевъ.

По возведеніи станицъ, около укрѣпленія Хамкеты, 20-го іюня былъ собранъ *верхне-абадзехскій* отрядъ, съ цѣлію занять все теченіе Фарса и приготовить мѣста для новыхъ поселеній. Усилиями этого отряда, осенью 1861 года, была окончена просѣлка внизъ по Фарсу до теперешней Нижне-фарсской станицы и устроено прямое сообщеніе по Псефиру, между укрѣпленіемъ Хамкетами и абадзехскою кордонною линіею.

Дальнѣйшія зимнія дѣйствія обоихъ абадзехскихъ отрядовъ состояли въ разработкѣ дорогъ вверхъ по Бѣлой, Фюнфту къ

Хамкетамъ и другимъ пунктамъ, въ постройкѣ станицъ и промежуточныхъ постовъ, предполагаемыхъ въ этомъ краѣ.

Абадзехи, видя готовность нашу перенести военныя дѣйствія въ горы, пришли въ сильное волненіе. Численно усиленные выходцами племенъ, передавшихъ уже намъ всѣ свои земли до горъ, они рѣшились дать отпоръ и отмстить за изгнанныхъ. Значительныя партіи убыховъ и ачипсхойцевъ, прибывшія съ берега, усердно поддерживали ихъ воинственное настроеніе. Смотря на все это, можно было предполагать, что абадзехи не ограничатся только обороною своихъ ущелій, но будутъ нападать и на наши новыя поселенія. Предположеніе это получило тѣмъ болѣе вѣроятія, что пространство между рѣками Бѣлой и Малой Лабой, со стороны Ходзъ, не было еще замкнуто укрѣпленною линіею, вслѣдствіе чего дорога къ передовымъ пунктамъ 8-й и 7-й бригадъ была для нихъ открыта. Въ то же время въ ущельяхъ Пшиша, Пшехи, Курджипса и другихъ рѣкъ кишели огромныя партіи.

Еще съ февраля 1862 года начались приготовленія къ предстоящей горной войнѣ. Такъ изъ состава обоихъ абадзехскихъ отрядовъ, средоточіе которыхъ было на Бѣлой у Ханскаго брода (гдѣ теперь Ханская станица), сформированъ былъ *пшехскій отрядъ*, назначеніе котораго состояло въ дѣйствіи по рѣкѣ Пшехъ; почему онъ долженъ былъ открыть предварительныя работы для проложенія просѣлки отъ Ханской на Пшеху. Это и было началомъ вторженія въ горныя мѣста.

Замѣтивъ движеніе наше впередъ, абадзехи, послѣ бесполезныхъ переговоровъ, рѣшились наконецъ заявить враждебныя къ намъ отношенія уже не мелкими стычками, какъ прежде, а открытымъ возстаніемъ въ значительныхъ массахъ. Первая попытка была 2-го марта. Апшеронскій стрѣлковый баталіонъ шелъ изъ Майкопа къ устью Фюнфта по вновь разработанной дорогѣ. При подъемѣ на такъ называемую Семиколѣнную гору, его встрѣтила весьма сильная партія горцевъ. Загорѣлся страшно-неровный бой. Штыкъ и шашка работали безостановочно въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; неумолкаемая пальба заглушала воинственные вопли горцевъ, до двухсотъ раненыхъ и убитыхъ своею кровью обмывали скаты этой горы. Противникъ однако уступилъ горсти храбрецовъ, остатки которой пошли дальше, оставивъ убитыхъ на полѣ битвы, не будучи въ силахъ подобрать ихъ. Черезъ нѣсколько времени былъ при-

сланъ на это роковое мѣсто отрядъ войскъ, который и подобралъ оставшіеся трупы, изувѣченные горцами самымъ оскорбительнымъ образомъ.

Этотъ случай вывелъ насъ изъ неопредѣленнаго положенія: извѣстіе, что между нападавшими были горцы изъ числа переселившихся по лѣвую сторону Ходзь, принудило наше начальство объявить всѣмъ туземцамъ, жившимъ между верховьями рѣкъ Лабы и Бѣлой, требованіе о немедленномъ очищеніи занимаемыхъ ими мѣстъ и о переселеніи на Кубань; въ противномъ случаѣ имъ угрожали силою. Ни верхніе абадзехи, ни махашевцы, ни егерухаевцы, ни баракаевцы не послушались этой угрозы, почему приказано было очистить отъ населенія все вышеупомянутое пространство и уничтожить ихъ жилища, хлѣбъ и всѣ запасы. Съ 8-го марта наши войска начали приводить этотъ приговоръ въ исполненіе, и къ 27-му все было кончено. Солдаты, которымъ памятенъ былъ вышеописанный случай 2-го марта, не знали усталости, преслѣдуя горцевъ по сильно пересѣченной мѣстности. Разбѣжавшіеся жители частію ушли за Бѣлую, частію подались къ верховью ея, въ трупцы снѣговыхъ горъ. Войска же, преслѣдовавшія ихъ, принялись за постройку постовъ и станицъ, дабы окончательно отрѣзать эти мѣста отъ горъ и не давать возможности отдѣльнымъ партиямъ возвращаться.

Оставалось нетронутымъ только одно даховское общество, да и подступы къ нему не были еще подготовлены; почему рѣшено было покореніе его отложить до болѣе удобнаго случая, а пока заняться подготовительными работами, т. е. прорубать туда просѣки.

Такимъ образомъ, къ апрѣлю мѣсяцу въ наши руки перешла значительная полоса земли между Малой Лабой и Бѣлой, до самыхъ снѣжныхъ горъ; вслѣдствіе того явилась необходимость отрядить часть войскъ для окончательнаго утвержденія за нами этой территоріи. 25-го числа былъ сформированъ *даховскій отрядъ*, силою въ 17 баталіоновъ пѣхоты.

Съ весною огромные транспорты переселенцевъ начали прибывать изъ Россіи, и къ 1-му іюля всѣ вновь выстроенныя станицы были уже ими заселены.

Въ маѣ 1862 года линія общаго расположенія нашихъ войскъ опредѣлялась теченіемъ рѣки Бѣлой отъ самыхъ снѣжныхъ высотъ до Ханскаго брода. Сила въ 35 баталіоновъ пѣхоты, 19

эскадроновъ драгунъ, 41 сотни казаковъ, при 38 орудіяхъ, отдѣливъ степное пространство отъ края сѣверныхъ отроговъ главнаго хребта, угрожала теперь вторженіемъ во всѣ ущелья, тянущіяся къ юго-западу отъ Бѣлой (*). Въ ожиданіи же сигнала къ общему наступленію, войска занимались окончательною отдѣлкою станицъ 8-й бригады, разработкой дорогъ и окончаніемъ постройки кордонныхъ линій. Повременамъ отъ этой массы войскъ отдѣлялись значительные отряды для нападеній на сборные пункты непріятельскихъ партій, чтобы разстроивать ихъ планы относительно покушеній на наши станицы и заставлять ихъ самихъ заботиться о собственной защитѣ.

Въ первыхъ числахъ іюня, вышеозначенныя работы, въ районѣ 25-го и въ нѣкоторыхъ пунктахъ 24-го полковъ, настолько подвинулись впередъ, что окончаніе ихъ можно было предоставить кордонной стражѣ; дѣйствующимъ же войскамъ можно было начать наступленіе за Бѣлую.

На долю пшехскаго отряда выпалъ жребій вторгнуться въ ущелья раньше всѣхъ отрядовъ. Просѣка, веденная имъ съ февраля, по направленію къ Пшехѣ, была подвинута почти къ посту Куаго.

10-го іюня, въ составѣ 13½ баталіоновъ пѣхоты, 8 эскадроновъ драгунъ, 4 сотенъ казаковъ, при 18 орудіяхъ (12 пѣшихъ, 4 конныхъ и 2 горныхъ), отрядъ выступилъ изъ Ханской, перешелъ на лѣвый берегъ Бѣлой по мосту, окончилъ расчистку просѣки, а 16-го главная часть его находилась уже при впаденіи рѣки Пшекодзь въ Пшеху и занималась постройкою Пшехской станицы, которая на первое время могла служить отличнымъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій вверхъ по Пшехѣ. Путь нашихъ войскъ до Пшехи былъ ознаменованъ полнымъ пораженіемъ громадной партіи, рѣшившейся сдѣлать нападеніе на колонну среди совершенно открытой мѣстности. Перекрестный картечный огонь изъ шести орудій, мѣткая пальба густой линіи стрѣлковъ, поражая противника, понесшаго огромныя потери, не допустили его дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Эта была первая блистательная наша побѣда въ предѣлахъ абадзехскихъ земель, послѣ которой войска положили не отступать ни на шагъ.

(*). Изъ приведеннаго числа войскъ, 5 баталіоновъ пѣхоты, 12 эскадроновъ драгунъ, 32 сотни казаковъ, при 12 орудіяхъ, были распределены по постамъ, на вновь возведенныхъ кордонныхъ линіяхъ, для несенія службы.

Дальнѣйшія занятія отряда въ теченіе второй половины іюня, всего іюля, августа и сентября состояли въ возведеніи станичной ограды, въ устройствѣ обезпеченнаго сообщенія съ Ханской, въ заготовленіи зимней пропорціи сѣна, въ рекогносцировкахъ и набѣгахъ по долинамъ Пшехи и въ обѣ стороны этой рѣки до рѣкъ Бѣлой и Пшиша, у устья которой находился въ то время шапсугскій отрядъ.

Въ началѣ сентября заготовленное сѣно было свезено въ склады, а во второй половинѣ мѣсяца, окончивъ главные работы, пшехскій отрядъ былъ свободенъ. Къ этому времени и даховскій отрядъ окончилъ возложенныя на него работы въ районѣ 24-го полка и обезпечилъ себя на зиму сѣномъ. Такимъ образомъ, два главнѣйшіе отряда, составлявшіе почти все дѣйствующихъ войскъ къ востоку отъ Пшекупса, были совершенно готовы приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

По общему распредѣленію дѣйствій въ горахъ, даховскій отрядъ назначался для прочнаго занятія долины Курджипса, а пшехскій долины Пшехи.

Огромныя сборища горцевъ на Курджипсѣ могли помѣшать трудному предпріятію занять входъ въ это ущелье; потому 21-го сентября предписано было пшехскому отряду, которому удалось уже ворваться въ ущелье, сдѣлать диверсію вверхъ по Пшехѣ, съ цѣлю привлечь на себя собравшіяся массы на Курджипсѣ и тѣмъ облегчить даховскому отряду занятіе долины этой рѣки.

Выступивъ въ назначенный день, пшехскій отрядъ, рекогносцируя новыя мѣста, рубилъ между прочимъ просѣки и велъ непрерывно перестрѣлку: такъ дошелъ онъ къ 1-му октября до рѣки Яшъ (въ 20 верстахъ отъ ст. Пшехской); 4-го вернулся въ Пшехскую; 6-го главные силы его двинулись къ Пшишу, заняли урочище Кошко-Дечукъ, передвинулись къ Шегуже-Хабль, соединились съ войсками шапсугскаго отряда и занялись работами по устройству дорогъ и кордонной линіи отъ поста Кошко-Дечукъ до Кубани.

Появленіе пшехскаго отряда, какъ отдѣльной силы, было ознаменовано рядомъ блистательныхъ дѣлъ: бой при занятіи Пшехи, рекогносцировка вверхъ по рѣкѣ и овладѣніе урочищемъ Кошко-Дечукъ достойны занять лучшія мѣста въ ряду военныхъ подвиговъ. Но обстоятельства не допустили меня быть

ихъ участникомъ, а брать на себя отвѣтственность за разсказъ того, чего не былъ свидѣтелемъ, я не рѣшаюсь.

Смѣло можно надѣяться, что кавказскіе товарищи не оставятъ этого пробѣла непополненнымъ; сочувствуя тому, что только добросовѣстный свидѣтель и можетъ сказать правдивое слово, и проникнутые желаніемъ имѣть полную исторію славной кавказской войны, они, вѣроятно, подѣлятся съ товарищами по оружію своими воспоминаніями, которыя лучше моего разсказа ознакомятъ публику съ различными фазами кавказской войны и дадутъ разнообразный матеріалъ для военныхъ историковъ. Неужели официальные документы будутъ служить единственнымъ источникомъ, на примѣръ, хоть для исторіи адагумскаго отряда, который, съ 1856 по 1863 годъ, одинъ очистилъ все пространство къ западу отъ Пшекупса? Неужели молодецкія дѣла даховскаго отряда не будутъ представлены въ живыхъ разсказахъ очевидцевъ? Вѣдь изъ исторій значительныхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ послѣднее время, почти независимо одинъ отъ другаго, составитъ полное повѣствованіе о славной борьбѣ.

Приступая къ описанію боевой и бивуачной жизни пшехскаго отряда, я, конечно, не имѣю въ виду писать его исторію. Всеѣмъ служащимъ извѣстно, на сколько это возможно для строеваго офицера.

Во время двухлѣтняго непрерывнаго моего пребыванія въ отрядѣ, я хорошо ознакомился съ трудами и лишениями войскъ и, пристально всматриваясь въ военные дѣйствія, успѣлъ уяснить себѣ общій планъ дѣйствій и частности исполненія, вслѣдствіе чего кажущіяся отрывочныя дѣйствія сомкнулись въ одно непрерывное цѣлое въ томъ видѣ, въ какомъ я предлагаю его на судъ публикѣ.

Личное мое присутствіе почти во всѣхъ походахъ, свѣдѣнія, полученныя отъ крайне добросовѣстныхъ свидѣтелей о томъ, чего я по своему отсутствію видѣть не могъ, и журналъ военныхъ дѣйствій пшехскаго отряда—вотъ источники, которыми я пользовался.

Эпизоды, рождавшіеся при столкновеніяхъ между своими и горцами, списаны съ натуры и введены больше для того, чтобы этими явленіями объяснить духъ нашихъ войскъ при различныхъ обстоятельствахъ боевой жизни. Можетъ быть, незнакомымъ съ полевою жизнью кавказскихъ войскъ эпизоды эти не покажутся лишними.

Въ тотъ періодъ времени, съ котораго начинается мой разсказъ, кромѣ даховскаго и пшехскаго отрядовъ, къ востоку отъ рѣки Псекупса, дѣйствовали еще:

1) На самомъ лѣвомъ флангѣ линіи общаго расположенія войскъ, въ Шанъ-Гиреевскомъ ущельѣ, небольшой *мало-лабинскій* отрядъ, который, замыкая выходы изъ ущелій снѣжныхъ горъ, прикрывалъ собою все теченіе рѣки Лабы. Сформированный 3-го октября 1861 года, онъ почти все время стоялъ лагеремъ выше укрѣпленія Псебай, а силою рѣдко превосходилъ три баталіона пѣхоты, одну сотню казаковъ и два горныхъ орудія.

2) *Хамышейскій* отрядъ, сформированный, 25-го мая 1862 года, изъ частей мало-лабинскаго и даховскаго отрядовъ. 17 ротъ, сотня казаковъ и два горныхъ орудія, составлявшія его, работали капитальную дорогу вверхъ по Бѣлой до Хамышейской долины. Въ началѣ іюня онъ былъ усиленъ еще 12 ротами.

3) *Шапсугскій* отрядъ, первый разъ сформированный весною 1861 года, на рѣкѣ Супсѣ, для проложенія удобнаго сообщенія между укрѣпленіемъ Григорьевскимъ и Екатеринодаромъ. По окончаніи работъ, онъ былъ распущенъ. 10-го января 1862 года вновь сформированъ былъ отрядъ подъ именемъ шапсугскаго, для проложенія дороги отъ этого поста къ Пшишу. Отрядъ открылъ свои дѣйствія въ составѣ 11 ротъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ и двухъ орудій. Къ серединѣ февраля, предполагаемая дорога отъ Кубани до протока Флюкъ была кончена, а къ 20-му числу отрядъ двинулся вверхъ по Пшишу, какъ для рекогносцировки, такъ и для отвлеченія силъ противника отъ войскъ у Ханскаго брода. 24-го февраля отрядъ возвратился на Кубань и до октября занимался поправкою дороги. Въ октябрѣ онъ опять явился на Пшишъ и вошелъ въ составъ пшехскаго отряда.

Пшехскій же отрядъ въ это время былъ на Пшехѣ; но не весь: часть его, около трехъ баталіоновъ пѣхоты, четырехъ орудій и одной сотни казаковъ, находилась у поста Кошко-Дечукъ (на Пшишѣ), занимаясь расчисткой, на ружейный выстрѣлъ, оврага, окружающаго этотъ пунктъ. Въ скоромъ времени эта часть, соединившись съ расформированнымъ шапсугскимъ отрядомъ, примкнула къ войскамъ пшехскаго отряда, сосредоточеннымъ въ Пшехской станицѣ, оставивъ на постахъ по

Пшишу небольшіе гарнизоны (*), въ ожиданіи скорого прибытія нѣсколькихъ резервныхъ баталіоновъ, долженствовавшихъ усилить пшишскую линію.

Пшехскій отрядъ къ концу октября имѣлъ слѣдующій составъ: *Пѣхота*: апшеронскій, ширванскій, самурскій, 19-й, кавказскій гренадерскій, сводно-линейный № 1-го и двѣ роты сводно-линейнаго № 4-го—стрѣлковые баталіоны, 1-й и 5-й баталіоны Кубанскаго, 3-й, 4-й и 5-й баталіоны Ставропольскаго, 5-й резервный баталіонъ Куринскаго пѣхотныхъ полковъ, линейный № 6-го баталіонъ и казачій пѣшій № 13-го баталіонъ. *Артилерія*: артилерійскіе взводы: два — батарейной № 3-го батареи, три — облегченной № 3-го батареи (которыя еще имѣли легкія орудія), одинъ — облегченной № 4-го батареи, одинъ—горной батареи 19-й артилерійской бригады, и одинъ—конно-казачьей № 13-го батареи. *Кавалерія*: дивизионъ Переяславскаго и дивизионъ Тверскаго драгунскаго полковъ и три сотни казаковъ. Всего 14½ баталіоновъ, 10 орудій, 4 эскадрона драгунъ и 3 сотни казаковъ (**).

Начальникомъ пшехскаго отряда въ то время былъ командиръ батарейной № 3-го батареи, полковникъ Шестаковъ; но такъ какъ при этомъ же отрядѣ находился постоянно начальникъ войскъ, за Лабою расположенныхъ, генералъ-маіоръ Преобра-

(*) По расформированіи шапсугскаго отряда, начальнику пшехскаго отряда подчинилась *пшишская линія*, состоящая изъ постовъ: *Кошко-Дечукъ*, *Шегуже-Хабль*, *Пшеветынг*, *Тетеръ-Хабль*, *Пшишскій* и *Флюкъ*. Ему же предписывалось, съ прибытіемъ шестыхъ резервныхъ баталіоновъ Кабардинскаго, Ширванскаго и Самурскаго полковъ, вмѣстѣ съ пѣшимъ казачьимъ баталіономъ, занять посты слѣдующимъ образомъ: на посту Кошко-Дечукъ—3 роты; на Шегуже-Хабль—1½ баталіона; на Габукаевскомъ редутѣ, гдѣ находились склады артилерійскій, винный и экстернаго сѣна—3 роты; на посту Флюкскомъ—3 роты; по этимъ же редутамъ были расположены 6 легкихъ орудій.

(**) Въ кавказской войнѣ вычисленіе войскъ, считающихся въ отрядахъ, не составляетъ большой важности и можетъ служить только указаніемъ, какъ великъ былъ источникъ силъ, изъ которыхъ отдѣлялись подвижныя и рабочія колонны; весь же интересъ экспедицій принадлежалъ всегда тѣмъ его частямъ, которыя предпринимали ихъ. Смотря на точность вычисленія всего отряда съ этой точки зрѣнія, я въ теченіе всего разсказа не часто буду высчитывать полный составъ войскъ, за то всегда, по возможности, точно буду упоминать про тѣ баталіоны, артилерійскіе взводы и эскадроны, которые непосредственно принимали участіе въ какихъ-либо предпріятіяхъ. Говорить про частую замѣну однихъ баталіоновъ другими, приходящими изъ штабъ-квартиръ, считаю и труднымъ, и бесполезнымъ занятіемъ.

женскій, то и всѣ дѣйствія отряда производились по его личному распоряженію.

Пшишская же линія, составлявшая какъ бы отдѣльный кордонный отрядъ, находилась подъ вѣдѣніемъ старшаго штаб-офицера, изъ расположенныхъ тамъ войскъ.

Пшехская станица расположена на лѣвомъ берегу рѣки Пшехи, въ небольшомъ разстояніи отъ впаденія ея въ Бѣлую.

Въ октябрѣ 1862 года она представляла характеръ чисто-военнаго лагеря; ничто не намекало на присутствіе мирныхъ поселенцевъ, бывшихъ въ то время въ очень незначительномъ количествѣ.

Подъѣзжавшему къ станицѣ, съ правой стороны рѣки, еще издали виднѣлся возвышенный лѣвый берегъ, покрытый землянками различныхъ величинъ, расположенныхъ амфитеатромъ; изъ-за вала, окоймляющаго изгибы возвышеннаго берега, показывались бѣлые ряды палатокъ, шатры походнаго госпиталя и высокіе бунты провіанта и овса (*). Саженьхъ въ трехстахъ выше станицы, на узкой долинкѣ, образованной отодвинувшимся высокимъ берегомъ отъ низменнаго, толпились группы солдатъ, занимавшихся постройкою пшехскаго моста; надъ этимъ муравейникомъ покровительственно выглядывалъ съ высоты небольшой фашъ отдѣльнаго маленькаго укрѣпленія, вмѣщавшаго въ себѣ пороховой погребокъ.

Внутреннее пространство станицы, огороженное для 250 семействъ, было довольно обширно. Лѣса же, окружавшіе станицу, не были еще очищены отъ непріятельскаго населенія, вслѣдствіе чего небольшія конныя партіи горцевъ и одиночные всадники постоянно разъѣзжали около нея, наблюдая за нами и пользуясь всякой оплошностію съ нашей стороны.

Сообщенія Пшехской съ ближайшими, уже населенными станицами производились по двумъ дорогамъ: одною съ ст. Бѣлорѣченской, находящейся не далѣе девяти верствъ, и дру-

(*) Таковъ былъ видъ всякой строящейся, стало быть и всякой передовой станицы. До прибытія переселенцевъ, станичная ограда служила прикрытіемъ главныхъ складовъ войскъ, дѣйствовавшихъ гдѣ-нибудь вблизи.

гою съ Ханской, верстахъ въ восемнадцати, гдѣ былъ постоянный мостъ, черезъ который, во время полноводія, переправлялись и всѣ желавшіе попасть съ ст. Бѣлорѣченскую, такъ какъ въ то время противъ этой послѣдней моста еще не было.

Движеніе по этимъ дорогамъ производилось не иначе, какъ подъ прикрытіемъ войскъ: не менѣе баталіона пѣхоты и одного или двухъ орудій артилеріи.

Военныя дѣйствія пшехскаго отряда, по естественному ходу дѣлъ, должны были открыться по всѣмъ направленіямъ отъ Пшехской станицы, какъ отъ центра, съ цѣлю очищенія окрестностей отъ абадзеховъ; но цѣль эта, при густомъ населеніи абадзеховъ, расселившихся среди плодородныхъ полей, требовала немало времени, почему командующій войсками Кубанской области, на всю зимнюю экспедицію, то есть съ 1-го ноября 1862 г. до 1-го апрѣля 1863 г., предположилъ окончить только слѣдующія задачи:

1) Очистить, до весны, все пространство между Бѣлой и Пшехой до самыхъ горъ, уничтожая аулы, запасы и захватывая какъ плѣнныхъ, такъ и имущество враждебныхъ горцевъ.

2) Уничтожить всѣ преграды, устроенныя горцами для воспрепятствованія движенію нашихъ войскъ, и очистить тѣ изъ перелѣсковъ, подъ прикрытіемъ которыхъ горцы могли бы маскировать свои сборы и дѣлать неожиданныя нападенія.

3) Употребить всѣ усилія къ скорѣйшему окончанію моста черезъ Пшеху и ледорѣзовъ у моста въ ст. Ханской.

4) Окончить просѣку, для прямаго сообщенія, между станицами Пшехской и Ханской (*).

Вслѣдствіе этихъ предположеній, Пшехская станица была избрана главнымъ сосредоточіемъ отряда; изъ нея высылались подвижныя колонны для разныхъ предпріятій, и сюда же возвращались войска по исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій.

Первый шагъ къ выполненію инструкціи былъ сдѣланъ въ концѣ октября. Предполагая открыть дѣйствія сначала вверхъ по Пшехѣ, генераль Преображенскій счелъ необходимымъ предварительно обезпечить станицу отъ нечаянныхъ нападеній значительныхъ партій съ сѣверной стороны. 20-го октября от-

(*) Отъ начальника же войскъ, расположенныхъ за Лабю, начальнику пшишской линіи были предложены слѣдующія занятія: 1) заготовить хворостъ и колья для предполагаемыхъ станицъ близъ Шегуже-Хабль (Внедоховской) и Габукай (Габукаевской); 2) заготовить каюки для устройства подвижнаго моста; 3) затѣмъ шли еще нѣкоторыя хозяйственныя распоряженія.

рядъ двинулся изъ станицы внизъ по лѣвому берегу Пшехи и, остановившись въ восьми верстахъ, приступилъ къ постройкѣ пшехскаго поста; небольшой гарнизонъ, оставленный въ опустѣлой станицѣ (1 баталіонъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, 2 эскадрона драгунъ и 2 сотни казаковъ), занялся со слѣдующаго же дня небольшими рекогносцировками, для откытія прямыхъ сообщеній съ ст. Ханскою и постомъ Кошко-Дечугъ. Какъ ни мелки, казалось, были эти предпріятія, но и для нихъ такого числа войскъ было недостаточно; почему составъ гарнизона увеличили еще двумя баталіонами, присланными изъ отряда. Воспользовавшись этимъ подкрѣпленіемъ, завѣдывающій войсками въ Пшехской станицѣ рѣшилъ сдѣлать набѣгъ по рѣкѣ Неподахъ.

Войска, назначенныя для этого, въ полночь были уже подъ ружьемъ, а къ разсвѣту, въ совершенной тишинѣ, обошли аулы и начали уже подходить къ нимъ, какъ горцы, случайно вышедшіе изъ сакель, замѣтивъ нашъ отрядъ, подняли тревогу. Но не для боя просыпались они. Съ первымъ крикомъ, возвѣстившимъ тревогу, большая часть кинулась спасать самихъ себя, свои семейства и пожитки. Нѣсколько выстрѣловъ, пущенныхъ на авось, были единственнымъ сопротивленіемъ. Когда же наши подошли къ ауламъ, то они были уже пусты и дженгеты, населявшіе ихъ, успѣли скрыться. Захвативъ годную часть брошеннаго имущества, въ особенности мѣдную посуду, и зажегши сакли, отрядъ отступилъ въ станицу.

Послѣ этого движенія, гарнизонъ не предпринималъ больше ни одной рекогносцировки и занимался окончаніемъ станичнаго вала.

29-го октября, около одиннадцати часовъ утра, нѣсколько хорошихъ пѣсенниковъ, подъ акомпанементъ пискливыхъ кларнетовъ, дружно отхватывавшихъ молодецкія пѣсни, слышались около станицы, и вслѣдъ затѣмъ баталіонъ за баталіономъ начали вступать въ станицу, окончивъ постройку Пшехскаго поста. Верховые и пѣшіе офицеры запестрѣли по станицѣ; базаръ наполнился солдатами, стало быть и шумомъ; переселенцы и переселенки, одѣвшись почище, вытѣзли изъ своихъ землянокъ... Безжизненная станица закипѣла.

Не тяжелы были, для такого большаго отряда, прошедшіе труды, почему генераль Преображенскій не счелъ нужнымъ давать войскамъ отдыхъ, тѣмъ болѣе, что все уже было под-

готовлено для начатія разработки дороги по прямому направленію въ Ханскую. Рекогносцировки, исполненныя пшехскимъ гарнизономъ, и распросы достаточно ознакомили насъ съ мѣстностію, лежащею по этому направленію. 30-го октября началось выступленіе войскъ двумя колоннами: одна—изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, при 2-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго стрѣлковаго баталіона, должна была направиться на редутъ Мишоко, другая же—изъ 4½ баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ драгунъ, одной сотни казаковъ, при 6-ти орудіяхъ, подчиненная командиру 5-го баталіона Кубанскаго пѣхотнаго полка, должна была двинуться прямо отъ Пшехской станицы на высоты, лежащія по правой сторонѣ рѣки Пшехи, къ аулу Айтагъ-Балатукова, отстоящаго отъ станицы верстахъ въ шести. Небольшое разстояніе дало возможность быстро и неожиданно подойти къ аулу. Жители бѣжали въ лѣсъ, а оставленное имущество перешло въ собственность солдатъ. Войска расположились по саклямъ, и на другой же день, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, отъ редута Мишоко и отъ аула Айтагъ-Балатукова, началась рубка просѣки. Позиція у занятаго аула была до того бѣдна водой, что большую часть лошадей принуждены были отослать въ станицу, оставленныхъ же при войскахъ водили на водопой къ Пшехѣ. Оставивъ аулъ въ нашихъ рукахъ, непріятель не пытался болѣе появляться, и рубка шла безпрепятственно до 3-го ноября.

Въ станицѣ въ это время работа моста черезъ Пшеху подвигалась довольно успѣшно.

Войска же, стоявшія на рѣкѣ Пшишѣ, занимались: постройкой на постахъ платформъ для установки крѣпостныхъ орудій, устройствомъ дамбы и постройкой моста черезъ протокъ Хорго.

Заниматься исключительно работами и оттягивать время для наступательныхъ движеній было невозможно, тѣмъ болѣе, что величина отряда позволяла внутреннія работы производить одновременно съ наступленіемъ, не отнимая необходимыхъ силъ отъ подвижныхъ колоннъ; почему генераль Преображенскій, оставивъ на рубкѣ для продолженія работъ незначительную часть войскъ, съ остальными, 3-го ноября, воротился въ ст. Пшехскую, а 4-го, рано утромъ, собравшіеся за станицею 8½ баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадрона драгунъ, 2 сотни казаковъ и 8 орудій потянулись вверхъ по лѣвому берегу Пшехи.

Пройдя двѣ неглубокія балки, въ виду станицы, колонна

дошла до ровнаго и довольно широкаго мѣста, окоймленнаго съ правой стороны рѣдкимъ невысокимъ лѣсомъ, а съ лѣвой крутымъ обрывомъ къ низменности, по которой течетъ извилистая Пшеха. Мѣстность эта не благоприятствовала горцамъ, потому что не маскировала ихъ малочисленности, если бы имъ вздумалось выйти изъ лѣса; оставаясь же въ лѣсу, они не могли намъ наносить вреда своими выстрѣлами. Такъ какъ для движенія нашей кавалеріи не представлялось ни малѣйшаго препятствія, то означенное пространство было пройдено безъ выстрѣловъ. Но далѣе мѣстность замѣтно измѣнялась: чистая роща, съ правой стороны, обращалась мало по малу въ молодой лѣсъ, заглушенный густымъ кустарникомъ, который все ближе и ближе подходилъ къ обрыву. Горцы, укрывшись въ лѣсу, начали постепенно учащать огонь. Правая цѣпь наша, занявъ опушку, отвѣчала, по обыкновенію, очень усердно. Такимъ образомъ мы подвигались впередъ. На шестой верстѣ, отрядъ нашъ наткнулся на аулъ Пшиппи-Хабль, изъ котораго жители, съ имуществомъ, успѣли уже выбраться. Вскорѣ запылавшій аулъ остался назади. Безпрерывный огонь горцевъ много замедлялъ наше движеніе, такъ что на возвышенность Волгай-Обидова (гдѣ впоследствии поставленъ постъ Тубинскій, отстоящій отъ станицы верстѣ на восемь) мы прибыли въ четыре часа пополудни. Здѣсь горцы особенно усилили свой огонь, намѣреваясь, вѣроятно, помѣшать спуску обоза съ горы; но правая цѣпь наша, усиленная резервами, кинулась на нихъ такъ дружно, что абадзехи подались въ кусты далѣе ружейнаго выстрѣла отъ дороги, гдѣ и были удерживаемы до тѣхъ поръ, пока весь отрядъ не спустился въ довольно обширную, безлѣсную равнину, продолжая движеніе вверхъ по лѣвому берегу рѣки и оставляя высоты съ правой стороны. По отступленіи съ горы послѣдней цѣпи, гребень высотъ немедленно былъ занятъ горцами, откуда они провожали насъ болѣе салютационными, нежели боевыми выстрѣлами, такъ какъ пули едва долетали до колонны. Вскорѣ отрядъ дошелъ до мѣста, гдѣ въ настоящее время расположена станица Кубанская, разбилъ лагерь, поужиналъ и расположился для отдыха. Вскорѣ залпъ, раздавшійся съ высотъ, разбудилъ всѣхъ, но тревоги общей не было; только цѣпь, выдвинувшись немного впередъ, приняла на себя обязанность обмѣниваться выстрѣлами съ противникомъ, который не могъ угмониться до самаго разсвѣта.

Потеря прошедшаго дня состояла изъ одного убитаго и семи раненыхъ нижнихъ чиновъ; ночь же прошла безъ жертвъ.

На другое утро, пообѣдавъ до разсвѣта, наполнивъ патронташи патронами, надѣвъ ранцы и навьючившись всякаго рода торбочками, войска двинулись далѣе. Снова визгливыя пули начали обычный концертъ и провожали колонну весь восемнадцативерстный переходъ до большаго аула Исаакъ-Шуулухова. Въ этотъ день къ прежнимъ семи носилкамъ присоединились еще четыре: одни съ убитымъ и трое съ ранеными.

Общее показаніе лазутчиковъ, что далѣе дорога будетъ гораздо хуже пройденной, и неумѣнье ихъ объяснить, на сколько она удобна для движенія колеснаго обоза, принудили генерала Преображенскаго произвести нѣсколько рекогносцировокъ.

Для этого, 6-го ноября, были назначены двѣ колонны: одна—изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ и четырехъ орудій, подъ начальствомъ подполковника Шестакова, двинулась вверхъ по рѣкѣ; другая же, небольшая колонна, подъ начальствомъ подполковника Краузе, перешла на правый берегъ рѣки.

Дорога, предстоявшая первой колоннѣ, сохраняла тотъ же характеръ: справа тянулся лѣсъ, то приближаясь, то удаляясь отъ дороги, слѣва — обрывистый берегъ. Перестрѣливаясь съ довольно сильнымъ неприятелемъ, засѣвшимъ въ лѣсу, колоннѣ часто приходилось останавливаться, то для истребленія встрѣчавшихся на пути ауловъ, то для обдѣлки спусковъ черезъ промоины. Поздно вечеромъ прибыла она въ аулъ Исаакъ-Шуулухова, съ десятью ранеными.

Второй колоннѣ выпала болѣе счастливая доля: съ приближеніемъ ея къ ауламъ, послѣдніе были очищаемы безъ сопротивленія. Истребивъ безпрепятственно значительное количество ауловъ и набравъ въ изобиліи фуража, колонна эта вернулась на мѣсто раньше первой.

Убѣдившись посредствомъ произведенной рекогносцировки, что дорога далѣе не такъ дурна, какъ говорили, генераль рѣшился, съ большею частию отряда, двинуться далѣе того мѣста, до котораго доходилъ рекогносцировочный отрядъ. 5 баталіоновъ пѣхоты, при 4 орудіяхъ, 2 дивизіона драгунъ и сотня казаковъ выступили подъ личнымъ его начальствомъ. Пройдя верстѣ десять и найдя удобный бродъ, колонна перешла на правый берегъ, по которому тянулась безпрерывная цѣпь ау-

ловь. Уничтожить эти аулы безотлагательно было необходимо: расположенные большею частью на полугорь высокаго праваго берега, они командовали дорогой, идущей по болѣе низменному лѣвому берегу, и если бы эти аулы были оставлены, то при движеніи отряда, во время полноводія, когда доступъ къ нимъ дѣлался невозможнымъ, пришлось бы дорого заплатить за такой промахъ. Однако, къ удивленію отряда, всѣ аулы были уже брошены; даже огромный аулъ эфендіа Багова, укрѣпленный завалами, почти не оказывалъ никакого сопротивленія. Генералъ Преображенскій, задавшись намѣреніемъ осмотрѣть дорогу какъ можно дальше и истребить по возможности больше ауловъ, быстро двигался впередъ, не завязывая серьезнаго дѣла съ горцами, упорно продолжавшими перестрѣлку изъ лѣса.

Пройдя версты двѣ за рѣку Тыжи, выпадающую въ Пшеху съ правой стороны, отрядъ повернулъ назадъ. Замѣтивъ, что войска наши имѣютъ намѣреніе возвратиться на свою прежнюю позицію, горцы по обыкновенію усилили огонь. Такъ какъ близъ рѣки Тыжи кусты съ лѣвой стороны дороги отступали отъ нея далѣе ружейнаго выстрѣла, образуя полукруглую поляну, то части войскъ, подходившія къ этому мѣсту, выходили изъ-подъ выстрѣловъ. Горцы, видя это, бросились опушкой обгнать поляну, спѣша занять то мѣсто у рѣки, гдѣ кустарникъ опять близко подходилъ къ дорогѣ, чтобы оттуда сильнымъ огнемъ встрѣтить нашу колонну; но сюрпризъ, готовившійся для насъ, обратился на ихъ же голову. Дивизіонъ переяславскихъ драгунъ нарысахъ пошелъ впередъ по дорогѣ и, подойдя раньше горцевъ къ тому мѣсту, куда они стремились, перешелъ рѣку Тыжи, повернулъ правымъ плечомъ, вошелъ въ кусты, потомъ, сдѣлавъ второй зазадъ правымъ плечомъ, двинулся по кустамъ въ тылъ непріятеля, уже засѣваго тамъ. Увидѣвъ себя обойденными, горцы кинулись бѣжать; но драгуны ихъ преслѣдовали не безъ успѣха: кусты были очищены, четверо раненыхъ, шесть труповъ и куча оружія остались въ нашихъ рукахъ (*). Послѣ этого горцы не тревожили больше колонны, и она, хотя и поздно, успѣла придти на позицію. Оставшіяся тамъ войска тоже не сидѣли безъ дѣла: перейдя на правую сторону Пшехи, они продолжали истреблять аулы,

(*) Среди самыхъ жаркихъ дѣлъ, никто не видѣлъ, чтобы горцы не подбирали труповъ своихъ товарищей. Оставить убитаго въ рукахъ непріятеля считалось у нихъ великимъ безчестіемъ. Убитый въ бою есть ихъ знамя. Поэтому добыча убитыми выражаетъ то, что непріятель бѣжалъ вполнѣ пораженный.

изъ которыхъ одинъ только Худако-Хабль попытался было оказать что-то въ родѣ сопротивленія. Убыль этого дня состояла изъ двухъ убитыхъ и тринадцати раненыхъ, въ томъ числѣ одинъ оберъ-офицеръ (*).

8-го ноября была назначена, подъ начальствомъ маіора Эжелна, послѣдняя рекогносцировка по рѣкѣ Даго, кончившаяся совершенно благополучно.

Дѣйствіями нашего отряда, съ 4-го по 9-е ноября, все пространство отъ Пшехской до теперешней Апшеронской станицы было очищено, по прямому направленію, отъ множества ауловъ. 9-го числа, уничтоживъ и аулъ Исаакъ-Шуулухова, отрядъ тронулся обратно въ ст. Пшехскую. Ранцы, облегченные отъ сухарей, и повозки безъ провіанта и фуража дали возможность сдѣлать большой переходъ. Противникъ снова принялся за свое дѣло: лѣсъ и высоты, скрывавшіеся въ густомъ туманѣ, были уже заняты горцами. Съ приближеніемъ же отряда къ Волгай-Обидову надо было серьезнѣе подумать объ обезпеченіи подъема войскъ и обоза, который, подъ выстрѣлами, могъ бы намъ стоить дорого; поэтому дивизіонъ Тверскаго драгунскаго полка, подъ командою маіора Суринова, былъ поведенъ полковникомъ Шестаковымъ впередъ. Взойдя на высоту, драгуны двинулись прямо въ кусты, но, не встрѣтивъ тамъ противника, повернули налѣво и, пользуясь густымъ туманомъ, рѣшились обойти горцевъ. Тихо и смѣло пробирались тверцы разными прогалинами, среди кустовъ. Обходное движеніе ихъ удалось. Занявъ гребень высотъ, горцы безпечно продолжали пускать пули въ чернѣвшую, сквозь туманъ, полосу колонны.... Но вдругъ сзади ихъ грохнули знакомые имъ выстрѣлы.... Дрогнули храбрые абадзехи и кинулись назадъ; но было уже поздно: драгуны, занявъ всѣ тропинки, съ пашками наголо встрѣтили спасавшихся. Горцы съ отчаянія кидались подъ лошадей; но и тамъ пуля или пашка находили ихъ: болѣе двадцати-пяти непріятельскихъ тѣлъ остались неподобранными; много оружія, какъ на убитыхъ, такъ и брошеннаго во время поспѣшнаго бѣгства, досталось побѣдителямъ. Мы потеряли выбывшими изъ строя только четырехъ, израненныхъ пашками.

Не доходя пяти верстъ до ст. Пшехской, отрядъ нашъ долженъ былъ остановиться на ночлегъ, потому что мостъ черезъ балку Хошеруково былъ горцами разобранъ и бревнами его

(*) Переяславскаго драгунскаго полка поручикъ Савицкій.

завалены спускъ и подъемъ. 10-го ноября балка расчищена, мостъ построенъ, и войска, рано утромъ, вступили въ станицу.

Пошла въ ней обычная хлопотня: повезли въ Майкопъ раненыхъ и больныхъ, полетѣли въ штабъ отряда кипы требованій на провіантъ, раціоны, патроны, артилерійскіе заряды и проч. Штабные писаря снова, не разгибаясь, заскрипѣли перьями. Станица опять оживилась: пѣсни раздавались во всѣхъ ея концахъ; духаны обставились группами солдатъ, клянущихся другъ другу въ дружбѣ или сквозь слезы рассказывающихъ объ убитыхъ товарищахъ, а вечеромъ, въ тусклыхъ, одиночныхъ окнахъ земляногъ, видѣлись, около зеленыхъ столовъ, кружки офицеровъ съ карточными веерами въ одной и со стаканами глинтвейна въ другой рукѣ, бойко восклицавшихъ: „куплю!...“ „висть!...“

Такъ кончилось движеніе вверхъ по Пшехѣ. Въ продолженіи этого времени не было ни одного яснаго дня: сырой туманъ и пронизывавшій сквозь платье холодъ не смѣнялись. Движеніе это было чисто рекогносцировкой неизвѣстной мѣстности, а не предвѣстникомъ скорого его занятія, такъ какъ для этого еще не было сдѣлано подготовительныхъ распоряженій, т. е. не были выбраны мѣста для станицъ и постовъ, изъ ауловъ были истребляемы только находившіеся недалеко отъ дороги, значительное же количество ихъ, по сторонамъ, оставались нетронутыми.

Рекогносцировка какъ будто имѣла цѣлю: осмотрѣть границу участка, примыкавшаго противоположною стороною къ Курджипсу, третьей — къ Бѣлой, а четвертою — къ горамъ, слѣдовательно того пространства, которое слѣдовало очистить отъ враждебнаго населенія къ концу зимы. Времени оставалось немного, самая мѣстность была мало извѣстна, а потому нужно было торопиться.

Послѣ трехдневнаго отдыха, колонна изъ 7¹/₂ баталіоновъ пѣхоты, двухъ дивизионовъ драгунъ, двухъ сотенъ линейныхъ и одной сотни донскихъ казаковъ, съ 8-ю орудіями, подъ начальствомъ генерала Преображенскаго, 13-го ноября тронулась по направленію къ рѣкѣ Шебжѣ.

Выступивъ изъ станицы очень рано, войска пошли по знакомой имъ дорогѣ, лѣвымъ берегомъ Пшехи. Тихо шель отрядъ, держась подалѣе отъ лѣса. Можетъ быть, этой осторожности мы обязаны были, что во все время движенія до возвышен-

ности Волгай-Обидова не было ни одного выстрѣла. Спустившись съ высоты, войска быстро перешли ширину долины до Пшехи и, переправившись въ бродъ на правый берегъ ея, на минуту приостановились, чтобы сомкнуться для дальнѣйшаго движенія. Съ того мѣста до Шебжскаго ущелья оставалось не болѣе шести верстъ, почему, для занятія его, было сдѣлано слѣдующее распоряженіе: дивизионъ драгунъ, подъ начальствомъ полковника Шестакова, отдѣлившись отъ отряда, пошелъ прямо ко входу въ ущелье, а всѣ остальные войска, подъ начальствомъ генерала Преображенскаго, приняли лѣво, огибая лѣсъ передъ ущельемъ. Пройдя на столько, что, по соображенію, ущелье приходилось немного далѣе четырехъ верстъ, колонна сдѣлала привалъ. Два баталіона пѣхоты и два горныхъ орудія были посланы впередъ, чтобы захватить побольше ауловъ, раньше чѣмъ покажется отрядъ; самъ же генералъ, оставаясь съ остальными войсками въ резервѣ, прислушивался, не будетъ ли гдѣ-нибудь слышно пальбы; но кругомъ было совершенно тихо, и только столбы дыма, на протяженіи двухъ верстъ, показали, что наши отдѣльныя части уже принялись за работу. Наконецъ поднялись и остальные войска отряда. Осторожно втянувшись въ лѣсъ, по армянской дорогѣ, отрядъ прошелъ нѣсколько полянъ и перелѣсковъ благополучно; когда же, повернувъ направо, войска начали дебушировать изъ послѣдней опушки, то ясно послышалась самая частая пальба въ той сторонѣ, куда были посланы драгуны. Колонна, почти бѣгомъ, кинулась на выручку. Вскорѣ поляна расширилась, и намъ представилась такая картина: тверцы, занявъ высокій завалъ, разбѣжались за нимъ, ведя жаркую перестрѣлку съ горцами, засѣвшими за другимъ заваломъ; трое раненыхъ лежали уже въ сторонѣ. Не доходя полуверсты, конно-казачій артилерійскій взводъ отдѣлился отъ головы колонны, карьеромъ подбѣжалъ къ драгунамъ и, занявъ мѣсто на флангѣ завала, двумя анфиладными картечными выстрѣлами заставилъ горцевъ отказаться отъ перестрѣлки и отойти въ лѣсъ, находившійся за ихъ заваломъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Около этого мѣста была выбрана лагерная позиція, совершенно замыкавшая входъ въ ущелье. Сожженный при входѣ въ него аулъ Базыр-Бей передалъ свое имя и занятой позиціи. Вскорѣ затѣмъ прибыли отдѣленные прежде два баталіона пѣхоты, съ двумя горными орудіями.

Горцы, оставивъ заваль, рассыпались вокругъ нашего расположенія и, пострѣливая со всѣхъ сторонъ, рѣшились, по видимому, не позволять намъ покойно разбивать лагерь. Впрочемъ, не обошлось безъ жертвы: одинъ рядовой былъ убитъ. Смерть его служила новымъ доказательствомъ, что у солдатъ, свыкшихся со всѣми опасностями, является часто и дурная сторона — крайняя беспечность и неосторожность. Вотъ что случилось: около одного изъ фасовъ позиціи, уцѣлѣла новая сакля; солдаты кинулись было для овладѣнія такими отличными дровами, но нѣсколько отчаянныхъ абадзеховъ, засѣвъ съ противоположной стороны ея, открыли огонь по приближающимся. Одинъ изъ солдатъ, менѣе терпѣливый, воспользовавшись мертвымъ угломъ, подбѣжалъ къ саклѣ, влѣзъ на крышу и началъ срывать доски: онъ, вѣроятно, рассчитывалъ, что горцы не посмѣютъ выйти изъ засады подъ опасеніемъ попасть подъ пули его товарищей; однако одинъ изъ нихъ, услыхавъ возню на крышѣ, поступилъ иначе: быстро выскочилъ изъ-за стѣны, въ одно мгновеніе приставилъ винтовку къ животу смѣльчака и выстрѣломъ препроводилъ несчастнаго въ чистую.

14-го ноября больные и раненые были перевезены въ ст. Пшехскую, а на другой день предпринята первая рекогносцировка въ Шебжзское ущелье до рѣки Бзефишъ, впадающей въ Шебжзъ съ лѣвой стороны. Ущелье Шебжзъ представляетъ чисто-горный характеръ: съ обѣихъ сторонъ узкая долина Шебжза сжималась высотами, хотя неимѣвшими вида дикихъ горъ, но уже значительно поднятыми, особенно съ правой стороны; съ лѣвой же — высоты являли какъ будто рядъ сплоченныхъ высокихъ холмовъ съ отлогими скатами, поросшими мѣстами рѣдкимъ лѣсомъ, по опушкѣ котораго мелькали тамъ и сямъ маленькіе аулы.

Однообразные аулы горцевъ походили болѣе на наши бѣдные хутора, чѣмъ на деревни. Всякій изъ нихъ состоялъ изъ сакли владѣльца, лучше другихъ выстроенной, изъ двора, занятаго хозяйственными заведеніями, т. е. изъ построекъ въ родѣ амбаровъ, поставленныхъ на четырехъ столбахъ вышиною аршина два; круглой, обмазанной и крытой плѣтушки, гдѣ часто встрѣчались ручныя мельницы; небольшой сакли въ одну каморку (кунакская), а иногда чего-то въ родѣ сарая. Вокругъ двора тѣснилось еще нѣсколько такихъ же, только съ гораздо бѣд-

нѣйшими постройками, принадлежащими крѣпостнымъ; большіе же аулы состояли изъ ряда подобныхъ хуторовъ.

При появленіи нашемъ въ ущельи, аулы оказались пустыми, хотя, по оставленнымъ вещамъ, по большому количеству домашней птицы и изобильнымъ запасамъ зерна, замѣтно было, что хозяева покинули свои жилища второпяхъ и очень недавно.

Смотря на это богатое ущелье, скаты и низъ котораго были покрыты множествомъ маленькихъ ауловъ, а промежуточные поля сплошь запаханы, мы удивлялись, что горцы не отстаивали своихъ жилищъ.

Огонь уже началъ уничтожать осиротѣвшіе аулы, какъ показала съзади рекогносцировочной колонны другая, вышедшая позже на фуражировку. Часамъ къ одиннадцати обѣ колонны кончили свое дѣло. Болѣе тысячи лошадей, навьюченныхъ сѣномъ, зерномъ, котелками, ручными мельницами, вязками живыхъ и убитыхъ курицъ, сапетками меда, кукурузой и другимъ добромъ, потянулись въ лагерь.

На позиціи Басырь-Бей отрядъ нашъ простоялъ довольно долго, такъ какъ обиліе фуража обезпечивало наше пребываніе на значительное время; отличная погода ускорила рубку просѣки къ Волгай-Обидова, оконченной 18-го числа, послѣ чего назначено было движеніе впередъ.

Прибывшій въ нашъ отрядъ, навремя, начальникъ штаба резервной дивизіи, подполковникъ Ц*, еще до разсвѣта 19-го ноября, взявъ часть кавалеріи, двинулся для рекогносцировки ущелья. За кавалеріей, рано утромъ, выступили остальные войска и въ полдень пришли на новую позицію, гдѣ рѣка Амма принимаетъ слѣва небольшую рѣчку. Часамъ къ тремъ возвратился отрядъ подполковника Ц*, не встрѣтивъ непріятеля.

Быстрое исчезновеніе горцевъ изъ своихъ сакель съ семействами и имуществомъ, дѣйствительно, было явленіемъ замѣчательнымъ, удивлявшимъ даже старыхъ кавказцевъ, которымъ подобныя сцены были не новы. Иногда колонна, назначенная для сожженія ауловъ, по видимому, неожиданно появлялась въ другомъ мѣстѣ, и что же? никого не заставляла въ аулахъ. Приближеніе такой колонны, какъ бы тихо она ни шла, непременно встрѣчалось пронзительнымъ перекрикиваніемъ бдительныхъ горскихъ пикетовъ. Это „ги!“; передаваемое визгливой фистулой, было такъ рѣзко, что мало чѣмъ уступало сигнальному рожку. „Ишь заиграли горнисты нехрещеные!“ гова-

ривали обыкновенно при этомъ солдаты, а черезъ четверть часа послѣ сигнала, на разстояніи покрайней мѣрѣ пяти верстѣ, сагли оказывались уже пустыми и жители ихъ готовыми къ бою. Иногда только издали можно было замѣтить уходящія семейства горцевъ.

На другой день, по прибытіи на позицію, предпринята была рекогносцировка въ ущелье Курджипись.

Еще на позиціи Басырь-Бей лазутчики сообщили генералу Преображенскому, что изъ ущелья Аммы въ ущелье Курджиписа есть прямая арбяная дорога. Одинъ изъ горцевъ обѣщался провести туда отрядъ, увѣряя, что войска въ тотъ же день могутъ сходить туда и вернуться, и что вообще дорога хорошая. Открытіемъ этимъ генераль остался доволенъ и рѣшился изслѣдовать дорогу.

Съ разсвѣтомъ 20-го ноября, колонна изъ трехъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, четырехъ орудій, двухъ дивизионовъ драгунъ и двухъ сотенъ казаковъ была уже готова къ выступленію. Начальникъ этой колонны, подполковникъ Ц*, взявъ съ собою всю кавалерію, отправился впередъ, а пѣхота, подъ начальствомъ подполковника Полторацкаго, поплелась одна, взявъ сухарей только на одинъ день, въ ожиданіи скорого возвращенія.

Пройдя вверхъ по Аммѣ версты три, мы повернули налево, на аулъ Куано-Хабль, откуда, подъемомъ градусовъ въ 35, начиналась обѣщанная хорошая дорога; потомъ, сдѣлавъ два крупныхъ поворота направо и налево, дорога пошла дальше по глубокой и крутой промоинѣ. Съ первыхъ шаговъ вѣра въ достоинство дороги сильно поколебалась: взводъ легкихъ орудій, подъ прикрытіемъ роты, долженъ былъ вернуться. Далѣе дорога становилась все хуже и хуже. Узкая вначалѣ, она впослѣдствіи еще болѣе сжималась густымъ лѣсомъ, непрерывно подымаясь все выше и выше; мѣстами проходила по узкимъ гребнямъ горъ, имѣя по бокамъ глубокия пропасти, поросшія сплошными старыми лѣсами. При такой обстановкѣ, изгибаясь съ одного кургана на другой, дорожка обращалась наконецъ въ тропинку, по которой можно было идти не иначе, какъ поодинокѣ. Растянувшись на огромное пространство, колонна подвергалась большой опасности. Счастье наше, что горцы не знали объ этомъ движеніи, а то, перегородивъ тропинку прочнымъ заваломъ изъ поваленныхъ деревьевъ, на что было нужно минутъ пять времени,

человѣкъ сорокъ могли бы не только нанести намъ много вреда, но, можетъ быть, заставить вернуться, въ избѣжаніе необходимости ежеминутно штурмовать завалы. На самомъ же дѣлѣ мы не встрѣчали горцевъ и, покрайвая, продолжали взбираться съ одного бугра на другой, и только поздно вечеромъ спустились къ Курджипискому ущелью, недалеко отъ расположенія даховскаго отряда. Радужный пріемъ, сдѣланный даховскимъ отрядомъ пришедшимъ боевымъ братьямъ, заставилъ насъ позабыть усталость.

Движеніе это не обошлось однако безъ происшествій. Въ одномъ изъ глухихъ мѣстъ, когда кавалерія только и могла идти въ одинъ конь, снизу, изъ глубины щели, раздался, за весь переходъ, одинъ только выстрѣлъ, и казакъ какъ снопомъ упалъ съ коня. Рассказывали также, что, кончая тяжелое странствованіе, драгуны встрѣтили ѣдущую на встрѣчу арбу. Старикъ, сидѣвшій въ ней, увидавъ такъ неожиданно передъ собою русскихъ, быстро скрылся въ лѣсу, а молодой горецъ, ведшій быковъ, остался на мѣстѣ, выжидая приближенія драгунъ. Когда они подошли на хорошей ружейный выстрѣлъ, онъ, въ какомъ-то безумномъ изступленіи, выхватилъ изъ-за плечъ винтовку и единственной рукой выстрѣлилъ, но далъ промахъ; затѣмъ, подпустивъ драгунъ еще ближе, безрукій горецъ далъ изъ пистолета другой промахъ, но сдаваться не хотѣлъ и палъ, какъ фанатикъ, подъ ударами драгунскихъ шапекъ.

Открытіе дороги, пройденной нашими войсками, по мнѣнію большинства, ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть особенныхъ результатовъ, потому что она не соединяла важныхъ сообщеній; вся польза ея могла заключаться въ томъ, что путь этотъ сокращалъ разстояніе между средними теченіями Курджиписа и Пшехи. Однако неудобопроходимость ея лишала дорогу и этого значенія. Генераль Преображенскій, узнавъ о вновь открытой дорогѣ, ни въ какомъ случаѣ не могъ оставить ее безъ вниманія: если она была неудобна для нашихъ сообщеній, то можно было надѣяться съ помощію ея проникнуть въ новыя мѣста, заселенныя горцами, а слѣдовательно имѣть возможность точнѣе выполнить очищеніе края отъ населенія. Движеніемъ этимъ, конечно, мы не могли произвести на горцевъ значительнаго впечатлѣнія: если ихъ и удивило неожиданное появленіе нашихъ войскъ въ столь дикихъ мѣ-

стахъ, то, вѣроятно, каждый изъ нихъ пожалѣлъ только о томъ, что не зналъ о немъ раньше, и далъ слово быть готовымъ иначе насъ встрѣтить и проводить, если бы мы захотѣли вторично появиться въ этихъ тущобахъ. Какъ опасно было для насъ повторять движеніе по такой дорогѣ, видно было изъ того, что общее мнѣніе рѣшительно его не допускало. О горскихъ же лазутчикахъ можно сказать, между прочимъ, что они всегда отличались неспособностію опредѣлять удобство дороги для движенія нашихъ войскъ: по ихъ мнѣнію, если арба, запряженная парюю воловъ, можетъ хоть кое-какъ пробраться по какому-нибудь мѣсту, то оно уже дѣлалось доступнымъ и для нашихъ войскъ. Не принимая въ расчетъ тяжести, которую носить на себѣ солдатъ, и зависимости движенія солдата отъ этой ноши по крутизнамъ, не имѣя никакого понятія о степени подвижности нашей артиллеріи и не соображая опасности дороги въ военномъ отношеніи, лазутчики нерѣдко путали предположенія нашихъ начальниковъ. Еслибъ, въ вышеприведенномъ случаѣ, горцы описали эту дорогу точнѣе, то развѣ могъ послѣдовать приказъ о взятіи выступающими войсками провіанта на одинъ день и объ оставленіи палатокъ на позиціи?....

Переночевавъ въ лагерѣ даховскаго отряда, колонна наша тронулась въ обратный путь, круговою дорогою, черезъ Майкопъ, Ханскую и Пшехскую. Въ теченіе четырехъ сутокъ она прошла не очень большое разстояніе, не болѣе ста верстъ; но если взять въ расчетъ утомленіе перваго дня отъ частыхъ крутыхъ подъемовъ, потомъ двѣ ночи, проведенныя безъ палатокъ и теплой пищи въ сильный холодъ, отчего солдаты, вмѣсто отдыха, еще болѣе утомлялись, то выйдетъ, что движеніе это стоило войскамъ большихъ усилій.

Первый ночлегъ, послѣ проведеннаго въ даховскомъ отрядѣ, былъ сдѣланъ не доходя семи верстъ до Майкопа. Конечно, войска устали; но смѣю предполагать, что если бы заставили ихъ преодолѣть усталость и пройти остальные семь верстъ, то ночлегъ около самаго укрѣпленія, если не въ оградѣ его, былъ бы удобнѣе: ротные командиры, по крайней мѣрѣ, нашли бы возможность достать спиртъ и все необходимое для варки пищи; согрѣтыя и подкрѣпленныя, войска могли бы безъ замѣтнаго утомленія пройти еще два перехода на сухаряхъ и спиртѣ. Благодаря же сдѣланному распоряженію, голодная, про-

зябшая и утомленная колонна должна была только нравственно подкрѣпляться словами подполковника Ц*, который постоянно произносилъ: „Спасибо, братцы: молодцами идете!“

Невольно съ какимъ-то умиленіемъ смотришь на кавказскаго солдата: непонятною сносливостію и непобѣдимостію духа онъ напоминаетъ сказочныхъ героевъ. Какъ часто ни испытывали его въ этомъ свойствѣ и природа, и люди, однако онъ всегда оставался несокрушимымъ.

Долго стояли мы на позиціи при впаденіи Аммы въ Шебжзъ. Съ прибытіемъ на нее, дни становились холоднѣе; потомъ выпалъ снѣгъ, ударили морозы, сковались льдомъ наши маленькія рѣчки и улеглась отличная зима.

Ущелья Аммы и Шебжза были для насъ неистощимыми источниками всякаго рода фуража.

Чтобы судить, какое огромное количество ауловъ было истреблено за это время, стоитъ только вспомнить, что съ 15-го до 28-го ноября, почти ежедневно, около половины отряда назначалось для сожженія ихъ, которое производилось безъ всякаго препятствія со стороны горцевъ, стало быть и безъ потери времени на овладѣніе ими. Посылаемая войска по цѣлымъ днямъ только и дѣлала, что подкладывала пучки горящей соломы подъ крыши сакель. Въ ясные дни нерѣдко скрывалось солнце отъ безчисленныхъ пожаровъ.

Нерѣдко упоминая о произведенныхъ нами фуражировкахъ, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько подробнѣе о томъ, какъ онѣ производились.

Рано утромъ, колонна, назначенная для прикрытія фуражировъ, собиралась передъ лагеремъ; но прежде чѣмъ показывались первыя роты этой колонны, уже все пространство у сборнаго пункта покрывалось кавалеріею, состоящею изъ фуражировъ, на казенно-подъемныхъ лошадяхъ, осѣдланыхъ вьючными сѣдлами. Прибытіе каждой части колонны непременно сопровождалось покрикиваніемъ на нихъ изъ рядовъ: „Эй, вы, хварасово войско, разступись! дай мѣсто!“ Пока собиралась колонна, толпа фуражировъ продолжала увеличиваться, и затѣмъ выступали всѣ вмѣстѣ. Прикрытіе во время фуражировокъ рѣдко превышало два баталіона пѣхоты, сотню казаковъ и взводъ артиллеріи; за то рѣдко отправлялось и меньше, потому что въ пшехскомъ отрядѣ не бывало никогда менѣе тысячи фуражирныхъ лошадей. Почти каждому изъ ба-

батальонныхъ командировъ приходилось водить такія колонны, но ни одинъ изъ нихъ не изобрѣлъ еще средства удерживать фуражировъ въ порядкѣ. Возня съ ними открывалась съ перваго шага: желаніе каждаго быть впереди своихъ товарищей, чтобы скорѣе захватить лучшей стогъ сѣна, дѣлало то, что задніе незамѣтно начинали протискиваться впередъ, а передніе, чтобы избѣгнуть опасности очутиться сзади, прибавляли шагъ, и все это кончалось тѣмъ, что на второй верстѣ похода всѣ промежутки между батальонами и орудіями наполнялись „архаровцами“, какъ тоже называли фуражировъ. Покрикиванія офицеровъ и даже солдатъ, которыхъ начинали они стѣснять, заставляли ихъ убираться назадъ, гдѣ слышались всегда споры за мѣста, и чрезъ нѣсколько времени опять повторялось то же самое. Среди такихъ приливовъ и отливовъ нетерпѣливыхъ фуражировъ, колонна подходила наконецъ къ мѣсту фуражировки. Не было начальника, который бы не составлялъ хитрые планы для удержанія запальчивости „фараонова войска“, но лишь приходили на мѣсто, не могъ удерживать ихъ даже за цѣпью.

Порядкомъ доставалось подчасъ фуражирамъ за подобные безпорядки; да это ни къ чему не вело: ими овладѣвала во время фуражировки какая-то запальчивость, которая мѣшала имъ даже разсуждать: о какомъ бы то ни было препятствіи, при видѣ хорошаго стога сѣна, они не хотѣли и знать. Одинъ, на-скаку зацѣпивъ своими вьючками за ногу офицера, несмотря на крики послѣдняго, продолжалъ скакать во всю прыть, и офицеръ по необходимости долженъ былъ нестись за нимъ; не останавливаясь ни на секунду, фурштатъ тащилъ его дальше, до тѣхъ поръ, пока, выведенный изъ терпѣнія офицеръ, воспользовавшись превосходствомъ своей лошади, не догналъ его и ударами нагайки не заставилъ безжалостнаго льянероса освободить свою ногу отъ безпокойнаго лассо.

Что же происходило при расхватываніи сѣна, отгадывалъ каждый, замѣтивъ у нѣкоторыхъ, послѣ фуражировки, завязанные разными тряпицами глаза.

Гораздо труднѣе было сохранить порядокъ, если фуражировка происходила около ауловъ, только-что брошенныхъ жителями: тогда уже всѣ старались ворваться въ сакли. Черезъ нѣсколько времени можно было замѣтить бродяція партіи, изъ которыхъ одинъ, постукивая прикладами о землю, отыскивали ямы,

въ которыхъ горцы зарываютъ на зиму зерно; другія копались уже въ разбитыхъ амбарахъ; третьи бродили въ окрестностяхъ аула, отыскивая въ кустахъ спрятанные пожитки бѣжавшихъ жителей; четвертыя всеотпирающимъ ключемъ — прикладомъ, открывали найденные сундуки, и т. д. Замѣчательнѣе другихъ искателей абадзехскаго добра, по своей энергіи, были такъ называемые „курятники“, специально занимавшіеся ловлею куръ. Случалось, что, въ опасныхъ мѣстахъ, начальникъ, раскинувъ цѣпь, успокоивался совершенно, видя, что даже фурштаты не рѣшаются переходить за нее, и потомъ бывалъ неожиданно встревоженъ крикомъ куръ въ окрестныхъ аулахъ, за которыми изъ сакли въ саклю перебѣгали солдаты. Не всегда даромъ обходилась имъ такая дерзость. Рассказывали, что однажды команда, назначенная для того, чтобы прогнать солдатъ, провавшихся за цѣпь, услышала въ одномъ аулѣ крикъ, призывающій на помощь, кинулась въ тотъ аулъ, откуда онъ раздавался, и наткнулась на сцену страннаго содержанія: горецъ, дѣлая равныя усилія, вытаскивалъ изъ амбара за ноги заблудшаго сына кавказской арміи. При появленіи помощи, конечно, горецъ убѣжалъ; но обстановка этой, чуть-чуть некончившейся плохо, драмы произвела всеобщій смѣхъ.

Какъ-то странно воспитала нашего солдата кавказская война. Опасность понималъ онъ только тогда, когда она была передъ носомъ, но думать о ней предварительно онъ никогда не пытался.

Одинъ офицеръ на Шебжѣ предложилъ своему деньщику сходить вмѣстѣ съ колонной на фуражировку и если будетъ имѣть возможность, то принести ему меду. Деньщикъ охотно согласился. Часа черезъ два онъ вернулся, таща за собой медъ, нѣсколько куръ и мѣшокъ зерна.

— Какъ—спросилъ его офицеръ—развѣ колонна уже вернулась?

- Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ деньщикъ.
- Такъ какъ же ты возвратился одинъ безъ прикрытія?
- Я пришелъ не одинъ, а съ пятью человѣками солдатъ.
- Да какъ же тебя выпустили изъ колонны?
- Кабы я ходилъ съ колонной, такъ пришелъ бы только вечеромъ и навѣрно съ пустыми руками.

— Гдѣ же ты ходилъ безъ колонны? спросилъ, встревожившись, офицеръ.

— Вышелъ-то я съ колонной, да какъ замѣтилъ, что проку изъ этого не будетъ, сговорился съ молодцами, да и обдулъ колонну: она пошла, значить, въ правую щель, а мы засѣли въ кусты, пропустили ихъ, да сами и пошли въ щель, что идетъ прямо.

Хоть эти молодцы и проходили лишній разъ не въ очередь на работу, а все-таки плохо поняли свою вину и все-таки остались при своемъ убѣжденіи, что колонна ими была обманута. Объ опасности же, которой могли подвергнуться, они не допускали мысли ни раньше, ни послѣ.

Въ такихъ занятіяхъ проходило время до 28-го ноября, когда отрядъ вернулся въ Пшехскую станицу.

Изъ всего времени послѣдующихъ походовъ это было самое лучшее: работы для людей были не тяжелы—прочистка дороги къ Пшехской станицѣ и сожженіе ауловъ не утомляли солдатъ; отличная зима, съ немногими дурными днями и безъ слякоти, не наводила унынія, а изобиліе фуража было причиной, что за позиціей этой осталось названіе „богатой“; лошади справляли свою послѣднюю масляницу, не подозрѣвая, конечно, что черезъ годъ, въ это время, онѣ будутъ падать отъ голодной смерти.

Въ Пшехской станицѣ мы были встрѣчены извѣстіемъ, что начальникъ отряда, генераль-маіоръ Преображенскій, вслѣдствіе упраздненія мѣста начальника войскъ, за Лабою расположенныхъ, оставляетъ насъ и что вмѣсто его остается не полковникъ Шестаковъ, а полковникъ Офрейнъ, потому что велѣно было принять отрядъ старшему штабъ-офицеру. Частая смѣна начальниковъ пшехскаго отряда настроила отрядъ такъ, что при этомъ извѣстии задавались уже вопросы: „а кто будетъ послѣ полковника Офрейна?“

Какъ бы то ни было, только 3-го декабря уѣхали генераль-маіоръ Преображенскій въ одну, а полковникъ Шестаковъ въ другую сторону, и въ тотъ же день въ вечернемъ приказаніи было сказано, что на 4-е число назначается движеніе туда, гдѣ были недавно, и съ тою же цѣлю....

II.

Движеніе для истребленія ауловъ.—Завалъ горцевъ на рѣкѣ Четукъ.—Чѣмъ увѣнчался этотъ походъ.—Разливъ Пшехи и снесеніе моста.—Фуражировки по Даргаю, къ сѣверу отъ Пшехской станицы, 22-го и 24-го декабря.—Движеніе къ рѣкѣ Шишъ: первая позиція на рѣкѣ Урусъ-Нако; вторая позиція на той же рѣкѣ.—Фуражировка 30-го декабря.—Бой 31-го декабря.—Дальнѣйшая стоянка на той же позиціи.—Возвращеніе въ Пшехскую станицу.—Начало просѣки къ Бжедужской станицы.—Экспедиція по рѣкѣ Пшехѣ для выбора мѣста подъ станицы и почты.—Набѣгъ по рѣкѣ Амбошь.—Возвращеніе.—Начало постройки Кубанской станицы — Ожиданіе новаго намѣстника—Его Императорскаго Высочества.

Истребленіе ауловъ между Пшехою и Бѣлою было далеко не кончено: еще оставалось много населенныхъ ущелій. Для выполненія данной инструкціи, на зимній періодъ, отрядъ нашъ снова открылъ дѣйствія для очищенія страны отъ враждебнаго населенія и для истребленія запасовъ непріятеля.

Первое движеніе, которое совершили мы подъ командою новаго начальника, было вверхъ по рѣкѣ Шекоць.

Отрядъ, назначенный для этихъ предпріятій, состоялъ изъ 7 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ драгунъ, 2 сотенъ казачьихъ и 5 орудій, и былъ раздѣленъ на двѣ колонны: одна, большая, поступила подъ начальство полковника Офрейна, другая, меньшая, подъ начальство навремя прибывшаго къ отряду подполковника Новоселова (*).

Рано утромъ 4-го декабря, первая изъ нихъ выступила сначала къ рѣкѣ Шекоць, потомъ поднялась вверхъ по рѣкѣ Четукъ, впадающей въ Шекоць съ лѣвой стороны. 5-го числа вторая колонна двинулась къ рѣкѣ Фене и, остановившись въ семи верстахъ отъ устья ея, направилась на встрѣчу отряда полковника Офрейна.

(*) Первая колонна состояла: изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ: ашперонскаго, самурскаго, сводно-линейнаго № 1-го, сводно-ширванскаго (изъ двухъ ротъ ширванскаго стрѣлковаго и одной роты сводно-линейнаго № 1-го баталіоновъ), сводно-линейнаго № 4-го полубаталіона, 1, 2 и 4-го эскадроновъ Тверскаго драгунскаго полка; Надеждинской и Михайловской казачьихъ сотенъ; взвода облегченной № 3-го, взвода конно-казачьей № 13-го и одного горнаго орудія горной батареи.

Вторая колонна состояла: изъ гренадерскаго стрѣлковаго баталіона; 5-го резервнаго баталіона Куринскаго пѣхотнаго полка, двухъ ротъ 6-го резервнаго баталіона Ставропольскаго пѣхотнаго полка; 1-го и 2-го эскадроновъ Переяславскаго драгунскаго полка.

Отсутствие всяких военных действий и забавных эпизодов, могущих веселить походных людей, исчезновение жителей, разбѣгавшихся по лѣсамъ, однообразная мѣстность, состоящая изъ холмовъ, поросшихъ кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ, все это, въ соединеніи съ дурною погодой, стоявшей во время похода, дѣлало его какимъ-то безцвѣтнымъ и особенно скучнымъ.

Для послѣдовательности разсказа не буду пропускать и этихъ движеній.

Первый день нашего похода не былъ, впрочемъ, лишень нѣкотораго интереса: тамъ, гдѣ ущелье рѣки Четукъ сьуживается, стоялъ крѣпкій заваль, перегораживавшій его и упиравшійся своими концами въ обѣ лѣсистыя высоты; почти прямолинейная фигура завала ограждалась спереди, вмѣсто рва, рѣкою Четукъ, дѣлающею въ этомъ мѣстѣ поворотъ отъ одной высоты къ другой, почти перпендикулярно къ направленію ущелья; густые лѣса по краямъ его могли служить отличными прикрытіями для фланкирующихъ стрѣлковъ, а будучи укрѣплены засѣками, не позволили бы иначе овладѣть ими, какъ посредствомъ значительнаго обхода черезъ верхъ горъ, при чемъ необходимо было бы оставить тяжести внизу. Заваль былъ устроенъ изъ ряда вбитыхъ въ землю брусевъ, скрѣпленныхъ между собою плетнемъ, и изъ таковой же задней стѣнки; промежутокъ между стѣнками былъ заваленъ землею и камнями; вдобавокъ, фронтъ завала былъ усиленъ рядомъ засѣкъ или деревьевъ, прикрѣпленныхъ толстыми комлями къ брусьямъ передней стѣнки. Разобрать подобныя стѣнки подъ выстрѣлами нельзя было и помышлять. Всѣ эти приготовленія кончились однако ничѣмъ: заваль явился передъ нами такимъ же сиротой, какимъ стоявшій за нимъ аулъ, принадлежавшій, вѣроятно, строителю этой фортификаціи.

Привольно, должно быть, когда-то жилъ этотъ хозяинъ: аулъ его, гдѣ остановился отрядъ лагеремъ, расположенъ былъ среди фруктовой рощи; сакля его была хорошо выстроена и украшена рѣзбою и разными вычурами.

На другой день начались обычные занятія. Часть отряда, назначенная на фуражировку, не безъ удивленія встрѣтила незнакомаго, только-что пріѣхавшаго новаго колоннаго начальника, подполковника Г*. Войска въ первый разъ увидѣли выглядывавшее изъ-подъ башлыка, которымъ онъ былъ закрытъ,

его доброе, красивое лицо, незагорѣлое еще ни отъ солнца, ни отъ вѣтровъ. Обмѣнявшись обычнымъ привѣтствіемъ, колонна двинулась, по его командѣ, къ рѣкѣ Четукъ.

Пройдя возвышенности, покрытыя кустарникомъ и терновникомъ, колонна наша опять вступила въ обширную долину, покрытую брошенными аулами съ оставшимися стогами соломы; сѣна почти не было. Сдѣлавъ тутъ фуражировку, два съ половиною баталіона пѣхоты, при двухъ легкихъ орудіяхъ, возвратились въ лагерь, а три эскадрона драгунъ и одна сотня казаковъ, съ подполковникомъ Г*, отправились дальше отыскивать себѣ добычи и только въ пять часовъ пополудни прибыли на позицію.

Весь слѣдующій день оба отряда занимались истребленіемъ ауловъ и фуражировками.

7-го декабря отрядъ нашъ оставилъ рѣку Четукъ и перешелъ на позицію къ рѣкѣ Шекоць, отстоящей отъ Пшехской станицы верстъ на тринадцать.

Несмотря на то, что увидѣть горца въ этихъ мѣстахъ было для насъ большою рѣдкостію, однако глушь и неизвѣстность этихъ мѣстъ заставляли отдѣлять для рекогносцировокъ довольно значительныя колонны. Ничто не развлекало насъ и на этой позиціи; даже встрѣчавшіеся аулы имѣли скучный видъ; брошенные своими хозяевами, сакли были настежь отворены и занесены снѣгомъ. Только разъ какъ-то намъ едва не удалось накрыть жилой аулъ. Это было 9-го числа.

Отправивъ въ Пшехскую станицу обозъ всего отряда, подъ прикрытіемъ шести ротъ пѣхоты и четырехъ орудій, полковникъ Офрейнъ, съ остальными войсками и горнымъ орудіемъ, двинулся въ глушь, попрежнему истребляя брошенные аулы. Углубляясь дальше, отрядъ услышалъ наконецъ сигнальный выстрѣлъ, который скоро передался по горамъ. Минуть черезъ десять мы подошли къ огромному аулу Мартуко-Хабль, но жителей тамъ уже не застали. Огни въ сакляхъ, разбросанныя вещи, разсыпанные сушеные груши и яблоки, изобиліе домашней птицы, все это говорило, что жители только-что успѣли выбраться. Рѣдко когда встрѣчались намъ такіе огромные аулы, какъ Мартуко-Хабль: онъ походилъ болѣе на обширное село, чѣмъ на горскій аулъ. Здѣсь войска переночевали, а на другой день прямою дорогой пошли въ Пшехскую станицу. Ко-

лонна же подполковника Новоселова, не встрѣтивъ ни одного горца, отступила къ редуту Мишоко.

Походы съ 4-го ноября по 11-е декабря имѣли цѣлю уничтоженіе всѣхъ ауловъ между Бѣлой и Пшехой. Во все это время, переходя изъ одного ущелья въ другое, не теряя времени на изгнаніе непріятели силой, не производя никакихъ работъ, войска только и занимались истребленіемъ жилищъ горцевъ. Спрашивается: окончена ли была эта экспедиція по инструкціи? Истреблены ли всѣ аулы, и истребленіе ихъ произвело ли на горцевъ такое впечатлѣніе, за которымъ слѣдуетъ почти поголовное переселеніе?

Если бы наши послѣдніе походы сопровождались стычками съ непріятеlemъ, то мы могли бы хотя приблизительно догадываться о степени нашего успѣха; но такъ какъ отряды ходили ощупью и прекратили экспедицію больше потому, что надо же было когда-нибудь кончить ее и обратиться къ другимъ предпріятіямъ, то точные отвѣты на эти вопросы дать очень трудно. Въ кавказской войнѣ сплошь и рядомъ приходилось узнавать о результатахъ предпріятій спустя долгое время.

Что аулы были истреблены далеко не всѣ, за это можетъ ручаться сильно пересѣченная мѣстность, гдѣ, вдоль каждой ручейка, на значительное протяженіе тянулись горскія поселенія. Истребить всѣ аулы значило буквально осмотрѣть всѣ уголки, что не возможно было сдѣлать даже въ полгода, дѣйствуя отрядомъ въ полномъ составѣ; дробить же въ такихъ мѣстахъ войска могло быть не всегда безопасно. Относительно впечатлѣнія, произведеннаго нами на горцевъ, можно сказать, что, по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ частныхъ разговоровъ съ абадзехами, они въ ту зиму далеко не всѣ выходили на переселеніе къ другимъ племенамъ; на это же заключеніе наводитъ, впрочемъ, и самый характеръ экспедиціи: какъ ни грустили горцы о потерѣ крова въ позднее время года, но это не было еще такое чувство, которое заставляло бы бояться нашего присутствія; страхъ же могъ быть имъ внушенъ только хорошимъ пораженіемъ, въ родѣ того, какое они испытали при занятіи Пшехи, а случай къ этому, вслѣдствіе принятой горцами системы дѣйствій, встрѣтиться не могъ. Оставляя намъ свои аулы на сожженіе, ясно, что горцы заранѣе условились принести подобную жертву; отдавая намъ свои жилища, они выигрывали въ томъ отношеніи, что, не представляя намъ ни-

какихъ преградъ, держали насъ въ полномъ заблужденіи о ихъ сборахъ и новыхъ убѣжищахъ, основательно рассчитывая въ то же время на скорѣйшее наше удаленіе; а благодаря умѣренной зимѣ, они могли кое-какъ перебиваться въ лѣсахъ. Вслѣдствіе всего этого оставалось предполагать, что значительное число горцевъ, послѣ нашего ухода, снова поселилось на прежнихъ же мѣстахъ.

Прошло мѣсяцевъ пять, и догадка подтвердилась: въ теченіе лѣта 1863 года, именно въ этихъ мѣстахъ собирались значительныя партіи, которыя около Ханской станицы отбивали цѣлыя транспорты. Конечно, все это не имѣло значительнаго вліянія на успѣхъ нашихъ дѣйствій, почему вновь посылать туда войска, отрывая ихъ отъ успѣшныхъ наступательныхъ дѣйствій, было бы крайне нерасчетливо, тѣмъ болѣе, что горцы, населявшіе эти мѣста, движеніями войскъ вверхъ по Пшехѣ и по Курджипсу были отрѣзаны отъ жителей главнаго хребта и береговыхъ поселеній.

Пока происходили движенія по рѣкамъ Шекоцъ, Четуку и Фене, въ Пшехскую станицу прибыли резервные баталіоны Кабардинскаго, Самурскаго и Ширванскаго полковъ, откуда отправлены были на Пшишъ для постройки станицъ, близъ урочищъ Шегуже-Хабль и Габукай.

Въ Пшехской станицѣ, между тѣмъ, происходили все тѣ же работы. Мостъ черезъ Пшеху былъ уже наполовину готовъ, какъ вдругъ, 12-го декабря, рѣка до того уничтожила всѣ труды, что не осталось ничего напомнимавшаго о его существованіи. Нѣсколько дней до этого времени стояла отвратительная погода: сплошныя тучи, закрывавшія горы, разрѣжались непрерывнымъ дождемъ; холодный, сырой и пронзительный юго-восточный вѣтеръ дулъ постоянно; вскорѣ затѣмъ непогода вдругъ разразилась страшнымъ ливнемъ въ горахъ, а вмѣстѣ съ нимъ и разливомъ рѣкъ.

Какъ часто удивляютъ вновь пріѣзжающихъ на Кавказъ внезапныя переменныя прихотливыхъ горныхъ рѣчекъ! За минуту своего разлива, Пшеха не представляла ничего особеннаго: вода стала мутнѣе и поднялась немного въ берегахъ; затѣмъ, безъ всякаго перехода, съ верховой стороны показалась быстро приближавшаяся волна, высота которой означала новый уровень воды, и въ одно мгновеніе все измѣнилось: мостовыя сваи, вбитыя, по словамъ саперъ, на са-

жень въ землю, были вырваны, какъ негодныя щепки; отлогій правый берегъ далеко покрылся водою, и самая рѣка представляла одну кипящую грязь съ желтою пѣной, отъ цвѣта снесенной горной глины.

Зрители, окоимившіе берегъ, потѣшались только, смотря на переполохъ жителей прибрежныхъ землянокъ; смѣялись, какъ застигнутые врасплохъ въ кухняхъ, пекарняхъ, баняхъ выскакивали изъ нихъ одѣтыми и нагими, съ недоумѣніемъ посматривая на бѣшенство рѣки; надъ хлопотавшими о спасеніи своего имущества, надъ безслѣдно пропавшимъ мостомъ, надъ какими-то вещами, быстро несущимися по теченію и безпрерывно ныряющими въ грязныхъ волнахъ, и надъ появившимися островами съ землянками, которыя за нѣсколько минутъ до того стояли далеко отъ берега.

Страшно было бы такое наводненіе въ мѣстахъ населенныхъ; но посреди безлюдія и среди семьи, которая почти всю жизнь не имѣла понятія о прочной собственности, готовой при одномъ словѣ начальника „*впередъ*“ отдать и послѣднее свое имущество — жизнь, это было лишь небольшимъ представленіемъ бушующей природы.

Снеся мостъ, Пшеха надѣлала еще и другія бѣды: отдѣлила Пшехскую станицу отъ Бѣлорѣченской и отъ Ханской. Колонны, отправленныя туда еще до 12-го числа, не могли попасть въ станицу обратно и столпились на правомъ берегу бивуакомъ.

Къ счастью, вслѣдъ за разлитіемъ настали сильныя морозы. На третій день послѣ разлива безпокойная рѣка сковалась льдомъ и въ одномъ мѣстѣ образовался удобный переходъ.

15-го декабря опять послана была колонна въ священный лѣсъ (*), приготовить бревна для новаго моста и для постройки

(*) На лѣвомъ берегу рѣки Бѣлой, противъ станицы Бѣлорѣченской, былъ прежде прекрасный чистый лѣсъ, теперь почти совершенно вырубленный, состоявшій изъ прямыхъ высокыхъ чинаровъ, бѣлолистокъ, карагучей и проч. Лѣсъ этотъ былъ святыней для горцевъ, которые рассказываютъ о немъ слѣдующую легенду:

„Около урочища, при рѣкѣ Бѣлой, известнаго у насъ подъ именемъ Каменнаго моста, жилъ нѣкогда очень богатый и вліятельный старикъ, князь, имѣвшій единственную дочь, Сшхагуаше. Красота ея была известна далеко по Кавказу. Какъ только стала она невѣстой, по возрасту, старикъ кликнулъ кличъ по всей окрестности, сзывая всю молодежь на трехдневный пиръ, который онъ давалъ съ цѣлю найти для своей дочери приличнаго жениха. Сошлись. Пиръ начался. Открыли джигитовки; на нихъ молодежь наперерывъ выказывала свою удалъ. Внимательно осматривая публику, Сшхагуаше замѣтила одного бѣднаго пастуха, поразительной красоты, пришедшаго, вѣроятно, изъ любопытства. Впечатлѣніе

временнаго на козлахъ; но маіоръ Бѣляевъ, начальникъ колонны, встрѣченный неожиданнымъ залпомъ изъ лѣса, вернулся въ станицу.

Въ пять часовъ, послѣ полудня, прибыла изъ набѣга колонна, едва передвигавшая ноги отъ усталости. Набѣгъ, какъ говорили, былъ произведенъ вслѣдствіе полученнаго извѣстія о томъ, будто нѣкоторые изъ изгнанныхъ горцевъ, во время послѣдняго движенія, поселились опять въ уцѣлѣвшемъ аулѣ Масако-Хабль. Для сожженія его была назначена колонна изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, четырехъ эскадроновъ драгунъ и одной сотни казаковъ, при трехъ орудіяхъ, которая выступила въ ночь съ 14-го на 15-е число, подъ начальствомъ

было сильное. Къ концу дня ее не занимали уже молодецкія забавы желавшихъ получить ея руку: молодой красавецъ-пастухъ отвелъ ея глаза отъ всего. Прошелъ день, и отецъ полюбпытствовалъ узнать о ея выборѣ, но не получилъ удовлетворительнаго отвѣта. Прошелъ другой день пира, и когда отецъ началъ спрашивать дочь болѣе настоятельно, она поняла, чѣмъ могло кончиться ея признаніе, и залилась слезами. Не нашла влюбленная красавица подобнаго своему избранному и въ послѣдній день пира. Со страхомъ ожидала она приближенія вечера, въ который должна была окончательно назвать того, кого избираетъ своимъ женихомъ. Снова явился къ ней отецъ съ тѣмъ же вопросомъ; бѣдняжка не скрыла въ этотъ разъ своего выбора. Гнѣвъ отца былъ страшенъ: въ припадкѣ бѣшенства, онъ приказалъ принести бурдюкъ и, зашивъ въ него пастуха со своею дочерью, бросилъ его въ рѣку. Поплыли влюбленные по Бѣлой; но, къ счастью, оригинальное судно это было прибито водою къ лѣвому берегу рѣки, противъ теперешней Бѣлорѣченской станицы. Освободившись кое-какъ изъ бурдюка, молодые люди вышли на берегъ и поселились недалеко отъ этого мѣста, среди обитаемаго лѣса, вдали отъ людей, которыя считали ихъ погибшими.

Прошло послѣ того много лѣтъ. Отецъ Сшхагуаше сильно заболѣлъ. Лучшіе анжари совѣтовали ему пить оленье молоко, какъ единственное средство для выздоровленія; для отысканія его были разсланы нарочныя во всѣ концы; нѣкоторые изъ нихъ заѣхали въ лѣсъ, обитаемый только молодыми отшельниками и ихъ дѣтьми. Встрѣтивъ тутъ людей, они обратились къ нимъ съ просьбою о томъ, нельзя ли достать оленьяго молока, объясняя, что князь ихъ боленъ и что единственное спасеніе его — въ этомъ напиткѣ.

По имени князя, Сшхагуаше узнала, что дѣло идетъ объ ея отцѣ. Подойвъ самку ручнаго оленя и наполнивъ сосудъ, она завязала его платкомъ, подареннымъ ей отцомъ во время послѣдняго пира. Посланные вернулись къ своему господину, обрадовавъ его находкой. Взглянувъ на привезенный сосудъ, старикъ узналъ платокъ своей дочери; по распросамъ убѣдился, что приславшая ему молоко была действительно его Сшхагуаше. Сильно заговорило сердце старика. Выздоровѣвши, онъ отправился въ тотъ же необитаемый лѣсъ, гдѣ жила любимая его дочь, и рѣшился продолжать свою жизнь въ ея семьѣ.

Въ счастливомъ спасеніи молодыхъ людей, въ трудно-допускаемой возможности жить среди такого безлюдія и въ самой спокойной жизни этого семейства, куда переселился уважаемый всѣми старикъ, видѣли горцы вмѣшательство Провидѣнія; поэтому и лѣсъ, гдѣ ясно для нихъ была выказана благодать Аллаха, названъ священнымъ, а рѣкѣ передано имя *Сшхагуаше*.

чала фуражировку, а кавалерія была отправлена впередъ для осмотра мѣстности около аула Шазано-Хабль, находившагося немного впереди того мѣста, гдѣ фуражировала пѣхота, и недалеко отъ Шехскаго поста. Подполковникъ Полторацкій имѣлъ мысль, для избѣжанія потери, по истребленіи всѣхъ ауловъ, выйти къ посту, а оттуда по дорогѣ двинуться въ станицу, имѣя непріятели только съ правой стороны.

Драгуны, дойдя до назначеннаго аула, вытѣснили оттуда горцевъ, зажгли аулъ и тронулись дальше. Вскорѣ они должны были вернуться къ начальнику колонны съ извѣстіемъ, что топкія балки и густые перелѣски, непроходимые для кавалеріи, затрудняютъ движеніе пѣхотѣ, почему путь этотъ можетъ сдѣлаться опаснѣе пройденнаго. Тогда подполковникъ Полторацкій, принужденный отступить по той же дорогѣ, повторилъ въ главныхъ чертахъ распоряженія 22-го декабря. Пользуясь большимъ числомъ войскъ въ сравненіи съ прошлымъ разомъ, онъ назначилъ двѣ роты ширванцевъ и два орудія занять заваль и затѣмъ началъ общее отступленіе.

Съ перваго шага пули въ изобиліи посыпались на нашу цѣпь. По всему видно было, что горцевъ собралось гораздо больше, чѣмъ два дня тому назадъ. Кромѣ арьергарда, и вся правая цѣпь имѣла передъ собою значительныя партіи. Горцы въ этотъ день не кидались въ атаку съ прежнимъ азартомъ, за то пальба ихъ усиливалась съ каждою минутой. Наши орудія и цѣпь кое-какъ отгрызались въ лѣсу, медленно отступая на заваль. Вскорѣ противъ лѣвой цѣпи арьергарда появилась вновь прибывшая сильная партія: это обстоятельство, опять не вовремя, ободрило горцевъ, и они, въ запальчивомъ своемъ наступленіи, снова забыли про заваль, и снова ружейный и картечный огонь изъ-за него напомнилъ имъ прошлую фуражировку. Дѣйствіе этого огня было однако не совсѣмъ удачно, потому что цѣпь не такъ скоро очистила мѣсто и удобный моментъ былъ пропущенъ. По этой причинѣ горцы не отказались отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, какъ прошлый разъ, а, подавшись навремя назадъ въ лѣсъ, снова окружили нашу колонну, когда она отступила отъ засѣки, и, не ослабляя огня, продолжали провожать частымъ огнемъ арьергардъ черезъ всю поляну и ближайшіе перелѣски. Но по мѣрѣ нашего приближенія къ станицѣ пальба ихъ становилась все рѣже и наконецъ умолкла чуть-ли не около станичной ограды. Во всемъ

этомъ движеніи, выбывшихъ изъ строя было: два убитыхъ и восемь раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Результатъ дѣйствій былъ очень хорошъ: изгнанное небольшое населеніе, находившееся до сихъ поръ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ со станицей, конечно, не могло уже сдѣлать вторичной попытки поселиться между ею и постомъ; вслѣдствіе этого и окрестности Шехской станицы освободились отъ непріязненнаго населенія съ трехъ сторонъ.

Дѣла 22-го и 24-го декабря были очень похожи другъ на друга, и если была разница, то отъ введенія въ бой артилеріи 24-го числа.

Приходилось иногда слышать мнѣніе нѣкоторыхъ офицеровъ, что въ кавказской войнѣ артилерія не нужна. Мнѣніе это, конечно, неосновательно: случалось часто, что во время боя и отчаяннаго натиска горцевъ сами распространители этой мысли требовали къ себѣ орудія и даже, при рѣдкой пальбѣ, просили учащать ее. Причина тому была обыкновенная: кавказскіе артиллеристы, бывавшіе долго въ походахъ, такъ наловчились мѣтко стрѣлять изъ своихъ орудій, что совершенно неожиданно поражали горцевъ тамъ, гдѣ они считали себя въ безопасности. Всякій наблюдательный кавказецъ скажетъ, что горцы питали уваженіе къ артилеріи, и, гдѣ только заклубится бѣлая масса дыма, тамъ они всегда отступали на почтительное разстояніе. То же самое случилось и 24-го декабря: пальба въ этотъ день производилась гораздо сильнѣйшимъ противникомъ; нашихъ войскъ, то есть цѣли непріятели, было больше; преслѣдованіе его продолжительнѣе, чѣмъ 22-го числа; наконецъ, и орудія дѣйствовали картечью очень слабо, вслѣдствіе того, что непріятель держался все время на разстояніи плохаго разлета ея и за прикрытіемъ. Но, несмотря на все это, потеря наша была гораздо меньше той, которую понесли мы 22-го числа, потому что горцы не смѣли такъ близко подходить къ нашей цѣпи, какъ прошлый разъ.

Итакъ, послѣ этихъ двухъ движеній оставалось очистить пространство къ западу отъ станицы и устроить прямое сообщеніе съ Шишемъ.

Во все время пребыванія отряда въ станицѣ погода стояла сырая: мокрый снѣгъ слегка прикрывалъ глубокую грязь; рѣдкій день обходился безъ тумановъ. Солдаты, какъ сурки, сидѣли въ своихъ землянкахъ, занимаясь починкою обуви и платья,



вылѣзая изъ нихъ либо на службу, либо на свиданіе съ землячкомъ, назначенное въ духанѣ.

Наступило 27-е декабря. 7 баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадрона драгунъ, 2 сотни казаковъ и 8 орудій (*) снова, съ примкнутыми штыками и заряженными ружьями, выступили изъ станицы, подъ начальствомъ полковника Офрейна, и двинулись прямо къ урочищу, называемому Анапской переправой (**).

Не пройдя и двухъ верстъ отъ станицы, колонна вошла въ невысокій лѣсъ, заглушенный густымъ кустарникомъ. Пробираясь съ одной поляны на другую, едва замѣтными дорожками, пробитыми горскими арбами, мы добрались наконецъ до балки, образованной р. Урусъ-Нако.

Во время движенія горцы не беспокоили насъ выстрѣлами, а только партіями слѣдили за нами въ нѣкоторомъ отдаленіи; безпрепятственно дали они намъ занять аулы на р. Урусъ-Нако, гдѣ расположился отрядъ, сжегши тѣ изъ хуторовъ, которые выходили за черту лагернаго расположенія. Неизвѣстно однако, какими судьбами уцѣлѣлъ довольно большой аулъ, отстоявшій отъ южнаго фаса нашего расположенія не далѣе 200 сажень. Цѣлую ночь скрипѣли тамъ арбы, лаяли собаки и кричали куры. Ясно было, что жители выбирали все до послѣдней нитки. Ночь была лунная и морозная; но абадзехи не умѣли или боялись сдѣлать ночное нападеніе. Послѣ дѣль, происходившихъ при занятіи Майкопа, никто не помнилъ подобныхъ нападеній; а потому, если офицеры и напоминали

(*) Стрѣлковые баталіоны: апшеронскій, ширванскій, самурскій, 19-й и кавказскій гренадерскій; 5-й баталіонъ Кубанскаго, 5-й резервный баталіонъ Куринскаго пѣхотныхъ полковъ; два эскадрона Тверскаго и два эскадрона Переяславскаго драгунскихъ полковъ; Михайловская и Надеждинская казачьи сотни; артиллерійскіе взводы: батарейной № 3-й, облеженной № 3-й, конно-казачьей № 14-й батарей и горной.

(**) Анапскою переправой называлось это урочище потому, что находившіеся на Пшехѣ броды лежали на дорогѣ, называемой анапскою. Рассказываютъ, что, современно генуэзскимъ колоніямъ на кавказскомъ берегу, сообщеніе жившихъ на мѣстѣ нынѣшней Кабарды съ берегомъ производилось по Кубани. Когда же, впослѣдствіи времени, русскіе, укрѣпивъ Кубань какъ военную границу, сдѣлали ее неудобною для путешествій враждебныхъ племенъ, тогда горцами была предложена другая дорога, направленіе которой опредѣляется теперь оконечностями сѣверо-восточныхъ отроговъ: такъ черезъ Пшеху оно проходитъ около Пшехской станицы, чрезъ Пшишь—у нынѣшней Пшехской (Анапская переправа); далѣе близъ укрѣпленія Георгіевскаго, откуда дорога идетъ на укрѣпленіе Ильское; еще далѣе, чрезъ Азыпсъ, на урочище Абины; по Серебряковской просѣкѣ въ Неберджаевское ущелье; потомъ чрезъ Константиновскій переваль, по ущелью Семеевъ, дорога подходит къ форту Раевскаго, а оттуда идетъ въ Анапу.

Прежде шла эта дорога не много иначе: начиная отъ Неберджаевскаго ущелья, она доходила только до впаденія рѣки Бойанъ въ Адагумъ, а оттуда по Боканскому ущелью направлялась тоже къ порту Раевскаго и Анапѣ.

тогда часовымъ на пикетахъ, чтобы были какъ можно осторожнѣе, то сами все-таки не предполагали нападенія горцевъ. Ночь прошла благополучно. На другой день было произведено два поиска: одинъ утромъ, который сдѣлалъ полковникъ Офрейнъ версты на четыре вверхъ по рѣкѣ Урусъ-Нако, истребляя по дорогѣ все могущее быть полезнымъ для непріятеля; другой поискъ былъ произведенъ послѣ обѣда полковникомъ Виборгомъ, внизъ по теченію той же рѣки, при чемъ было уничтожено все попадавшееся какъ по этой рѣкѣ, такъ и по нѣкоторымъ изъ ея притоковъ съ правой стороны. Въ этотъ день былъ только одинъ раненый, который и умеръ къ вечеру.

Заря 20-го числа уже не застала насъ на той же позиціи, и рано утромъ мы были на краю высокаго берега, окоймляющаго низкую и болотистую долину Пшиша съ его многочисленными притоками. Подъ ногами нашими протекалъ одинъ изъ нихъ, извѣстный у горцевъ подъ именемъ „Этертокъ“; для осмотра его спущена была кавалерія съ небольшою частію пѣхоты.

Прекрасенъ видъ на долину рѣки Пшишь съ высоты праваго берега. Охватывая глазомъ сразу обширное пространство, невольно любуешься имъ, какъ картиною, снятой à vol d'oiseau: безчисленныя рощи и поляны, обвитыя самыми прихотливыми извилинами рѣки и ея притоковъ, рисуясь, въ миніатюрѣ представляютъ причудливо-узорчатый коверъ, оканчивающійся вдали темною бахромою лѣсовъ.

Дождавшись возврата посланной внизъ колонны, отрядъ нашъ двинулся вдоль высокаго праваго берега по теченію р. Пшишь. Небольшія конныя партіи безъ выстрѣла продолжали слѣдить за нами на довольно близкомъ разстояніи. Нѣкоторыя изъ нихъ рысью обгоняли колонну, огибая ее съ правой стороны; но какъ только стали спускаться въ ущелье р. Урусъ-Нако, горцы открыли небольшую перестрѣлку, кончившуюся однимъ раненымъ съ нашей стороны. Не доходя версты четыре до поста Кошко-Дечукъ, отрядъ вторично расположился лагеремъ на этой рѣкѣ. На другой день назначена была фуражировка, подъ прикрытіемъ девяти ротъ пѣхоты, дивизіона драгунъ и двухъ сотенъ казаковъ.

Командиръ апшеронскаго стрѣлковаго баталіона, подполковникъ Сидоровъ, которому ввѣрена была колонна, поднялся съ нею на высоту лѣваго берега р. Урусъ-Нако по ло-

щинѣ, впадающей въ это ущелье и заросшей густымъ кустарникомъ; потомъ, пройдя плоскую возвышенность, отдѣляющую р. Пшишъ отъ р. Урусъ-Нако, спустился въ долину Пшиша къ протоку Этертокъ и у ауля Шегухако-Хабль началъ фуражировку. Большая часть прикрытія была размѣщена по гребню высокаго берега, откуда лучше можно было наблюдать за неприятелемъ; когда же выюки начали вытягиваться на гору, а горцы, по обыкновенію, насѣдать на хвостъ колонны, подполковникъ Сидоровъ, предоставивъ выюки покровительству рабочихъ и двухъ ротъ, спустилъ внизъ семь ротъ и всю кавалерію, которая, сбросивъ съ лошадей выюки сѣна, угрожала неприятелю атакой за всякое покушеніе ихъ на отступающихъ; когда же цугъ выюковъ отошелъ на значительное разстояніе отъ гребня высоты, онъ тоже поднялся съ прикрытіемъ наверхъ и шагъ за шагомъ отступилъ въ лагерь. Результатомъ этихъ распоряженій былъ только одинъ раненый, котораго нужно было взять на носилки. Не то случилось на другой день.

Хотя кормъ для лошадей, добытый фуражировкой, и былъ въ достаточномъ количествѣ, но, имѣя въ виду предстоящій праздникъ, надлежало обезпечить войска на большее время, почему 31-го декабря назначена была фуражировка.

Вся кавалерія, два съ половиною баталіона пѣхоты и два горныхъ орудія (*), подъ начальствомъ подполковника Адлера, выступили по той же дорогѣ къ Пшишу; только при подъемѣ изъ ущелья Урусъ-Нако обойдена была, заросшая кустами, промоина, затруднявшая наканунѣ подъемъ на гору. Когда водораздѣльная плоская возвышенность была пройдена, то часть войскъ, изъ шести ротъ пѣхоты и одного орудія, оставлена была на гребнѣ высоты; остальные же войска—вся кавалерія, четыре стрѣлковыя роты и одно орудіе—спустились внизъ къ аулу Шегухако-Хабль и начали фуражировку на полуверстномъ пространствѣ между этимъ ауломъ и Эдикю-Хабль, при чемъ, конечно, оба аула запылали по примѣру прочихъ. Дымъ пожара далъ знать бжедухамъ и абадзехамъ, что мы уже открыли серьезныя дѣйствія и на берегахъ Пшиша. Дружно приняли они нашъ вызовъ: на сосѣднихъ горахъ раздавался гикъ и

(*) Дивизионъ Переяславскаго драгунскаго полка, Надеждинская и Михайловская казачьи сотни, 3 роты 19-го, 2 роты апшеронскаго стрѣлковыхъ баталіоновъ, 3 роты 6-го резервнаго баталіона Кубанскаго и 2 роты 5-го резервнаго баталіона Куринскаго пѣхотныхъ полковъ, взводъ горной батареи.

загремѣли призывные выстрѣлы, а въ аулѣ Эдикю-Хабль загорѣлись сигнальные столбы; по этимъ знакамъ со всѣхъ сторонъ показались конные и пѣшіе горцы. Въ особенности значительныя партіи вышли изъ укрѣпленнаго аула, находившагося противъ станицы Бжедуховской и заключавшаго въ себѣ постоянно наготовѣ челоуѣкъ до двухсотъ отборныхъ хаджиретовъ. Собравшіеся горцы направлялись на зажженные нами аулы какъ на маякъ.

Не сильна была перестрѣлка во время фуражировки; но всѣ мы чувствовали, что противникъ, собравшись въ значительномъ количествѣ, можетъ не позволить вернуться въ лагерь безъ значительной потери.

Отступление началось часовъ въ десять утра. Открытая мѣстность при подъемѣ на гору не позволяла горцамъ начать атаки, почему они, обойдя скрыто аріергардъ, взошли на высоту и заняли всѣ кусты. Не обнаруживая себя, они пропустили хвостъ выюковъ и затѣмъ самымъ сильнымъ огнемъ встрѣтили четыре аріергардныя роты; въ отвѣтъ имъ, пули и картечи посыпались въ кусты, и завязалась самая жаркая перестрѣлка. Бой начинался. Въ это время получено было приказаніе отступать не прежнюю дорогою, а другою, пролегающею по болѣе открытой мѣстности. Пока роты могли развернуть значительный фронтъ, до тѣхъ поръ и горцы въ открытыхъ мѣстахъ держали себя на разстояніи хорошаго ружейнаго выстрѣла, но, къ несчастію, съ каждымъ шагомъ назадъ мѣстность становилась неблагоприятнѣе для нашихъ стрѣлковъ: поле дѣйствій постепенно суживалось и оканчивалось тропинкой, сжатой непроходимымъ кустарникомъ, по которой нужно было отступать всей колоннѣ и аріергарду. Не доходя до этого мѣста, апшеронская стрѣлковая рота была расположена въ балкѣ, поросшей кустами и тянущейся съ правой стороны параллельно нашего отступления. Если бы противникъ успѣлъ ее занять прежде насъ, то могъ бы сильно поражать войска наши во флангъ.

По мѣрѣ уменьшенія нашего фронта, горцы, ободряемые ежеминутно прибывавшими подкрѣпленіями, становились болѣе и болѣе дерзкими. Гиканье, которымъ они поддерживали свое остервенѣніе при атакахъ, раздавалось кругомъ насъ. Пальба аріергарда сначала была еще достаточно сильна. Медленно подходя къ дефиле, чтобы дать возможность свободно пройти выюкамъ, аріергардъ началъ въ свою очередь убирать цѣпь съ

фланговъ; наконецъ, и послѣдняя рота, 6-го резервнаго баталіона Кубанскаго пѣхотнаго полка, находившаяся при орудіяхъ, тоже начала отступать, но, подойдя ближе къ дефиле, увидѣла, что оно было биткомъ нибито стѣснившимися тамъ войсками. Нѣсколько ошибокъ, сдѣланныхъ при распоряженіи, отозвались въ этотъ моментъ на послѣднихъ ротахъ. Главнѣйшая ошибка состоитъ въ томъ, что о существованіи крѣпкаго завала, перегораживающаго дефиле, арьергардъ не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія въ то время, какъ уже около полудна двѣ роты 19-го стрѣлковаго баталіона употребляли отчаянныя усилія, чтобы, разваливъ хотя одинъ край его, сдѣлать проходъ сколько-нибудь возможнымъ. Не укрылось отъ горцевъ это замѣшательство: распалившись предварительно собственнымъ крикомъ, они воспользовались ослабленіемъ нашего огня и начали замѣтно настѣдать все сильнѣе и сильнѣе; когда же и послѣдняя рота повернула назадъ, горцы, выхвативъ шашки, съ воплемъ кинулись на артилерію. Уже близко были горцы отъ орудій, уже видны были ихъ оскаленные зубы и вытаращенные отъ ярости глаза; еще минута и... но молодецкій горный взводъ, несмотря на близость противника, остановился, быстро дослалъ картечь—при чемъ какъ на ученіи былъ смѣненъ другимъ, чуть не въ упоръ убитый, нумеръ съ банникомъ—и двумя картечными выстрѣлами, поваливъ переднихъ, остановилъ натискъ остальныхъ и тѣмъ далъ возможность кубанской ротѣ опять занять свои мѣста.

Пока происходила эта свалка, усиленіемъ роты 13-го стрѣлковаго баталіона, проходъ у завала былъ нѣсколько расширенъ, и войска успѣли кое-какъ протащиться. Очищенное такимъ образомъ пространство передъ заваломъ дало возможность свободно отступить и остальнымъ войскамъ.

Видя ускользнувшими изъ рукъ орудія, горцы настѣли на апшеронскую роту, занимавшую балку. Ротный командиръ, поручикъ Грасманъ, со своими молодцами не сдавалъ своего поста до тѣхъ поръ, пока проходили мимо его войска; но когда арьергардъ началъ втягиваться въ дефиле, онъ счелъ безполезнымъ оставаться въ балкѣ и немедленно началъ готовиться для выхода оттуда, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ арьергарда. Имѣя въ виду, что въ ротѣ было не болѣе 50 человекъ, а площадь, по которой приходилось отступать, занята несравненно сильнѣйшимъ непріателемъ, поручикъ Грасманъ рѣшился оза-

дачить горцевъ сначала залпомъ, а потомъ, воспользовавшись замѣшательствомъ противника, бѣгомъ миновать опасное мѣсто. Задумано—сдѣлано. Раздался залпъ, и рота выскочила изъ кустовъ; но пробѣжать было не такъ легко: разбросанныя толпы горцевъ съ разныхъ сторонъ кинулись на стрѣлковъ, и закипѣла рукопашная схватка... Стрѣлки взяли свое, пробились сквозь толпу, вынеся съ собою одиннадцать человекъ убитыхъ и раненыхъ, что можно считать тоже подвигомъ немаловажнымъ (*). Увязавшись за войсками, горцы нарвались также на заваль и были сильно озадачены огнемъ съ фронта и, почти съ тыла, подоспѣвшимъ изъ лагеря кавказскимъ гренадерскимъ стрѣлковымъ баталіономъ. Горцы отступили съ значительною потерей.

Въ это время, на высотахъ Кошко-Дечукъ показалась колонна, слѣдовавшая изъ Пшехской станицы съ провіантомъ, спиртомъ и другими продуктами. Замѣтивъ ее, горцы задумали на ней выместить свою неудачу, почему подались не назадъ, а налѣво, и, скрывшись въ лѣсу и въ кустахъ, начали прокрадываться къ берегу ущелья рѣки Урусъ-Наго. Это движеніе объяснило намъ ихъ намѣреніе, почему наши войска тоже подвинулись вправо или, точнѣе, внизъ по ущелью, гдѣ, соединившись съ прикрытіемъ колонны, приготовились къ отпору. Дѣйствительно, какъ только началась по колоннѣ пальба, тучи пуль и картечь изъ трехъ орудій снова засыпали кусты и сразу отбили у горцевъ охоту надѣдаться намъ.

Небо было безоблачно, и загорѣлыя лица вернувшихся молодцовъ были покрыты потомъ. Не героями ли показали себя въ этотъ день взводъ горной батареи и рота апшеронскаго стрѣлковаго баталіона? Да и горцы дрались съ рѣдкимъ ожесточеніемъ: кидались то на одно, то на другое мѣсто нашей колонны, они невольно открывали наши ошибки и пользовались ими, какъ умѣли. Слабый арьергардъ ободрялъ ихъ больше всего, а отсутствіе кавалеріи, которая, навьючившись сѣномъ, шла съ обозными вьюками, сдѣлало то, что конныя партіи противника подсакивали къ пѣхотѣ нашей шаговъ на пять-десять, спѣшивались передъ ея носомъ и кидались въ шашки.

Распоряженія подполковника Сидорова, 30-го числа, оставившаго въ арьергардѣ всю кавалерію, можно было примѣнить

(*) Если предположить восемь человекъ такихъ раненыхъ, которыхъ нужно было нести на носилкахъ, то, полагая по четыре человека къ носилкѣ, выйдетъ изъ строя 32, а 28 человекъ останется только для прикрытія ихъ.

и къ дѣлу 31-го декабря. Кромѣ отсутствія кавалеріи въ арьергардѣ и неизвѣстности о существованіи завала, была еще одна ошибка, именно та, что арьергардъ, состоявшій изъ трехъ ротъ различныхъ баталіоновъ, не имѣлъ при себѣ въ это время общаго начальника, вслѣдствіе чего каждый изъ ротныхъ командировъ дѣйствовалъ по своему соображенію.

Конечно, не мало изъ нападавшихъ горцевъ отправились на седьмое небо, но и мы потеряли въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ 4 убитыми и 21 ранеными, изъ которыхъ многіе не встрѣтили новаго года.

Замѣчательнѣйшіе изъ убитыхъ у непріятели были: одинъ почетный старшина, который часто прѣзжалъ въ нашъ лагерь для разнаго рода переговоровъ; другой, изъ фамиліи Алло-Цсемуковыхъ, имѣвшій огромное значеніе между абадзехами. Великолѣпное платье, бинокль, часы, оружіе и другія вещицы, найденныя при немъ, указывали на его богатство.

Такъ кончился 1862 годъ для пшехскаго отряда.

Прежде описанія событій слѣдующаго года, необходимо замѣтить, что переселеніе абадзеховъ въ закубанскія степи уже началось въ 1862 году, съ того времени, когда нашимъ правительствомъ было объявлено, что всѣ холопы, вышедшіе изъ горъ, дѣлаются свободными и будутъ поселяемы на удобныхъ мѣстахъ. Къ концу года многіе изъ нихъ служили въ нашихъ войскахъ милиціонерами, хотя все это было далеко не въ той степени развитія, въ какой проявилось въ слѣдующемъ году.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ, по прежнему, продолжались фуражировки, и преимущественно по правой сторонѣ р. Урусъ-Нако. Перестрѣлки были очень рѣдки и ничтожны. Хотя горцы и показывались на окрестныхъ высотахъ большими массами, угрожая нападеніемъ, но слышанный нами скрипъ аробъ, неумолкавшій по цѣлымъ ночамъ, высказывалъ другую ихъ дѣятельность и другое намѣреніе. Впрочемъ, въ ночь съ 5-го на 6-е января, совершенно неожиданно мелькнули съ сосѣдней горы яркіе огоньки, раздался залпъ и кто-то заохалъ въ передовыхъ постахъ. Неприсятели, должно быть, такъ понравилась эта штука, что и на слѣдующую ночь повторилось то же; но солдаты даже не отходили отъ костровъ, не прерывали пѣсенъ и вообще выказали полное пренебреженіе къ огню горцевъ.

Недѣля, проведенная нами, съ 1-го января, на этой пози-

ціи, тянулась какъ-то невесело. Невольно, бывало, сходишь посмотреть, какъ драгунъ, устроивъ кукольный театръ, показывалъ своихъ невзрачныхъ маріонетокъ и вывизгивалъ что-то, спрятавшись за плетушку, замѣнявшую ширму.

7-го января мы поднялись съ позиціи и въ одинъ переходъ прибыли въ Пшехскую станицу, провожаемые издали конвоемъ горцевъ, слѣдившихъ за каждымъ нашимъ шагомъ. Въ станицѣ кипѣли все тѣ же работы.

11-го января послана была помощь къ рабочимъ отрядамъ: на Пшишъ четыре роты, для предстоящей постройки Бжедуховской станицы, и полтора баталіона для скорѣйшаго окончанія прямой дороги въ Ханскую и поста Кудокуртъ.

Движеніемъ отъ Пшехи къ Пшишу и истребленіемъ по дорогѣ ауловъ отрядъ нашъ далеко не обезпечилъ сообщенія между этими двумя рѣками. Высокій и густой кустарникъ, мѣстами переходящій въ лѣсъ, могъ всегда поставить насъ въ невыгодное положеніе отъ скрытыхъ дѣйствій противника; почему, 11-го числа, пять баталіоновъ пѣхоты съ двумя сотнями казаковъ, при двухъ орудіяхъ, приступили къ вырубкѣ по этому направленію широкой просѣки.

Что въ лѣсахъ постоянно скрывались партіи, выжидавшія удобныхъ случаевъ для нападеній и грабежей, можетъ служить доказательствомъ первый день рубки: лишь только казаки вѣхали въ лѣсъ, какъ наткнулись на партію человѣкъ въ тридцать.

Съ этого дня рубка просѣки, на которую выходило приблизительно вышеупомянутое количество войскъ, шла безостановочно; только 16-го числа отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ части: одна отправилась въ священный лѣсъ за сваями для моста, другая на фуражировку.

Къ этому времени фуражировки стали затруднительны: по близости станицы не находили болѣе сѣна и надлежало ходить за нимъ уже далеко, отыскивая запрятанное по лѣсамъ. Рѣдко кто сумѣлъ такъ хорошо спрятать сѣно въ большомъ количествѣ, какъ горцы. Война чему не выучить! Иногда по нѣскольку разъ случалось намъ миновать одно и то же мѣсто, не замѣчая сложенныхъ тамъ стоговъ сѣна; случалось видѣть стожки въ такихъ мѣстахъ, куда могъ проникнуть только пѣшій человѣкъ, но куда ни въ какомъ случаѣ было нельзя провести вьючную лошадь.

Фуражировка 16-го января была особенно богата нечаян-

ными встрѣчами. При началѣ движенія тверскіе драгуны, замѣтивъ свѣжія колеи повозочныхъ колесъ, усилили шагъ. Не теряя изъ вида слѣдовъ, они вошли въ лѣсъ и тамъ дѣйствительно замѣтили двѣ воловьи русскія повозки. „Маршъ, маршъ!“ и повозки достались въ руки драгунъ, а перепуганные горцы едва успѣли скрыться въ трущобѣ лѣса. Въ томъ же родѣ была и другая встрѣча. Видно было по всему, что мы очутились тутъ совершенно неожиданно для мѣстныхъ жителей; озадаченные, они даже не собрались съ духомъ, чтобы сдѣлать намъ обычные проводы.

17-го января слѣдовало опять приняться за продолженіе просѣки, которая была уже доведена верстъ на пять отъ Пшехской; но такъ какъ приходилось теперь ежедневно водить войска довольно далеко, теряя время на переходъ въ ущербъ работѣ, то сдѣлано было другое распоряженіе: часть пшехскаго отряда (*) должна была выступить въ этотъ день по направленію просѣки и, остановившись на позиціи между Пшехою и Шишемъ, оставаться тамъ до конца рубки и дѣлать по временамъ набѣги въ разныя стороны для истребленія ауловъ и для фуражировокъ.

Назначенный отрядъ дошелъ до рѣки Даргай и остановился. Расположивъ части войскъ на позиціи и давъ имъ трехчасовой отдыхъ, начальникъ отряда велѣлъ всей кавалеріи, семи стрѣлковымъ ротамъ и двумъ горнымъ орудіямъ подняться на фуражировку.

Было уже два часа пополудни. Пѣхота выстроилась передъ южнымъ фасомъ и тронулась по полянѣ, окруженной съ трехъ сторонъ густымъ лѣсомъ. Не прошла она и версты, какъ кавалерія небольшою рысью обогнала ее и прослѣдовала дальше, торопясь, быстрымъ появленіемъ передъ неприятелемъ, не позволить ему уничтожить свои запасы; но пламя за лѣсомъ показалось раньше, чѣмъ кавалерія успѣла пройти поляну. Ускоренною рысью кинулась она черезъ лѣсъ на пожаръ.

По отданному раньше приказанію, три роты стрѣлковъ и взводъ артилеріи должны были слѣдовать за кавалеріей; но орудія почему-то были задержаны и оставлены на позиціи съ

(*) 2 роты кавказскаго гренадерскаго, 3 роты 19-го, апшеронскій, самурскій, 3 роты сводно-резервнаго № 2-го, 2 роты сводно-резервнаго № 3-го стрѣлковыхъ баталіоновъ и команда пластуновъ; артилерійскіе взводы: конно-казачьей № 13-го и горной батарей; дивизионъ Переяславскаго драгунскаго полка, Михайловская и Надеждинская казачьи сотни.

остальною пѣхотою у аула Батырь-Хабль, на перешейкѣ между лѣсомъ и оврагомъ, которымъ соединялась пройденная поляна со слѣдующей. Кавалерія, между тѣмъ, пройдя это узкое пространство и впереди лежащую поляну, успѣла переправиться черезъ Даргай и кинуться на загонъ, гдѣ зимовала баранта окрестныхъ ауловъ. Видя быстрое приближеніе нашей кавалеріи, горцы начали поспѣшно собираться, чтобы не дать завладѣть стадомъ, но, атакованные съ одной стороны драгунскими наѣздниками, подъ командою прапорщика Хубова, съ другой казаками, подъ начальствомъ штабсъ-ротмистра Далгіева, принуждены были, не дождавшись удара, отойти въ лѣсъ; только нѣкоторые изъ нихъ, рѣшившись помѣряться силами, погибли подъ шашками.

Окруживъ баранту, кавалерія начала отступленіе; горцы же, разсыпавшись по опушкѣ, окружавшей ту поляну, гдѣ находилась кавалерія, открыли пальбу со всѣхъ сторонъ. Съ переходомъ кавалеріи на другую поляну, горцы продолжали преслѣдовать ее сосредоточеннымъ огнемъ; но такъ какъ нѣкоторые поляны соединялись съ сосѣдными только арбяными дорогами, проложенными среди лѣса, гдѣ горцы могли бы останавливать наше отступленіе и вынуждать на серьезныя стычки, то трехъ ротъ оказалось недостаточно, почему послано было за орудіями и двумя стрѣлковыми ротами. До тѣхъ поръ горцы не пропускали посланнаго хорунжаго Штригеля къ аулу Батырь-Хабль, пока онъ не обезпечился приличнымъ конвоемъ. Приказаніе было передано, и подкрѣпленіе, присоединившись къ ротамъ 19-го стрѣлковаго баталіона, на столько усилило прикрытіе, что оно могло обстрѣливать всѣ опушки, обезпечивая совершенно переходъ кавалеріи съ одной прогалины на другую.

Выйдя наконецъ на предпоследнюю поляну передъ лагеремъ, пѣхота съ артилеріей должны были приостановиться, потому что изъ лѣса, съ правой стороны, выходили фуражиры съ вьюками. Замѣтивъ нашу остановку, горцы начали снова собираться и, при дальнѣйшемъ отступленіи, не отставали отъ насъ до самой позиціи; быстро перебѣгая балки и залегая на возвышеніяхъ, они отъ времени до времени выводили изъ строя людей на перевязочный пунктъ. Въ лагерь пришли мы уже въ половинѣ шестаго. Легко раненыхъ было достаточное количество, на носилкахъ же только трое.

Два слѣдующихъ дня совершенно мирно шли фуражировки

и рубка лѣса. Къ 20-му числу очищеннаго пространства, въ обѣ стороны отъ лагеря, считалось версты на три. Полковникъ Офрейнъ, взявъ въ этотъ день сотню казаковъ, отправился осматривать работы по рѣкѣ Данжу. Отъѣхавъ отъ лагеря не болѣе версты, начальникъ отряда замѣтилъ до ста человекъ горцевъ, разсыпавшихся по балкѣ и, какъ видно, имѣвшихъ намѣреніе сдѣлать на него нападеніе. Вѣроятно, подозрѣвая, что въ лѣсахъ скрывается гораздо большая партія, полковникъ Офрейнъ не атаковалъ, а послалъ въ лагерь приказаніе о присылкѣ ему двухъ стрѣлковыхъ ротъ и одного горнаго орудія. Черезъ полчаса подоспѣло и подкрѣпленіе. По первому орудійному выстрѣлу горцы подались назадъ, а отъ прикрытія у проськи отдѣлились еще двѣ роты со взводомъ конныхъ орудій. Прапорщикъ Столбовскій, оставивъ прикрытіе, карьеромъ подскочилъ къ позиціи горнаго орудія и пустилъ по горцамъ еще нѣсколько гранатъ.

21-го января дорога между Пшехскою станицей и Анапскою переправой была кончена, и войска возвратились домой, въ свои землянки.

Въ этотъ періодъ времени, именно 17-го числа, началась постройка *Взесудуховской* станицы, на правомъ берегу рѣки Пшишь, въ пяти верстахъ ниже поста Кошко-Дечукъ, на отличномъ мѣстоположеніи. Назначенный для этого отрядъ состоялъ изъ десяти ротъ.

Приближалась весна, а съ нею началось и появленіе переселенцевъ. Между тѣмъ, очищенное нами пространство по Пшехѣ было еще не занято войсками и не были отведены мѣста подъ станицы и посты; потому, пользуясь свободнымъ временемъ, 24-го января была наряжена для этой цѣли экспедиція изъ 6½ стрѣлковыхъ баталіоновъ, команды пластуновъ, шести орудій, двухъ сотенъ казаковъ и дивизиона драгунъ (*).

Извѣстная мѣстность по лѣвому берегу Пшехи уже сама за себя говорила, откуда неприятель могъ стрѣлять по колоннѣ, и горцы не упускали удобнаго случая, чтобы хотя сколько-нибудь повредить намъ; но перестрѣлка была ведена не мѣстными

(*) 2 роты кавказскаго гренадерскаго, 3 роты 19-го, апшеронскій, ширванскій, самурскій, сводно-резервные №№ 2-го и 3-го стрѣлковые баталіоны, стрѣлковая рота линейнаго № 6-го баталіона; артилерійскіе взводы: конно-казачьей № 13-го, батарейной № 3-го и горной батарей; казачья сотня Михайловская и Надеждинская, дивизионъ Чернышевскаго драгунскаго полка.

жителями, а пришедшими верстъ за десять, чтобы отвести сердце около пепла своихъ саклей. Потому и стрѣлявшихъ было немного. Даже у Волгай-Обидова пальба была крайне ничтожна, и войска спустились съ нея благополучно. Здѣсь назначено было построить постъ *Тубинскій*, а мѣсто ночлега, близъ рѣки Нахако, было выбрано подъ станицу *Кубанскую*. На другой день перестрѣлка была ведена оживленнѣе и замѣтно усиливалась по мѣрѣ движенія нашего впередъ. По дорогѣ опредѣлены были мѣста подъ посты: *Эченчокскій* и *Яшскій*. Часамъ къ пяти колонна остановилась по правой сторонѣ Тхухи. Въ эти два дня было раненыхъ два казака и два стрѣлка.

Большая переменъ замѣчена была нами въ этой долинѣ: уцѣлѣвшіе отъ послѣдняго движенія аулы были заброшены совершенно; лѣса не сторожились, какъ прежде, бдительными жителями; на сосѣднихъ горахъ не видѣлись ихъ пикеты, и толпы молодецкихъ наѣздниковъ не гарцовали болѣе въ виду колонны. Казалось, что не слѣдовало бы жечь ауловъ, а оставить ихъ новымъ переселенцамъ, какъ отличный матеріалъ для постройки домовъ; но на самомъ дѣлѣ оставлять ихъ было крайне опасно. Если горцы и бросили свои аулы, то потому, что ожидали скорого ихъ истребленія; но если бы они замѣтили, что мы не уничтожаемъ ауловъ и что колонны наши часто ходятъ по этой дорогѣ, то, пользуясь возможностью скрывать людей отъ непогодъ, выбрали бы одинъ изъ ауловъ своимъ постояннымъ сборнымъ пунктомъ, откуда легко могли бы слѣдить за дѣйствіями нашихъ отрядовъ и, въ случаѣ оплошности съ нашей стороны, мгновенно воспользоваться ею, имѣя для того готовыхъ людей. Вотъ почему истребленіе ауловъ было мѣрою необходимою. Во время этихъ занятій, до прибытія на позицію близъ устья рѣки Тхухи, получено было извѣстіе, что по рѣкѣ Амбошь находится очень много нетронутыхъ ауловъ, изъ которыхъ жители еще не выселялись и между которыми замѣчательнѣе другихъ былъ Нахако-Хабль, какъ сборный пунктъ вооруженныхъ партій. Цѣль сборовъ, какъ говорили, состояла въ томъ, чтобы прикрыть отъ нашихъ внезапныхъ нападений всю долину и множество скота, зимующаго въ ней.

Не зачѣмъ было откладывать рекогносцировку долины Амбошь въ долгій ящикъ. На другой день, по прибытіи на позицію, за часъ до разсвѣта, 11 стрѣлковыхъ ротъ, 2 орудія,

дивизионъ драгунъ и 2 сотни казаковъ (*), подъ командою начальника отряда, отправились на ревизію оберегаемой горцами долины. Какъ ни тихо шла наша колонна, но на третьей верстѣ отъ лагеря была замѣчена, и рядъ сигнальныхъ выстрѣловъ огласилъ долину. Разсвѣло. Пѣхота прибавила шагъ, а чтобы не дать противнику собраться и приготовиться къ встрѣчѣ, кавалерія пошла на рысяхъ. Успѣхъ былъ полный: горцы, захваченные врасплохъ, изъ переднихъ ауловъ бѣжали въ слѣдующіе, оставивъ около ста штукъ рогатаго скота. Кавалерія, не довольствуясь этимъ, пошла дальше и, по пятамъ бѣгущихъ, явилась передъ ауломъ, въ которомъ собрались отступившіе горцы. Здѣсь, какъ видно, они хотѣли дать болѣе сильный отпоръ, но плохо поправили первую неудачу: не выдержали дружной атаки драгунъ и, потерявъ нѣсколько человекъ, отступили къ слѣдующимъ ауламъ. Кавалерія опять захватила порядочное количество рогатаго скота.

Увлечшись легкостію движенія впередъ, кавалерія какъ будто упустила изъ вида, что вся суть нашихъ дѣлъ заключалась въ отступленіи; когда же она опомнилась, то тотчасъ начала подвигаться назадъ. Горцы встрепенулись: съ необыкновенною поспѣшностію обложили они окрестные перелѣски и открыли бѣглый огонь. Кавалерія должна была теперь безъ пѣхоты отступать шагъ за шагомъ и перейти черезъ высоту изъ балки Залуко въ другую балку—рѣки Амбошь. Видя, что нашей пѣхоты еще нѣтъ, противникъ, вѣроятно, хотѣлъ воспользоваться этимъ и, выдвинувъ изъ лѣса много конныхъ и пѣшихъ партій, началъ угрожать атакой. Къ счастью, скоро появилась наша пѣхота. Не теряя времени, пять стрѣлковыхъ ротъ, съ горнымъ орудіемъ, двинулись противъ партій, которыя не замедлили показать свое благоразуміе, скрывшись въ лѣсъ.

Отступая далѣе, колонна должна была постепенно втягиваться въ узкое лѣсное дефиле. Три роты, оставленныя въ арьергардѣ, занявъ опушку лѣса, едва могли удерживать натискъ горцевъ, которыхъ собралось уже достаточное количество; повременамъ они такъ быстро налѣзали на арьергардъ, что вынуждали его нѣсколько разъ кидаться въ штыки; когда же арьергардъ отступилъ изъ кустовъ на поляну, то тутъ присоединились къ нему

(*) 3 роты 19-го стрѣлковаго, 3 роты сводно-стрѣлковаго резервнаго № 3-го, апшеронскій стрѣлковый и одна рота линейнаго № 6-го баталіоновъ; взводъ батарейной № 3-го батареи и вся кавалерія.

еще двѣ роты и два батарейныхъ орудія. Не хорошо почувствовали себя горцы, набѣжавъ на этотъ огонь, и сочли за лучшее прекратить преслѣдованіе до перваго удобнаго случая. Слѣдующія затѣмъ попытки ихъ были уничтожаемы самымъ чувствительнымъ образомъ.

Къ полудню колонна возвратилась въ лагерь съ шестью плѣнными и большимъ стадомъ рогатаго скота. Потеря съ нашей стороны состояла въ раненыхъ: одномъ штабѣ, одномъ оберъ-офицерахъ и 30 рядовыхъ (*).

Послѣобѣденная фуражировка увеличила нашу потерю еще однимъ убитымъ стрѣлкомъ.

Выбравъ мѣсто нашей стоянки подъ станицу Апшеронскую, отрядъ двинулся въ обратный путь 27-го января.

Непріятель ожидалъ нашего общаго отступленія и былъ въ сборѣ. Съ перваго шага перестрѣлка закипѣла съ трехъ сторонъ. Преслѣдуя значительными силами съ тыла и со стороны лѣса, горцы заняли еще высоты праваго берега и стрѣльбой оттуда не позволяли колоннѣ отодвинуться далеко отъ лѣса. Впрочемъ, по разстоянію, на которомъ они держались отъ цѣпей, видно было, что не потеряли еще уваженія къ нашему нарѣзному оружію: ему только мы и были обязаны незначительною потерю въ сравненіи съ потерями пятидесятихъ годовъ. Продолжая усердствовать въ перестрѣлкѣ, горцы густо занимали всѣ исходящіе углы лѣса. Всякій разъ, какъ только замѣчали остановку арьергарда, задерживаемаго обозомъ, они немедленно приближались на хорошей ружейной выстрѣль, залегая за всѣ возможныя закрытія. Желаніе ихъ кинуться на арьергардъ было слишкомъ замѣтно; но едва они пробовали выходить изъ-за закрытій, какъ опытомъ убѣждались, что дорого можетъ обойтись такая дерзость. Однако разъ-таки пришлось цѣпи нашей кинуться въ одну изъ опушекъ, откуда стрѣльба была особенно сильна. Новыхъ шесть человекъ раненыхъ были принесены на позицію близъ нынѣшней станицы Кубанской, гдѣ остановились войска для возведенія ея ограды. 28-го числа, всѣ раненые и больные препровождены были въ Пшехскую станицу съ колонною, назначенною за провіантомъ.

Въ это время, отброшенный далеко непріятель не безпо-

(*) Подполковникъ Адмеръ былъ раненъ легко въ руку, и командовавшій наѣздниками Переяславскаго драгунскаго полка прапорщикъ Никошидзе.

коилъ насъ нападеніями большихъ партій; мелкія же тревоги касались только тѣхъ частей войскъ, близъ которыхъ онѣ производились. Благодаря этому обстоятельству, всѣ вновь принятая работы шли быстро: не по днямъ, а по часамъ подымались ограды Кубанской и Бжедужской станицъ.

Около этого времени распространились слухи о скоромъ пріѣздѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. Никто въ отрядѣ не сомнѣвался, что до пріѣзда въ Тифлисъ онъ пожелаетъ посмотреть результатъ кровавыхъ подвиговъ и трудового пота той части войскъ, которая поканчивала почти вѣковую борьбу. Вслѣдствіе этого улучшались дороги, Пшехская станица украшалась новыми мостиками, вновь строющіеся посты и станицы обезпечивались поставленными на барбетахъ полевыми орудіями, въ ожиданіи подвозки чугунныхъ.

Среди такихъ хлопотливыхъ мирныхъ занятій, забота отряда заключалась еще и въ добываніи фуража. Объѣдѣли окрестности запасами сѣна, да и экстренный складъ казеннаго сѣна въ Пшехской станицѣ уже истощался. Положеніе частныхъ и казенныхъ лошадей дѣлалось понемногу хуже и дошло наконецъ до того, что принуждены были отослать дивизионъ Переяславскаго драгунскаго полка въ штабъ-квартиру на правку, а въ замѣнъ его вызвать тверцовъ. Рыская въ окрестностяхъ, чуть не по цѣлымъ днямъ, драгуны повременамъ отыскивали уцѣлѣвшіе сѣнные склады горцевъ. Отдаленныя же фуражировки, производимыя значительными частями войскъ, какъ, на примѣръ, 3-го, 8-го и 9-го февраля, приносили своего рода пользу: захватываніе фуража, скота и даже плѣнныхъ, въ районѣ горскихъ поселеній, не только не позволяло горцамъ собирать партіи для нападений на наши кордонные посты, но заставляло ихъ заботиться о собственной безопасности и даже выселяться въ болѣе отдаленныя мѣста.

Въ такихъ занятіяхъ провели мы февраль мѣсяць, до 26-го числа.

III.

Выступленіе отряда для встрѣчи Его Императорскаго Высочества.—Отыскиваніе бродовъ на Псекупсѣ. — Движеніе 1, 2 и 3-го марта. — Два главныхъ сбора войскъ. — Работы въ каждомъ изъ нихъ по 27-е апрѣля. — Рекогносцировка дороги отъ Апшеронской до Самурской станицъ. — Вой у Магометъ-Аминевскаго аула.—Отступленіе отряда. — Результаты рекогносцировки. — Пріѣздъ генерал-майора Зотова. — Пріѣздъ графа Евдокимова.—Рубка дороги отъ Апшеронской станицы на Хадыжи. — Дѣла 20 и 26-го мая.—Переходъ отряда на Пшишъ. — Движеніе изъ Хадыжей въ Пшишскую станцію. — Оставленіе укрѣпленія 8-го июня. — Работы отряда. — Переходъ войскъ вверхъ по Пшишу къ бывшему аулу Шаушъ-Хабль, для устройства дороги.

Ожиданія сбылись. Его Высочество намѣстникъ, прибывъ въ Ставрополь, немедленно направился въ районъ дѣйствій адагумскаго отряда, а оттуда намѣревался побывать во всѣхъ отрядахъ. Чтобы принять Его Высочество и проводить по своему району, войска пшехскаго отряда 26-го февраля оставили Пшехскую станицу и направились къ рѣкѣ Псекупсѣ. 28-го числа отрядъ, переночевавъ на позиціи при рѣкѣ Пчасъ, выступилъ на другой день, рано утромъ, безъ палатокъ и лишнихъ тяжестей, оставленныхъ на позиціи подъ прикрытіемъ 4 баталіоновъ и 2 орудій (*).

(*) Сводно-стрѣлковый № 1-го, сводно-стрѣлковый резервный № 2-го баталіоны, 3-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, 5-й резервный баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка; взводъ облегченной № 4-го батареи. Колонна же состояла: *Пехоты*: 3 роты 19-го, ширванскій, апшеронскій, самурскій, кавказскій гренадерскій, 3 роты сводно-резервнаго № 3-го стрѣлковые баталіоны; 4-я рота 2-го кавказскаго сапернаго баталіона и команда пластуновъ. *Кавалеріи*: туземной милиціи, части конно-лабинскаго ирегулярнаго эскадрона: конныхъ №№ 7 и

Часу въ десятомъ войска прибыли къ правому берегу Пескупса, противъ того мѣста, гдѣ ожидали найти бродъ; но его тамъ не было: сильные проливные дожди, шедшіе передъ тѣмъ въ горахъ, подняли рѣки. Отыскать бродъ было необходимо; поэтому отрядъ началъ подыматься выше по теченію рѣки, измѣряя повременамъ глубину ея. Отрядъ приближался къ аулу Хасай-Хабль, гдѣ знавшіе эти мѣста хотѣли указать нѣсколько бродовъ, почти никогда неуничтожающихся, какъ вдругъ непріятель, отгадавшій нашу нужду, самымъ сильнымъ огнемъ встрѣтилъ войска съ противоположнаго берега, чѣмъ и опредѣлилъ мѣста бродовъ. Чтобы повѣрить эту находку, необходимо было выгнать горцевъ изъ кустовъ занимаемаго ими берега; а для этого, въ свою очередь, приходилось занять правый берегъ значительнымъ числомъ нашихъ войскъ и въ нѣсколько разъ сильнѣйшимъ огнемъ заставить ихъ уступить намъ и лѣвый берегъ. Подполковникъ генеральнаго штаба С*, желая скорѣе привести это рѣшеніе въ исполненіе, приказалъ милиціи, шедшей во главѣ авангарда, быстро подскочить къ берегу и открыть по непріятелю живой огонь. Съ гикомъ понеслись наши горцы къ берегу, но, встрѣченные залпами, повернули назадъ; еще нѣсколько разъ повторяли они свои атаки, но всякій разъ не выдерживали сильнаго огня противника. Тогда подполковникъ С*, крикнувъ одной изъ подошедшихъ сотенъ: „впередь!“, самъ поскакалъ къ гребню берега и остановился въ виду всѣхъ, буквально осыпaeмый пулями. Конечно, сотня, побуждаемая и собственнымъ самолюбіемъ и боязнію безчестія — оставить одного начальника въ такомъ положеніи, быстро разсыпалась по берегу и открыла пальбу. Недолго послѣ этого кусты оставались убѣжищемъ горцевъ. Вскорѣ казаки подкрѣплены были стрѣлками, которые, принявъ на себя завязавшуюся перестрѣлку, не удовольствовались тѣмъ, что горцы очистили берегъ, но продолжали поддерживать ее съ противникомъ, подавшимся уже выше этого мѣста, и съ своей стороны не допускали ихъ на ружейный выстрѣлъ къ бродамъ. Пока цѣпь вела перестрѣлку, отрядъ успѣлъ расположиться на правомъ берегу бивуакомъ.

9-го полковъ Кубанскаго казачьяго войска, дивизионъ Тверскаго, дивизионъ Переяславскаго драгунскихъ полковъ; 1 и 2-я сотни Кубанскаго казачьяго полка. *Артилерія*: 3 ракетныхъ станка конно-ракетной батареи, взводъ конно-казачьей № 13-го, взводъ облепченной № 3-го.

Часа въ два пополудни за Пескупсомъ слышалась отдаленная, горячая орудійная пальба, объяснившая намъ, почему, вмѣсто того, чтобы увидѣть Его Императорское Высочество въ десять часовъ утра, какъ ожидали всѣ, пришлось встрѣтить его гораздо позже. Звуки выстрѣловъ, между тѣмъ, становились все громче, наконецъ раздались за ближайшими высотами лѣваго берега; въ четыре часа показались войска адагумскаго отряда, которыя расположились лагеремъ на противоположномъ берегу, окруживъ ставку намѣстника.

На нашей же сторонѣ обстояло не все благополучно: захотѣли построить мостъ, и цѣлый вечеръ, чуть не цѣлую ночь, бились надъ этою выдумкой, и чего-чего только не происходило въ борьбѣ съ необыкновенно быстрымъ теченіемъ: то срывало каюки при постановкѣ, то лопался канатъ, то кто-нибудь обмакивался въ студеной водичкѣ, въ которой окунулся и самъ саперный офицеръ, и все это кончилось тѣмъ, что на другой день Его Высочество переѣхалъ на правый берегъ въ бродъ, который сталъ доступнѣе, благодаря прояснившейся въ горахъ погодѣ.

Съ зарею слѣдующаго дня, отрядъ былъ выстроенъ для встрѣчи Великаго Князя въ слѣдующемъ порядкѣ: пѣхота въ линіяхъ ротныхъ колоннъ; на лѣвомъ флангѣ ея два взвода артилеріи, лѣвѣе ея дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка, а подъ прямымъ угломъ къ этой линіи дивизионъ Переяславскаго драгунскаго полка, затѣмъ взводъ конной артилеріи, три ракетныхъ станка, наконецъ двѣ сотни казаковъ и милиція, при чемъ артилерія находилась во взводныхъ колоннахъ, а кавалерія во взводныхъ колоннахъ изъ середины. По объѣздѣ намѣстникомъ всей линіи, войска тронулись обратно къ Пшишу (*).

(*) Порядокъ слѣдованія былъ: *авангардъ*, подъ начальствомъ командира Тверскаго драгунскаго полка, полковника Барковскаго, состоялъ: изъ туземной милиціи, части лабинскаго конно-иррегулярнаго эскадрона, двухъ сотенъ казаковъ, трехъ ракетныхъ станковъ, дивизиона Тверскаго драгунскаго полка, взвода конно-казачьей № 13-го батареи, трехъ ротъ 19-го стрѣлковаго баталіона, саперной роты и всѣхъ пластуновъ. *Правая цѣпь* (съ болѣе опасной стороны), подъ командою командира апшеронскаго стрѣлковаго баталіона, майора Скворцова, состояла: изъ апшеронскаго стрѣлковаго, трехъ ротъ сводно-резервнаго № 3-го стрѣлковаго баталіоновъ и взвода горныхъ орудій. *Лѣвая цѣпь*, подъ начальствомъ командира самурскаго стрѣлковаго баталіона, полковника Солтана, состояла изъ этого же баталіона. *Артилерія*, подъ командою командира Переяславскаго драгунскаго полка,

Мѣстность отъ рѣки Псекупса къ рѣкѣ Шишишъ идетъ почти совершенно ровная, покрытая во многихъ мѣстахъ кустарникомъ и небольшими лѣсами съ обширными промежуточными полянами, перерѣзанными неглубокими балками; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ она переходитъ въ незначительныя возвышенности, служащія водораздѣлами рѣки Псекупса отъ рѣки Пчасъ, этой послѣдней отъ Марте, Марте отъ Цыце и Цыце отъ Шишиша.

Не отошли еще наши и двухъ верстъ отъ Псекупса, какъ на совершенно открытомъ пространствѣ, которое тянется до первыхъ высотъ, замѣчена была авангардомъ значительная конная партія, выжидавшая нашего приближенія. Полковникъ Крымъ-Гирей-Гусаровъ, начальникъ Бжедуховскаго округа, принялъ на себя обязанность прогнать горцевъ. Присоединивъ казаковъ, съ шестилинейными винтовками, къ милиціи, онъ началъ подвигаться впередъ, открывъ перестрѣлку; дальность полета нашихъ пуль заставила непріятеля подаваться назадъ. Замѣтивъ нестойкость горцевъ, Крымъ-Гирей-Гусаровъ гикнулъ на нихъ съ милиціею; но, слѣдя за движеніями непріятеля, онъ не замѣтилъ впереди себя небольшого ровика, въ которомъ нѣсколько человекъ горцевъ выжидали приближенія увлекшагося начальника, скакавшаго далеко впереди своей команды: шагахъ въ полтораста отъ него раздался залпъ, и Крымъ-Гирей-Гусаровъ, пробитый двумя пулями, упалъ съ коня.

Этотъ неожиданный залпъ и нѣсколько упавшихъ раненныхъ милиціонеровъ какъ-то особенно дурно подѣйствовали на духъ атакующихъ, и они повернули назадъ. Двѣ сотни казаковъ, дивизионъ драгунъ, съ двумя конными орудіями и тремя ракетными станками, полетѣли къ нимъ на выручку. Трудъ полковника, раздѣтый уже горцами, былъ отбитъ въ одно мгновеніе; непріятель, не выждавъ атаки, подался въ лѣсъ, лежавшій съ правой стороны нашего пути. Затѣмъ кавалерія опять заняла свое мѣсто въ авангардѣ. Но недолго шла она спокойно: проходя около того мѣста, гдѣ лѣсъ выдавался мысомъ, почти къ самой дорогѣ, снова послышался залпъ, данный по войскамъ авангарда; кавалерія пронеслась карьеромъ чрезъ

полковника Джемарджиде, состоялъ: изъ дивизиона Переяславскаго драгунскаго полка, кавкасскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона и взвода облегченной № 3-го батареи.

опасное пространство, предоставляя очищеніе его отъ непріятеля слѣдовавшей за нею пѣхотѣ. Дойдя до обширной поляны, кавалерія совершенно неожиданно встрѣтилась опять съ конною партіей. Переднія части завязали съ горцами перестрѣлку; казаки немедленно спѣшились, потому что густой кустарникъ мѣшалъ дѣйствіямъ въ конномъ строю; ракетные станки и конныя орудія открыли огонь. Въ это же время, къ вышепомянутой выдающейся части лѣса подошла авангардная пѣхота: три роты 19-го стрѣлковаго баталіона, ширванскій стрѣлковый баталіонъ, къ которымъ присоединился артиллерійскій горный взводъ съ правой цѣпи, и завязала перестрѣлку со скрывавшеюся пѣшею партіей. Въ скоромъ времени какъ кавалерія, такъ и пѣхота осадили своихъ противниковъ въ глубь лѣса и двинулись дальше.

Какъ часто бываетъ, что самые незначительные случаи въ дѣлахъ съ непріятелемъ имѣютъ сильное вліяніе на состояніе духа войскъ! Кто изъ находившихся въ бою начальниковъ не радовался, замѣтивъ улыбку на лицахъ солдатъ, только-что за минуту передъ тѣмъ мрачно посматривавшихъ на кровь своихъ товарищей, и кто съ искреннею веселостію не передавалъ подобныхъ случаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ?

Одинъ такой случай встрѣтился намъ во время описанной перестрѣлки. Конныя партіи, прогнанныя, послѣ смерти Крымъ-Гирей-Гусарова, въ лѣсъ, услышавъ перестрѣлку впереди, рѣшились идти къ своимъ на помощь. Лѣсъ былъ густой, непроходимый для кавалеріи; но такія отчаянныя головы, какъ горцы, рѣшились проскакать по опушкѣ, мимо огня нашей пѣхоты, и, дѣйствительно, одинъ за другимъ начали пронеситься во весь духъ въ пятистахъ шагахъ передъ нашею цѣпью. Артельныя собаки, гонявшіяся до этого за пулями, не могли вынести такой дерзости горцевъ: подзадориваемыя быстро несущимися всадниками, онѣ начали кидаться на лошадей, хватая ихъ за хвосты. Въ скоромъ времени солдаты увидѣли передъ собою уже не людей, грозившихъ смертію, а какихъ-то акробатовъ, за которыми на хвостахъ лошадей неслись по воздуху по одной и по двѣ собаки. Въ цѣпи послышались смѣхъ и ускоренная пальба по наѣзникамъ, которымъ собаки не давали полного хода. Тяжелое впечатлѣніе отъ только-что понесенныхъ потерь какъ будто поизгладилось.

Горцы въ этотъ день больше уже не дѣлали попытокъ подстергать насъ, хотя встрѣчалось много очень удобныхъ къ тому позицій, какъ, на примѣръ, берега рѣчки Шатуко.

Вагенбургъ, оставленный на рѣкѣ Пчасъ, и прикрывавшій его войска присоединились къ отряду (1). Затѣмъ колонна совершенно благополучно дошла до рѣки Марте, на правомъ берегу которой разбила лагерь и ночевала.

Потеря 1-го марта у милиціонеровъ состояла изъ убитыхъ: одного штабъ-офицера, одного оберъ-офицера, двухъ всадниковъ и раненыхъ четырехъ; въ остальныхъ войскахъ вышло изъ строя ранеными: оберъ-офицеръ одинъ (2) и казакъ одинъ. Остальные не оставляли строя.

Предстоявшій 23-верстный переходъ, отъ Марте до рѣки Пшиша, совершался въ такомъ же порядкѣ; только части войскъ были перемѣнены (3).

Удобнѣйшій путь для перехода колонны сначала имѣлъ направленіе почти перпендикулярное къ рѣкѣ Пшишь, по линіи, упиравшейся вереть на восемь ниже Бжедуховской станицы. Мѣстность до поворота къ этой станицѣ была рѣшительно повтореніемъ пройденнаго пространства отъ Псекупса, только мѣстами перерѣзывалась топкими балками; но отъ поворота дорога ухудшалась на много: лѣвый низменный берегъ весь

(1) Такимъ образомъ, сводно-стрѣлковый линейный № 1-го баталіонъ и взводъ облегченной № 4-го батареи назначены были для усиленія авангарда; правая цѣпь усилена была сводно-стрѣлковымъ резервнымъ № 2-го баталіономъ; арьергардъ увеличился присоединеніемъ 3-го баталіона Кубанскаго пѣхотнаго полка; 5-й же резервный баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка былъ назначенъ для слѣдованія при обозѣ и занятіи карауловъ у ставки командующаго войсками Кавказской арміи и лицъ, сопровождавшихъ Его Императорское Высочество.

(2) Апшеронскаго стрѣлковаго баталіона прапорщикъ Коленко.

(3) Авангардъ составляли: та же милиція, тѣ же двѣ сотни казаковъ, три ракетныхъ станка, дивизионъ Переяславскаго драгунскаго полка, взводъ конно-казачьей № 13-го батареи; стрѣлковые баталіоны: кавказскій гренадерскій, апшеронскій, 3 роты сводно-резервнаго № 3-го баталіона; взводъ облегченной № 3-го батареи, рота саперъ и команда пластуновъ, подъ начальствомъ полковника Джемарджидзе. *Правая цѣпь* состояла: изъ трехъ ротъ 19-го, самурскаго, ширванскаго стрѣлковыхъ баталіоновъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Полторацкаго. *Лѣвая цѣпь* состояла: изъ одного только 5-го резервнаго баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ командира того же баталіона. *Арьергардъ* составляли: дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка, сводно стрѣлковый резервный № 2-го баталіонъ, сводно-стрѣлковый линейный № 1-го баталіонъ, при двухъ орудіяхъ облегченной № 4-го батареи.

состоить изъ топей, отъ частыхъ разливовъ рѣки, и покрытъ густѣйшимъ кустарникомъ, едва доступнымъ проходу пѣхоты въ разсыпную. Все это затрудняло движеніе особенно кавалеріи, артилеріи и обоза; между тѣмъ, такая дорога тянулась на разстояніи трехъ веретъ.

Во время движенія отряда отъ рѣки Марте до поворота дороги къ переправѣ черезъ Пшишь, непріятель ограничивалъ свои дѣйствія только одними наблюденіями, держась далѣе дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла; съ приближеніемъ же къ переправѣ оказалось, что непріятель находился по всей опушкѣ лѣса съ правой стороны. Въ особенности сильно были имъ заняты кусты, тянувшіеся параллельно дамбѣ. Здѣсь, для усиленія своей позиціи, горцы устроили даже заваль, упиравшійся въ двѣ сосѣднія опушки лѣса.

По приближеніи нашихъ войскъ, противникъ открылъ огонь, съ цѣлю не пустить войска черезъ дамбу. Наши стрѣлки отвѣтили, и завязалось дѣло. Самъ командующій войсками Кубанской области принялъ на себя непосредственное распоряженіе: чтобы вытѣснить непріятели, онъ приказалъ кавказскому гренадерскому, тремъ ротамъ 19-го и самурскому стрѣлковымъ баталіонамъ и взводу облегченной № 3-го батареи ударить на него съ фронта, поручивъ эту атаку полковнику Выборгу; съ лѣвой стороны, подъ начальствомъ майора Скворцова, были посланы: апшеронскій, три роты сводно-резервнаго № 3-го стрѣлковые баталіоны, дивизионъ Переяславскаго драгунскаго полка и взводъ конно-казачьей № 13-го батареи. Абадзехи рѣшились защищаться упорно: засѣвъ крѣпко въ этой трудно проходимой мѣстности и за заваломъ, они усилили огонь по наступающимъ войскамъ.

Войска, посланныя съ фронта, быстро охватили заваль съ трехъ сторонъ. Гренадеры кинулись въ опушку, противъ лѣвой стороны завала, стараясь атаковать сидѣвшаго за нимъ непріятели съ фланга; 19-й и самурскій стрѣлковые баталіоны, подъ начальствомъ подполковника Эжелна, подались немного вправо и охватили заваль съ фронта и фланга. Недолго сидѣли за нимъ горцы: съ первымъ появленіемъ обходныхъ баталіоновъ, они бросили завалы, не успѣвъ подобрать девяти убитыхъ, съ находившимся на нихъ оружіемъ. Затѣмъ помянутые три баталіона соединились сзади завала. Три роты 19-го, са-

мурскій и ширванскій стрѣлковыя баталіоны двинулись прямо въ лѣсъ, а лѣвѣе ихъ, вмѣстѣ съ кавказскимъ гренадерскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, пошли пластуны и образовали тамъ одну большую цѣпь, параллельную дамбѣ.

По изгнаніи непріятеля изъ лѣса и занятіи, сплошною цѣпью изъ нѣсколькихъ баталіоновъ, противоположной опушки лѣса, немедленно открылось движеніе остальныхъ частей войскъ и обоза по двумъ дорогамъ къ дамбѣ и мосту. Когда часть обоза переправилась черезъ мостъ, Его Императорское Высочество, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ, двухъ ротъ сводно-стрѣлковаго линейнаго № 1-го баталіона, при двухъ горныхъ орудіяхъ, кратчайшею дорогой отправился черезъ лѣсъ къ дамбѣ и благополучно прибылъ въ станицу Бжедуховскую, около шести часовъ пополудни.

Оставшіяся на позиціи войска продолжали перестрѣливаться съ горцами, которые все еще думали какъ-нибудь прорваться и надѣлать кутерму на переправѣ, но, видя бесполезность своихъ усилій, прекратили огонь. Войска наши вслѣдъ за обозомъ двинулись черезъ мостъ. Послѣдніе баталіоны прибыли на мѣсто расположенія отряда часовъ въ восемь.

Потеря этого дня состояла изъ одного убитаго и 24 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Войска расположились, для ночлега, внутри ограды Бжедуховской станицы, исключая казаковъ, дивизіона драгунъ, кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, двухъ горныхъ орудій и пластуновъ, которые остались на низменномъ правомъ берегу, чтобы удобнѣе можно было слѣдить за горцами, если бы они задумали сдѣлать ночное нападеніе.

Ночь прошла спокойно, и наступило 3-е марта.

Въ такомъ же порядкѣ (*), войска, съ разсвѣтомъ, выступили изъ Бжедуховской станицы и направились къ Пшехской.

Пройдя оврагъ подъ самою станицей и небольшою лѣсъ, который тянулся потомъ только съ правой стороны, отрядъ замѣтилъ партію горцевъ, довольно долго державшуюся далѣе ружейнаго выстрѣла; но когда правая цѣпь начала спускаться

(*). Описанный порядокъ при движеніи 1 и 2-го марта даетъ понятіе о строе, въ которомъ находились войска 3-го марта, а такъ какъ численность авангарда, арьергарда и боковыхъ цѣпей не измѣнилась, то и характеръ размѣщенія войскъ остался безъ измѣненія.

въ балку, гдѣ протекала рѣчка Даргай, тогда около ста конныхъ и пѣшихъ абадзеховъ открыли огонь по нашимъ стрѣлкамъ. Чтобы не измѣнить хорошей кавказской тактикѣ — не оставлять опушку въ распоряженіи непріятеля, подполковникъ Евдокимовъ, командовавшій правою цѣпью, кинулся съ нею въ лѣсъ, занялъ опушку и, отогнавъ противника далѣе, заставилъ его прекратить пальбу.

Около рѣчки Хостагъ, другая партія, по увѣренію начальника авангарда, въ нѣсколько сотъ человекъ, занявъ балку, хотѣла задержать движеніе нашихъ войскъ, но была выбита одними драгунскими наѣздниками и казаками, которыхъ, въ случаѣ нужды, могла поддержать вся кавалерія авангарда. Драгуны преслѣдовали ихъ довольно долго. Три изрубленныхъ тѣла остались въ нашихъ рукахъ. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ движеніи, продолжалась легкая перестрѣлка съ правой, лѣвистой стороны.

Часа въ четыре пополудни, салютаціонныя выстрѣлы изъ шести орудій Пшехской станицы привѣтствовали новаго наместника Кавказа. Войска же прибывшаго отряда обошли станицу и расположились въ верстѣ выше ея, по дорогѣ въ Кубанскую, куда предполагалось дальнѣйшее движеніе.

Такъ прошелъ и этотъ день, принесъ свои жертвы: убитымъ одного драгуна и ранеными одного оберъ-офицера и пять нижнихъ чиновъ.

Горцы, которымъ не удалось до сихъ поръ нанести намъ значительнаго вреда и которымъ приходилось только терпѣть однѣ неудачи, узнавъ, что Его Высочество желаетъ продолжать движеніе вверхъ по Пшехѣ, начали собираться по дорогѣ въ Кубанскую станицу. Лица, находившіяся на Тубинскомъ посту, передавали, что за нѣсколько дней до того они замѣчали въ сосѣднихъ лѣсахъ сборъ огромныхъ партій и что 4-го числа горцы начали съ утра появляться передъ постомъ, а къ полудню густыя массы ихъ были растянуты отъ Волгай-Обидова до балки Хошерукова; при этомъ они такъ близко подошли къ посту, что гарнизонъ его вынужденъ былъ сдѣлать выстрѣла два картечью, чтобы заставить осадить горцевъ въ лѣсъ. Завѣдывающій войсками въ Пшехской станицѣ также доносилъ рапортомъ о значительныхъ сборахъ непріятеля.

Вообще, по собраннымъ тогда свѣдѣніямъ, можно было предсказать съ нѣкоторою достовѣрностію, что если бы мы

пошли вверх по Пшехѣ, то не достало бы даже носилокъ для раненыхъ, потому что сильно-пересѣченная мѣстность могла дать горцамъ отличное закрытіе и препятствовать дѣйствию нашей кавалеріи, а мѣстами и сосредоточенію артилеріи; но Его Императорское Высочество измѣнилъ свой маршрутъ. Сначала предполагалось подняться вверх по Пшехѣ, а потомъ перейти на Курджипсь къ даховскому отряду; 4-го же числа было объявлено, что намѣстникъ переѣзжаетъ въ Майкопъ, а оттуда уже отправляется по другимъ отрядамъ. Этимъ распоряженіемъ было спасено много людей, горцы же со стѣсненнымъ сердцемъ, даромъ прождали опаснаго противника.

Въ семь часовъ утра колонна, назначенная для сопровожденія Его Высочества въ Майкопъ, была уже выстроена и вскорѣ потянулась по такъ называемой прямой дорогѣ въ Ханскую.

Вечеромъ Майкопъ освѣтился иллюминаціей, а на сосѣдней горѣ заблестѣла гигантская буква М, сложенная по всему скату изъ огромныхъ костровъ. Проводивъ намѣстника, отрядъ нашъ собрался въ Пшехскую станицу, гдѣ былъ данъ ему отдыхъ до 9-го марта.

Военныя операціи зимней экспедиціи были уже кончены; оставалось только сильнѣе закрѣпить за нами очищенные мѣста постройками станицъ, къ чему и было приступлено 10-го марта. Уничтоживъ наканунѣ постъ Куаго, одна часть войскъ, болѣе значительная, была послана на пшишскую линію для окончанія Бжедуховской станицы; остальные же войска: восемь съ половиною баталіоновъ пѣхоты, одна рота саперъ, шесть орудій, двѣ сотни казаковъ, двинулись 11-го числа въ Апшеронскую станицу. Вслѣдствіе этого образовалось два главныхъ средоточія войскъ: *пшишское* и *апшеронское*; остальные войска занимали станицы Кубанскую, Пшехскую и посты. Въ каждой изъ названныхъ частей закипѣли работы, перемежавшіяся стычками съ неприятелемъ.

Работы по пшишской кордонной линіи. Съ прибытіемъ присланныхъ войскъ, именно съ 11-го марта, въ Бжедуховскую станицу, приступлено было къ рубкѣ лѣса по правому берегу Пшиша, чтобы отдалить отъ станицы то естественное прикрытіе, которое давало возможность горцамъ близко подходить къ

работающимъ и потомъ дѣлать нападенія такъ быстро, что войска едва успѣвали разбирать ружья. Абадзехи рѣшились было въ первый же день помѣшать этой рубкѣ, но тотчасъ же исчезли, выбивъ у насъ изъ строя двухъ нижнихъ чиновъ.

Рубка продолжалась пять дней; 16-го же числа войска занимались очисткою внутренняго пространства станицы. На слѣдующій день, сводно-линейный № 13-го, двѣ роты сводно-линейнаго № 3-го стрѣлковыхъ баталіоновъ и три роты кабардинскаго резервнаго баталіона, подъ начальствомъ подполковника Ильинича, передвинулись къ мѣсту, назначенному для постройки станицы *Габукаевской*; въ Бжедуховской же станицѣ остались двѣ роты самурскаго резервнаго баталіона, одна рота кабардинскаго резервнаго и одна рота сводно-стрѣлковаго линейнаго № 3-го баталіоновъ. 18-го марта начали заготовлять колья и лѣсъ для ограды Габукаевской станицы. Работа шла поспѣшно, и неприятель не дѣлалъ нападеній. Ко 2-му апрѣля Габукаевская станица была уже обнесена оградой.

Работы войскъ въ Апшеронской станицѣ. Войска, выступившія 11-го числа, въ одинъ день успѣли прибыть на позицію около предполагаемой Апшеронской станицы. На другой день, 12-го марта, отправлена была колонна для конвоированія обоза всего отряда въ Пшехскую, чтобы дать возможность лошадямъ находиться ближе къ запасамъ сѣна. Значительная неприятельская партія долго шла за арьергардомъ, но, удерживаемая артилерійскими выстрѣлами, продолжала слѣдить на значительномъ отдаленіи. Пули ея едва долетали до цѣпи, почему и было у насъ только два человѣка раненыхъ.

Въ этотъ же день случилось несчастіе и въ лагерь, на позиціи близъ Апшеронской. Нѣсколько человѣкъ горцевъ залегли въ промоину на значительной высотѣ праваго берега рѣки Пшехи и открыли пальбу изъ наръзныхъ ружей, подвезенныхъ, вѣроятно, услужливыми иностранными эмисарами. Сначала они стрѣляли по солдатамъ-рыболовамъ, унизавшимъ весь берегъ; когда же, видя безпечность импровизованныхъ рыболововъ, офицеры разогнали ихъ, тогда горцы направили выстрѣлы противъ линіи палатокъ. Одна изъ первыхъ пуль впиалась въ грудь офицера, безпечно пившаго чай; затѣмъ были ранены еще два солдата. Нѣсколько, удачно посланныхъ, картечныхъ гранатъ нашли, кажется, виновнаго, потому что пальба прекратилась. Къ вечеру пластуны переправились на правый берегъ, поселились въ од-

номъ изъ сожженныхъ ауловъ, и затѣмъ охотниковъ стрѣлять по лагерю болѣе уже не встрѣчалось.

13-го марта началась постройка Апшеронской станицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рубка лѣса по направленію къ станицѣ Кубанской. Къ 25-му числу валъ былъ поднятъ до грудной высоты: къ концу же мѣсяца ограда была кончена.

Нельзя не замѣтить быстроту въ дѣйствіяхъ пшехскаго отряда. Съ іюня 1862 и по апрѣль 1863 года, войска этого отряда успѣли выстроить: *Пшехскую, Кубанскую, Бжедуховскую, Габукеевскую* и *Апшеронскую* станицы, и все это обширное пространство окружить постами и очистить отъ горскаго населенія! Несмотря на значительное развитіе работъ, онѣ были ведены безъ утомленія солдатъ; вдобавокъ, работы были не только хороши, но даже щеголеваты, какъ, на примѣръ, ограда Апшеронской станицы.

Къ началу апрѣля всѣ вновь предполагаемыя станицы были уже обнесены валомъ. Но работа не прекращалась: насыпались барбетты, апшеронскій валъ обкладывался дерномъ, строились платформы, ворота и мосты. Въ теченіе этого времени происходили иногда и стычки съ неприятелемъ: горцы нападали то на небольшія команды, то на оплошныхъ одиночныхъ людей. Конечно, не обходилось безъ убитыхъ и раненыхъ; но все это проявлялось въ видѣ военныхъ мелочей. Работы подвигались уже къ окончанію, какъ, въ среднихъ числахъ апрѣля, получено было приказаніе отъ командующаго войсками Кубанской области: начать постройку дороги вверху по Пшехѣ на Аминовскій аулъ, а оттуда открыть сообщеніе съ даховскимъ отрядомъ, который находился въ это время вблизи Самурской станицы.

Чтобы привести въ исполненіе приказаніе графа Евдокимова, всѣ работы были прекращены, и 27-го числа назначена рекогносцировка, долженствовавшая предшествовать дальнѣйшей разработкѣ дороги.

Въ назначенный день, пять баталіоновъ пѣхоты, дивизионъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ, команда пластуновъ и саперы, при двухъ конныхъ орудіяхъ, двухъ облегченныхъ и двухъ горныхъ орудіяхъ, выступили, въ шесть часовъ утра, изъ станицы Апшеронской (*).

(*) Кавказскій гренадерскій, 19-й и ширванскій стрѣлковые баталіоны; 3-й и 4-й баталіоны Кубанскаго пѣхотнаго полка, 2 эскадрона Тверскаго драгунскаго

По прибытіи на равнину Хіачъ, лежащую въ десяти верстахъ отъ станицы, вся кавалерія, со взводомъ конныхъ орудій, 19-й и ширванскій стрѣлковые баталіоны, подъ начальствомъ подполковника Полторацкаго, направлены были вверхъ по рѣкѣ Дынь-Шекодзъ, для разоренія ауловъ, которые виднѣлись среди лѣсовъ, на отлогихъ высотахъ, замыкающихъ эту равнину.

Дынь-Шекодзъ течетъ въ узкой долинкѣ, между пологими покатосями, покрытыми кустарниками, которые далѣе переходили въ густой лѣсъ. По лѣвому берегу ея, на разстояніи двухъ верствъ отъ окраины равнины Хіачъ, расположены были четыре аула. Казаки, посланные по лѣвой сторонѣ этой рѣчки, скоро доскакали до крайняго аула, называвшагося Ночумко-Хабль. Внезапное появленіе казаковъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: нѣсколько абадзеховъ были захвачены въ плѣнъ, отбито много скота и выбрано изъ ауловъ все болѣе цѣнное имущество. Озадаченные горцы поспѣшно удалились въ лѣсъ. Сначала горцы не выказывали даже намѣренія отстаивать свое добро; но лишь только казаки, зажегши аулъ, начали отходить отъ лѣса, какъ изъ него посыпались пули; завязалась перестрѣлка. Въ это время драгуны, посланные по правой сторонѣ рѣчки Дынь-Шекодзъ, не встрѣтивъ ничего, поскакали на выстрѣлы казаковъ; спѣшившись, они примкнули къ спѣшнымъ казакамъ и образовали общую цѣпь. Вслѣдъ затѣмъ къ правому флангу казаковъ примкнула цѣпь подоспѣвшаго 19-го стрѣлковаго баталіона, который, подходя балкою, захватилъ скрывававшихся въ ней нѣсколькихъ челоуѣкъ горцевъ и рогатый скотъ. Горцы, вторично не выдержавъ огня, подались въ лѣсъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, кавалерія начала отступление, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ, разсыпавшихся по обѣимъ сторонамъ рѣчки. Когда же снялась съ позиціи послѣдняя цѣпь, то горцы опять открыли огонь, провожая стрѣлковъ версты двѣ. Одинъ изъ лучшихъ наѣздниковъ нашихъ, есауль Лабада, и одиннадцать челоуѣкъ нижнихъ чиновъ своею кровью заплатили за этотъ славный набѣгъ, въ который было сожжено много ауловъ, взято около двадцати-трехъ челоуѣкъ плѣнными, шестьдесятъ-восемь штукъ рогатаго скота и сто-шестьдесятъ штукъ мелкаго скота.

полка, Некрасовская и Петропавловская казачьи сотни; артилерійскіе взводы: конно-казачьей № 13-го батарея, взводъ горной и взводъ облегченной № 4-го батарея.

Отдохнувъ немного на равнинѣ Хіачъ, отрядъ нашъ долженъ былъ продолжать свое движеніе, при чемъ необходимо было переправиться сначала черезъ Дынь-Шекодзь, отдѣляющій равнинную часть лѣваго берега отъ другаго, покрытаго курганами, заканчивающимися вѣтъ лѣсистаго хребта, который тянется по лѣвому берегу Пшехи. Тревога, поднятая нашими войсками, заставила горцевъ сбѣжаться въ огромномъ количествѣ, и когда голова колонны приблизилась на ружейный выстрѣлъ къ гористому берегу Дынь-Шекодзь, то изъ-за кургановъ раздался залпъ; подполковникъ Экельнъ крикнулъ „ура!“, и его 19-й стрѣлковый баталіонъ, составлявшій съ ширванцами авангардъ, дружно подхватилъ эту кавказскую пѣсню. Подбѣжавъ къ подошвѣ крутаго ската горнаго отрога, образовавшаго мертвое пространство, солдаты немного перевели духъ и съ тѣмъ же крикомъ начали карабкаться на высоту. Ширванцы же, находившіеся въ правой цѣпи, поднявшись на гору гораздо правѣе головы колонны, ударили на непріятеля съ фланга въ то время, какъ онъ занимался перестрѣлкою съ появившимися передъ нимъ стрѣлками 19-го баталіона. Боясь быть сброшенными въ рѣку, горцы подались по гребню отрога на хребетъ, преслѣдуемые ширванцами, которые отогнали ихъ далеко отъ берега. Такъ кончилось второе славное дѣло авангарда.

Мало по малу авангардъ стянулся къ Магометъ-Аминевскому аулу, стоявшему на краю обрывистаго берега. Въ то время, какъ, отдыхая послѣ дѣла, онъ поджидалъ остальные части колонны, горцы рассчитывались съ арьергардомъ колонны за понесенные убытки. Та часть долины Хіачъ, гдѣ находился въ то время арьергардъ, представляла ровную долину, ограниченную съ правой стороны хребтомъ, тянущимся параллельно рѣкѣ, а слѣва Пшехою. Горцы, воспользовавшись устроеннымъ природою ложементомъ на полугорѣ, засѣли тамъ въ значительномъ количествѣ и засыпали арьергардъ пулями съ самаго близкаго разстоянія. Идти далѣе подъ мѣткимъ огнемъ горцевъ было невозможно, а потому закипѣло самое жаркое дѣло. Артилерія затруднялась даже прибирать снаряды для пораженія высокаго сидѣвшаго противника и скрывавшагося въ ложементъ, изъ котораго виднѣлись только папахи и винтовки. Лишь карачечныя гранаты могли нанести имъ вредъ, и то только въ случаѣ удачнаго разрыва. Здѣсь показали себя особенно храбрами чины 3-й стрѣлковой роты Кубанскаго полка, нахо-

дившейся въ правой цѣпи и прикрывавшей орудія облегченной № 4-го батареи: они стояли подъ страшнымъ огнемъ, поддерживая живую перестрѣлку. Горцы, которымъ, вѣроятно, тяжело стало отъ ихъ огня, не вытерпѣли и бросились въ атаку; молодецки приняла рота этотъ вызовъ и заставила горцевъ опять осадить назадъ. Въ этотъ горячій уголокъ были посланы на помощь къ кубанскимъ стрѣлкамъ двѣ роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона. Долго не поддавались горцы: усиленную пальбой и постоянными атаками они не позволяли арьергарду двинуться впередъ. Ряды наши начали рѣдѣть; наконецъ, 3-я стрѣлковая рота Кубанскаго полка была выведена изъ строя: двадцать-девять человекъ выбыло у ней изъ рядовъ, что составило половину всего наличнаго числа людей. Перестрѣлка продолжалась на разстояніи двадцати шаговъ. Поручикъ графъ Менгденъ былъ убитъ въ упоръ съ солдатскимъ ружьемъ въ рукахъ. Всѣ дрались отъ офицера до солдата. Наконецъ наше упорство одолѣло бѣшеные натиски горцевъ, и они мало по малу начали отступать въ лѣсъ, а арьергардъ нашъ могъ тронуться впередъ и взобраться безпрепятственно на аминевскіе курганы. Это дѣло обошлось намъ далеко не дешево: за весь день было убитыхъ — одинъ оберъ-офицеръ и десять рядовыхъ, ранено — два оберъ-офицера и шестьдесятъ-три нижнихъ чиновъ. (*)

Послѣ этого отрядъ стянулся и тронулся далѣе. Уже начало темнѣть, когда сталъ онъ лагеремъ при рѣкѣ Феэбчу, отстоящей отъ Апшеронской версты на восемнадцать.

На слѣдующій день мы выступили очень рано, по направлению къ Самурской станицѣ, но, пройдя немного, были остановлены глубокимъ, узкимъ и лѣсистымъ оврагомъ. Начальникъ отряда опасался идти далѣе, чтобы избѣгнуть повторенія прошедшаго. Тогда завѣдывавшій штабомъ пшекскаго отряда, подполковникъ Скобельцынъ, имѣя въ виду исполнить въ точности предписаніе командующаго войсками Кубанской области, которымъ приказывалось открыть сообщеніе съ даховскимъ отрядомъ, взявъ съ согласія начальника отряда, всю кавалерію, перебрался кое-какъ чрезъ глубокой оврагъ, вышелъ на открытое мѣсто и, переправившись на правую сторону Пшехи,

(*) Убитъ былъ гренадерскаго стрѣлковаго баталіона поручикъ графъ Менгденъ; ранены: 6-й бригады Кубанскаго казачьяго войска есаулъ Лабада и 4-го баталіона Кубанскаго пѣхотнаго полка поручикъ Коробка.

достигнулъ до мѣста, гдѣ должна была быть возведена *Самурская* станица. Разузнавъ все что было нужно, онъ послалъ къ начальнику отряда казаковъ съ извѣстіемъ, что броды черезъ Пшеху очень глубоки, что на мѣстѣ Самурской станицы стоитъ пока небольшой редутъ съ соотвѣтствующимъ гарнизономъ, а что остальная часть даховскаго отряда находится верстахъ въ двѣнадцати выше, у Маратуковскаго поста, и занимается рубкою лѣса. Получивъ это извѣстіе, начальникъ отряда велѣлъ поспѣшно собираться въ обратный путь, а къ подполковнику Скобельцыну послалъ приказаніе присоединиться къ отряду.

Кавалерія, вернувшись, уже не застала отряда на позиціи. Спасаемая отъ бѣды однимъ Богомъ, она на рысяхъ миновала стоящую въ сторонѣ значительную партію и затѣмъ, не встрѣтивъ болѣе препятствій, догнала колонну.

Уже второй день лилъ дождь, и отрядъ шелъ тихо по скользкой дорогѣ. Горцы въ этотъ день не сдѣлали ни одного выстрѣла.

Несмотря на то, что пшехскій отрядъ не испытывалъ еще такой потери, какую понесъ 27-го числа, большинство было увѣрено, что мы могли потерять несравненно больше, еслибы не явились къ намъ на помощь: дождь, который всегда служилъ большимъ препятствіемъ для производства стрѣльбы изъ кремневыхъ ружей горцевъ, и упадокъ духа нашего противника. Если мы, какъ побѣдители, могли сказать „хотя рожа въ крови, да наша взяла“, то какое же впечатлѣніе вынесъ неприятель послѣ вчерашней закуски? Можно было думать, что не очень скоро явится у него желаніе взяться опять за оружіе. Приходившіе лазутчики сообщали намъ, что въ одномъ Аминевскомъ аулѣ насчитывалось до сорока человекъ убитыми, между которыми были лица весьма почетныя (*). Всѣхъ же разоренныхъ ауловъ было болѣе десяти.

Рекогносцировка эта показала, что лѣсъ начинается въ полуверстѣ отъ станицы Апшеронской и тянется по ровной мѣстности болѣе чѣмъ на девять верстъ до равнины Хіачъ, перемежаясь небольшими полянами; далѣе отъ рѣки Дынь-Шекодъ мѣстность принимаетъ уже гористый характеръ и отъ Магометъ-Аминевскаго аула изрѣзана глубокими балками и покрыта густыми лѣсами на значительномъ пространствѣ, а по-

(*). Иласъ-эенди (изъ аула Гимсовъ), Нагай-Мукаевъ-эенди (изъ аула Чингой-Хабль), Надокъ-эенди (изъ аула Ваушь) и др.

тому могутъ представиться большія затрудненія при разработкѣ дороги по лѣвому берегу рѣки Пшехи.

Послѣ этого движенія снова насталъ длинный періодъ мирныхъ занятій: войска отряда, разбросанныя по станицамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали прежнія занятія.

Въ концѣ апрѣля весь отрядъ ждалъ пріѣзда новаго начальника отряда, о которомъ говорили уже болѣе мѣсяца. Генераль-маіора Зотова давно знали многіе. Тѣ изъ офицеровъ, которые еще кадетами слушали у него тактику, съ уваженіемъ вспоминали о немъ, какъ объ умномъ и добромъ учителѣ; бывавшіе съ нимъ въ Чечнѣ говорили, какъ о внимательномъ къ своимъ подчиненнымъ и даровитомъ начальникѣ. Однимъ словомъ, сложившееся въ отрядѣ мнѣніе объ ожидаемомъ начальникѣ внушало полное довѣріе и уваженіе къ нему. 2-го мая прибылъ генераль Зотовъ и въ самое короткое время успѣлъ показать всѣмъ, что репутація знавшихъ его прежде не была еще полною оцѣнкою его прекрасныхъ качествъ.

По пріѣздѣ своемъ, генераль-маіоръ Зотовъ засталъ дѣла въ слѣдующемъ видѣ: по занятіи теченія рѣки Пшехи до Самурской станицы, пшехскій отрядъ окончилъ свои труды по этой линіи; возведеніемъ Бжедуховской и Габукаевской станицъ было упрочено за нами обладеніе низовьями рѣки Пшиша, и прямое сообщеніе съ Кубанью сдѣлалось безопаснымъ. Ясно, что поприще дѣйствій нашего отряда должно было быть перенесено на рѣку Пшишь, которая съ этихъ поръ сдѣлалась главною операціонною линіей на восточной сторонѣ театра военныхъ дѣйствій и главною дорогою черезъ горы къ ущелью Туапсе и къ морю.

Принявъ дѣла и, какъ говорится, посмотрѣвшись, генераль Зотовъ собралъ въ станицу Пшехскую: 8 баталіоновъ пѣхоты, 2 дивизиона драгунъ, 4 сотни казаковъ, 2 батарейныхъ, 4 горныхъ и 2 конныхъ орудій (*), и 9-го мая выступилъ съ ними къ анапской переправѣ.

Знакомая уже просѣлка была нашею дорогою, и отрядъ до-

(*). Кавказскій гренадерскій, 19-й, самурскій, апшеронскій, ширванскій, сводный № 3-й стрѣлковыя баталіоны; 3-й и 4-й баталіоны Кубанскаго пѣхотнаго полка; дивизионы Тверскаго и Переяславскаго драгунскихъ полковъ; четыре сотни казаковъ, вновь пришедшихъ изъ разныхъ полковъ Терской области; взводы артилеріи: батарейной № 3-го батареи, конно-казачьей № 13-го батареи, горной батареи 19-й артилерійской бригады и горный взводъ 20-й артилерійской бригады, пришедшій, вмѣстѣ съ казаками, изъ Терской области.

вольно скоро пришелъ къ краю высокаго берега Пшиша. Чтобы обезпечить позицію отъ нечаянныхъ нападений, приказано было занять какъ броды черезъ рѣку, такъ и подходящія къ скату лѣса; почему, тотчасъ же по прибытіи отряда на мѣсто, кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, двѣ сотни казаковъ и дивизионъ драгунъ были спущены внизъ; изъ нихъ баталіонъ и одна сотня были даже переведены на лѣвую сторону рѣки. Все было исполнено при незначительной перестрѣлкѣ, и отрядъ спокойно разбилъ свои палатки на мѣстѣ теперешней *Пшишской станицы*.

Прочное занятіе этого мѣста открывало намъ всю долину рѣки Пшиша, по тому что, съ окончаніемъ Бжедуховской станицы, мы могли только сторожить долину этой рѣки не выше поста Кошко-Дечукъ. Далѣе Пшишь удалялся отъ насъ, маскируясь ущельями рѣки Урусъ-Нако, которое, какъ передовой пунктъ непріятеля, могло служить для него постояннымъ сборнымъ мѣстомъ, а при случаѣ и хорошею позиціей. Съ выборомъ нашей позиціи подъ Пшишскую станицу, ущелье Урусъ-Нако должно было остаться въ тылу нашего поселенія.

На другой день по прибытіи войскъ на позицію, сдѣлана была начальникомъ отряда рекогносцировка внизъ по Пшишу до поста Кошко-Дечукъ и вверхъ верстъ на шесть.

11-го числа два стрѣлковыхъ баталіона, дивизионъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ и взводъ конно-казачьей № 13-го батареи выдвинуты были опять къ посту Кошко-Дечукъ, для встрѣчи и препровожденія въ отрядъ графа Евдокимова. Осмотрѣвъ мѣсто, предполагаемое подъ станицу, графъ одобрилъ выборъ начальника отряда и въ тотъ же день предпринялъ дальнѣйшую поѣздку въ даховскій отрядъ. Оставивъ необходимое число войскъ для постройки станицы, именно: четыре баталіона пѣхоты, два дивизиона драгунъ, двѣ сотни казаковъ, два батарейныхъ и два конныхъ орудія (*), генераль-маіоръ Зотовъ приказалъ остальнымъ отправиться для конвоировація командующаго войсками Кубанской области. 12-го числа прибыли они въ Апшеронскую станицу, а 13-го, встрѣтившись съ даховскимъ отрядомъ, въ семи верстахъ выше станицы, вернулись назадъ.

Всѣмъ извѣстно, что вторженіе войскъ въ горныя страны

(*) Баталіоны пѣхоты были слѣдующіе: кавказскій гренадерскій, самурскій, 3-й сводно-стрѣлковый и 3-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка.

возможно только по ущельямъ рѣкъ, какъ единственнымъ удобнымъ путямъ сообщенія. Постепенное завладѣніе этими ущельями можетъ заставить жителей, обитающихъ между сосѣдними рѣками, находящимися въ рукахъ наступающаго непріятеля, оставить свои мѣста; поэтому стратегическія дороги въ дикихъ горахъ суть долины рѣкъ. Но если между рѣками, занятыми непріятелемъ, будутъ хорошіе источники, отличные лѣса и сильно-пересѣченная мѣстность, способствующая держаться слабѣйшему, то въ такихъ мѣстахъ воинственные племена, какъ наши горцы, могли бы удерживаться довольно долго; почему, при этихъ условіяхъ, подвигаясь по ущельямъ рѣкъ отдѣльными линиями, неимѣющими между собою сообщенія, покореніе страны можетъ производиться иногда медленнѣе желаемого, а отсюда, какъ слѣдствіе, выходитъ, что, при необходимости скорѣйшаго достиженія результатовъ, нужно было отклониться отъ общаго способа и изыскать другой, удобнѣйшій. Одинъ изъ таковыхъ былъ употребленъ нашимъ начальникомъ отряда.

Зная о тѣхъ интригахъ, посредствомъ которыхъ дѣйствовала Турція противъ Россіи, возбуждая горцевъ посредствомъ эмисаровъ и имѣя въ виду, что берегъ еще далекъ, генераль-маіоръ Зотовъ рѣшился сразу шагнуть верстъ на сорокъ, перерѣзавъ поперекъ пространство между Пшехою и Пшишемъ. Воспользовавшись тѣмъ, что значительная часть отряда была въ сборѣ, у станицы Апшеронской, онъ присоединилъ къ нему находившіеся тамъ еще три баталіона и выступилъ 15-го мая вверхъ по Тхухъ съ смѣлымъ планомъ—прочною дорогою прорубиться на Пшишь и, ставъ тамъ твердою ногою, окружить горское населеніе, жившее ниже проложенной дороги между Пшехою и Пшишемъ, цѣпью постовъ и станицъ.

Отрядъ изъ семи баталіоновъ пѣхоты, команды саперъ, двухъ сотенъ казаковъ и четырехъ горныхъ орудій, расположившись лагеремъ въ шести верстахъ отъ станицы, при аулѣ Цей-Хабль, въ тотъ же день началъ рубку лѣса. До 20-го числа рубка производилась отъ лагеря къ станицѣ совершенно спокойно; когда же оконченную просѣку въ одну сторону начали съ 20-го числа продолжать по направленію къ рѣкѣ Яшъ, горцы сдѣлали рѣшительное нападеніе. Къ счастью, лазутчики, находившіеся при начальникѣ отряда, узнали объ ихъ намѣреніи и заблаговременно сообщили объ этомъ генералу. Для прикрытія рубки въ этотъ день, съ фронта — откуда ожидалось

нападение — поставлена была уже не простая цепь с резервомъ, а шесть стрѣлковыхъ ротъ, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Эжелна (*).

Часовъ въ десять уже замѣтили мѣстами подкрадывавшихся горцевъ; но залегшія роты въ глубокомъ молчаніи поджидали минуты, когда они обнаружатъ свое намѣреніе. Не прошло и часу, какъ весь лѣсъ огласился пронзительными криками и нѣсколько сотъ горцевъ кинулись на передовую цепь; на ихъ огонь отвѣтили лучшимъ огнемъ: изъ трехсотъ наръвныхъ ружей и картечнымъ изъ четырехъ орудій. Какъ видно, горцы не ждали подобной сдачи, потому что первая ихъ атака была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднею. Однако у насъ выбившихъ изъ строя было: убитыхъ четыре стрѣлка, раненыхъ одинъ оберъ-офицеръ и 15 нижнихъ чиновъ.

Стоя на этой позиціи до 28-го числа, войска прорубали просѣку отъ Тхухи на Яшъ и отъ Яша на Дагуа (Даго). Ходить на рубку было уже порядочно далеко, и каждое движеніе на работу и съ работы сопровождалось перестрѣлкой съ горцами; на большее они не отваживались. Когда же генераль-маіоръ Зотовъ, воспользовавшись праздникомъ, 26-го числа, взаимнъ работъ, отправилъ колонны для сожженія ауловъ, лежащихъ по обоимъ берегамъ рѣки Тхухи, то при этомъ у насъ было 15 человекъ раненыхъ, а у непріятеля отбито до 120 штукъ рогатаго скота и сожжены въ окрестностяхъ всѣ аулы.

27-го числа были сдѣланы приготовления къ дальнѣйшему движенію: раненые и больные, а равно весь колесный обозъ были отправлены въ Апшеронскую, а оттуда прибыли въ составъ отряда сводно-стрѣлковый № 4-й полубаталіонъ, самурскій стрѣлковый баталіонъ, дивизионъ Переяславскаго драгунскаго полка, двѣ сотни казаковъ и два горныхъ орудія (**).

На другой день отрядъ поднялся и въ одинъ день перешелъ на Пшишъ. Высоты обоихъ береговъ покрылись любопытными

(*) Четыре роты 19-го и двѣ роты апшеронскаго стрѣлковаго баталіоновъ.

(**) Отрядъ, съ которымъ генераль-маіоръ Зотовъ двинулся изъ Пшехи на Пшишъ, состоялъ изъ 8½ баталіоновъ пѣхоты, а именно: 19-й, апшеронскій, ширванскій, 2-й сводный, самурскій, сводный № 4-й полубаталіонъ—стрѣлковыхъ баталіоновъ, 4-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, ставропольскій и куринскій резервные баталіоны; дивизионъ Переяславскаго драгунскаго полка; двѣ сотни казаковъ Терской области, взводъ горныхъ орудій 19-й и два взвода 20-й артилерійскихъ бригадъ.

горцами, смотрѣвшими на появленіе нашего лагеря при рѣкѣ Хадыжи.

30-го числа мы показали здѣсь себя хозяевами. Рекогносцировочный отрядъ, изъ 4½ баталіоновъ пѣхоты, всей кавалеріи и двухъ горныхъ орудій (*), пошелъ осматривать новыя наши владѣнія по обоимъ берегамъ рѣки, вверхъ по теченію верстъ на шесть до того мѣста, гдѣ ущелье суживается и принимаетъ горный характеръ. Окрестные аулы на плоскости и по скатамъ, ожидавшіе подвергнуться горькой участи, можетъ быть, еще мѣсяца черезъ два, запылали преждевременно. Раздраженные обитатели погибшихъ жилищъ не оставляли отряда въ покоѣ: во время рекогносцировки, два раза они кидались въ атаку и оба раза поспѣшно отбѣгали назадъ, при чемъ наша потеря состояла изъ двухъ убитыхъ и 16 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ этотъ же день было выбрано мѣсто около позиціи подъ укрѣпленіе *Хадыжи* и произведена разбивка его.

Оставивъ, для устройства укрѣпленія, 3½ баталіона пѣхоты, при четырехъ горныхъ орудіяхъ (**), генераль-маіоръ Зотовъ предположилъ перейти съ остальною частию отряда къ анапской переправѣ. Часа за четыре до зари, назначенныя къ выступленію войска поднялись безъ шума и, прикрывшись темнотою, обманули бдительность противника. Выступить позже значило дорого покупать каждый шагъ. Хотя горцы и узнали о нашемъ отступленіи, но было поздно: колонна уже скрылась. Пройдя верстъ шестнадцать, войска остановились для привала. Пока люди обѣдали и отдыхали, на что дано было пять часовъ, горцы понемногу начали собираться. Насъ преслѣдовали до привала крайне слабо; теперь же нужно было ожидать чего-нибудь посерьезнѣе.

Отрядъ поднялся и тронулся далѣе, придерживаясь все время къ подошвѣ высокаго праваго берега. Черезъ четверть часа пути, съ обоихъ береговъ рѣки и сзади раздались выстрѣлы. Лѣвая цепь, двигаясь по совершенно ровному и открытому мѣсту, могла, пользуясь большею досягаемостію своихъ пуль, держать противника въ отдаленіи по лѣвую сторону рѣки; но

(*) 4-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, 5-й резервный баталіонъ Куринскаго пѣхотнаго полка, сводно-стрѣлковый № 2-й баталіонъ и сводно-стрѣлковый № 4-й полубаталіонъ; горныя орудія 20-й артилерійской бригады.

(**) Стрѣлковые баталіоны: апшеронскій, ширванскій, сводный № 2-й и сводный № 4-й полубаталіонъ.

гораздо труднѣе приходилось бороться съ горцами правой цѣпи, состоявшей изъ ширванскаго и апшеронскаго стрѣлковыхъ баталіоновъ. Идя по полугорѣ, изрытой промоинами, балками и заросшей кустами, правая цѣпь едва удерживала напоръ противника, который, усиливаясь постоянно прибывающими толпами, приходилъ все болѣе и болѣе въ воинственный азартъ, наконецъ не выдержалъ и рванулся на арьергардъ; но ружейный огонь и картечь изъ орудій осязательно убѣдили горцевъ, что это не самый слабый пунктъ. Противникъ еще разъ попыталъ счастье: поднявшись на гору, онъ подкрѣпилъ нападавшихъ на правую нашу цѣпь и повторилъ то же нападеніе; но и теперь горцы достигли одинаковаго результата, благодаря испытанной стойкости ширванскаго и апшеронскаго баталіоновъ. Жители этихъ мѣстъ, вѣроятно, не любили далеко отходить отъ своихъ домовъ, потому что значительная часть ихъ вернулась послѣ неудачъ и преслѣдованіе почти прекратилось.

Не доходя шести верстъ до станицы Пшишской, крутой правый берегъ рѣки Пшиша приближается почти къ самой рѣкѣ, оставляя промежутокъ не болѣе десяти сажень. Здѣсь горцы, ожидая насъ, перегородили дорогу заваломъ и встрѣтили крайне неудачнымъ залпомъ. Подполковникъ Экельнъ, шедшій въ авангардъ съ 19-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, немедленно и почти бѣгомъ направилъ двѣ роты на высоту и, обогнувъ такимъ образомъ завалъ съ лѣвой стороны, приказалъ кинуться на него одновременно съ фронта и фланга. Горцы бѣжали. Послѣ этой атаки, колонна безъ выстрѣла прошла оставшееся разстояніе до Пшишской станицы. Потеря этого дня была опять значительна: два раненыхъ оберъ-офицера, одинъ убитый и 29 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Вообще же вся наша потеря, со дня движенія отъ рѣки Тхухи, черезъ Хадыжи, до анапской переправы, то есть съ 20-го по 31-е мая, состояла: изъ трехъ раненыхъ оберъ-офицеровъ, семи убитыхъ и 87 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Сама по себѣ эта цифра значительна; но если взять въ расчетъ важность движенія, частыя стычки и сравнить съ дѣломъ 27-го апрѣля, гдѣ потеря была почти такая же, то выйдетъ, что убыль въ теченіе десяти дней была крайне незначительна.

Движеніе изъ Апшеронской станицы на Хадыжи сильно озадачило горцевъ. Они не ожидали такъ скоро русскихъ въ своихъ предѣлахъ, и все видѣнное нами показывало, что горцы

не были готовы для хорошей боевой встрѣчи: пространство отъ Апшеронской до Хадыжей было вспахано; пересѣченная мѣстность не была укрѣплена засѣками; жители окрестныхъ ауловъ далеко не были вооружены всѣмъ, а потому во время каждой перестрѣлки можно было замѣчать на сосѣднихъ высотахъ безоружныхъ жителей. Военныя границы наши такъ быстро подвинулись впередъ, что новые сосѣди не успѣли пропитаться такимъ же воинственнымъ духомъ, какъ прежніе, у которыхъ не было ни одного невооруженнаго человѣка.

Вѣра горцевъ въ то, что гдѣ начали мы рубить просѣку, тамъ уже имъ нельзя жить, получила особенную силу между жителями, занимавшими земли отъ Апшеронской до Хадыжей, и они такъ скоро очистили эти мѣста, что во время движенія полковника Виборга, 5-го іюня, не было видно по пути ни одного горца.

Но, можетъ быть, нѣкоторые замѣтятъ, что войска, долженствовавшія находиться въ Хадыжахъ, по отдаленности своей отъ Пшишской станицы и по неудовлетворительности сообщенія съ Апшеронской, могли быть отрѣзаны и подавлены силой раньше, чѣмъ подоспѣтъ помощь, а поврежденіямъ могли сидѣть безъ провіанта. Въ отвѣтъ на это можно сказать, что снабженіе провіантомъ оставленнаго въ укрѣпленіи малочисленнаго гарнизона было бы незатруднительно даже на 15 дней, послѣ которыхъ свѣжій гарнизонъ, смѣняя прежній, могъ безъ затрудненія привозить съ собою всю полумѣсячную пропорцію. Частое движеніе наше между Пшехою и Пшишемъ вызвало бы необходимость улучшить эту дорогу, на что потребовалось бы мало времени, потому что разстояніе отъ Апшеронской станицы до Хадыжей не превышало 16 верстъ.

Опасность, угрожавшая войскамъ, была тоже мнимая: если партія, бродившая вокругъ только-что начавшагося строиться укрѣпленія, не осмѣлились кинуться на гарнизонъ, неприкрытый валомъ, то что онѣ могли бы сдѣлать съ укрѣпленіемъ, обороняемымъ тремя съ половиною баталіонами пѣхоты и четырьмя орудіями, при извѣстной неспособности горцевъ къ операціямъ такого рода? Подкрѣпленіе же съ нашей стороны могло явиться не позже четырехъ часовъ послѣ перваго орудійнаго выстрѣла.

Изъ всего приведеннаго видно, что сообщеніе съ Апшеронскою станицей было обезпечено.

Мнѣніе, что Хадыжи отстояли далеко отъ главнаго сбора войскъ, занимавшихся постройкою Пшишской станицы, тоже неосновательно.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда войска, выступивъ изъ Хадыжей, заняли всю сорокаверстную долину ущелья рѣки Пшиша до Гойтхъ, было сдѣлано слѣдующее распоряженіе: изъ опасенія оставлять въ тылу такое большое пространство незанятымъ, отрядъ былъ раздѣленъ на пять частей и растянута по всему ущелью. Такая же мѣра могла быть примѣнена и къ этому случаю, именно: раздѣлить весь отрядъ на пять отдѣльныхъ колоннъ, расположить ихъ между Пшишскою станицей и Хадыжами на десятиверстныхъ интервалахъ, назначить имъ участки для разработки той дороги, которую необходимо было проводить впослѣдствіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручить попеченію ихъ транспортированіе обозовъ, которые могли бы двигаться во всякое время, исключая ночи.

Но важнѣе всего то, что, имѣя въ виду дальнѣйшее движеніе, можно было съ ранняго лѣта начать подвозку провіанта и всевозможныхъ запасовъ. Войска принялись бы охотно за дѣло, по случаю отличной, сухой дороги; по этой же причинѣ перевозочная цѣна провіанта и всякая хлопотня съ подрядчиками и фурщиками сильно уменьшились, да и на Гойтхъ были бы мы несравненно раньше.

Впрочемъ, высказывая здѣсь наше предположеніе, мы основываемся на данныхъ, такъ сказать, очевидныхъ, не принимая въ расчетъ неизвѣстныхъ намъ соображеній. Быть не можетъ, чтобы командующій войсками Кубанской области не имѣлъ постоянно въ виду вышеприведенныхъ обстоятельствъ; но, вѣроятно, планы, неизвѣстные намъ, побудили графа Евдокимова приказать вывести войска изъ Хадыжинскаго укрѣпленія.

Согласно этого приказанія была наряжена колонна изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ (*), подъ командою полковника Виборга, которая, сосредоточившись въ Пшехской станицѣ, выступила и 4-го іюня прибыла въ станицу Апшеронскую. Усилившись тамъ 13-мъ пѣшимъ казачьимъ баталіономъ, она прошла 5-го числа до Хадыжей безъ выстрѣла. Здѣсь застала она гарнизонъ, занятый толками объ ожидаемомъ нападеніи, потому что вокругъ укрѣпленія появились значи-

(*) Кавказскій гренадерскій, сводно-резервный № 3-й, апшеронскій и сводно-линейный № 1-й стрѣлковыя баталіоны и двѣ сотни казаковъ Терской области.

тельные партіи горцевъ, а лазутчики сообщали о ихъ непремѣнномъ намѣреніи сдѣлать нападеніе. Конечно, это была одна угроза противника, неумѣвшаго брать укрѣпленія.

7-го іюня, полковникъ Виборгъ, взявъ съ собою весь гарнизонъ со всеми тяжестями, бросилъ укрѣпленіе и направился внизъ по Пшишу къ Анапской переправѣ, какъ было приказано генераль-маіоромъ Зотовымъ. Путь этотъ былъ избранъ съ тою цѣлю, чтобы, остановясь около аула Абидо-Хабль (мѣста, избраннаго для устройства нынѣшней Тверской станицы), произвести подробную съемку этой мѣстности и изслѣдовать, нѣтъ ли отъ этого аула удобнаго подъема на высоты праваго берега Пшиша. Колонна, выступившая изъ Хадыжей, шла въ такомъ порядкѣ: авангардъ составляли казаки, два баталіона пѣхоты, при двухъ горныхъ орудіяхъ облегченной № 7-го батареи; арьергардъ — два стрѣлковыя баталіона, при взводѣ горныхъ орудій легкой № 8-го батареи; правая цѣпь (какъ самая важная) — два баталіона; лѣвая — одинъ баталіонъ пѣхоты; полубаталіонъ былъ назначенъ для прикрытія обоза.

Часовъ до семи утра непріятель не беспокоилъ колонны; но съ этого времени подошедшая партія завязала перестрѣлку одновременно съ арьергардомъ и съ правою цѣпью. Отступая залогомъ и перекатною цѣпью, мы удерживали противника все время на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Такъ прошла колонна около 22 верстъ. У Абидо-Хабль сдѣланъ былъ привалъ и велѣно готовить обѣдъ. Едва котлы начали кипѣть, какъ мы увидѣли огромныя партіи, тянувшіяся внизъ по лѣвому берегу рѣки въ обходъ намъ. Догадываясь, что горцы намѣревались занять всѣ находившіяся на пути нашего слѣдованія балки, полковникъ Виборгъ приказалъ вывернуть котлы и поспѣшно двинулся впередъ, чтобы не позволить непріятелю приступить въ исполненіе свой планъ, который могъ стоить намъ большихъ жертвъ. Замѣтивъ наше движеніе, горцы кинулись на колонну и завязали жаркую перестрѣлку. Начальникъ колонны, выбравъ удобный моментъ и мѣстность для кавалерійскаго дѣла, приказалъ казакамъ отбросить насѣдавшаго непріятеля. Двѣ сотни ударили на преслѣдовавшихъ, осадили ихъ и погнали за рѣку. Послѣ этой атаки горцы преслѣдовали колонну только слабою перестрѣлкою до самой Пшишской станицы. Во время этого дѣла мы потеряли: раненыхъ оберъ-офицера

одного, контуженныхъ три; нижнихъ чиновъ убитыхъ пять и раненыхъ 48.

Занятіе Хадыжей и отступленіе отсюда были послѣднія боевыя дѣйствія, послѣ которыхъ, за исключеніемъ дѣла 2-го ноября, не происходило ни одного серьезнаго столкновенія съ горцами до хакучинскаго похода. Впрочемъ, отряду предстояли теперь другія занятія: подвозка провіанта, покось, постройка Пшишской станицы и проложеніе дороги до поста Кошко-Дечукъ.

Предвидя дальнѣйшія движенія, генералъ-маіоръ Зотовъ приказалъ, чтобы всѣ части войскъ подготовили для себя провіантъ въ Пшишской станицѣ на мѣсячную пропорцію, и тѣмъ приблизилъ къ войскамъ часть провіантскаго склада.

Въ концѣ мая уже расцвѣлъ буркунъ и „трава плакала по рабочимъ“. Завѣдывающий дѣлами штаба пшехскаго отряда, которому поручено было отвести покосныя мѣста, рѣшительно не находилъ мѣста для такого огромнаго количества лошадей, которое считалось въ отрядѣ; наконецъ, послѣ многихъ розысковъ, отведено было все пространство между линіей, соединяющей Пшехскую и Пшишскую станицы, рѣками Пшехою, Пшишемъ и Бѣлою. Зазвенѣли косы на всемъ этомъ пространствѣ, и вереницы повозокъ потянулись сначала въ пшехскій сѣвникъ, а потомъ въ отрядный, на рѣкѣ Бѣлой, западнѣе устья Пшехи.

Жары становились сильныя: они доходили до 30°. Лихорадка съ большимъ ожесточеніемъ пошла выдергивать солдатъ изъ рядовъ и наполнять ими лазареты. У частныхъ начальниковъ нехватало хины для подаванія первоначальной помощи.

Въ это время громадныя вереницы воловьихъ повозокъ съ полотняными будками и безъ будокъ подвозили переселенцевъ изъ Россіи на вновь отгороженные мѣста. Въ Кубанской, Апшеронской, Бжедуховской и Габукаевской станицахъ начали подыматься остовы домиковъ и временныхъ землянокъ. Но надо сказать, что первое горе, которое встрѣчало у насъ переселенцевъ, была лихорадка. Отъ непривычки, многіе изъ нихъ не выносили ея, и къ новымъ мѣстамъ ихъ поселенія тотчасъ же присоединялось кладбище. Заболѣвшихъ было до того много, что иногда трудно бывало встрѣтить лицо, нескаженное худобою и блѣдностію. Черезъ годъ новые жители освоивались съ климатомъ, а теперь они ничѣмъ не отличаются отъ жителей старой линіи.

Войска же отряда, замѣщая выбывшихъ косцовъ, въ свою очередь развозили лихорадочныхъ по всеѣмъ госпиталямъ. Горцы не тревожили насъ. Они начали съѣзжаться на сатовки, а начальниковъ отряда осаждали разными переговорами.

Къ 22-му іюня окончена была станица Пшишская на столько, что въ ней оставалось сдѣлать только дополненія и поправки, которыя могли быть исполнены меньшимъ числомъ рабочихъ. Дорога отъ этой станицы до поста Кошко-Дечукъ была тоже къ этому времени совершенно готова. Стало быть, держать здѣсь войска было уже бесполезно; почему, оставивъ въ гарнизонѣ Пшишской станицы стрѣлковые баталіоны кавказскій гренадерскій, самурскій, и дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка, съ двумя конными орудіями, съ восемью баталіонами пѣхоты, двумя сотнями казаковъ и двумя горными орудіями (*), генералъ-маіоръ Зотовъ 22-го іюня перешелъ на позицію къ бывшему аулу Шаушъ-Хабль, съ цѣлю рубить просѣки и разрабатывать дорогу вверхъ по правому берегу Пшиша къ будущей Тверской станицѣ. Непрiятель не препятствовалъ нашему движенію. Лишь изрѣдка, вдали, раздавались одиночныя выстрѣлы.

(*) 19-й, апшеронскій, ширванскій, сводно-линейный № 1-й, сводно-резервные №№ 2 и 3-й стрѣлковые баталіоны; 3 и 4-й баталіоны Кубанскаго пѣхотнаго полка; сотня лабинской бригады и сотня Терской области; взводы горныхъ орудій 20-й артиллерійской бригады.

были найдены пять быковъ и возвращены хозяевамъ, а остальные пропали безвозвратно. Хотя слѣдъ горцевъ, усакавшихъ съ добычею, и былъ открытъ, но ихъ самихъ догнать было трудно.

Уже было далеко за полночь на 13-е мая, когда казакъ Иванъ Болтенко стоялъ часовымъ на вышкѣ одного изъ постовъ абадзехской линіи. Кругомъ все тихо; ни малѣйшій шорохъ не нарушалъ спокойствія. Вдругъ мелькнули огоньки, раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и Болтенко упалъ отъ боли въ правой рукѣ, пробитой въ кисти. Гулъ орудія съ поста поднялъ по линіи тревогу. Вскорѣ, на призывъ, изъ станицы Нижне-Фарской прискакалъ съ казаками офицеръ, завѣдывавшій первымъ участкомъ абадзехской линіи; но всѣ поиски его остались тщетными. Непріятель, пользуясь темнотою, успѣлъ скрыться.

Въ ту же ночь, передъ разсвѣтомъ, около станицы Бѣлорѣченской, въ секретѣ у провіантскаго вагенбурга, раздался залпъ. Выскочили казаки и узнали, что горцы только-что подкрадывались къ вагенбургу и теперь побѣжали къ Бѣлой. Рассчитывая почти навѣрное ихъ поймать, казаки бросились къ рѣкѣ, зная, что Бѣлая въ это время сильно поднялась отъ дождей и, слѣдовательно, бродовъ не существовало. Каково же было ихъ удивленіе, когда они, при начинавшемся разсвѣтѣ, замѣтили горцевъ, переправляющихся на другой берегъ вплавъ на пузыряхъ.

14-го мая. Ночь. На вышкѣ Бѣлорѣченскаго поста стоялъ казакъ темижбекской сотни Полянской. Было еще не такъ поздно, когда онъ услышалъ шорохъ. Вслушиваясь внимательно, онъ удостовѣрился, что кто-то разбираетъ плетень поста. Полянской, быстро схвативъ винтовку, выстрѣлилъ и закричалъ, по обыкновенію: „татары!“ Не успѣли казаки выскочить, какъ горцы сдѣлали залпъ и Полянскому пробили руку, а казака Попова, находившагося тутъ же въ караулѣ, ранили въ бокъ. Преслѣдованіе и розыски подоспѣвшихъ на тревогу казаковъ опять остались безуспѣшны. Непріятель скрылся безнаказанно.

21-го мая. Изъ Пшехской станицы въ Ханскую потянулся порожній обозъ чумаковъ, привозившихъ провіантъ, подъ прикрытіемъ эскадрона Переяславскаго драгунскаго полка. Благополучно прошелъ онъ все разстояніе до блокауза, уже спустился къ Бѣлой и вытянулся, по лѣвому берегу, противъ ст.

IV.

Тревоги по пшехской, бѣлорѣченской и абадзехской кордоннымъ линіямъ. — Кавалерійское дѣло подъ Майкопомъ 30-го мая. — Дѣло 16-го іюня. — Странная тревога въ одной изъ станицъ. — Работы въ промежутокъ времени между 22-мъ іюня и 6-мъ августа. — Перемена начальника отряда. — Периодъ мирныхъ переговоровъ. — Первый съѣздъ абадзехскихъ старшинъ. — Отвѣтъ графа Евдокимова. — Съѣздъ комисіи въ Ширванскую станицу и начало переговоровъ. — Волненія на сходкѣ абадзеховъ. — Одиочная бесѣда Шецеюка. — Обоюднo-принятые пункты условія о переселеніи и обнародованіе ихъ. — Нѣсколько словъ въ заключеніе.

Одновременно съ послѣдними дѣйствіями отрядовъ, во всѣхъ пунктахъ кордонныхъ линій, пшехской, абадзехской и бѣлорѣченской, горцы съ полнымъ успѣхомъ производили почти ежедневныя тревоги, что видно изъ нижеприведеннаго краткаго очерка.

9-го мая, вагенбургъ чумаковъ остановился на ночлегъ около станицы Бѣлорѣченской; къ нему, по обыкновенію, былъ посланъ секретъ. Въ самую глухую полночь секретъ услышалъ отдаленный вопль, похожій на крикъ погибающихъ; затѣмъ нѣсколько выстрѣловъ. Не долго думая, онъ сдѣлалъ сигнальный залпъ. Минуть черезъ десять воинскій начальникъ съ казаками былъ уже около секрета. Узнавъ, что выстрѣлы были слышны со стороны станицы Келермесской, онъ поскакалъ туда и на рѣчонкѣ Келермесъ встрѣтилъ чумацкіе возы съ провіантомъ, около которыхъ раздавались крикъ, плачь и стоны; но помочь горю было поздно: 16 воловъ были уведены горцами и одинъ изъ крестьянъ сильно израненъ шашками. Къ утру

Ханской, расположенной по другой сторонѣ; уже голова обоза съ полуюэскадронѣмъ драгунъ взшла на мостъ, какъ громадная партія, около восьмисотъ человекъ, гикнула справа съ высотъ. Полуэскадрону, перешедшему мостъ, вернуться было нельзя, такъ какъ мостъ былъ заставленъ подводами. А что могли сдѣлать остальные драгуны?... Семьдесятъ-семь паръ быковъ были уже въ рукахъ горцевъ, какъ оставшаяся горсть драгунъ бросилась на непріятели и успѣла отбить восемнадцать паръ. Изъ людей, находившихся при обозѣ, два чумака были ранены и три мальчика схвачены и уведены въ плѣнъ. Изъ драгунъ убитъ одинъ. Близость лѣса и огромный перевѣсъ непріятели въ числѣ не позволили драгунамъ преслѣдовать его. Орудійные выстрѣлы по линіи создали казаковъ съ разныхъ сторонъ на помощь; но опять было поздно.

Вскорѣ затѣмъ, почему-то, горцамъ показалось возможнымъ взять Эчепцокскій постъ (на рѣкѣ Пшехѣ), и вотъ, среди глубокой ночи, на 23-е мая, раздались вокругъ него гикъ и залпы. Выскочившіе казаки отвѣтили выстрѣлами, и такъ удачно, что горцы попятились и прилегли. Думая, что они удалились, казаки принялись за толки. Черезъ нѣсколько времени повторилось то же самое. Неславшіе въ это время казаки, гораздо лучшимъ залпомъ изъ ружей и нѣсколькими картечными выстрѣлами, заставили ихъ отступить окончательно. Утромъ, при осмотрѣ мѣстности вокругъ поста, были найдены нѣсколько гозырей, бешметъ и мѣстами слѣды крови.

Много еще было подобныхъ нападеній, и, большею частію, непріятели, заранѣе выбиравшій путь отступления, мѣста закрытія и время для нападеній, очень удобно успѣвалъ скрываться до прибытія подкрѣпленій. Но не всегда онъ праздновалъ удачу: приходилось ему иногда дорого платиться за нападенія....

Начальникъ кордонной линіи подполковникъ Есаковъ заранѣе былъ извѣщенъ, что въ лѣсахъ по лѣвой сторонѣ Бѣлой, недалеко отъ Майкопа, между рѣками Лукокъ и Фенэ, скрывается партія горцевъ, около 800 конныхъ и 400 пѣшихъ, готовыхъ каждую минуту напасть на Майкопъ и выживавшихъ только удобное для того время. Въ концѣ мая Майкопъ опустѣлъ: нижегородскіе драгуны находились въ отрядѣ; изъ казаковъ и пѣхоты осталось только необходимое число для содержанія карауловъ; остальные же войска всѣ были на покоѣ. И это-то время выбрали горцы для выполненія своего

замысла. Но видно, что свѣдѣнія, получаемыя ими, были не достаточно вѣрны, потому что, соблазнась такимъ состояніемъ Майкопа, они не имѣли ни малѣйшаго понятія объ его измѣнившемся положеніи въ послѣдніе дни. 29-го мая, вечеромъ, прибылъ въ Майкопъ дивизионъ нижегородскихъ драгунъ, направляемый на курджипскую линію. Какъ бы то ни было, но 30-го мая, въ шесть часовъ пополудни, майкопская публика была встревожена пальбой изъ орудій; рядъ выстрѣловъ показалъ, что Майкопъ въ опасности. Какъ изъ земли выросшій, дивизионъ тверскихъ драгунъ пронесся по улицамъ (*). Не заставили себя ждать и нижегородцы: соединившись съ полуторасотнею казаковъ 2-й бригады, составлявшими майкопскій гарнизонъ, они поскакали вмѣстѣ на непріятели, который, переправивъ свою кавалерію—до 800 человекъ—въ трехъ верстахъ отъ Майкопа, раздѣлился на три партіи: одну, въ 100 человекъ, послалъ противъ фуражировъ, косившихъ по Бѣлой верстахъ въ пяти отъ укрѣпленія, другую, въ 100 человекъ, въ степь, по направленію къ круглому лѣсу, съ цѣлію захватить пасшійся тамъ скотъ; а остальные, оставшіеся на мѣстѣ, служили резервомъ, готовымъ поддержать каждую изъ нихъ. Фуражиры, предувѣдомленные выстрѣлами изъ орудій, составили изъ повозокъ каре, помѣстились внутри его и приготовились къ защитѣ; но двѣ повозки, хотѣвшія уйти, попались въ руки непріятели, при чемъ были убиты деньщикъ и рядовой Кубанскаго пѣхотнаго полка, а его шестилѣтній сынъ и жена были схвачены вмѣстѣ съ шестеркою лошадей. Стоявшіе же за повозками встрѣтили горцевъ выстрѣлами.

Партія, бросившаяся на скотъ, отбила до 300 чумацкихъ быковъ и около 100 штукъ скота проходившихъ переселенцевъ, при чемъ были убиты два пастуха и взяты въ плѣнъ три мальчика.

Едва масса горцевъ, стоявшихъ въ резервѣ, замѣтила приближеніе нашей кавалеріи, какъ тронулась на встрѣчу, съ намѣреніемъ, начавъ съ нами дѣло, дать возможность остальнымъ партіямъ окончить свои предпріятія. Мысль эта не осталась незамѣченною. Подполковникъ Есаковъ, желая скорѣе кончить съ этою партіей, чтобы не дать времени уйти другимъ,

(*) 1-й дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка только-что вступилъ въ Майкопъ, слѣдуя изъ Прусской станицы въ пшехскій отрядъ. Новое непредвидѣнное обстоятельство для горцевъ.

скомандовалъ: „пашки вонъ!“, и, несмотря на залпъ, которымъ встрѣтили горцы (*), кавалерія перешла въ карьеръ. Непрiятель не выдержалъ атаки и бросился назадъ къ переправѣ черезъ Бѣлую; но тамъ горцы, задержанные проходомъ чрезъ рѣку, были настигнуты драгунами. Они смѣшались, толкали другъ друга, бросались вплавъ; но все хлопоты остались напрасными: наскочившіе драгуны рубили ихъ безъ пощады, часть же, спѣшившись, стрѣляла по кидавшимся вплавъ. Много непріятельскихъ труповъ поплыло по теченію; 8 тѣлъ, 15 лошадей и куча оружія остались въ нашихъ рукахъ. Въ это время, на той сторонѣ рѣки, для поддержанія переправившихся частей разбитой кавалеріи, выступила изъ лѣсу пѣхота; но преслѣдовать разбитыхъ далѣе было некогда: слѣдовало подумать о фуражиряхъ и объ отбитой скотинѣ.

Подполковникъ Есаковъ, взявъ съ собою казаковъ и всѣхъ наѣздивиковъ обоихъ дивизионовъ, поскакалъ внизъ по теченію, съ цѣлю отхватить все броды и лишить возможности угнать отбитый скотъ. Драгуны же, подъ начальствомъ Нижегородскаго драгунскаго полка полковника Макарова, остались наблюдать за разбитыми остатками. Отскакавъ версты полторы, команда подполковника Есакова замѣтила, что объ прежде отдѣлившіеся партіи гнали вмѣстѣ два большихъ стада и подвигались къ рѣкѣ очень плавно; но, замѣтивъ, что наша кавалерія спѣшитъ захватить переправы, горцы бросили отбитый скотъ и во весь опоръ пустились къ берегу, чтобы предупредить казаковъ. Первые всадники, дѣйствительно, успѣли проскользнуть, но остальнымъ путь былъ перегороженъ: сбитые съ этого мѣста, они начали, въ отчаяніи, кидаться съ высоты крутаго берега. Здѣсь повторилась та же исторія: ихъ рубили и топили какъ пуганныхъ зайцевъ. Не мало тѣлъ отправилось въ Кубань; 6 же изъ нихъ и 10 лошадей остались въ рукахъ казаковъ.

Къ этому времени подоспѣли съ разныхъ сторонъ подкрѣпленія: изъ Ханской прискакалъ, съ мѣстною сотнею, начальникъ 2-го участка бѣлорѣченской линіи и эскадронъ драгунъ Перелаславскаго полка; изъ станицы Егерухаевской, съ сотнею 2-й бригады, начальникъ 3-го участка той же линіи. Съ такою силою можно бы было преслѣдовать непріятеля и по лѣвой

(*). При этомъ были убиты нѣсколько лошадей, изъ коихъ одна подъ командующимъ дивизиономъ Тверскаго драгунскаго полка капитаномъ Джамбековымъ, и ранены два драгуна.

сторонѣ Бѣлой; но приближеніе ночи — было уже восемь часовъ — густой лѣсъ, куда скрылся разбитый непріятель, удержали насъ отъ дальнѣйшихъ дѣйствій; почему, выждавъ сумерки и разставивъ бекеты, остальные войска отправились въ Майкопъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лазутчиковъ, горцы потеряли до 40 человекъ одними убитыми. Съ нашей же стороны убитъ былъ одинъ милиціонеръ, ранены четыре драгуна и одинъ милиціонеръ. Въ этомъ дѣлѣ горцы честно расплатились за разныя проказы и ночныя нападенія, продолжавшіеся, впрочемъ, въ небольшихъ размѣрахъ, и послѣ мая. Безнаказанность при мелочныхъ нападеніяхъ подбодряла ихъ иногда до того, что они пускались и на болѣе серьезныя предпріятія.

Такъ, 16-го іюня, на низменномъ лѣвомъ берегу рѣки Шиши, противъ станицы Шишской, гдѣ расположенъ былъ отрядъ, начала собираться партія горцевъ въ ближайшихъ перелѣскахъ, числомъ около 600 человекъ, съ намѣреніемъ напасть на табунъ отрядныхъ лошадей, пасшихся подъ прикрытіемъ эскадрона тверскихъ драгунъ. Вскорѣ часть этой партіи, переправясь черезъ рѣку, завязала перестрѣлку съ войсками, находившимися въ передовыхъ караулахъ; другая же заняла лѣсъ, прилегающій къ рѣкѣ, и, вѣроятно, намѣревалась внезапно гикнуть на табунъ, но ихъ замѣтили и ударили тревогу. Другой эскадронъ тверскихъ драгунъ, находившійся съ лошадьми въ лагерѣ, и сборная сотня терскихъ казаковъ, состоявшая въ дежурствѣ, быстро спустились внизъ. Горцы, замѣтивъ, что намѣреніе и число ихъ открыты, начали переправляться на лѣвый берегъ. Въ это время соединившіеся эскадроны кинулись преслѣдовать ихъ черезъ переправу прямо, а терская сотня направилась на другой бродъ, гдѣ была встрѣчена ружейнымъ залпомъ, но, несмотря на него, перешла рѣку, сдѣлала обходное движеніе и бросилась въ пашки, на флангъ отступающихъ. Горцы не выдержали атаки и быстро подались въ лѣсъ, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ посланъ кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, который, пройдя по слѣдамъ драгунъ до самыхъ ауловъ, залегъ въ закрытомъ мѣстѣ, чтобы, въ случаѣ отступленія кавалеріи, поддержать ее. Но драгуны, увязавшись въ преслѣдованіе горцевъ съ пашками наголо, выбили противника изъ цѣлаго ряда позицій и заставили его отступить въ лѣсъ, на-

ходившийся за аулами. Въ это время драгунскіе наѣзники успѣли зажечь нѣкоторые изъ ауловъ. Когда же кавалерія начала отступать, то, противъ ожиданія, преслѣдованіе горцевъ было крайне ничтожно. Потеря въ этотъ день была: убитыми одинъ драгунъ, ранеными Тверскаго драгунскаго полка прапорщикъ Безгинъ и восемь нижнихъ чиновъ.

Вообще слѣдуетъ сказать, что, какова бы ни была тревога на передовыхъ линіяхъ, казаки всегда со всѣхъ сторонъ неслись на призывной сигналъ. Не отъ ихъ вины иногда проходили безнаказанно шалости горцевъ. Войска передовой линіи имѣли право положительно сказать, что несчастія большихъ размѣровъ случаться не могли, какъ вслѣдствіе достаточной бдительности казаковъ, такъ и по причинѣ быстрого появленія помощи.

Нельзя однако скрыть, что на тѣхъ линіяхъ, гдѣ непріатель почти не тревожилъ жителей, войска, по отдаленности отъ театра военныхъ дѣйствій, бывали иногда крайне безпечны. Горцы знали это и сильно поживились бы, если бы не опасались отступленія по пространству, занятому нашими войсками.

Примѣромъ такой безпечности можетъ служить тревога, бывшая въ одной изъ станицъ.

Въ концѣ апрѣля, ночью, съ субботы на воскресенье, вся станица была разбужена тревогой. Долго билъ тревогу какой-то барабанщикъ, пока не подхватили, въ разныхъ концахъ обширной, но еще пустой станицы, другіе. Минуты двѣ спустя начали просыпаться казаки. Полусонный трубачъ ихъ прогремѣлъ какіе-то отрывочные звуки; чей-то голосъ, должно быть старшаго урядника, прокричалъ: „тревога!... вставай!“ Вслѣдъ затѣмъ фырканье лошадей и покрикиванья, крѣпкими словечками, адресованныя къ встревоженнымъ животнымъ, свидѣтельствовали, что шло спѣшное сѣдланіе. Ночь была безлунная: едва можно было различать ближайшіе предметы. Огни поминутно увеличивались; собаки, раздраженные непрерывно пробѣгавшими солдатами, лаяли съ остервенѣніемъ. Во все время тревоги не раздавалось ни одного выстрѣла. Наконецъ, въ сѣверо-западномъ углу станицы, блеснулъ яркій огонь, и орудіный выстрѣлъ подтвердилъ, что тревога не фальшивая. Однако отсутствіе ружейныхъ выстрѣловъ показывало, что она была либо послѣдствіемъ уже совершившагося несчастія, либо пред-

упрежденіемъ. Вдали, гдѣ-то, за станицею раздался сигналъ: „стой, стой! стой, стой!“ и, конечно, все успокоилось.

На другой день получено было подробное извѣстіе: пользуясь темнотою ночи, съ необыкновеннымъ искусствомъ, не производя никакого шума, горцы обдѣлали ровъ и валъ для удобнаго восхода и спуска, и одинъ изъ смѣльчаковъ, перейдя по импровизованной дорогѣ, подъ прикрытіемъ темноты, подкрался къ артилерійской коновязи и отвязалъ двухъ лошадей; часовой у коновязи не струсилъ и употребилъ въ дѣло единственное оружіе артилерійскаго солдата, то есть сталь револьвъ во все горло: „татары! татары!... тревога!... татары!...“ Сначала никто не обращалъ вниманія, думая, что кричитъ какой-нибудь пьяный; ближайшіе товарищи начали изъ палатокъ его унимать, полагая тоже, что онъ хлѣбнулъ не въ мѣру. Между тѣмъ, взводный командиръ проснулся, справился въ чемъ дѣло и пошелъ докладывать о случившемся завѣдывающему войсками въ станицѣ; тотъ въ свою очередь, одѣвшись, приказалъ бить тревогу и сдѣлать одинъ выстрѣлъ изъ орудія. Конечно, горецъ не ждалъ окончанія этой процедуры и увелъ-таки одну лошадь.

Этотъ случай, во первыхъ, ясно показываетъ полное невѣріе къ опасности и, во-вторыхъ, невольное обращаетъ вниманіе на вооруженіе артилерійскаго солдата, неупотребляемое имъ въ дѣло даже въ самую критическую минуту. Будь у него, на этотъ случай, пистолеть, развѣ вышла бы такая забавная тревога по складамъ, дающая только смѣлость горцамъ на подобныя выходки? Выстрѣлъ былъ бы не только быстрымъ сигналомъ къ тревогѣ, но могъ бы дать возможность, подчасъ, и наказать смѣльчака за дерзость.

Горецъ, пустившійся на такую штуку, должно быть, отлично зналъ, что лучшая пожива — на заднихъ линіяхъ. Всѣхъ удивило только одно: какъ не удалось ему увести и другую лошадь и какъ онъ оставилъ въ нашихъ рукахъ такой паршивенькій трофей, какъ его общипанная папаха.

По занятіи, 22-го іюня, лагерной позиціи на правомъ берегу Пшиша, при аулѣ Шаушь-Хабль, войска приступили къ устройству дороги между Пшишской и предполагаемой Тверской станицами.

Дорога эта, по окончаніи работъ, имѣла слѣдующее направленіе: сначала верстѣ на семь шла по возвышенному, ровному плато праваго берега; затѣмъ, по той же возвышенности, вступала въ лѣсъ и шла версты три по просѣкѣ, послѣ чего спускалась съ крутой возвышенности, тремя, красиво изогнутыми, большими, раздѣланными колѣнами и подходила къ станицѣ Тверской по ровному, низменному мѣсту. Жаль только, что колѣна этой дороги, выкопанныя въ глинистомъ грунтѣ, во время дождей дѣлались невылазными; дорога же по просѣкѣ, отъ торчащихъ на каждомъ шагу пеньковъ, также не представляла большихъ удобствъ. Впрочемъ, этому горю помогли фурштаты, открывъ нижнюю дорогу, которая, отъ Пшишской станицы, шла верстѣ пять по возвышенности, а потомъ спускалась по татарской дорогѣ, довольно отлогой, за исключеніемъ самаго верхняго колѣна.

По окончаніи дороги, приступлено было къ постройкѣ *Тверской* станицы.

Перемиріе съ горцами тянулось съ 18-го іюня. Несмотря на сатовки, бывшія въ самомъ разгарѣ, всѣхъ одолевала страшная скука. Въ это время отрядъ былъ пробужденъ извѣстіемъ, что любимый начальникъ нашъ сдаетъ свой отрядъ полковнику Граббе. Это сильно огорчило всѣхъ: хотя нашему отряду и не ново было провожать и встрѣчать начальниковъ, но предстоящая разлука была особенно чувствительна. Счастливы были даховскій отрядъ! Его, въ обыкновенныхъ разговорахъ, называли отрядомъ Геймана. Какъ ни просто и, можетъ быть, странно покажется на первый разъ это выраженіе, но внутренній смыслъ его многозначителенъ. Находясь въ такомъ отрядѣ, дѣйствуешь какъ-то сознательнѣе, а начальникъ, чувствуя себя прочнымъ, свободнѣе распоряжается, зная, что предположеній его никто не измѣнитъ, да и вѣра въ его предположенія какъ-то сильнѣе. Пшехскій отрядъ опытомъ узналъ, какъ не здоровится войскамъ при частыхъ перемѣнахъ начальниковъ.

Несмотря на успѣшную постройку Тверской станицы, новые поселенцы успѣли, своимъ пріѣздомъ, предупредить ея окончаніе и должны были расположиться навремя бивуаками на площади станицы Пшишской.

Покосы, между тѣмъ, мало по малу прекращались. Экстренное сѣно уже было накошено къ 21-му іюня, и два баталіона, косившіе его, переведены къ посту Кошко-Дечукъ, для прове-

денія дороги къ Пшишской станицѣ. 22-го числа двѣ роты апшеронскаго стрѣлковаго баталіона отправлены въ прикрытіе сѣнника, а самурскій резервный баталіонъ изъ сѣнника посланъ на постъ Кошко-Дечукъ.

23-го числа кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ расположенъ былъ въ шести или въ семи верстахъ выше станицы Пшишской для постройки поста. 28-го числа самурскій резервный баталіонъ передвинуть, для устройства поста Этертокскаго, между Пшишскою станицею и постомъ Кошко-Дечукъ.

Представляя себѣ эту перестановку баталіоновъ, дѣлается яснымъ, что все теченіе рѣки Пшишь, отъ Тверской станицы до Кубани, обезпечивалось непрерывною цѣпью постовъ и станицъ.

Эти громадныя работы шли одновременно съ постройкою Тверской станицы до 6-го августа, послѣ чего войска передвинулись выше по теченію рѣки Пшишь.

Здѣсь приходится прервать рассказъ объ обыденныхъ занятіяхъ пшехскаго отряда и дать мѣсто описанію занимательнаго событія, совершившагося одновременно съ послѣдне-описанными дѣйствіями.

Около послѣднихъ чиселъ апрѣля окончательно проявился результатъ неослабныхъ трудовъ нашихъ въ теченіе многихъ лѣтъ, принявшихъ особенное развитіе въ послѣднее время. Такъ, напримѣръ, пшехскій отрядъ прочно занялъ пространство около 1,500 квадратныхъ верстъ, застроилъ его станицами, заселенными жителями, угрожая вторгнуться далѣе въ горныя ущелья и въ предѣлы послѣдней и единственной, оставшейся въ рукахъ горцевъ, удобной для заселенія полосы земли между Пшишемъ и Пшекупсомъ.

Послѣ внезапнаго появленія пшехскаго отряда, 27-го апрѣля, среди трудно-проходимой мѣстности у Аминевскаго аула и рѣшительныхъ дѣйствій, абадзехи сознали себя не въ состояніи остановить наше движеніе и въ первый разъ прислали серьезно просить о началіи мирныхъ переговоровъ. Когда же генераль-маіоръ Зотовъ занялъ, 28-го мая, Хадыжи, просьба эта повторилась самымъ настойчивымъ образомъ. „Если вы взяли хорошее, то берите и худое!“ говорили впослѣдствіи абадзехи, ведя переговоры. Они понимали свою будущность: изгнанные

изъ хлѣбородныхъ мѣстъ и лишенные возможности собрать сѣянное весной, они могли ждать впереди только голодъ. Потерявъ надежду имѣть свой кровъ, они съ ужасомъ смотрѣли на предстоящую зиму. Такъ или иначе, но имъ надо было разрѣшить этотъ вопросъ, хотя приблизительно: поставить себя въ болѣе опредѣленное отношеніе къ русскимъ и выйти изъ положенія неизвѣстности будущаго, чтобы яснѣе понять, какъ лучше употребить еще оставшіяся у нихъ средства.

Въ началѣ іюня они являлись постоянно къ начальникамъ обоихъ отрядовъ съ просьбами о началіи переговоровъ.

Генераль Зотовъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, не соглашался на предложенія абадзеховъ. Многіе рассказывали, что онъ предугадывалъ бесплодное окончаніе этихъ затѣй; но полковникъ Гейманъ рѣшился приступить къ переговорамъ.

Въ разговорахъ съ горцами, полковникъ Гейманъ старался сначала выразить нерасположеніе къ переговорамъ въ виду блестящихъ успѣховъ нашихъ войскъ, но потомъ, какъ будто уступая ихъ мольбѣ, назначилъ 18-го іюля трехдневный срокъ для того, чтобы отъ всѣхъ племенъ, просящихъ вступить въ переговоры, прибыли уполномоченные для окончательнаго выраженія ихъ желаній.

Переговоры хотя и были ведены полковникомъ Гейманомъ, но, по смыслу своему, должны принадлежать къ исторіи пшекаго отряда, какъ слѣдствіе къ причинѣ.

21-го числа, по условію, сошлись абадзехскіе старшины: отъ верхнихъ абадзеховъ прибылъ хаджи-Исмаиль, отъ махощеевцевъ—Багарсуковъ и Дауровъ, отъ нижнихъ абадзеховъ—Хозь-хаджи-бей, Шецеюкъ и Джембулатъ.

Въ этотъ съѣздъ, отъ имени всѣхъ абадзеховъ, они высказали слѣдующее рѣшеніе: доведенные дѣйствіями русскихъ войскъ до крайности, они не въ силахъ держаться болѣе съ оружіемъ въ рукахъ и должны уступить нашему требованію—очистить страну отъ населенія; но, чтобы приступить къ этому, просили разрѣшенія начать переговоры объ условіяхъ для желающихъ выселяться какъ въ наши предѣлы, такъ и въ Турцію, черезъ посредниковъ, по ихъ выбору, при чемъ назвали: полковниковъ Мамать-Гирея-Лова, Адиль-Гирея-Капланова-Ничева и Фиць-Абдеррахманова. Для успѣшнаго же веденія переговоровъ они обѣщались прекратить враждебныя дѣйствія, прося и насъ ничего не предпринимать до окончательнаго рѣшенія во-

проса. Въ послѣдней просьбѣ слышалась выговоренная ими для себя выгода въ отсрочкѣ времени военныхъ дѣйствій, которая могла для нихъ во многихъ случаяхъ быть полезною. На это полковникъ Гейманъ объявилъ, что если военныя дѣйствія и будутъ остановлены, то работы все-таки не прекратятся, что онъ съ этого же дня съ своимъ отрядомъ не будетъ переходить Пшехи до полученія отвѣта отъ графа Евдокимова, и будетъ просить генераль-маіора Зотова заключить перемиріе хотя на шесть дней. Абадзехи, со своей стороны, обѣщались: не пропускать убыховъ чрезъ свои земли, слагая съ себя, впрочемъ, всякую отвѣтственность за тѣхъ, которые будутъ пробираться землею шапсуговъ, и въ теченіе шести дней послать къ мезмаевцамъ, догуховцамъ и хамышевцамъ, какъ къ абадзехскимъ племенамъ, извѣстіе о своемъ рѣшеніи, прибавляя, что если они не согласятся, то судьба ихъ будетъ передана въ наше распоряженіе.

Вѣсть объ этомъ желаніи абадзеховъ полетѣла въ Ставрополь. Въ ожиданіи отвѣта, генераль-маіоръ Зотовъ и полковникъ Гейманъ прекратили военныя дѣйствія, не останавливая работъ, и абадзехи показали чистосердечно, что они желали переговоровъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Положеніе этого племени становилось, дѣйствительно, невыносимымъ. Абадзехи еще до начала переговоровъ просили помощи у убыховъ и получили согласіе. Уже значительный отрядъ двинулся къ перевалу подъ начальствомъ хаджи-Догмукова, какъ абадзехи, узнавъ о начатыхъ переговорахъ, просили ихъ вернуться немедленно назадъ, угрожая, въ случаѣ неисполненія ихъ предложенія, заставить къ тому силою. Убыхи вернулись, но не назадъ, а направились къ верховью рѣки Шахе и, раздѣлившись тамъ на мелкія партіи, начали, въ отмщеніе, грабить сосѣдніе абадзехскіе аулы. Послѣ нѣсколькихъ схватокъ, абадзехи устроили наблюдательные посты, служившіе продолженіемъ постовъ, занимаемыхъ 27-мъ полкомъ. Однако большинство убыховъ было очень довольно начатыми переговорами и даже прислало къ абадзехамъ старшину съ желаніемъ счастливаго окончанія, обѣщая вслѣдъ за ними немедленно приступить къ переговорамъ съ русскими.

Въ періодъ времени ожиданія отвѣта отъ графа Евдокимова у насъ случилось съ абадзехами непріятное столкновеніе: около станицы Егерухаевской абадзехи отбили до тридцати лошадей, пасшихся, конечно, подъ слабѣйшимъ присмотромъ,

по случаю перемирія. Полковникъ Гейманъ собралъ въ тотъ же день старшинъ и началъ укорять ихъ въ несоблюденіи условій перемирія, грозя немедленно открыть военныя дѣйствія. Старшины извинялись, обѣщая нарядить одного изъ своихъ товарищей для розысканія воровъ и принять мѣры къ предупрежденію подобныхъ случаевъ. Вторичное доказательство, какъ дорого они цѣнили наше согласіе на переговоры. Впрочемъ, вскорѣ дѣло объяснилось въ пользу абадзеховъ. Передъ началомъ переговоровъ, подполковникъ Пистолькорсъ, во время набѣга, отбилъ около трехсотъ штукъ баранты. Двадцать семь хозяевъ этого стада дали клятву отомстить намъ нападеніемъ на какой-нибудь изъ оплошныхъ пунктовъ; появленіе ихъ передъ нѣкоторыми постами заставило нашихъ быть осторожными. Не встрѣчая долго удобнаго случая къ выполненію своего намѣренія, они спустились по Бѣлой и тамъ, около станицы Егерухаевской, удовлетворили своему мщенію.

Наконецъ прибылъ отвѣтъ, ожидаемый отъ графа Евдокимова, въ которомъ было сказано:

„Что просимые абадзехами посредники придутъ, и что изъ нихъ, подъ предсѣдательствомъ полковника Геймана, составлена будетъ комісія для окончательнаго разрѣшенія вопроса о выселеніи абадзеховъ, при чемъ предлагалось объявить имъ, что желающіе остаться въ нашихъ предѣлахъ будутъ водворены на Лабѣ, на однихъ основаніяхъ съ кабардйцами, и посовѣтовать имъ переселяться какъ можно скорѣе, чтобы они могли, пока есть еще полевые работы въ станицахъ и въ находящихся тамъ аулахъ, заработками приобрести средства къ существованію на зиму.

„Чтобы переходящіе къ намъ владѣльцы и не думали о возвращеніи имъ тѣхъ изъ холоповъ, которые перешли къ намъ раньше ихъ, и что крѣпостное право будетъ имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ добровольно перейдетъ къ намъ со всѣмъ своимъ семействомъ, холопами и имуществомъ.

„На мезмаевцевъ, догуоховцевъ и хамышевцевъ, если только они не прислали старшинъ въ теченіе назначенныхъ ими шести дней, не надо обращать вниманія, а только объявить, что если они не послѣдуютъ примѣру абадзеховъ, то будутъ лишены права получать мѣста на Лабѣ, и желающихъ потомъ

переселяться будутъ водворять на тѣхъ мѣстахъ пригубанскихъ степей, гдѣ будетъ указано.

„Абадзехи, желающіе выселяться въ Турцію, должны предварительно собираться таборами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ указано полковникомъ Гейманомъ.

„Военныя дѣйствія прекращаются на все время переговоровъ, но предположенные работы будутъ продолжаться, почему генераль-майоръ Зотовъ, по окончаніи постройки Тверской станицы, подымется выше по Пишиу и приступитъ къ постройкѣ новой станицы близъ Хадыжей.“

Послѣ этого отвѣта перемиріе продолжалось въ ожиданіи сбора всѣхъ чиновъ комісіи.

4-го іюля полковникъ Гейманъ, изъ укрѣпленія Майкопа, послалъ къ абадзехскимъ старшинамъ письмо, въ которомъ извѣщалъ ихъ, что просимые ими у графа Евдокимова посредники прибыли и что онъ вмѣстѣ съ ними на другой день перейдетъ въ Ширванскую станицу; о времени прибытія туда комісія будетъ извѣщено пушечнымъ выстрѣломъ.

Обѣщанный сигналъ, 5-го числа, раздавался въ горахъ, и черезъ часъ нѣсколько абадзеховъ явились въ Ширванскую станицу. Очевидно, что они хотѣли повѣрить, дѣйствительно ли прибыли ожидаемые лица; между прочимъ прибывшіе горцы сообщили о вчерашнемъ распоряженіи старшинъ: разослать извѣщеніе о началіи переговоровъ къ нижнимъ абадзехамъ, шапсугамъ и убыхамъ. Въ этотъ же день полковникъ Гейманъ узналъ, что надняхъ получено ими письмо отъ Магомета-Аминя (*), который, не воспрещая имъ мириться съ нами, проситъ остаться на своихъ мѣстахъ, въ ожиданіи скорого

(*) Ему теперь болѣе 50 лѣтъ; въ настоящее время онъ находится въ Турціи. Въ первый разъ онъ явился за Кубань въ 1847 году эмисаромъ отъ Шамилы. Проповѣдая мирозидизмъ, равенство и войну съ Россіей, онъ отвѣтилъ тѣмъ настроенію духа абадзеховъ, которые незадолго передъ этимъ изгнали всѣхъ своихъ князей и дворянъ, почему естественно получилъ надъ ними вліяніе. Женившись на сестрѣ знаменитѣйшаго князя западнаго Кавказа, Карабека Болотокова, онъ подчинилъ своему вліянію темиргоевцевъ, егерухаевцевъ и махощеевцевъ. Первые военныя столкновенія его съ русскими были крайне неудачны, въ особенности въ 1851 г. Въ 1855 г. онъ съ трехтысячной партіей сдѣлалъ походъ съ цѣлію завладѣть карачаевцами и, открывъ сообщеніе съ Кабардою, возстановить ее противъ насъ, но, разбитый наголову, 26-го августа, успѣлъ бѣжать черезъ едва проходимую мѣстность за Кубань. Въ 1856 г., когда, при генераль-майорѣ Филипповѣ, 2,000 абадзехскихъ и баракаевскихъ старшинъ изъявили свою покорность, первымъ изъ нихъ присягнулъ Магометъ-Аминъ.

пріѣзда его съ французскими и англійскими офицерами, для какого-то размежеванія земель.

На другой день, часовъ въ шесть пополудни, къ полковнику Гейману съѣхалось человекъ двадцать абадзеховъ, въ числѣ коихъ были Хось-хаджи и Сулейманъ-хаджи-Муковъ. Они подтвердили сказанное наканунѣ, что старшинами, дѣйствительно, послано извѣстіе о началіи переговоровъ, и если они не явились еще, то причиной тому ожиданіе полного собранія, чему препятствуютъ нижніе абадзехи, не присылающіе до сихъ поръ ни одного выборнаго. При этомъ горцы, не довѣряя, что, во время веденія переговоровъ съ начальникомъ даховскаго отряда, пшехскій отрядъ будетъ согласоваться съ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, просили полковника Геймана извѣстить полковника Граббе о началіи переговоровъ и прекращеніи военныхъ дѣйствій, на что онъ далъ имъ обѣщаніе. Затѣмъ осталая часть вечера была проведена въ неофициальномъ разговорѣ. Полковникъ Гейманъ касался болѣе предметовъ, соприкосновенныхъ предстоящимъ переговорамъ: такъ онъ заговорилъ о Магометѣ-Аминѣ, спрашивалъ о его здоровьи, говорилъ о его болѣе полезномъ отношеніи къ русскимъ, чѣмъ къ абадзехамъ; упомянулъ, что знаетъ о письмѣ его къ нимъ съ просьбою оставаться на своихъ мѣстахъ, и прибавилъ, что русскія войска все-таки будутъ очищать эту страну и пойдутъ впередъ. На это Хось-хаджи отвѣтилъ: „Если бы русскіе и не пошли впередъ и не тревожили болѣе абадзеховъ, то и тогда имъ необходимо было бы выселяться, по причинѣ страшнаго стѣсненія и лишенія необходимыхъ средствъ къ жизни“. А на выраженіе: „что мы пойдѣмъ впередъ“, Хось-хаджи хладнокровно произнесъ: „Когда вы уже взяли хорошее, то берите худое!“ Затѣмъ, уѣзжая, старшины объявили, что завтра или, много, послѣзавтра они явятся въ полномъ собраніи, для началія переговоровъ.

Черезъ часъ послѣ ихъ отъѣзда, Сулейманъ-хаджи-Муковъ и еще одинъ абадзехъ вернулись съ повторительною просьбою: написать къ полковнику Граббе, чтобъ онъ не предпринималъ военныхъ дѣйствій, крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ дней и передать ему же привезенную ими бумагу, съ тою же просьбою, отъ имени всѣхъ абадзеховъ.

Полковникъ Гейманъ согласился на это и просилъ началь-

ника пшехскаго отряда не производить наступательныхъ движеній въ продолженіе 7-го, 8-го и 9-го чиселъ.

7-го іюля, полковникъ Гейманъ, получивъ донесеніе отъ начальника курджипской линіи, что въ ущельи Бонинъ, залпомъ изъ четырехъ ружей, абадзехи ранили у насъ двухъ человекъ, немедленно послалъ ему въ отвѣтъ: „не падить горцевъ, которые будутъ встрѣчаться въ этомъ ущельи, и съ 8-го числа не позволять никому изъ абадзеховъ убирать хлѣба на правой сторонѣ Пшехи“. Это рѣшеніе, съ объясненіемъ причинъ, было разослано начальникомъ даховскаго отряда старшинамъ, при чемъ онъ укорялъ ихъ въ вѣроломствѣ, прибавляя, „что народъ, недержащій слова, недостойнъ никакой пощады“. Спустя немного времени послѣ этого, какъ и слѣдовало ожидать, пріѣхали нѣсколько старшинъ, между которыми былъ и Дауровъ. Они извинялись въ происшедшемъ, объясняя, что между ними есть люди съ дурными намѣреніями, за которыми трудно усмотрѣть. Чтобы яснѣе показать старшинамъ, что онъ не намѣренъ отмѣнять отданнаго приказанія, и чтобы не допустить ихъ до упрашиваній объ отмѣнѣ открытія непріязненныхъ дѣйствій противъ жителей правой стороны Пшехи, полковникъ Гейманъ почти не отвѣчалъ на ихъ разсужденія, почему, помявшись еще немного, они не рѣшились просить его и удалились огорченные.

Передъ вечеромъ опять пріѣхали старшины, въ числѣ которыхъ находился теперь Хатукъ-хаджи. Его появленіе можно было назвать рѣдкостью. Первый разъ онъ явился въ іюнѣ мѣсяцѣ, во время перваго четырехдневнаго перемирія, и второй разъ — теперь. Этотъ почтенный хаджи былъ, какъ казалось, самый вліятельный между старшинами верхнихъ абадзеховъ. Онъ отличался болѣею сдержанностію противъ другихъ, а рѣчь его отличалась болѣею правдивостію, точностію и даже смѣлостію. Такъ, не стѣсняясь обществомъ старшинъ, онъ открыто выразилъ свое сомнѣніе, чтобы абадзехи могли рѣшиться на что-нибудь единодушно; съ небрежностію отзывался о старшинахъ, которые ѣздить къ полковнику Гейману рассказывать то, чего сами не знаютъ, и обѣщать — чего не могутъ сдѣлать. Передъ прощаньемъ, онъ сталъ просить повременить нѣсколько дней открытіемъ непріязненныхъ дѣйствій, чтобы не помѣшать совѣщаніямъ абадзеховъ, которые, какъ онъ говорилъ, имѣютъ теперь характеръ небывалаго единодушія и рѣдкаго общаго

желанія поскорѣе покончить съ нами дѣла. Сначала полковникъ Гейманъ не сдавался на просьбы Хатука-хаджи и говорилъ съ нимъ тономъ укорительнымъ, наконецъ, какъ-будто снисходя къ просьбамъ посредниковъ и изъ уваженія къ нему самому, согласился на то, чтобы абадзехи въ теченіе нѣкотораго времени могли еще убирать хлѣба на правой сторонѣ, и прекратить непріязненные дѣйствія, если сами абадзехи не вызовутъ на отмѣну этого рѣшенія.

Согласиться на это полковнику Гейману было легко потому, что, до пріѣзда Хатука-хаджи, онъ получилъ подробное свѣдѣніе о вчерашнемъ происшествіи, а именно: что наши уже отплатили за залпъ, сдѣланный абадзехами, убивъ одного изъ нихъ, ранивъ двоихъ и заарестовавъ въ станицѣ Курджипской нѣсколько человѣкъ съ арбами. Кромѣ того, имѣя въ виду, съ одной стороны, то обстоятельство, что ни одна проказа горцевъ не останется безъ наказанія, а съ другой, что бѣдные арестованные холопы, собиравшіе руками по полямъ падалицы, не могли вредить намъ, а скорѣе, будучи приласканы, сами станутъ на нашей сторонѣ, какъ распространители приглашенія всѣмъ холопамъ оставлять своихъ господъ и выходить къ намъ, чтобъ сдѣлаться вольными, — начальникъ нагорнаго военного округа не только объявилъ согласіе на просьбу Хатука-хаджи, но, желая еще болѣе показать свое великодушіе, приказалъ отпустить всѣхъ арестованныхъ въ станицѣ Курджипской. Послѣ чего хаджи, прощаясь, сказалъ, „что пріѣдетъ только тогда, когда самъ убѣдится въ единодушномъ и твердомъ намѣреніи старшинъ и народа“; старшины же, при прощаньи, обѣщались сойтись 1-го числа.

На другой день, несмотря на дождь, лившій съ полудни до самаго вечера, старшины заѣзжали въ Ширванскую станицу. Въ этотъ же день пріѣзжалъ и Хось-хаджи, передавшій, что въ собраніи нижнихъ абадзеховъ господствуетъ волненіе по поводу начатія переговоровъ. Соблазнительная надежда на лучшее, проглядывавшее въ обѣщаніи Магомета-Амина, болѣе всего удерживала ихъ отъ рѣшительнаго отвѣта.

Утромъ 9-го числа получено было извѣстіе, что на суражировкѣ близъ Самурской станицы раненъ офицеръ. (Достоверно, что онъ былъ раненъ бѣглымъ кабардинцемъ.)

Передъ вечеромъ прибыли человѣкъ до 30 абадзеховъ; въ числѣ другихъ были: отъ верхнихъ Хось-хаджи и отъ ниж-

нихъ Шецеюкъ. Нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ старшинъ не было потому, что они отправились разбирать случившуюся въ этотъ день ссору на сходкѣ, гдѣ были Хатукъ-хаджи и хаджи-Иземолле-Османовъ. Хаджи-Измаиль пріѣхалъ поздно, къ концу бесѣды. Ясно, что подобный съѣздъ былъ не для начатія переговоровъ о выселеніи, хотя старшины и обѣщались начать его съ 9-го числа. Полковникъ Гейманъ встрѣтилъ ихъ опять недасково и, вслѣдъ за укоризнами о случившемся, началъ выговаривать за пустую проволочку времени; говорилъ, что принужденъ будетъ приказать не давать никому изъ горцевъ пощады на правой сторонѣ Пшехи; потомъ прибавилъ: „кажется, придется совсѣмъ покончить ни къ чему неведущіе переговоры“. Шецеюкъ, обладающій замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, началъ изливаться въ извиненіяхъ въ родѣ такихъ: „что въ семьѣ не безъ уroda“, что у нихъ есть негодяи и недоброжелатели, за которыми трудно усмотрѣть народу, неимѣвшему полицейскихъ учреждений. Понемногу Шецеюкъ добрался-таки до главнаго и сталъ просить, чтобы трехдневное перемиріе, заключенное съ пшехскимъ отрядомъ, было продолжено.

Полковникъ Гейманъ какъ прежде письмо къ начальнику пшехскаго отряда о трехдневномъ перемиріи, такъ и въ отвѣтъ на теперешнюю просьбу абадзеховъ писалъ только для утѣшенія горцевъ, потому что зналъ хорошо о занятіяхъ пшехскаго отряда и о предполагаемыхъ работахъ, не позволявшихъ ему двинуться впередъ раньше августа. Но чтобы хорошенько припугнуть старшинъ, съ цѣлію поторопить ихъ къ сбору для разрѣшенія вопроса о выселеніи, онъ рѣшительно отказалъ въ послѣдней просьбѣ Шецеюка и объявилъ, что пшехскій отрядъ пойдетъ туда, куда уже ходилъ, и намекалъ объ общемъ наступленіи обоихъ отрядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно успокоилъ ихъ, сказавъ, что враждебныя дѣйствія нѣ части успокоилъ ихъ, сказавъ, что враждебныя дѣйствія нѣ будутъ начаты, и если они не подадутъ къ тому повода, то имъ нечего опасаться за свои жилища, имущества и семейства. Старшины, видя неподатливость предсѣдателя комисіи, просили, для успокоенія народа, написать въ пшехскій отрядъ, чтобы тотъ при движеніи не начиналъ, безъ особенной причины, военныхъ дѣйствій. Полковникъ Гейманъ согласился.

На другой день старшины обѣщались собраться выслушать наши условія.

„Вообще — замѣчаетъ полковникъ Гейманъ, въ журналъ пере-

говорить—изъ разговоровъ старшинъ я совершенно убѣдился, что если нѣтъ дѣйствительнаго, единодушнаго желанія на выселеніе всею массою, то все-таки духъ народа поколебленъ и лишень всякой энергіи; если и не послѣдуетъ немедленнаго общаго выселенія, то оно тотчасъ же начнется само собою по частямъ, что, разумѣется, приведетъ къ тому же результату.“

Угрозы для народа, и безъ того напуганнаго, хотя считаются мѣрою крутою, но, тѣмъ не менѣе, въ дѣлѣ переговоровъ приносятъ иногда пользу.

10-го іюля, въ четыре часа пополудни, степенные старшины, большею частию на отличныхъ коняхъ, окруженные наѣздниками, заперстрѣли цвѣтами своихъ черкесокъ въ воротахъ Ширванской станицы; между ними особенно рѣзко выдавалось значительное количество бѣлыхъ чалмъ, означающихъ хаджей.

Ихъ пригласили въ редюитъ, гдѣ и открылись совѣщанія. Главными изъ старшинъ были: отъ верхнихъ абадзеховъ — хаджи-Измаиль, а отъ нижнихъ — Шецеюкъ. Не отступая отъ восточнаго обычая и желая какъ-нибудь загладить проволочку времени до 10-го числа, они начали извиняться въ томъ, что, ожидая пріѣзда старшинъ отъ убыховъ и шапсуговъ, невольно замедлили появленіемъ въ полномъ сборѣ, и что даже сегодня нѣтъ многихъ изъ нихъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, кому начать говорить, Шецеюкъ заговорилъ первымъ; въ голосѣ его далеко не видно было прежней увѣренности. Съ самаго начала разсыпался онъ многословіемъ, произнося всю рѣчь тономъ нерѣшительнымъ, какъ-будто былъ чѣмъ-нибудь сконфуженъ. Первая мысль, которую онъ высказалъ, были вопросы: „почему именно хотять выселенія абадзеховъ? почему не могутъ позволить имъ, при условіи спокойной жизни, оставаться на своихъ мѣстахъ?“ При этомъ говорили и другіе абадзехи; но инициатива оставалась за Шецеюкомъ. Много рѣчие растягивало мысль. Передавая ее даже вкратцѣ, невольно останавливаешься передъ бесполезностію вступленія. Вотъ главная мысль всего сказаннаго:

„До тѣхъ поръ, пока государственная граница шла по рѣкѣ Кубани, горцы, вторгаясь въ русскіе предѣлы, производили сильное безпокойство, вслѣдствіе чего мы должны были, для обезпеченія своихъ границъ, держать значительное число войскъ. Затѣмъ Отоманская Порта, по адрианопольскому трактату, за-

свидѣтельствованному уполномоченными всѣхъ европейскихъ державъ, признала за Россіею всѣ земли между рѣкою Кубанью и Чернымъ моремъ. Всѣ старанія русскаго правительства были тогда—обезпечить предѣлы государства умиротвореніемъ этого края. И вотъ наконецъ, видя безуспѣшность этихъ мѣръ, Россія начала дѣйствовать войною, поселять по границамъ казаковъ, а вытѣсненныхъ горцевъ водворять на заднихъ линіяхъ, предоставляя имъ всѣ возможныя удобства къ жизни. Эта мѣра относительно части горскаго населенія уже приведена въ исполненіе“, и т. д.

Эти историческія данныя, бесполезно введенныя, начали понемногу переходить къ настоящему вопросу, который, все остальное время, развивалъ очень обширно хаджи-Измаиль, вертясь преимущественно около мысли, что они, принужденные силою оружія, хотя и сознають необходимость выселенія на Лабу или ухода въ Турцію, но что очень жестоко принуждать ихъ къ тому, не давъ необходимаго для того времени. Выразивъ сомнѣніе, чтобы государь и высшее правительство знали мѣры, употребляемыя противъ ихъ народа, прямо и намеками говорили, что въ ихъ судьбу, послѣ послѣдней войны, вмѣшались даже европейскія государства.

На все это полковникъ Гейманъ отвѣчалъ: „что сами они, постоянно волоча время, не рѣшаясь ни на что положительное, вынудили правительство прибѣгнуть къ такимъ крутымъ мѣрамъ, что теперь имъ только и остается одно — какъ можно скорѣе выселяться, чтобы бѣдные люди могли до наступленія холодовъ какъ-нибудь устроиться на новыхъ мѣстахъ; что есть еще достаточно времени для выселенія въ Турцію; оставаясь же на мѣстахъ, все населеніе подвергнетъ себя неизбѣжной гибели; наконецъ, что нелѣпо и смѣшно предполагать, будто государь и правительство не желаютъ предпринимаемыхъ мѣръ“. Что же касается до вмѣшательства въ судьбу ихъ постороннихъ государствъ, то полковникъ Гейманъ просилъ хаджи-Измаила, какъ бывшаго въ Турціи и прошлый годъ ѣздившаго въ Англию, опредѣлительно объяснить, въ чемъ именно выразилось это вмѣшательство. Но старшины снова заговорили о томъ, какъ трудно подняться въ короткое время такому многочисленному народу, даже выразили сомнѣніе, есть ли у русскихъ столько земли, чтобъ водворить ихъ. На это отвѣтили, что численность ихъ

народа намъ извѣстна не хуже ихъ и что земли хватить на всѣхъ. Видя, что разговоръ переходитъ въ полное пустословіе, и желая положить конецъ скучнымъ монологамъ, полковникъ Гейманъ объявилъ, что самъ выведетъ ихъ изъ затрудненія и покажетъ, какъ начать дѣло; затѣмъ, попросивъ у старшинъ вниманія выслушать условія о переселеніи, которыя поручилъ командующій войсками Кубанской области передать имъ, началъ читать слѣдующее:

„1) Добровольно выселяющіеся абадзехи водворяются на Лабѣ, Нижнемъ-Фарсѣ, Чахрахѣ и Бѣлой, по указанію полковника Фицъ-Абдеррахманова, на однихъ условіяхъ съ кабардинцами.

„2) Выселеніе, по волѣ господина командующаго войсками Кубанской области, должно быть начато и кончено въ двѣ недѣли. (Я беру на себя отвѣтственность назначить для того трехнедѣльный срокъ.)

„3) Желаящіе переселиться въ Турцію должны въ этотъ срокъ, если пожелаютъ, распродать свое имущество и скоть, дѣлая это или на мѣстахъ, или на линіи, для чего, получивъ пропускной билетъ, отправляются туда безъ оружія и потомъ, возвратясь, берутъ билеты на отправленіе и уѣзжаютъ, все въ тотъ же вышеозначенный срокъ. До окончанія продажи скота и отправленія, каждый оставляетъ у меня сына.

„4) Тѣ, которые хотятъ переселиться въ Турцію спустя болѣе продолжительное время, должны также въ означенный срокъ выселиться на указанныя мѣста, гдѣ могутъ оставаться сколько угодно времени.

„5) Вышедшіе въ срокъ съ холопами сохраняютъ на нихъ прежнія права.

„6) Всѣ долговныя и другія обязательства, если нельзя кончить ихъ теперь же, до окончанія срока, покончены будутъ на новыхъ мѣстахъ, по обычаю или по шаріату.

„7) Кто въ означенный срокъ не выселится, не получитъ мѣста гдѣ сказано, а водворенъ будетъ на Кубани.

„8) Холопы, вышедшіе раньше срока или принужденные къ выселенію силою оружія, приобрѣтаютъ свободу и водворяются на однихъ условіяхъ съ ихъ прежними господами.

„9) Если нежелающіе выселиться въ предложенный срокъ отнимутъ что-либо изъ имущества выходящихъ теперь добровольно или будутъ препятствовать имъ выселиться угрозами и силою, то, по указанію послѣднихъ, въ то время, когда бу-

дутъ принуждены и остальные къ выселенію силою оружія (а это будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ), должны будутъ изъ своего имущества возратить все отнятое и сами, кромѣ того, подвергнутся взысканіямъ по русскимъ законамъ.

„10) Тѣ, которые находятся по сю сторону Пшехи (по правому берегу), должны выселиться въ трехнедѣльный срокъ, по истеченіи котораго противъ нихъ откроются непріязненные дѣйствія (*).“

Щецеюкъ и хаджи-Измаиль, выслушавъ условія, опять заговорили о томъ, что всѣ эти строгости хороши были, когда они еще не мирились, что теперь они прекращаютъ войну; затѣмъ послѣдовали просьбы, надежды на ходатайство, милосердіе; наконецъ, видя, что все это не приноситъ желаемыхъ результатовъ, старшины стали угрожать, что ежели условій измѣнить нельзя, то имъ все равно погибать.

Эта неприличная выходка сдѣлала то, что полковникъ Гейманъ, прервавъ ихъ, сказалъ: „Вы выслушали отъ меня все, что мнѣ было приказано вамъ сообщить; послѣ этого я не скажу ни слова“.

Тогда, видя смущеніе повѣренныхъ старшинъ, полковникъ Магометъ-Гирей-Ловъ, желая ихъ успокоить, обстоятельно объяснилъ старшинамъ, что все имъ сказанное не есть произвольное распоряженіе полковника Геймана или графа Евдокимова, а есть непремѣнная воля государя, и потому ни въ чемъ существенно измѣнена быть не можетъ. Потомъ полковникъ Ловъ очень ловко объяснилъ имъ, какъ неосновательна одна изъ главныхъ просьбъ — о дозволеніи увеличенія срока для переселенія. Онъ сказалъ абадзехамъ, что они, обманывая насъ, обманываютъ и себя; пусть начнутъ только безостановочное выселеніе большими массами, тогда правительство, конечно, не затруднится увеличить срокъ, видя, что всѣ единодушно выходятъ.

Желая подтвердить свою догадку, что абадзехи обманываютъ насъ, онъ представилъ имъ то обстоятельство, что они выселялись же при наступленіи нашихъ войскъ минутъ въ десять и не находили этого невозможнымъ; почему же не могутъ выселиться въ теченіе трехъ недѣль, не подвергая себя опасности опять выбираться изъ жилищъ, при появленіи нашихъ войскъ, въ четверть часа и скрываться съ имуществомъ по лѣ-

(*) Приведенные здѣсь пункты условія для переселенія не есть копія съ подлинной бумаги, хотя измѣненія сдѣланы слишкомъ незначительныя.

самъ. Этотъ разговоръ принесъ свою пользу, и старшины, кажется, сознали, что рѣшеніе измѣнено быть не можетъ и что нужно привести его въ исполненіе, по возможности, скорѣе.

Они спросили еще разъ, на какихъ условіяхъ позволено имъ будетъ продавать скоть; уѣзжая же сказали, что завтра дадутъ рѣшительный отвѣтъ.

Вслѣдъ затѣмъ, полковникъ Гейманъ получилъ свѣдѣніе, что утромъ на сборѣ абадзеховъ происходили сильные споры между верхними и нижними: первые стояли за немедленное выселеніе, а вторые были далеко не всё согласны на это предложеніе. Представитель же верхнихъ абадзеховъ, хаджи-Измаиль, былъ совершенно одного мнѣнія со своими земляками, а если и говорилъ на совѣщаніи другое, такъ больше для очищенія своей совѣсти.

На этой сходкѣ абадзеховъ едва не былъ убитъ Хось-хаджи, за то, что, тайно отъ другихъ, одинъ пріѣзжалъ къ русскимъ; однако, имѣя многочисленныхъ приверженцевъ, онъ съ самоувѣренностію говорилъ, что убитъ его не посмѣютъ, а что касается до того, что онъ ѣздилъ одинъ къ русскимъ, то этого онъ и не думалъ скрывать, потому что не выдавать своихъ и не сообщать вредныхъ для нихъ свѣдѣній ѣздилъ онъ къ начальнику Нагорнаго военнаго округа, но за тѣмъ, что, будучи увѣренъ въ бесполезности всѣхъ ихъ совѣщаній, хотеть самъ, помимо ихъ, устроить судьбу какъ свою, такъ и своихъ приверженцевъ, и, наконецъ, если его считаютъ человѣкомъ вреднымъ для общественныхъ интересовъ, то ни онъ и никто изъ его единомышленниковъ не пойдутъ на переговоры.

Эти волненія, во время совѣщаній абадзеховъ, и были причинами того, что на переговорахъ въ Ширванской станицѣ не присутствовали ни Османъ-Хатуковъ, ни Хось-хаджи.

Надо замѣтить, что полковникъ Гейманъ конфиденціально получилъ свѣдѣніе, что абадзехи ежели и тянули время, то вслѣдствіе письма Магомета-Амина, уже полученнаго, и другаго, ожидаемаго, гдѣ онъ совѣтовалъ имъ, по возможности, не предпринимать противъ насъ военныхъ дѣйствій, а употреблять всѣ усилія остаться на своихъ мѣстахъ, намекая, что участь ихъ перемѣнится къ лучшему, послѣ ожидаемыхъ политическихъ переворотовъ.

11-го числа опять явились старшины, въ числѣ которыхъ были Хатукъ-хаджи и Шецеюкъ.

Пріѣздъ Хатука-хаджи всегда обѣщаль болѣе точныя свѣдѣнія, и теперь онъ привезъ слѣдующую вѣсть, что абадзехи, желая опредѣлительнѣе и скорѣе покончить свои дѣла, рѣшили раздѣлиться по фамиліямъ: каждая изъ нихъ должна выбрать себѣ старшину, въ родѣ наба, и присягнуть ему въ полномъ повиновеніи; что эти выборы произойдутъ у нихъ сегодня же, вечеромъ, а завтра, по окончательномъ между собою совѣщаніи, выборные явятся и съ окончательнымъ отвѣтомъ. Шецеюкъ же началъ опять свою пѣсню, что все-таки они твердо рассчитываютъ на измѣненіе условій, особенно касательно срока.

Вести переговоры энергически, съ угрозою, начать наступленія, во время идущихъ покосовъ и проложенія дорогъ, было нельзя, а потому намъ самимъ выгодно было продолжать предначертанныя работы, обезпечивая ихъ перемиремъ; почему полковникъ Гейманъ началъ показывать видъ, будто поддается на обманъ горцевъ и вѣрять ихъ доводамъ о необходимости увеличить срокъ для выселенія; потомъ, какъ бы сочувствуя этимъ просьбамъ, обѣщаль ходатайствовать о дѣлѣ, и такъ какъ ему самому необходимо было съѣздить въ Ставрополь по своимъ дѣламъ, то онъ воспользовался этимъ случаемъ, обѣщая лично отправиться въ Ставрополь, къ командующему войсками Кубанской области. Такимъ образомъ, замаскировавъ истинную причину для просрочки нужнаго намъ времени, полковникъ Гейманъ прекратилъ навремя переговоры, съ намѣреніемъ открыть ихъ при началѣ наступательныхъ движеній.

На слѣдующій день съѣздъ былъ поляе: между старшинами были Шецеюкъ, и Хось-хаджи, и Хатукъ-хаджи. Этотъ съѣздъ объявилъ отъ имени всѣхъ выборныхъ, которымъ присягнули выбравшія ихъ семейства, что всѣ они, имѣя въ виду выселеніе большинства семействъ въ Турцію, рѣшаются просить ходатайства объ увеличеніи срока на выселеніе. Принимая эти слова за интриги старшинъ, желавшихъ задержать абадзеховъ на одномъ мѣстѣ, полковникъ Гейманъ сказалъ имъ, что невозможно допустить, чтобы большинство отправилось въ Турцію, потому что на это нужны хорошія средства, что это не болѣе, какъ отговорка старшинъ, чтобы задержать на мѣстахъ народъ, который за то жестоко поплатится; что же касается до ходатайства объ увеличеніи срока, то можетъ согласиться на это тогда только, когда замѣтитъ какой-нибудь успѣхъ изъ

всѣхъ переговоровъ, потому что до сихъ поръ, кромѣ пустой проволоки времени, ничего не видно. Слова эти были подробно развиты полковниками Адиль-Гиримъ-Каплановымъ-Ничевымъ и Магометомъ-Гиреемъ-Ловымъ. Хатукъ-хаджи отвѣчалъ, что они не намѣрены задерживать желающихъ немедленно выселиться къ намъ и что готовы сдѣлать все, что мы хотимъ, лишь бы заставить насъ повѣрить единодушному искреннему желанію прекратить войну и выселиться или въ Турцію, или на указанные нами мѣста. Старшины предлагали комисіи, чтобы она сейчасъ же послала отъ себя довѣреннаго человѣка вызвать глашатаго, который бы съ дерева прокричалъ всему обществу: „кто хочетъ, пусть немедленно выходитъ на Лабу или переселяется въ Турцію!“, но что все-таки — прибавляли они — для этого необходимъ продолжительнѣйшій срокъ, на время котораго, если таковой будетъ данъ, они согласны выдать аманатовъ сколько и кого мы пожелаемъ, чтобы тѣ отвѣчали за все, что случится. Въ послѣднихъ предложеніяхъ не слышалась, какъ прежде, задняя лукавая мысль; просьба звучала теперь чистосердечно. Затѣмъ начался горячій разговоръ старшинъ съ посредниками, по окончаніи котораго каждый изъ нихъ началъ передавать предсѣдателю комисіи то, что узналъ изъ этого разговора. Соображая все сказанное, полковникъ Гейманъ пришелъ къ заключенію, что трудно объяснять просьбу горцевъ однимъ желаніемъ тянуть время, и еще такое, которое служитъ самымъ удобнымъ для ихъ дѣйствій, и что скорѣе можно повѣрить въ небывалое единодушное желаніе народа прекратить съ нами войну и начать исподволь выселеніе. Имѣя въ виду, наконецъ, и ту выгоду, какую пріобрѣтали наши войска на мирныхъ работахъ отъ продолженія перемирія, онъ объявилъ старшинамъ, чтобы они, какъ только возвратятся, тотчасъ же прокричали передъ собраніемъ слѣдующее:

- 1) Кто хочетъ, пусть выходитъ немедленно къ намъ или переселяется въ Турцію.
- 2) На выселеніе и переселеніе дается трехнедѣльный срокъ.
- 3) О продолженіи срока ходатайствуется.
- 4) Въ продолженіе трехнедѣльнаго срока не производить непріязненныхъ дѣйствій.
- 5) Русскія войска въ это время будутъ мирно двигаться, производа назначенныя имъ высшими властями работы.
- 6) Когда будетъ разрѣшенъ довольно продолжительный

срокъ, то всѣ семейства должны дать русскимъ, по ихъ назначенію, аманатовъ, которые будутъ отвѣчать за все случившееся.

Старшины, видимо обрадованные такими условіями, немедленно уѣхали, чтобы объявить объ этомъ народу, и общались сегодня или завтра придти съ окончательнымъ отвѣтомъ.

Скоро успѣли справиться съ объявленіемъ вышеприведенныхъ пунктовъ, и вечеромъ того же дня возвратились въ Ширванскую станицу Османъ, Хатукъ и Шецеюкъ. Этотъ послѣдній, въ разговорѣ наединѣ, убѣждалъ полковника Геймана повѣрить вполнѣ единодушному желанію абадзеховъ мириться съ нами и просилъ его объ исходатайствованіи имъ болѣе продолжительнаго срока на выселеніе, прибавляя, что всѣ живущіе по близости расположенія отряда выселятся въ теченіе трехнедѣльнаго срока; что же касается до живущихъ по верховьямъ рѣкъ, то они, посѣявъ кукурузу, которая посѣвается поздней осенью, не будутъ имѣть для сбора ея достаточнаго времени. Когда же уберутъ хлѣба, то начнутъ переселеніе, чтобы весною быть на новыхъ мѣстахъ. Въ удостовѣреніе того, что къ ранней веснѣ не останется ни одного абадзеха на прежнихъ мѣстахъ, они согласны дать аманатовъ, по нашему выбору, которые будутъ отвѣчать за всякій вѣроломный поступокъ.

Ловкій Шецеюкъ очень искусно развилъ предъ полковникомъ Гейманомъ, что для него понятна и наша нужда въ продолжительномъ мирѣ, что самъ онъ видѣлъ, какъ наши работы шли несравненно успѣшнѣе, не встрѣчая никакихъ препятствій, и, какъ самое сильное доказательство единодушнаго желанія помириться съ нами, Шецеюкъ привелъ то обстоятельство, что старшины ведутъ переговоры въ самое лучшее время для военныхъ дѣйствій и по уговору не предпринимаютъ ничего враждебнаго.

Полковникъ Гейманъ, выслушавъ мысли посредниковъ, которые вывели они изъ разговоровъ съ абадзехами, и, повѣривъ ихъ съ тѣмъ, что было высказано и ему самому горцами вообще, а потомъ Шецеюкомъ, пришелъ къ убѣжденію, что согласіе на просьбу абадзеховъ можетъ принести намъ только одну пользу: при продолженіи перемирія, лѣтнія работы пойдутъ успѣшнѣе; если же часть абадзеховъ, оставшаяся на зиму, не будетъ оказывать намъ препятствія, то все пространство до самаго перевала будетъ занято безъ выстрѣла. Затѣмъ, ставъ въ серединѣ населенія горцевъ, имѣя уже разработанныя со-

общенія, намъ нетрудно будетъ силою оружія принудить ихъ къ выселенію, если бы они вздумали нарушить свои обѣщанія.

Поэтому, 13-го іюля, послѣ непродолжительныхъ разговоровъ со старшинами, комісія условилась съ ними въ слѣдующемъ:

1) Начиная съ завтрашняго числа, дается трехнедѣльный срокъ, въ продолженіе котораго кто хочетъ пусть безпрепятственно выходитъ къ намъ или въ Турцію.

2) Въ продолженіе трехнедѣльнаго срока, во время движенія и производства работъ, наши войска не будутъ начинать непріязненныхъ дѣйствій, если не подадутъ къ тому повода абадзехи.

3) Если въ продолженіе трехнедѣльнаго срока горцы, живущіе между рѣками Пшехою и Бѣлою, не выселятся или къ намъ, или за Пшеху, то имъ не дозволено будетъ пользоваться ходатайствуемымъ для нихъ разрѣшеніемъ убирать хлѣба.

4) Абадзехи немедленно посылаютъ къ мезмаевцамъ и хамышевцамъ извѣстіе, что комісія не хочетъ имѣть съ ними никакого дѣла за ихъ вѣроломство.

Но старшины начали убѣдительно просить объ исходатайствованіи и имъ тѣхъ же правъ. Имѣя въ виду, что ихъ, живущихъ въ непріступныхъ трупцобахъ, выселять силою будетъ много хлопотъ, полковникъ Гейманъ и комісія согласились на просьбу старшинъ; почему сдѣлано предложеніе: въ трехнедѣльный срокъ выселиться или къ намъ, или за Пшеху, объяснивъ, что только въ этомъ случаѣ будетъ имъ предоставлено пользоваться ходатайствуемымъ временемъ для уборки хлѣба.

5) Въ случаѣ несогласія хамышевцевъ и мезмаевцевъ теперь же немедленно прислать аманатовъ, непріязненные дѣйствія противъ нихъ прекращаться не будутъ.

6) Затѣмъ, посылая донесеніе командующему войсками Кубанской области обо всѣхъ веденныхъ переговорахъ, полковникъ Гейманъ самъ, когда увидитъ, что дѣло принимаетъ серьезный видъ, поѣдетъ ходатайствовать у графа Евдокимова о нижеслѣдующемъ:

Всѣмъ абадзехамъ, не успѣвшимъ выселиться въ трехнедѣльный срокъ, дозволить оставаться до ранней весны, на такихъ условіяхъ:

а) Живущіе между Пшехою и Пшишемъ, къ которымъ принадлежатъ и всѣ вышедшіе изъ пространства между Пшехою

и Бѣлою, располагаются въ двухъ мѣстахъ большими таборами, подъ наблюденіемъ и отвѣтственностію выбранныхъ и нами утвержденныхъ старшинъ.

б) Живущіе между Пшишемъ и Псекупсомъ остаются какъ есть. Старшины ихъ тоже отвѣчаютъ за все случившееся.

в) Раннею весною всѣ абадзехи должны выселиться или на указанная нами мѣста, или въ Турцію.

г) Мы производимъ движенія и работы когда и гдѣ намъ угодно, не прибѣгая только къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, если абадзехи не подадутъ къ тому повода; въ противномъ случаѣ мы принуждены будемъ дѣйствовать силою оружія, не считая обязательнымъ всего то, что будетъ исходатайствовано для народа.

д) Абадзехи, въ случаѣ полученія разрѣшенія на все, о чемъ теперь ходатайствуется, выдаютъ аманатами сколько и кого намъ угодно, которые отвѣчали бы за все случившееся въ тѣхъ семействахъ, въ поручительство которыхъ аманаты выданы, и эти аманаты остаются до окончательнаго выселенія раннею весною.

е) Всѣ выговоренныя условія должны быть обнародованы старшинами.

Спустя нѣсколько часовъ старшины вернулись и объявили, что всѣ условія, заключенныя между ними и старшинами, обнародованы, и представили, тутъ же, отъ восьми обществъ выборныхъ въ аманаты.

Приведенный здѣсь ходъ переговоровъ былъ неваженъ по своимъ результатамъ и, кажется, былъ предпринятъ рано.

Какъ ни плохо было положеніе абадзеховъ, но они не были доведены до крайности: у нихъ оставались еще мѣста между Пшишемъ и Псекупсомъ и по ущельямъ, куда они не ожидали русскихъ осенью, да куда мы, можетъ быть, и не пошли бы, еслибъ насъ не понудили къ скорѣйшему окончанію войны усиленныя интриги эмисаровъ, поддерживаемыхъ Турціей. Оказалось, что нижніе абадзехи фактически покорились, когда пшехскій отрядъ прошелъ по всему пространству между Пшишемъ и Пшехой, а верхніе абадзехи—когда отряды наши появились въ трупцобахъ, и заключили миръ на позиціи Мальгошепъ.

Но нельзя не обратить вниманія на ловкость веденія переговоровъ и на хорошее знаніе пріѣзжавшими старшинами нашего положенія.

Одинъ, Хатукъ-хаджи, пользуясь своею положительностію, почтенными лѣтами и уваженіемъ къ нему всѣхъ, выпрашиваетъ то, чего не удастся другимъ. Другой, Шецеюкъ, сказавъ съ перваго раза, что главная цѣль ихъ просьбы заключается въ отсрочкѣ времени для переселенія, и стоитъ на этой мысли все время съ увѣренностію, что исполнить эту просьбу, и затѣмъ блестящимъ образомъ поддерживаетъ свою увѣренность. Онъ знаетъ о нашей невозможности привести угрозы въ исполненіе по случаю поговосовъ и постройки дорогъ. Узнавъ, что начальникамъ нашимъ извѣстно о письмѣ, гдѣ Магометъ-Аминъ упрашиваетъ ихъ оттягивать время до крайности, усиленными доказательствами, направленными въ противоположную сторону, онъ старается уничтожить прежнее настроеніе и расположить въ пользу новыхъ данныхъ, служившихъ основаніемъ этой просьбѣ. Наконецъ, первое слово у него становится послѣднимъ и такъ для него выгодно рѣшеннымъ, какъ только онъ могъ ожидать.

Окончательныя же условія, выговоренныя, повидимому, крайне выгодно для насъ, связывали горцевъ только въ одномъ случаѣ — когда будетъ выпрошена у графа Евдокимова такая отсрочка для выселенія, какая имъ желательна. Во всѣхъ другихъ случаяхъ ни одинъ изъ пунктовъ не имѣлъ значенія.

Все искусство Шецеюка, какъ видно, заключалось въ отличномъ пониманіи дѣла и въ сознаніи, что наши интересы во многомъ сходились съ интересами абадзеховъ.

У.
Передвиженіе отряда изъ Тверской станицы на рѣку Схалюко, для устройства поста. — Происшествіе въ лагерь. — Арестованіе абадзеха. — Переходъ отряда въ Хадыжи. — Первые занятія отряда на новой позиціи. — Появленіе большого числа выѣжавшихъ изъ плѣна. — Разсказъ одного изъ нихъ. — Разнообразныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ разсказовъ бывшихъ плѣнныхъ. — Движеніе отряда между Пшишемъ и Пшехою, съ цѣлю побудить абадзеховъ къ скорѣйшему выселенію. — Праздная жизнь въ Хадыжахъ: базаръ; торговля горцевъ; языкъ, на которомъ объяснялись солдаты съ горцами. — О тревогахъ въ отрядѣ. — Фазаны (люди).

Быстро шли работы пшехскаго отряда. Переговоры, между тѣмъ, кончились. Ничѣмъ ненарушаемое перемиріе тянулось довольно долго, вмѣстѣ съ однообразными, скучными, чрезвычайно жаркими и сухими днями. Лихорадка, попрежнему, уменьшала ряды нашихъ войскъ. Наконецъ дорога отъ станицы Пшишской до Тверской и работы по устройству самой станицы были окончены.

6-го августа отрядъ двинулся впередъ. Отрядъ изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, двухъ сотенъ казаковъ и шести орудій (*), подъ начальствомъ полковника Граббе, передвинувшись верстъ на восемь отъ станицы, вверхъ по правому берегу рѣки Пшишь, расположился лагеремъ при впадѣніи рѣки Схалюко, для устройства здѣсь поста для вырубкы

(*) Стрѣлковыя части: 19-й, самурскій баталіоны; сводно-линейные №№ 1-й и 4-й полубаталіоны; двѣ роты сводно-резервнаго № 2-го баталіона; затѣмъ 3-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка и одна рота саперъ; два эскадрона Тверскаго драгунскаго полка; 1-я Новотроицкая и 6-я Петропавловская казачья сотни; дивизіонъ горныхъ орудій 20-й бригады.

лѣса и разработки дороги между этимъ пунктомъ и Тверской станицей.

Наша новая позиція была счастливейе развлеченіями, чѣмъ предвѣдущая. На третій день по приходѣ на Схалюко, изъ Тверской станицы шла небольшая колонна. На пути слѣдованія колонна эта получила приказаніе отъ начальника отряда быть какъ можно осторожнѣе, потому что большое число горцевъ находится въ сборѣ. На всякій случай на встрѣчу колоннѣ было выслано два баталіона пѣхоты со взводомъ артилеріи. Не доходя трехъ верстѣ до отряднаго лагеря, колонна остановилась, поджидая свой отставшій обозъ. Въ это время на лѣвой сторонѣ по косогору, между красиво расположенными группами деревьевъ, была обнаружена огромная толпа горцевъ. Это былъ сборъ абадзеховъ, передъ которыми читалось посланіе, полученное изъ Турціи. Съ правой стороны виднѣлось множество наѣздниковъ—запоздалыхъ депутатовъ, рысью спѣшившихъ со всѣхъ сторонъ небольшими партіями. У половины изъ нихъ не было оружія, чѣмъ они яснѣе хотѣли показать, что не намѣрены нарушать перемирія; но кавказскія войска не разъ были проучаемы и знали, что значить безусловно довѣряться мирному расположенію горцевъ. А потому колонна стянулась и съ пѣснями тронулась дальше. Горцы, при видѣ нашихъ войскъ, съ которыми до того они знакомились только въ бою, бросились къ колоннѣ съ живымъ любопытствомъ. желая, вѣроятно, вблизи разсмотрѣть нашихъ молодцовъ. Старшины, оставленные своими слушателями, промѣнявшими ихъ умныя рѣчи на солдатскія пѣсни, въ свою очередь погнались за разбѣжавшимися и нагайками начали сгонять ихъ опять въ кружокъ. Такимъ образомъ, ожидаемая трагедія приняла комическій характеръ.

Наканунѣ этого дня, въ самомъ лагерѣ нашихъ войскъ случилась небольшая суматоха. На площадкѣ, отведенной для сатовки, часу въ первомъ пополудни, поднялся шумъ; наконецъ раздались нѣсколько восклицаній: „татары рѣжутъ!“ Ударили тревогу; дежурный баталіонъ взялся за ружье, артиллеристы ближайшаго фаса къ мѣсту сатовки на рукахъ втащили горныя орудія на курганъ и навели ихъ на площадку. Горцы однако не разошлись, а виновнаго повели къ начальнику отряда. Дѣло-то вышло простое. Абадзехъ продавалъ орѣхи, на-

низанные на нитку. Какой-то солдатъ, желая купить, осмотрѣлъ одну изъ связокъ, справился о цѣнѣ и сказалъ горцу, чтобы онъ шелъ за нимъ въ палатку, гдѣ обѣщалъ ему заплатить за орѣхи. Абадзехъ не хотѣлъ идти, а солдатъ настойчиво звалъ его, держась за орѣхи. Продавецъ, выведенный изъ терпѣнія, началъ отнимать свой товаръ, но, убѣдившись, что не одолѣетъ солдата, выхватилъ кинжалъ и хотѣлъ перерѣзать нитку съ орѣхами, да нечаянно хватилъ солдата по рукѣ. Изъ этого заварилась каша: явились кровь, драка, крикъ, тревога и проч., кончившіеся, впрочемъ, безъ особенно серьезныхъ послѣдствій.

Схалюкскій постъ былъ построенъ къ 9-му августа. Еще день, и постовую вышку оставалось только покрыть крышей; но въ этотъ послѣдній день, вечеромъ, произошла опять суматоха, покрупнѣе чѣмъ предвѣдущая.

Одинъ, недавно вышедшій изъ плѣна, казакъ замѣтилъ на сатовкѣ горца, у котораго былъ въ плѣну. Попросивъ товарищей не выпускать горца изъ вида, онъ отправился къ начальнику отряда съ просьбою остановить этого абадзеа, на томъ основаніи, что онъ захватилъ казака вмѣстѣ съ женою и невѣсткою въ плѣнъ во время перемирія, и потребовать отъ горца возврата женщинъ, которыя находились еще у него; при этомъ казакъ жаловался на крайне варварское съ ними обращеніе. Полковникъ Граббе велѣлъ привести обвиняемаго. Горецъ же, замѣтивъ приближеніе солдатъ, хотѣлъ было уйти; но слѣдившій за нимъ казакъ схватилъ его за руку. Абадзехъ узналъ казака, въ одно мгновеніе выхватилъ винтовку, представилъ къ его груди и спустил курокъ. Къ счастью—осѣчка. Абадзехъ и его нукеръ были арестованы, при чемъ старшинамъ объявлено, что освобожденіе ихъ будетъ зависѣть отъ скорого возвращенія жены и невѣстки казака, приносившаго жалобу.

11-го августа, окончивъ постройку поста, отрядъ направился къ Хадыжамъ, которые были очищены нами три мѣсяца тому назадъ. Кругомъ, по дорогѣ, отзывалось какъ-будто миромъ: огромныя стада, принадлежавшія туземцамъ, паслись по всей долинѣ; толпы горцевъ, безъ оружія, сбѣгались любоваться своими побѣдителями и выносили на продажу индюковъ,

куръ, гусей и т. п.; но все это какъ-то странно гармонировало съ заряженными ружьями нашихъ солдатъ и съ обоюднымъ нерасположеніемъ.

— Вишь, землячки-то, землячки, чортъ бы ихъ побралъ— говорили солдаты—сбѣжались своими лохмотьями похвастаться.

Но вотъ показалось бывшее укрѣпленіе Хадыжи. Горцы не уничтожили его. Расположенное на возвышенномъ берегу рѣки Пшишь, оно было разбито на косогорѣ, при чемъ часть небольшой внутренней площади его была видна издали. Выше его тянулся большой и густой кустарникъ, оканчивающійся около вершины горы, съ которой можно было разсмотрѣть всѣ уголки укрѣпленія, безхитростная фигура котораго представляла четырехугольный редутъ, съ выступами для орудій по угламъ.

Названіе укрѣпленія какъ-то не шло къ Хадыжинскому редуту. Будучи немногимъ больше Схалюкского поста, оно уступало ему въ искусствѣ постройки. Вообще, какъ общее расположеніе укрѣпленія, далеко непреграждавшаго долины рѣки Пшиши, такъ и устройство его, по нашему мнѣнію, не вполне удовлетворяли его назначенію.

Можетъ однако родиться вопросъ, почему никто изъ начальниковъ не озаботился обратить на это особеннаго вниманія? Да потому, что всѣ они хорошо знакомы со способомъ войны кавказскихъ племенъ и съ полною ихъ неспособностію брать укрѣпленія, почему и не придавали этому вопросу особаго значенія. Извѣстно, что, со времени введенія у насъ нарѣзнаго оружія, не было примѣра, чтобы горцы рискнули взять приступомъ не только укрѣпленную станицу, но даже и укрѣпленный постъ.

Во время проѣзда Его Императорскаго Высочества намѣстника Кавказа, въ мартѣ мѣсяцѣ, около Тубинскаго поста вертѣлась, какъ говорили, двухтысячная партія, а на посту были рота изъ пятидесяти человекъ и одно легкое орудіе. Несмотря на это, горцы не рѣшились атаковать поста. Даже выстрѣлъ изъ орудія по приближавшимся къ укрѣпленію горцамъ, служившій какъ бы вызывомъ на бой, не возбудилъ горцевъ къ атакѣ; они ограничились только поспѣшнымъ отступленіемъ въ глубь лѣса, окружавшаго постъ.

Если и случались нападенія горцевъ на укрѣпленія, на примѣръ въ родѣ такого, которое было сдѣлано на Хамкеты,

такъ это при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, укрѣпленіе Хамкеты находилось не въ районѣ военныхъ дѣйствій отряда, стало быть горцы, знающіе, что въ такихъ мѣстахъ всѣ посты стоятъ безпечнѣе, имѣли важный шансъ къ успѣху; во-вторыхъ, тамъ было очень мало войскъ; въ-третьихъ, форштатъ былъ слишкомъ слабо огороженъ; въ-четвертыхъ, въ укрѣпленіи была хорошая приманка: весь форштатъ застроенъ былъ множествомъ армянскихъ лавокъ и домами болѣе богатыхъ жителей. Но и здѣсь, несмотря на быстрое и эффектное нападеніе горцевъ, при которомъ каждый изъ абадзеховъ держалъ въ рукахъ по факелу, они захватили только одинъ форштатъ; а укрѣпленіе, едва обороняемое покрайней мѣрѣ въ шесть разъ слабѣйшимъ гарнизономъ въ сравненіи съ атакующимъ, осталось для нихъ неодолимою преградой. Если бы въ форштатѣ было достаточно войска, то нельзя было бы ожидать ничего подобнаго.

По прибытіи въ Хадыжи, только около двухъ баталіоновъ разбили свои палатки на верху горы, около укрѣпленія; остальная же часть отряда расположилась на нижнихъ уступахъ горы и на самомъ берегу рѣки Пшишь, чтобъ быть поближе къ водѣ. Затѣмъ начались, по обыкновенію, дѣятельныя работы: очищеніе кустарника, окончаніе бруствера укрѣпленія, постройка небольшого поста на вершинѣ горы, прокладываніе дороги, копаніе землянокъ, пекарень, кухонь и проч. Въ то же время открылась подвозка провіанта и сѣна изъ станицы Пшихской, на разстояніи 50 верстъ въ одинъ конецъ. Войска до того были заняты поименованными работами, что въ прикрытіе лагеря и пастьбы скота оставался иногда неполный баталіонъ. Окончивъ брустверъ укрѣпленія, войска начали пристраивать къ южному его фасу плетневую ограду въ родѣ станичной, для склада бунтовъ провіанта. Къ 1-му сентября была окончена и эта пристройка.

Въ продолженіе всего іюля и августа, во время вышеозначенныхъ занятій войскъ, чуть не ежедневно появлялись въ лагерѣ нашемъ выбѣжавшіе изъ плѣна солдаты и казаки. Сначала, когда мы стояли въ Пшихской станицѣ, непріятель, удаляясь въ горы, уводилъ съ собою и плѣнныхъ; теперь же войска наши, расположившись между туземцами, которымъ больше некуда было дѣваться, находились отъ нашихъ плѣнныхъ уже такъ близко, что они могли издали видѣть нашъ лагерь. Серд-

ца ихъ заговорили еще сильнѣе, когда долетавшіе до нихъ звуки пѣсенъ, барабановъ и роговъ напоминали имъ прошедшее, которое всегда такъ мило въ неволѣ. Вечерняя заря въ лагеряхъ была большею частію сигналомъ къ побѣгу плѣнныхъ. Многіе изъ нихъ, пробывшіе въ плѣну лѣтъ по двадцати-пяти и болѣе, едва говорили по-русски; случалось, что выходили съ женами изъ горянокъ и дѣтьми магометанскаго вѣроисповѣданія. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ сами приняли магометанство, какъ они говорили, по необходимости, но большею частію передѣлывали его на свой ладъ. Такъ случалось слышать, какъ иной, говоря объ этомъ, прибавлялъ:

— Вотъ ужь, братцы, пятый годъ говѣлъ по-ихнему.

— А что ты, небось, опять станешь молиться по-нашему? спрашивали его товарищи.

— Безпремѣнно, братцы, безпремѣнно, вотъ вамъ хрѣсть!

И при этомъ говорившій твердою рукою клалъ крестъ...

— Э, братъ—замѣчаютъ ему—какая же у тебя рубаха порванная да грязная!...

— Да вѣдь бань-то у нихъ, проклятыхъ, нѣтъ; а заработать на рубаху—гдѣ заработаешь?...

При этомъ всегда кто-нибудь подворачивался съ рубахой.

— На, братъ, возьми.

— Спасибо, землячки! Эхъ, братцы, какъ посмотрю на васъ, то ажно плакать хочется!...

— Носи на здоровье... Будешь богатъ—отдашь.

Нельзя было безъ удовольствія видѣть, какъ сѣдые старики, пробывшіе долго въ плѣну, сначала съ недовѣріемъ, а потомъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, слушали рассказы о томъ, что теперь нѣтъ болѣе у насъ крѣпостныхъ, что больше не сѣкутъ розгами, не гоняютъ сквозь строй, что начальство стало теперь добрѣе, и проч.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! прибавляли они. — Ишь ты какія перемѣны!

— А кто у насъ императоромъ теперь, братцы? спрашивали они.

— Да Александръ Николаевичъ! отвѣчали солдатики.

— Такъ это ктожь, значитъ, такихъ милостей надавалъ?

— Да все онъ же!

Конечно, каждый изъ плѣнныхъ во всю свою жизнь не испытывалъ болѣе подробныхъ распросовъ, какъ по выходѣ изъ

плѣна. Благодаря имъ, мы очень многое узнали о положеніи дѣлъ на Кавказѣ и о тѣхъ интригахъ, которыя велись эмисарами изъ Турціи.

Вотъ рассказъ одного изъ нихъ (*).

Глубокой осенью 1853 года, изъ укрѣпленія Сужать, выступила колонна. Пройдя съ нею версты полторы, раскащикъ съ однимъ товарищемъ, заманенный въ лѣсъ спѣлыми огромными грушами, отошелъ отъ колонны и началъ собирать соблазнительные плоды; но въ это время загудѣлъ лѣсъ отъ залпа нѣсколькихъ сотъ ружей, и партія, поджидавшая колонну, вслѣдъ затѣмъ бросилась въ шашки. Тутъ онъ попался въ плѣнъ и приведенъ былъ въ Убыхскій аулъ къ тому, кто первый схватилъ его.

Въ теченіе трехъ лѣтъ его перепродавали отъ убыховъ къ шапсугамъ; отъ нихъ онъ перешелъ къ абадзеху, потомъ къ другому, у котораго и прожилъ девять лѣтъ. Въ первый же годъ женилъ онъ его на своей крестьянкѣ; но не долго пришлось ему жить съ женою: она умерла, оставивъ ему сына. Затѣмъ его съ сыномъ продали абадзеху Цей-Яуку. Этотъ тоже купилъ ему жену, по его словамъ, добрую и хорошую женщину; но тяжела была его жизнь у Цейя: одѣвалъ ихъ онъ старыми лохмотьями, негодными никому въ домѣ, кормилъ такъ, что они едва только жили, а жена, родившая дочь, едва могла кормить свое дитя молокомъ; работать же заставлялъ больше своего буйвола. Плохо выкормленное дитя ихъ было хило и непрерывно заболѣвало. Въ свободное время, онъ иногда рассказывалъ ей о русскихъ, говорилъ, что жизнь тамъ хороша, что работы меньше, а ѣдятъ тамъ лучше, и уговаривалъ ее бѣжать; но лишь только подходили русскія войска, ихъ угоняли въ дальнія трущобы. Бѣжать было нельзя.

Въ прошломъ году, когда хозяинъ ихъ былъ убитъ, они остались съ хозяйкою. Войска наши прибыли въ Хадыжи; пѣсни, крики „ура“, утреннія и вечернія зори, призывъ на работу и на обѣдъ, все слышно было въ ихъ аулѣ, и все это увеличивало ихъ рѣшимость бѣжать. Наконецъ они выбрали отличное время, когда хозяйки не было дома, и рѣшились бѣжать; но, лишь только пришло ожидаемое время, дитя заболѣло. Любовь къ прежней жизни превозмогла любовь къ женѣ, и

(*) Бывшаго казеннаго деньщика кавказскаго линейнаго № 7-го баталіона майора Колена, Семіона Старченка, выбѣжавшаго изъ плѣна 11-го августа.

онъ одинъ выбѣжалъ изъ плѣна. Жена же его, Сану, осталась съ хозяйкою.

Магометанскую вѣру принялъ онъ, какъ говорилъ, чтобы только наружно выполнять обряды, въ угожденіе хозяевамъ, а иначе жизнь его была бы хуже ада. А нужда заставила очень скоро выучиться абадзехскому языку.

Кромѣ того, Старченко сообщилъ намъ, что старшина аула, въ которомъ онъ находился, Мусса-Карбичъ, былъ въ Турціи и только въ прошломъ мѣсяцѣ возвратился оттуда съ письмами: одно было отъ турецкаго султана, другое отъ Магомета-Аминя. Въ первомъ изъ нихъ было сказано, что нынѣшній годъ не будетъ помощи изъ Турціи потому, что страна горцевъ сильно обѣднѣла запасами хлѣба и сѣна отъ войны съ русскими, что вслѣдствіе того она не въ силахъ будетъ прокормить отрядъ, если онъ къ нимъ прибудетъ; но весною будущаго года имъ пришлется много войскъ, съ продовольствіемъ и припасами. Въ письмѣ же наиба сказано противное, именно: что онъ скоро придетъ съ отрядомъ турецкихъ войскъ и высадится гдѣ-нибудь близъ Анапы; а Муссъ-Карбичу приказалъ лично появиться съ отрядомъ у устья рѣки Туапсе, при чемъ увѣрялъ горцевъ, что русскіе, незаконно овладѣвшіе берегомъ, отступятъ немедленно при его появленіи. Старченко рассказывалъ, что абадзехи, по этому случаю, дѣлали нѣсколько большихъ сходокъ. Вѣроятно, помянутая нами сходка около Схалюкского поста была одна изъ нихъ. На этихъ сходкахъ преимущественно было такое рѣшеніе, чтобы, по возможности, оттягивать время до весны, а тамъ посмотреть, если не прибудетъ обѣщанная помощь, то начать выселеніе въ Турцію или въ Россію. Главное, что письма, полученные изъ Турціи, были поразительно противорѣчивы. Даже абадзехи, непривычные къ разбирательству подобнаго рода документовъ, далеко не все повѣрили въ искренность письма наиба; только небольшая часть увѣряла, что онъ говоритъ правду, а большая—что обманываетъ и что раньше весны они не получаютъ помощи.

Старченко сообщалъ также, что верхніе абадзехи рѣшились переселиться къ нижнимъ, у которыхъ въ томъ году былъ отличный урожай и которымъ, по слѣдующимъ переговорамъ, позволено спокойно прожить между Пшишемъ и Пшекупсомъ всю зиму до 1-го февраля.

Подобные рассказы сильно подзадоривали наше любопыт-

ство. Мы постоянно узнавали о появленіи выбѣжавшихъ изъ плѣна и такъ подробно допытывали ихъ, какъ нельзя больше: нѣкоторые изъ офицеровъ записывали имена, встрѣчавшіяся въ ихъ разсказѣ. Изъ ихъ безхитростныхъ, но правдивыхъ повѣствованій, мы ознакомливались съ нѣкоторыми чертами быта горцевъ, грубымъ и дикимъ нравомъ мужчинъ, который тяжело ложился на нашихъ плѣнныхъ, добрымъ и ласковымъ характеромъ ихъ женщинъ, которыхъ судьба не очень многимъ была лучше этихъ несчастныхъ. Узнали также, что и у нихъ оружіе дѣлалось во многихъ аулахъ; но это искусство у горцевъ западнаго Кавказа, вѣроятно, стояло на очень низкой степени, потому что лучшіе клинки, которые попадались намъ, были или турецкіе, или чеченскіе, или дагестанскіе.

Многіе изъ выбѣжавшихъ рассказывали, что и порохъ дѣлали сами горцы, если долго не бывало привоза его изъ Турціи. Составныя части его очень оригинальны, по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ: трава звѣробой (?) и затѣмъ селитра и уголь; пропорціи же этихъ составныхъ частей никто изъ плѣнныхъ не полюбостествовалъ узнать.

Свинець, по разсказамъ плѣнныхъ, горцы получали изъ Турціи, а также отыскивали, послѣ перестрѣлки, русскія пули и переливали ихъ по своему калибру. Про добывку желѣза плѣнные рассказывали, что горцы выжигали его изъ какого-то синяго камня, который они отыскивали около снѣговыхъ горъ. Операція эта производилась въ глиняныхъ котлахъ, на верху которыхъ, въ горизонтальномъ направленіи, прикрѣплялись деревянные ковши съ очень маленькими отверстіями въ нижнихъ ихъ частяхъ.

Черезъ плѣнныхъ мы узнали подробно о состояніи дороги въ Туапсе, удобство и неудобство ея относительно прохода войскъ съ вьючнымъ обозомъ и артилеріею.

Рассказывали еще, что кромѣ того письма, о которомъ было упомянуто выше, было получено еще отъ Магомета-Аминя и другое, которымъ онъ упрашивалъ абадзеховъ не изъявлять покорности русскимъ, говоря, что скоро вся Европа пойдетъ на Россію, и первыми явятся къ нимъ турецкія войска, и сильный флотъ будетъ поддерживать враждующія племена съ русскими; а чтобы повѣрили его словамъ, онъ упирался на свидѣтельство горцевъ, въ томъ году переселившихся въ Турцію и остановленныхъ въ Трапезонтѣ, близъ котораго собранъ былъ

значительный отрядъ, назначенный для десанта на восточный берегъ Чернаго моря, прибавляя, что отрядъ этотъ отлично снабженъ провіантомъ и боевыми припасами.

Нѣкоторые изъ плѣнныхъ, бывшихъ у убыховъ, рассказывали, что на одномъ изъ большихъ сборовъ ихъ явился англійскій офицеръ, который, отъ имени своего правительства, просилъ ихъ, чтобы они продолжали вражду съ русскими и что въ самомъ непродолжительномъ времени они получатъ для поселенія свои же родныя мѣста, которыя будутъ для нихъ отвоеваны союзными войсками. Потомъ онъ, подъ прикрытіемъ отряда убыхскаго военачальника, хаджи-Догомукова, направился обратно къ устью рѣки Шихебъ, гдѣ недалеко ожидалъ его пароходъ.

Нѣкоторые передавали, что слышали, будто одинъ натухайскій эфенди, Куштановъ, находившійся уже въ Турціи, вернулся обратно къ мѣсту своего жительства черезъ Джубу и дѣятельно проповѣдывалъ, чтобы горцы не сдавались русскимъ, что онъ нарочно пріѣхалъ подтвердить обѣщаніе Турціи непременно прислать помощь, и что Турція пожертвовала и скоро пришлетъ около полутораста ящиковъ съ порохомъ, въ удостовѣреніе чего онъ показывалъ ключъ отъ этихъ ящиковъ передъ цѣлымъ собраніемъ.

Неутомимые распросы плѣнныхъ доставили намъ превосходныя свѣдѣнія; свѣдѣнія же, которыя получало наше правительство, намъ неизвѣстны, почему нѣтъ возможности повѣрить эти показанія съ болѣе точными документами. Какъ бы то ни было, а можно и по этимъ даннымъ вывести приблизительно вѣрное понятіе. Въ какой степени вмѣшивались въ эти дѣла правительства разныхъ государствъ, сказать трудно; но кѣмъ-то, и, вѣроятно, Турціей, черезъ подкупленныхъ эмисаровъ и горцевъ, наивно повѣрившихъ обѣщаніямъ будущихъ благъ, велась самая крупная интрига, которая, судя по показаніямъ, приносила неблагоприятные для насъ плоды: такъ, убыхи, начавшіе переселеніе, пріостановились и начали формировать отряды; абадзехи собственными боками почувствовали свое невыгодное положеніе, и въ то время, какъ одни вели съ нами переговоры, другіе начали понемногу приставать къ убыхамъ шайками и готовиться къ набѣгамъ. Въ ожиданіи Магомета-Аминя начался у убыховъ новый выборъ старшинъ; даже строили гдѣ-то мекеме (народное судилище). Всѣ мало по малу под-

давались обѣщаніямъ, сообщаемымъ изъ Турціи; даже забывали про то, что русскій штыкъ стоялъ у нихъ на порогѣ, что для дѣйствій еще оставались осень и зима, которыя не разгоняютъ отряды, а собираютъ новые, для зимней экспедиціи, что имъ нужно же было чѣмъ-нибудь прожить до весны, что много тысячъ народа лишились возможности собрать хлѣба съ полей, а собранное погибнетъ съ появленіемъ русскихъ.

По слѣдующимъ дѣйствіямъ можно было заключить, что эти интриги способствовали къ быстрѣйшему покоренію Кавказа, стало быть имѣли свою хорошую сторону.

Хотя всякій бывший въ послѣдней зимней экспедиціи съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ представляетъ тѣ картины ужасной борьбы солдатъ съ бѣдствіями, ниспосылаемыми природой, какія выпадали намъ на долю, однако мы успѣли дойти зимою до Гойтхъ, а весною достигли берега моря.

По приходѣ въ Хадыжи, полковникъ Граббе былъ рѣшительно осаждаемъ просьбами пріѣзжавшихъ горцевъ. Мы, конечно, интересовались подобными сѣздами, и всегда узнавали только одно, что горцы пріѣзжали просить объ освобожденіи арестованныхъ горцевъ, о которыхъ упомянуто выше. Пользуясь ихъ сѣздомъ, начальникъ отряда постоянно напоминалъ имъ, что срокъ очищенія пространства между Пшишемъ и Пшехою уже подходитъ и что онъ замѣчаетъ полное равнодушіе горцевъ къ сроку 13-го сентября, конечному термину, назначенному для выселенія горцевъ. При этомъ начальникъ отряда грозилъ даже скорымъ своимъ визитомъ къ горцамъ, а они все твердили объ арестованныхъ, хотя уже нѣсколько разъ получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: что ихъ слѣдовало бы наказать самымъ строгимъ образомъ за обнаженіе оружія въ мирное время, за полное ослушаніе противъ начальника въ районѣ лагеря, въ намѣреніи убить казака, исполнявшаго долгъ свой, и что, снисходя только просьбамъ почтенныхъ старшинъ, онъ рѣшается отпустить ихъ по возвращеніи ими плѣнныхъ женщинъ.

На третій или четвертый день появилась толпа солдатъ, окружавшихъ странный поѣздъ: на сѣдлѣ сидѣла женщина, а сзади ея, на крупѣ лошади, примостился горецъ. Казакъ, поднявшій эту законную кутерьму, кинулся на встрѣчу къ своей женѣ, которую давно не видалъ. Ее сняли съ сѣдла; молча подошла она къ мужу и стала рядомъ съ нимъ передъ начальникомъ отряда. Но не долго скрывала она свои чувства: сна-

чала, молча, поглядывала только на мужа, потом полились у ней градомъ слезы. Ни обниманіями, ни поцѣлуями она не высказывала своихъ чувствъ; ея рыданія были такъ понятны, что нѣкоторые едва не вторили ей.

— А что, видно, ей больно было хорошо-то у татар? сказалъ кто-то.

— Еще бы!... ишь, сердечная, заливается: должно быть, ей жаль разстаться съ этими чертями! отвѣтилъ другой.

Привели и связаннаго горца. Распутали ему локти, среди насмѣшекъ и остротъ солдатъ. Отдали ему ружье, потомъ шашку, пистолеть, наконецъ портмонэ, взятый у него при арестованіи. Онъ заглянулъ въ него и объявилъ, что тамъ было 10 р. бумажками. Переводчикъ, честный и добрый человекъ, находившійся при полковникѣ Граббе, поклялся, что онъ, при отбираніи вещей, передъ всѣми показывалъ, что портмонэ горца было пусто; но абадзехъ продолжалъ требовать своихъ денегъ. Обманъ былъ явный. Но, чтобы не дать повода такому гадкому человѣку выдумывать про насъ, что его ограбили, полковникъ Граббе приказалъ выдать ему объявленную сумму изъ своихъ денегъ. Потомъ, по приѣздѣ другой женщины, былъ освобожденъ и нукеръ горца.

Миръ съ абадзехами продолжался; но выполненіе нѣкоторыхъ условій шло очень медленно.

Полковникъ Граббе, во все время пребыванія своего съ отрядомъ въ Хадыжахъ, твердилъ непрерывно заѣзжавшимъ къ нему абадзехамъ, чтобы выселялись: или за рѣку Бѣлую, или куда хотятъ, только чтобы скорѣе очищали пространство между Пшишемъ и Пшехою. Конечно, всѣ эти слова оставались словами. Горцы торговались за время, мѣшкали; а, между тѣмъ, откладываемое перемиріе могло прекратиться, и тогда намъ пришлось бы имѣть дѣло съ цѣлымъ населеніемъ. Чтобы придать словамъ своимъ болѣе вѣса, полковникъ Граббе взялъ пять баталіоновъ пѣхоты, роту саперъ, дивизионъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ и шесть горныхъ орудій (*) и 3-го сентября двинулся внутрь пространства между Пшехою и Пшишемъ.

(*) Стрѣлковые баталіоны: 19-й, ширванскій, апшеронскій, самурскій и сводно-линейный № 1-й. Дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка. Казачьи сотни Темирговская и Убѣжинская. Четыре горныхъ орудія 20-й артилерійской бригады и два орудія только что прибывшихъ облегченной № 3-го батареи 19-й артилерійской бригады.

Раскинувъ для осторожности боковыя цѣпи и переваливаясь по арбянымъ дорогамъ съ одной высоты на другую, колонны шли между аулами. Значительная часть ихъ была уже брошена; оставшіеся же тамъ жители сильно были перепуганы этимъ движеніемъ. При приближеніи войскъ къ жилымъ мѣстамъ, видно было издали, какъ бѣлыя сорочки убѣгающихъ женщинъ мелькали среди зелени кустовъ и деревьевъ, какъ нагруженные арбы поспѣшно подымались въ гору и какъ запоздалые хозяева копошились около сакель. Съ нашей стороны, конечно, не было сдѣлано не одного выстрѣла. Миръ не нарушался. Такимъ образомъ, сохраняя перемиріе, мы расположились на позиціи около какой-то пересохшей рѣченки.

Въ теченіе 4-го и 5-го сентября отрядъ не перемѣнялъ своего лагеря, а отправлялъ только колонны въ разныя стороны для фуражировокъ. Также посылались онѣ и для того, чтобы большая часть оставшихся въ этихъ мѣстахъ горцевъ собственными глазами видѣли прогулку нашихъ войскъ по ихъ владѣніямъ, потому что это производило несравненно лучшее впечатлѣніе. Приѣзжавшимъ же абадзехамъ полковникъ Граббе объявилъ, чтобы они торопились выселеніемъ и что онъ очень скоро пришлетъ колонну для сожженія ауловъ.

Между тѣмъ, вѣсть о появленіи нашихъ войскъ пронеслась по всей окрестности, почему надежда ихъ на оттягиваніе времени для переселенія была окончательно уничтожена, и это-то подвинуло мирные переговоры впередъ, какъ ни одно изъ преній въ Ширванской станицѣ. Выселеніе началось очень быстро. Горцы поминутно съѣзжались къ полковнику Граббе, толковали о своемъ переселеніи и не торговались болѣе о протягиваніи времени. Ласковымъ и дружественнымъ тономъ начальникъ отряда внушалъ къ себѣ ихъ довѣренность, и они охотно слушали его совѣты.

4-го сентября, одна изъ колоннъ, отправленныхъ на фуражировку, нечаянно наткнулась въ своихъ поискахъ на жилой аулъ и была свидѣтельницей, какое впечатлѣніе производила на горцевъ необходимость выселенія. Въ несчастномъ аулѣ, предавшемъ сначала судьбу свою волѣ Аллаха или русскому „авось“, поднялись такой вопль, крикъ и плачь, что начальникъ колонны, желая хотя сколько-нибудь успокоить несчастныхъ жителей, не доходя до аула, остановилъ колонну и до тѣхъ поръ не подходилъ къ нему, пока оттуда не выбралось все

население со своими пожитками. Потомъ явился къ начальнику колонны одинъ изъ стариковъ, прося, чтобы при фуражировкѣ оставили ему хотя немного сѣна. Конечно, просьба его была выполнена. Въ другомъ же аулѣ хозяинъ былъ болѣе горячаго темперамента, и, при появленіи нашихъ войскъ, онъ подбѣжалъ съ требованіемъ, чтобы не смѣли трогать его имущества и сейчасъ же возвратились назадъ, иначе онъ грозилъ стрѣлять; но, видя, что ультиматумъ его не уваженъ и отрядъ разбираетъ его сѣно, горецъ пришелъ въ такой азартъ, что съ крикомъ кинулся было одинъ на всѣхъ, но, къ его счастью, былъ остановленъ и обезоруженъ другими горцами.

Фуражировки этихъ дней были рѣшительнымъ благополучіемъ.

Такое быстрое движеніе впередъ, какое сдѣлалъ шехскій отрядъ въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ, ясно говорило и за будущіе блестящіе результаты; но въ то же время продовольственная часть начинала страдать отъ дальности перевозки. Склады наши были слишкомъ далеки отъ войскъ. Особенно трудно было продовольствовать лошадей: трава на поляхъ сгорѣла совершенно, а ближайшій запасъ сѣна находился въ станицѣ Шехской, это значитъ около 46 верстъ, а до отряднаго сѣнника было около 63 верстъ. Наложивъ возъ въ 25 пудовъ, въ сухую погоду его привозили въ Хадыжи около 18 пудовъ; а въ грязь, когда копанныя дороги представляли густое мѣсиво изъ глины, не привозили даже и 15 пудовъ, по причинѣ большаго количества дней провоза; какъ отъ дурной погоды, такъ и отъ постоянныхъ поломокъ пропадали иногда цѣлые возы и запалились лошади, что весьма затрудняло перевозку. Поэтому движенія, дѣлаемыя нами до 6-го числа, для лошадей были не тяжестію, а отдыхомъ. Послѣ этого иногда бывали фуражировки по правой сторонѣ Пшиша, а горцы къ этому времени начали продажу сѣна.

Больше мѣсяца отрядъ нашъ простоялъ около Хадыжей, проводя время въ мелочныхъ занятіяхъ. Въ это время на позицію наѣхали разнаго рода продавцы, устроилась гостиница, и отрядъ зажилъ какъ-то оригинально.

Лагерь отряда былъ расположенъ амфитеатромъ по уступамъ ската горы, начиная отъ укрѣпленія до рѣки. Передъ нами открывалось все пространство внизу лагеря, обширная, ровная долина рѣки Пшишъ и высоты противоположнаго бе-

рега; мѣстность кругомъ была живописна. Самый лагерь имѣлъ весьма живописный видъ. Наиболѣе оживленная дѣятельность кипѣла внизу, гдѣ были расположены въ два ряда шатры и плетушки духанъщиковъ и продавцовъ разныхъ товаровъ. На улицѣ между ними, какъ на петербургскомъ толкучемъ рынкѣ, тѣснился всякій людъ: солдаты, казаки, горцы, чумаки, даже офицеры пестрѣли въ этой массѣ; съ наружной стороны, вокругъ духановъ, стояли въ разныхъ мѣстахъ кружки любопытныхъ, центромъ которыхъ болѣею частію были горцы, продававшіе разныя разности. Тамъ базарный шумъ смѣшивался со скрипомъ аробъ, съ пискомъ кларнетовъ, раздававшихся во всѣхъ углахъ (*), со звуками ширманки, отхватывающей въ какомъ-то духанѣ камаринскую съ удалыми вскрикиваніями пляшущаго подъ эту музыку. Все это напоминало уголокъ ярмарки въ какомъ-нибудь русскомъ городѣ, почему большинству жителей лагеря нравилось все это, какъ родная пѣсня на чужбинѣ. Даже такія явленія въ походной жизни рѣдки; но, всматриваясь попристальнѣе на все происходящее вокругъ, нельзя сказать, чтобы это была картина мира: залпы командъ, разряжающихъ ружья, вдали мелькающіе пикеты, цѣпь, охраняющая пастбу — все это говорило несомнѣнно миролюбиво. Можно было даже часто замѣчать солдатъ, подтрунивающихъ надъ горцами, а порою и горцевъ, которые изподтишка, съ лукавою улыбкою посматривали на какого-нибудь плохаго ѣздока или сильно хлѣбнувшаго молодца. Вообще недовѣріе между солдатами и горцами было очевидно: солдатъ зналъ, что этотъ же самый „байгушъ“, который такимъ смиреннымъ продаетъ лѣсные орѣхи, завтра, можетъ быть, даромъ будетъ посылать въ колонну орѣхи свинцовые.

Однако торговля на хадыжинскомъ базарѣ шла самая дѣятельная; толпы татаръ смѣнялись новыми толпами и въ самое непродолжительное время возвращались домой съ деньгами за сбытый товаръ.

Главный сбытъ ихъ было сѣно. Съ утра и до вечера цѣлыя вереницы аробъ съ этимъ товаромъ тянулись по всѣмъ направленіямъ лагеря и скрипомъ своимъ, лучше всякаго азійскаго базарнаго крикуна, сзывали къ себѣ толпы покупателей.

(*) На Кавказѣ кларнетисты составляютъ необходимую принадлежность пѣсенниковъ, и каждый ротный командиръ старался о заведеніи такихъ музыкантовъ. Усердіе ихъ слишкомъ знакомо всѣмъ.

Сколько ни привозили его, требованія постоянно превышали предложенія, почему и цѣна на него начинала понемногу подыматься. Въ началѣ мѣсяца можно было купить сѣно копѣекъ по пяти за пудъ, а иногда и дешевле; а черезъ нѣсколько времени, особенно послѣ первой половины сентября, когда начали закупать сѣно въ экстренный складъ, цѣна поднялась копѣекъ до 12 и болѣе за пудъ.

Другой важный сбытъ горцевъ — это рогатый скотъ и баранта. Дешевизна скота сильно поддерживала ихъ торговлю, потому что артели прекратили посылку за нимъ на линію. Быка, котораго горцы продавали за 9 р., на линіи нельзя было достать и за 18 р. Нужно однако сказать, что говядина изъ горской скотины была далеко не такъ вкусна, какъ изъ скотины, присланной съ линіи; но дешевизна вырочала это обстоятельство.

Затѣмъ слѣдуютъ, по количеству сбыта: верховыя лошади и оружіе всѣхъ видовъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ духановъ, на площади каждый день являлись конные горцы, показывавшіе достоинства своихъ лошадей; нѣкоторые изъ нихъ пускались въ карьеръ и, ловко осадивъ коня на 30 или 40 шагу, быстро поворачивали назадъ и съ мѣста кидались снова карьеромъ на нѣсколько шаговъ; другіе ловко вертѣли гибкаго коня на одномъ мѣстѣ, откидывая задъ лошади ударами нагайки; третьи плавно носились на спинахъ добрыхъ иноходцевъ, и проч. Цѣны на лошадей тоже не были велики: почти ни за одну лошадь не требовали больше 60 р.; а, между тѣмъ, встрѣчались такіе лошади, какихъ нельзя было отыскать на линіи и за 80 р.

Предметъ торговли составляли также разныя мелочи, между которыми, не достоинствомъ, а количествомъ и наружнымъ видомъ, отличались красныя окованные сундуки съ звенящими замками; затѣмъ овесъ, орѣхи и дикіе каштаны, птица, медъ и яйца, масло, а также и домашнія вещи: мѣдная посуда, соломенные коврики, столики, плохія зеркала, вертела для шашлыковъ, и проч.

Мѣна капиталовъ въ этой торговлѣ была такого рода: горцы всѣ необходимыя для себя вещи добывали промѣномъ на свои; за предметы же, приносимые ими на продажу, брали звонкою монетою. Въ теченіе всего времени, пока шла эта торговля, десятки тысячъ разнѣной серебряной нашей монеты перешли въ руки горцевъ, готовящихся на переселеніе въ Турцію.

Можетъ быть, иному покажется непонятнымъ, какъ вели торговлю непонимающіе другъ друга лица: вѣдь не всѣ же могутъ нанимать переводчиковъ. Еще покажется болѣе страннымъ, если сказать, что почти всякій солдатъ объяснялся съ горцами очень свободно. Нашъ солдатъ вездѣ составляетъ какой-то смѣшанный языкъ, обоюдо-понятный, и объясняется на немъ какъ на родномъ. Вотъ маленькій образчикъ лингвистической изобрѣтательности нашихъ солдатъ.

Посылаемые за покупкою сѣна обыкновенно пораньше выходили за лагерь, выбирали удобныя мѣста для наблюденія за окрестностію и выжидали появленія товара. Но вотъ движется цугъ аробъ, и кто-нибудь уже бѣжитъ навстрѣчу, съ призывнымъ крикомъ горцевъ „уй!“; стараясь произнести его такой же рѣзкой фистулой, какъ произносятъ горцы. Хозяинъ сѣна замѣчаетъ.

— Здорова, знакомъ! (*) говоритъ подходящій покупатель.

Горецъ молчитъ и продолжаетъ вести воловъ.

— *Моко сату?*

— Сату.

И арба останавливается.

— Сколько *акча?*

— Арба — *сомъ-сомонокъ!*

— *Яманъ!* очень *копъ!* говоритъ солдатъ. — Бери одинъ сомъ.

— Нѣтъ сату! отвѣчаетъ сурово горецъ и ведетъ быковъ дальше.

(*) Слово *знакомъ* родилось во время мирныхъ сношеній. Горцы, желая имѣть свободный входъ къ офицерамъ, запрашивали у кого-нибудь изъ насъ записку, въ которой бы засвидѣтельствовали о немъ что-нибудь хорошее. Записки такого рода писались обыкновенно: „такой-то знакомъ съ поручикомъ N“. Отсюда они позаимствовали его и, кажется, не знали настоящаго значенія этого слова, потому что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенно употребляютъ выраженія: другъ, пріятель, братецъ и т. п., они постоянно обращались со словомъ „знакомъ! знакомъ!“ Помѣщаемъ объясненіе абадзехскихъ словъ: *Моко* — сѣно. *Сату* — торговать. *Акча* или *акчъ* — деньги. *Сомъ* — рубль. *Сомонкъ* — полтинникъ. *Яманъ* — худо. *Якчи* — хорошо. *Копъ* — много. *Жеребцонъ* — перевернутое слово *жерещицъ*, что значитъ гуртомъ. *Шаттай-болтай* — слово собственнаго изобрѣтенія, которое солдаты навязываютъ всѣмъ восточнымъ народамъ — означаетъ: болтать попустому. *Баранчукъ* — молодой; солдаты употребляли въ смыслѣ маленькой. *Джигитъ* — принесенное солдатами съ лѣваго фланга и изъ Дагестана; оно мало знакомо здѣшнимъ орцамъ, у которыхъ есть слово *таджигитъ*, такъ же, какъ и *джигитъ*, выражавшее наядника, мо одца. Видя, что наши, желая кого нибудь похвалить, употребляютъ слово *джигитъ*, они принимали его какъ однозначашее со словами очень хорошо, прекрасно и проч. *Абазъ* — грузинская монета двадцатикопѣчнаго достоинства.

— А жеребцомъ сколько ачка? начинаетъ опять солдатъ.

Горецъ останавливаетъ арбу и упорно повторяетъ, откладывая для большей ясности по пальцамъ: „арба — сомъ-сомонокъ; арба — сомъ-сомонокъ!“

Солдатъ сердится, что не можетъ никакъ уломать упрямаго горца, и снова съ притворною ласкою обращается къ продавцу.

— Знакомъ, зачѣмъ твоя шалтай-болтай?... арба баранчукъ! Моко яманъ.

— Моко якимъ, джшита! Нѣтъ шалтай-болтай! возражаетъ горецъ и ведетъ арбы дальше.

— Да что — говорить другой солдатъ — отсчитай ему, вмѣсто абазовъ, пятнадцатикопѣечниковъ. Вишь, бѣгутъ еще покупатели. Плати. Разберемъ три арбы.

— Знакомъ! знакомъ! — кричитъ опять солдатъ — На!... Сату!... и показывасть издали приготовленное серебро. Горецъ опять останавливаетъ арбы. Солдатъ выбираетъ три изъ нихъ и, подходя къ каждой, говорить: „одинъ арба — сомъ-сомонокъ; другая — сомъ-сомонокъ; третья — сомъ-сомонокъ“.

Видя согласіе покупателя на назначенную цѣну, горецъ подставляетъ до черноты загорѣлую руку. Солдатъ кладетъ ему на ладонь пятнадцатикопѣечники, приговаривая за каждымъ: „абазъ, абазъ, абазъ“.... и, насчитавъ пять, говорить: „сомъ“; такъ досчитываетъ онъ до четырехъ сомъ; откладываетъ еще предполагаемыхъ два абазы. Пока все идетъ хорошо; но пришлось для счета положить и гривенникъ — горецъ замѣтно встревожился.

Рѣдкій изъ нихъ въ то время могъ отличать значеніе мелкой монеты безъ сравненія съ другими; но въ сравненіи съ гривенникомъ онъ отгадалъ, что вмѣсто двугривенныхъ ему наклали пятиалтынныхъ. Послѣ этого, конечно, начиналась извѣстная базарная сцена.

При такомъ сообщеніи горцевъ съ солдатами, сближенія между ними все-таки не было замѣтно. Случаи, которые въ военное время бываютъ причинами, поддерживающими неприязнь между враждующими, особенно рѣзко выдавались въ кавказской войнѣ: сегодня рассказываютъ, что нашли унтеръ-офицера, 19-го стрѣлковаго баталіона, съ изрубленною головой двѣнадцатью шашечными ударами; вчера принесли солдата, самурскаго баталіона, который застрѣленъ былъ въ то время,

когда на деревѣ собиралъ груши; завтра непременно будетъ еще какой-нибудь случай убійства, и т. д. Съ кордоновъ постоянно получались извѣстія, что горцы, несмотря на перемиріе, часто нападаютъ на одиночныхъ безоружныхъ. А рассказы плѣнныхъ развѣ не волновали крови у слушателей?... Часто можно было слышать, какъ вскрикивали изъ толпы: „бить ихъ проклятыхъ! Эхъ, задали бы мы имъ, кабы начальство не запрещало!“ Неласково блестяли въ это время глаза солдатъ, и не смущеніе выражали лица горцевъ, видѣвшихъ, къ кому обращались эти угрозы.

Еще въ первыхъ числахъ сентября говорили о скоромъ пріѣздѣ командующаго войсками Кубанской области. Наконецъ онъ пріѣхалъ, и 11-го числа часть отряда, назначенная для встрѣчи графа Евдокимова, проводила его изъ Апшеронской станицы по просьбѣ генераль-маіора Зотова. Графъ Евдокимовъ лично убѣдился въ быстротѣ успѣховъ нашего отряда. Въ маѣ, во время послѣдняго своего посѣщенія, онъ видѣлъ только начало постройки Пшишской станицы, теперь же Пшишь былъ плотно заставленъ постами и станицами до Схалюко, а отрядъ стоялъ среди совершенно обезлюженной долины. Слѣдующій день командующій войсками Кубанской области провель въ осмотрѣ окрестныхъ горъ; съ ближайшихъ высотъ узналъ нѣкоторыя вершины, находившіяся въ районѣ дѣйствій даховскаго отряда, и приказалъ топографу опредѣлить ихъ на планѣ. Принявъ старшинъ, онъ согласился послѣдній разъ на просьбу ихъ, дозволивъ жителямъ между Пшехою и Пшишемъ отложить срокъ перемирія еще на пять дней. Въ то же время онъ приказалъ полковнику Граббе 18-го сентября отправить туда колонну для окончательнаго изгнанія остатковъ населенія. Графъ Евдокимовъ на мѣстѣ узналъ о положеніи дороги къ перевалу и тутъ же преположилъ, въ скоромъ времени, двинуться внутрь горныхъ ущелій по Пшишу.

По отъѣздѣ графа Евдокимова, какъ это всегда бывало, понеслись по отряду разные слухи: главный изъ нихъ былъ — о движеніи нашемъ къ перевалу. Начали разрѣшать вопросъ, какой изъ отрядовъ пойдетъ за перевалъ, нашъ или даховскій. Говорили также, что оба отряда соединятся вмѣстѣ и генераль-маіоръ Зотовъ будетъ общій отрядный начальникъ, и что скоро пріѣдетъ графъ и тогда пойдемъ впередъ.

Затѣмъ, по прежнему, настало полное бездѣйствіе. Опять

спустились къ намъ тишь да гладь; прѣблись уже и базарь и шумъ его. Кое-гдѣ строили себѣ землянки; вездѣ подымались скирды купленного сѣна. Съ 18-го же числа началась постройка маленькаго предмостнаго укрѣпленія. 20-го была послана колонна для сжиганія ауловъ, и это было послѣднимъ доказательствомъ для горцевъ, что данныя полковникомъ Граббе обязательства выполняются въ точности. Не осталось для утопающаго и соломенки; почему 20-го же числа нижніе абадзехи изъявили покорность и готовились къ выселенію.

Повременамъ мы производили и фуражировки. Вообще до 25-го сентября время тянулось однообразно. Впрочемъ, въ это время были произведены три тревоги, хотя и безъ выстрѣловъ, и одно убійство.

Если быстро поспѣвали подкрѣпленія верствъ на пятнадцать и если тревоги на кордонахъ имѣли интересъ, то несравненно выше, по быстротѣ своей, стоятъ тревоги въ самыхъ отрядахъ. Прекрасенъ кавказскій солдатъ на тревогѣ: особенность кавказской войны, требовавшая очень часто отъ каждаго рядоваго значительныхъ личныхъ соображеній, сдѣлала то, что каждый изъ нихъ, нѣкоторымъ образомъ, обладалъ чувствомъ самоуправления. Звукъ тревоги отзывался у него въ ухахъ русскимъ призывнымъ крикомъ: „помогите, кто въ Бога вѣритъ!“ Солдатъ, взявъ ружье, больше не ждалъ команды, онъ самъ сдѣлался командиромъ; въ этихъ случаяхъ онъ не задавалъ себѣ вопроса, много ли съ нимъ народа; смѣлости ему тоже нестать было занимать, поэтому у кавказцевъ не бывало на тревогѣ первыхъ людей и уже давно первыхъ ротъ, первыхъ баталіоновъ и проч. Не давали кавказцы бѣжать одному человѣку, а бѣжали всѣ, не зная ни ротъ, ни баталіоновъ; у всѣхъ была задача одна: догнать непріятеля, и они силились ее исполнить, пока кавалерія не обогнала утомленную пѣхоту.

Вотъ одна изъ тревогъ. 20-го сентября, едва только скрылась колонна, назначенная для сожженія ауловъ между рѣками Пшишемъ и Пшехою, какъ въ какомъ-то углу горнисть протрубилъ тревогу. Ни одному барабанщику, ни одному трубачу не удалось поддержать ее. Крики: „татары! татары!“ были лучшею электрическою искрой; все закипѣло въ лагерь: забрякали ружья, и поле передъ позиціею покрылось бѣгущими солдатами.

Въ это время въ нашемъ лагерѣ находился эскадронъ нижегородскихъ драгунъ, который показалъ намъ при этомъ слу-

чаѣ свою удалъ: не успѣла пѣхота отбѣжать еще и двухсотъ шаговъ, какъ одиночные драгуны, обогнавъ пѣхоту, неслись уже дальше. Они знали, какъ быстро исчезалъ непріятель послѣ проказъ, и потому, пока одни сѣдлали лошадей, болѣе нетерпѣливые уже неслись на неосѣдланныхъ коняхъ, лишь бы скорѣе напасть на слѣдъ. У нижегородскихъ драгунъ, кажется, сильна была такая ирегулярная привычка. Что подняло тревогу? гдѣ непріятель? никто не могъ отвѣтить. Черезъ нѣсколько времени привели нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, украшенныхъ у насъ скотину. Хотя пустяками кончилась тревога, но въ виду находившихся въ лагеряхъ торгующихъ горцевъ поймать вора было крайне полезно для другихъ, которые, во время перемирія, постоянно попадались въ разныхъ проказахъ. Для нихъ-то и хорошо было, какъ говорится, задавать холоду.

Съ этого же времени начался также усиленный „перелетъ фазановъ“. Впрочемъ, можетъ быть, за предѣлами Кавказа многіе знаютъ, что кромѣ птицъ есть люди-фазаны.

Существуетъ преданіе, что на бывшій лѣвый флангъ Кавказа, въ одинъ изъ отрядовъ, прибыло изъ Петербурга нѣсколько офицеровъ, вѣроятно, сдѣлать карьеру или получить награду и возвратиться назадъ. Прѣхавъ, они захотѣли въ тотъ же вечеръ попробовать свѣжихъ фазановъ. Достали. Вечеръ просидѣли за картами и, по-петербургски, часовъ за двѣнадцать, потребовали ужинъ. При появленіи лакомаго жаркаго, они не могли удержать своего восторга и встрѣтили его громкими криками: „фазанъ! фазанъ!“ Между тѣмъ, надо упомянуть, что позиція была въ опасномъ мѣстѣ. Часовые стояли начеку, прислушиваясь ко всякому шороху среди глубокой тишины, и вдругъ до нихъ долетѣли какіе-то крики; нѣкоторые изъ нихъ, менѣе хладнокровные, сдѣлали выстрѣлы; дежурный барабанщикъ ударилъ тревогу, и все поднялось на ноги; а передовая цѣпь не прекращала пальбы до утра.

Произведя на другой день подробное изслѣдованіе причинъ тревоги, начальникъ отряда узналъ, что виною всему былъ фазанъ. Разсердившись, онъ назвалъ прѣхавшихъ офицеровъ „фазанами“ и предложилъ имъ выѣхать изъ отряда.

Въ послѣднее время называли фазанами тѣхъ, которые прѣзжали въ отряды, на короткое время, за наградами. Наружные признаки ихъ: незагорѣлое лицо, хорошій сюртукъ, бѣлыя перчатки, надѣваемая всюду и небольшой узелокъ ве-

щей. Появленіе ихъ всегда предсказывало какое-нибудь хорошее движеніе, могущее разразиться крестами, чинами и другими благами.

Подобнаго рода фазаны не были тяжестію для отряда; но случалось, что въ числѣ ихъ являлись и такіе, которые положительно вредили всѣмъ: они пріѣзжали съ намѣреніемъ покомандовать частями... Избави Богъ, бывало, попасть въ такую колонну! Они все приносили въ жертву своему желанію „дать горцамъ сраженіе“, и почти всегда, измучивъ людей, возвращались въ лагерь, не встрѣтивъ ни одного противника. Если же случалось, что завязывалось дѣло серьезное, то они ступшевывались, и дѣлами орудовалъ уже какой-нибудь капитанъ или еще меньшій въ чинѣ, до котораго дошелъ чуть не двадцатилѣтней службою.

Узнавая о всѣхъ предстоящихъ движеніяхъ въ Тифлисъ, фазаны, конечно, рѣдко знали настоящее положеніе отрядовъ и обстоятельства, при которыхъ они находились, почему являлись часто не вовремя.

Такъ случилось и съ пріѣзжими въ нашъ отрядъ. Время предстоящаго движенія было неизвѣстно, а жизнь въ отрядѣ была прескучная. Это сильно обезпокоило фазановъ, и они молили Бога, чтобъ раздался хотя одинъ выстрѣлъ, который могъ бы имъ дать право сказать, что они были въ дѣлахъ, и затѣмъ уѣхать; а тутъ, какъ на зло, ни одного выстрѣла и ни одной оказіи поводить колонну! Не возмущалъ ангелъ воды въ купальнѣ Виеезда, и чающіе ея движенія разѣхались по домамъ либо отправились въ даховскій отрядъ поискать счастья.

VI.

Соединеніе даховскаго отряда съ пшехскимъ.—Наступленіе, 3-го октября, обоимъ отрядамъ вверхъ по ущелью Пшишь. — О числительности кавказскихъ баталіоновъ.—Позиція на Мальгошепъ.—Перемиріе, заключенное 6-го октября съ верхними абадзехами.—Движеніе части отряда на Гойтхъ.—Разработка дороги.—Свѣдѣнія о сборищѣ хаджи-Догомукова. — Движеніе противъ него 8-го ноября. — Обстоятельства, помѣшавшія исполненію плана полковника Граббе.—Возвращеніе пшехскаго отряда къ устью рѣки Шебси. — Окончаніе работъ. — Движеніе по Сеже.—Плѣнь найденныхъ семействъ.—Тяжелая ночь съ 30-го ноября на 1-е декабря.—Состояніе войскъ на позиціи Гойтхъ.—Возвращеніе въ Хадзыжи.—Позиція при Воцепсинѣ.—Движеніе внизъ по лѣвому берегу Пшиша.

Настало давно ожидаемое время для наступленія совокупными силами обоимъ отрядамъ, нашего и даховскаго. 26-го сентября прибылъ обозъ даховскаго отряда, который, сваливъ тяжести, отправился обратно. 30-го числа, на высотахъ, примыкающихъ къ хадзыжинскому укрѣпленію, раздался пѣсни, и чрезъ нѣсколько времени показался полковникъ Гейманъ, со своимъ штабомъ, а за нимъ войска. Закипѣла дѣятельность въ нашемъ лагерѣ: баталіоны пшехскаго отряда готовились принять баталіоны своихъ же полковъ, находившихся въ даховскомъ, а лѣвофланговые и дагестанскія части войскъ — своихъ кунаковъ, съ которыми разстались уже давно. Закуска для офицеровъ и водка для солдатъ были приготовлены вездѣ; только попытка на церемоніальное вступленіе какъ-то несовсѣмъ гермонировала съ простодушіемъ ожидавшихъ ихъ знакомыхъ. Какъ-то не шло производить парады на кавказской боевой позиціи; лучшее торжество — музыка; есть она — пусть ее играетъ. Но пытаться пріодѣть солдатъ и

стройною колонной отмаршировывать мимо войскъ другого отряда—не представляло ничего торжественнаго. Такъ оно и вышло: передній баталіонъ даховскаго отряда былъ въ полукафтаняхъ, а остальные въ чемъ Богъ послалъ. Особенно забавлялъ солдатъ тамбуръ-мажоръ. Многие изъ нихъ бѣжали за нимъ, какъ мальчишки за медвѣдемъ, чтобы посмотрѣть на „выкрунтасы“, которые онъ выдѣлывалъ. Какъ бы то ни было, но солдаты и офицеры радушно приняли своихъ боевыхъ кунаковъ, и произошла попойка превеликая.

Позиція даховскаго отряда была выбрана за Пшишемъ на плоскости, примыкающей къ противоположнымъ высотамъ отъ нашего лагеря.

Къ вечеру полковникъ Гейманъ отдалъ приказъ по даховскому отряду: три баталіона пѣхоты, при двухъ горныхъ орудіяхъ, съ дивизиономъ драгунъ, должны выступить въ полночь; два баталіона пѣхоты, при двухъ горныхъ орудіяхъ — въ два часа утра, а три баталіона пѣхоты, при двухъ горныхъ орудіяхъ, съ эскадрономъ драгунъ и сотнею казаковъ—съ разсвѣтомъ.

Всѣ мы недоумѣвали, куда пойдетъ и что будетъ дѣлать даховскій отрядъ. На другой день, проснувшись, мы увидѣли выше по Пшишу пылающіе аулы и услышали пальбу. Правда, тамъ были аулы; но если отрядъ нашъ, находясь съ ними по сосѣдству, не сжигалъ ихъ, стало быть на то была причина. Въ тяжелое время для лошадей, когда сѣно сильно вздорожало, тверскіе драгуны всегда отправлялись въ тѣ аулы и покупали его у тамошнихъ жителей очень дешево. Сжечь эти аулы было не хитро; но за то вмѣстѣ съ ними долженъ былъ изсякнуть послѣдній источникъ дешеваго сѣна. Туда ѣздили тверскіе драгуны какъ къ кунакамъ, а даховскій отрядъ вывезъ нѣсколько человекъ ранеными.

Утромъ вернулся отрядъ съ набѣга. Затѣмъ кутежъ закипѣлъ съ новою силой и длился до вечера. Поздно пріѣхалъ графъ Евдокимовъ. Къ утру другого дня уже начались подготовительныя движенія: четыре баталіона пѣхоты, два взвода горныхъ орудій и дивизионъ драгунъ (*) двинулись въ горное

(*) Стрѣлковыя баталіоны; самурскій и 19-й; взводъ горныхъ орудій 20-й артиллерійской бригады и дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка—изъ пшехскаго отряда; 1-й и 2-й баталіоны Кубанскаго пѣхотнаго полка, два горныхъ орудія 19-й артиллерійской бригады—изъ даховскаго отряда.

ущелье Пшиша, чтобы, разработавъ хотя немного дорогу, облегчить движеніе остальнымъ войскамъ. Затѣмъ пшехскій отрядъ спустился съ высотъ и сталъ также за Пшишемъ на плоскости лѣвѣе лагерей даховскаго отряда, но поближе къ прежней своей позиціи.

3-го октября, въ шесть часовъ утра, авангардъ, съ командующимъ войсками Кубанской области и начальниками обоихъ отрядовъ, былъ уже на высотахъ лѣвой стороны Пшиша и потянулся по узкой дорогѣ безъ обоза. За нимъ слѣдовали прочія войска отряда. Нѣсколько позже тронулся и безконечный обозъ всѣхъ частей.

Соединенный отрядъ, состоявшій изъ 17 баталіоновъ пѣхоты, двухъ дивизионовъ драгунъ, четырехъ сотенъ казаковъ, сотни милиціи и 14 орудій (*), былъ, конечно, очень значителенъ, но опредѣлить его численность могутъ только служившіе на Кавказѣ въ послѣднее время. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что незнакомый съ положеніемъ войскъ на Кавказѣ можетъ считать въ подобномъ отрядѣ до двѣнадцати тысячъ человекъ, даже принимая въ расчетъ самую большую убыль при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ, при самомъ маломъ расходѣ, который только случается на Кавказѣ, численность нашего соединеннаго отряда не превышала 4,500 человекъ. Остановлюсь для объясненія этого вопроса, вѣроятно интересующаго cadaго читателя.

Подобный расходъ людей происходилъ, во-первыхъ, отъ военныхъ дѣйствій, какъ непосредственной причины; во-вторыхъ, отъ военныхъ дѣйствій, какъ причины, усложняющей войсковое хозяйство. При упоминаніи о первой причинѣ, невольно

(*) Пѣхотные полки: Севастопольскій и Кубанскій; стрѣлковыя баталіоны: 19-й, апшеронскій, ширванскій, самурскій, кавказскій-гренадерскій, кабардинскій, 21-й, сводно-линейные кавказскіе №№ 1-й и 3-й; дивизионъ Нижегородскаго и дивизионъ Тверскаго драгунскихъ полковъ; артиллерія: три взвода горной батареи 19-й, два взвода 20-й артиллерійскихъ бригадъ, одинъ взводъ облегченной № 3-го батареи горныхъ орудій, взводъ облегченной № 4-го батареи.

Войска, оставшіяся въ Хадыхахъ и въ другихъ мѣстахъ, въ этотъ счетъ не входили.

рождается мысль объ убитыхъ и раненыхъ; но эта цифра была самая ничтожная, особенно въ послѣднее время. Если предположить, что въ годъ выбывало изъ отряда триста такихъ чело-вѣкъ, которые не возвращались болѣе въ строй, то это будетъ уже значительное число; раздѣливъ его хоть на то количество баталіоновъ, которые считались въ октябрѣ 1862 года, выйдетъ около двадцати-двухъ чело-вѣкъ на баталіонъ. Такая убыль не превышаетъ обыкновенную убыль во всѣхъ полкахъ. Но если кто захочетъ узнать настоящую причину убыли войскъ на Кавказѣ, пусть обратится къ медикамъ, которые сообщать, сколько тысячъ больныхъ успѣвало перебивать въ госпиталяхъ въ теченіе года. Въ послѣдніе годы не кровью покорялся Кавказъ, а тратой здоровья и силъ солдата. Приходилось въ зимніе морозы и сильнѣйшія лѣтнія жары быть въ полѣ, въ дѣ-лахъ, на работахъ; каждую осень и весну спать въ глубокой грязи, подъ проливнымъ дождемъ, отъ котораго могли спасти только хорошіе дома, а не полотняныя палатки; круглый годъ долбить скалы и прорубать лѣса, дѣлать страшные переходы, то карабкаясь по кручамъ, то перебираясь черезъ броды во всѣ времена года. Вотъ славныя дѣла и подвиги кавказскихъ воиновъ, подвиги, стоившіе большихъ жертвъ. Не было роты, въ которой, среди лѣта, когда начинаются лихорадки, состояло бы менѣе ста больныхъ. При трудныхъ работахъ или переходахъ количество больныхъ увеличивалось на гораздо большую цифру, и только въ хорошую зиму цифра больныхъ упала значительно.

Вторая причина большого расхода людей—хозяйство войскъ. Система военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, при введеніи системы колонизаціи въ крупныхъ размѣрахъ, обуславливала постепенное и непрерывное движеніе впередъ, при чемъ войска отдалялись отъ своихъ складочныхъ пунктовъ на значительное расстояние и постоянно находились въ мѣстахъ безлюдныхъ. Покупать все необходимое для войскъ не было никакой возможности; только вновь пріобрѣтенный капиталъ—земля выручала артели изъ такого положенія: каждую весну всѣ части заводили свои огороды, располагая ихъ около главныхъ складовъ отряда или, вѣрнѣе, около оградъ передовыхъ станицъ. Кромѣ огородовъ, необходимость заставляла командировъ частей имѣть свой запасъ сѣна въ шестимѣсячной пропорціи, нѣкоторое количество головъ порціоннаго скота, даже нѣкоторыя постройки

для храненія вещей. При значительномъ удаленіи войскъ отъ главныхъ складовъ, образовывались второстепенные, промежуточные, въ которыхъ было необходимо оставлять сторожей и унтеръ-офицеровъ для присмотра за ними. Наконецъ, приходилось брать изъ строя людей въ пекарни; для посылки на линію за покупкою порціоннаго скота, сала, крупъ и водки. Кромѣ того, по требованію командировъ, въ штабы полковъ посылались люди для работъ въ мастерскихъ, а также назначались для присмотра за вьючными, ротными, баталіонными и офицерскими лошадьми и т. п. Вслѣдствіе этихъ командировокъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ ротѣ оставалось на-лицо не болѣе шестидесяти чело-вѣкъ (*).

Мы считали необходимымъ упомянуть объ этомъ для того, чтобы дать надлежащее понятіе о числительности кавказскихъ войскъ. Отсюда видно, что рота кавказскихъ войскъ, по числу людей, равнялась полувзводу полной роты, да и то только при счастливыхъ обстоятельствахъ; а баталіонъ кавказскій—съ ротою полного состава, и также при благопріятныхъ условіяхъ, потому что очень часто, даже въ описываемомъ движеніи, были баталіоны, имѣвшіе въ строю только 180 чело-вѣкъ. Впрочемъ, въ кавказской войнѣ отрядъ и въ 4,000 считался весьма значительнымъ.

(*) Вотъ примѣрный подробный расходъ людей въ ротѣ:

Больныхъ	100
При ближнемъ цейхгаузѣ	2
При дальнемъ цейхгаузѣ	2
За покупками на линію	3
При снѣгѣ	1
При полковомъ штабѣ	10
Въ образцовомъ полку	2
При артельномъ стадѣ	2
Вожатыхъ при лошадяхъ во время похода	16
На пекарнѣ	2
При офицерахъ	4
При огородахъ	2
Кашеваровъ	2
Итого	148

Вводя въ итогъ неполненную убыль въ ротахъ съ пятидесятихъ годовъ, простирающуюся до 20 чело-вѣкъ, получимъ въ расходъ около 170 чело-вѣкъ.

Переваливъ черезъ высоты, образующія длинный полуостровъ, омываемый теченіемъ рѣки Пшиша, которая протекаетъ въ этомъ мѣстѣ въ ущелистой долинѣ, отрядъ опять спустился къ рѣкѣ. Продолжая путь то горами, то темными ущельями, частенько переправляясь въ бродъ, авангардъ, нестѣсненный тяжестями, прибылъ на позицію около пяти часовъ пополудни. Не поздно появилась и голова обоза; но общая линія его, по причинѣ узкой и неудобной дороги, до того растянулась, что хвостъ обоза пришелъ далеко за полночь.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановились оба отряда, горы, сжимающія Пшишъ, вдругъ отступаютъ отъ его лѣваго низменнаго берега, образуя круглую, обширную долину, за которой снова подходятъ къ самой рѣкѣ, образуя крутые, утесистые берега Пшиша.

Красива была тогда долина Мальгошепъ. Совершенно чистая площадь окоймлялась лѣсомъ, покрывавшимъ всѣ скаты горъ, у подошвы которыхъ выглядывали изъ зелени часто насаженные маленькіе аулы. По приказанію графа Евдокимова, было строго запрещено разорять эти аулы, а все пріобрѣтать отъ жителей покупкою, почему были даже поставлены къ ауламъ наши часовые.

Странно было видѣть русскихъ часовыхъ, оберегающихъ почти пустые татарскіе аулы; но умиляться духомъ, зная не совсѣмъ братское расположеніе нашихъ солдатъ къ абадзехамъ, не приходилось.

Съ прибытіемъ отряда на позицію закипѣла сильная дѣятельность: саперы, подъ руководствомъ инженеръ-полковника Югеля, трасировали дорогу; посылаемые въ обѣ стороны колонны снова застучали кирками и топорами; топографы со своими планшетками, перебираясь съ вершины на вершину, наносили на нихъ еще незнакомую намъ мѣстность. Въ отрядѣ же каждый вечеръ около ставки графа Евдокимова играла музыка Севастопольскаго полка, и горцы съ любопытствомъ приходили ее послушать. 6-го октября, часа въ два пополудни, къ командующему войсками Кубанской области собрались старшины верхнихъ абадзеховъ, уже не для слушанія музыки, а какъ приглашенные принять присягу на точное выполненіе условій перемирія. Главнѣйшія изъ этихъ условій заключались въ слѣдующемъ: что до 1-го февраля они могутъ оставаться

попрежнему между Пшишемъ и Пшекупсомъ; чтобы горцы во все это время не брались за оружіе, не присоединялись къ враждующимъ племенамъ, чтобы не препятствовали въ ихъ земляхъ проводить дороги и дѣлать съемки; чтобы помогали войскамъ въ пріобрѣтеніи фуража за плату, которая будетъ ими самими назначена, и что съ каждымъ нарушившимъ эти условія будетъ поступлено какъ съ измѣнникомъ. Съ 1-го же февраля 1864 года этотъ народъ долженъ переселиться на указанные мѣста въ полосѣ земли, высочайше предоставленной для надѣленія покоряющимся туземцамъ. На другой день было написано начальникамъ отрядовъ: въ теченіе означеннаго срока не давать охранительныхъ билетовъ отъ крѣпостной зависимости тѣмъ изъ абадзехскихъ холоповъ, которые будутъ просить о нихъ для выселенія къ намъ.

Послѣ нѣкоторыхъ споровъ между собою, абадзехи рѣшились дать клятву на коранѣ, по окончаніи которой употребленъ былъ особенный способъ подписки своихъ фамилій безграмотными старшинами: каждому пачкали конецъ мизинца чернилами, и они, по очереди, прикладывали пятна, около которыхъ съ боку письменнымъ переводчикомъ прописывались имена приложившихъ руку. Старшины разошлись уже послѣ зори. Отряды улеглись спать и костры горѣли уже слабо....

Вдругъ, часовъ въ десять, раздалась въ нѣсколькихъ мѣстахъ ружейные залпы противъ нашихъ засѣкъ на окрестныхъ горахъ; вслѣдъ за ними послышались и наши отвѣтные выстрѣлы. Такого рода сюрпризъ повторился нѣсколько разъ. Всѣ тогда пожелали знать, не изъ присягавшихъ ли на миръ хотѣли этою пальбой показать, какъ вѣрно будутъ держать они эту клятву.

Еще было далеко до восхода солнца, какъ по всей позиціи раздался трескъ падающихъ зданій — уничтоженіе горскихъ ауловъ было отвѣтомъ на вчерашніе выстрѣлы. Сухой лѣсъ разрушенныхъ сакель горами складывали около кухонь; великолѣпные костры запылали вездѣ по линіи расположенія войскъ. Утра, кстати, были уже очень холодны.

Дальнѣйшее наше движеніе вверхъ по ущелью рѣки Пшиша было совершенно обезпечено. Жители, оставшіеся въ горахъ по правому берегу Пшиша, гдѣ мы еще не были, и которые, по договору, должны были уже выселиться, не смѣли трево-

жить насъ изъ опасенія навлечь на себя преждевременно грозу. Жившіе же по лѣвому берегу Пшиша были уже связаны перемиремъ, и нарушать его было крайне для нихъ невыгодно, изъ опасенія лишиться среди зимы послѣдняго убѣжища, куда теперь начали стекаться на зимовку тысячи абадзеховъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилища были уничтожены и горцы оставались безъ крова.

Такимъ образомъ, не ожидая никакихъ препятствій, часть отряда, изъ 8¹/₂ баталіоновъ пѣхоты, 8 горныхъ орудій, двухъ сотенъ казаковъ (*), подъ начальствомъ полковника Геймана, выступила 8-го октября вверхъ по Пшишу. Версты четыре шла колонна по хорошо раздѣланной наканунѣ дорогѣ, оканчивающейся около брода черезъ Пшишь; за нею тянулась хотя не обширная, но тоже ровная поляна. Татарская дорога, по которой мы шли далѣе, круто поворачивала налѣво и, переваливъ небольшую высоту, тянулась опять по обширной площади пахатныхъ полей и хорошо заселенной, судя по значительному количеству ауловъ. Далѣе равнина эта постепенно суживалась и обращалась въ узкую трещину, дно которой занимала рѣка. Такъ подавались войска все дальше. Долина Пшиша выдерживала прежній характеръ: горы, окоймляющія рѣку, попеременно то подходили другъ къ другу, сжимая рѣку между своими обрывистыми боками, то разступались, давая человѣку мѣсто для поселенія и жизни. Будучи однообразнымъ въ общихъ чертахъ, ущелье это не лишено тѣхъ характерныхъ частности, которыя придаютъ ему мѣстами оригинальную красоту.

При нашемъ появленіи, жители этихъ мѣстъ толпами выходили на дорогу, дико осматривая незваныхъ гостей. Сначала они боялись даже приближаться къ солдатамъ, и каждый выносившій что-нибудь на продажу былъ окруженъ цѣлымъ роемъ своихъ байгушей. Но занимательнѣе другихъ былъ одинъ абадзехъ, который, почему-то, предсказывалъ нашу гибель.

(*) Стрѣлковыя баталіоны: 21-й, кабардинскій, кавказскій гренадерскій, сводно-линейный № 1-й; 1, 3 и 4-й баталіоны Севастопольскаго пѣхотнаго полка, 3-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка; артилеріи: два взвода горной батареи, взводъ облегченной № 3-го батареи 19-й артилерійской бригады и взводъ 20-й артилерійской бригады; одна сотня Терской, другая Кубанской областей; кромѣ того, команда пластуновъ и саперы.

— Пропалъ урусъ!... пропалъ!... Убыхъ копъ!... старый ружо пафъ!... пропалъ урусъ!... (*) кричалъ горець.

— „Кто! Урусъ пропалъ!...“ закричали со всѣхъ сторонъ солдаты. — „Врешь, старая, бритая, нехрещеная голова! Пропалъ абадзехъ, шапсугъ, убыхъ.... всѣ пропалъ жеребцомъ (оптомъ)... Урусъ джигить!“

Черкесъ поворачивалъ только глаза то на одного, то на другаго изъ напустившихся на него солдатъ.

Пройдя въ этотъ день около 20 верстъ, колонна начала вступать на обширную площадь, гдѣ Пшишь дѣлаетъ поворотъ, почти подъ прямымъ угломъ. Залпъ изъ кустовъ былъ первымъ адресованнымъ намъ привѣтствіемъ; но когда посланные туда стрѣлки дошли до кустовъ, то тамъ уже никого не застали. Въ аулахъ, стоявшихъ въ этой долинѣ, наканунѣ квартировала значительная партія убыховъ, подъ начальствомъ хаджи-Догумукова, намѣревавшаяся встрѣтить наши войска; но, узнавъ, что идетъ отрядъ несравненно сильнѣе ихняго, онъ убрался подобру-поздорову въ горы, окружавшія эту поляну. Здѣсь, у подошвы главнаго хребта, отрядъ расположился надолго, и въ этотъ же день на всѣхъ ближайшихъ высотахъ и на остроконечной вершинѣ горы Гойтхъ были устроены засѣки для обезпеченія отряда отъ нечаянныхъ нападеній. Въ теченіе слѣдующаго дня шла перестрѣлка во всѣхъ засѣкахъ, и, какъ кажется, горцамъ особенно не понравилась засѣка на рѣкѣ Гойтхъ, гдѣ, на бѣду ихъ, сидѣли испытанные въ бояхъ кабардинцы.

Отрядъ полковника Геймана, занявъ эту позицію, заслонилъ отъ убыховъ значительную часть теченія рѣки Пшишь и отъ Гойтхъ до Хадыжей обезпечивалъ всѣ работы по устройству дорогъ.

Количество горцевъ, начавшихъ переселяться изъ этихъ мѣстъ на Лабу, увеличивалось значительно: во-первыхъ, потому, что появленіе нашихъ войскъ около перевала, въ 35 верстахъ отъ моря, разрушило у многихъ надежду, какимъ бы то ни было способомъ, отстоять свой родной край; во-вторыхъ, многіе желавшіе давно уже выселиться не смѣли до этихъ поръ привести въ исполненіе свои желанія, опасаясь убыховъ и шапсуговъ, которые рѣшительно запрещали имъ переселяться, подъ опасеніемъ быть убитыми, теперь же, подъ покровитель-

(*) По переводу на понятный языкъ означаетъ: „Берегись, русскій! Убыхи въ большомъ сборѣ, имѣютъ орудія. Ты ихъ не одолѣешь“.

ством войскъ, расположенныхъ по всему ущелью, они могли переѣзжать безопасно.

Кабардинцы изъ своей засѣки нѣсколько разъ слышали, по ночамъ, перестрѣлки между горцами, и по справкамъ, отъ приходящихъ на сатовку, узнавали, что это убыхи нападали на караваны переселенцевъ и что при этомъ было достаточно убитыхъ и раненыхъ.

Съ первыхъ же дней по всему ущелью были начаты работы по устройству дороги; взрывы, которыми рвали скалы, раздавались въ разныхъ мѣстахъ. Горцы продолжали изрѣдка перестрѣливаться съ нашими постами; даже по ночамъ они иногда подкрадывались къ засѣкѣ кабардинцевъ, но все было напрасно.

Въ это время отрядъ полковника Граббе былъ раздѣленъ на нѣсколько частей и расположенъ отъ долины Ашабшинской до Хадыжей, что значительно ускорило ходъ работъ: подобнымъ расположеніемъ дана была возможность каждой части работать противъ своей позиціи, безъ траты времени на дальніе переходы на работу и обратно; кромѣ того, расположеніе это облегчало конвоированіе обозовъ.

Самъ же полковникъ Граббе, оставшійся по отъѣздѣ графа Евдокимова старшимъ, завѣдывающимъ военными предпріятіями обоихъ отрядовъ, избралъ своимъ мѣстопробываніемъ позицію при впадении рѣки Сеже въ Шишъ, у Ашабшинскаго поста, стало быть только въ пяти верстахъ отъ Гойтхъ.

Первое время стояли отличные дни, съ очень холодными ночами; но недолго продолжалось это удовольствіе. 13-го октября, когда всѣ отряды думали отпраздновать рожденіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, полилъ сильнѣйшій дождь. Этотъ день былъ замѣчательнъ: съ него началась настоящая горная осень; дожди не прекращались до самыхъ снѣговъ, вслѣдствіе чего въ скоромъ времени земля глубоко промокла и сообщенія сдѣлались весьма затруднительны.

Для инаго фазана или туриста время это показалось бы самымъ пустымъ, а занятія вреднымъ промедленіемъ; но истинно военный легко могъ замѣтить, что появленіе нашихъ войскъ на Гойтхъ еще не могло закрѣпить за нами ущелья, что для этого требовалось еще много труда: иначе, зимою, когда отъ дождей уничтожались броды и засыпались снѣгомъ ущелья, намъ нужно бы было отступить, изъ боязни быть отрѣзанными

отъ складовъ; а потому не только зимою, но даже и ранней весною, по той же причинѣ, не пришлось бы возобновить военныя дѣйствія. Слѣдовательно, было необходимо, во что бы то ни стало, скорѣе кончить дорогу по всему ущелью и обезпечить ее постами; да и противникъ нашъ убѣдился опытомъ, что только тѣ мѣста отходили отъ него навѣки, гдѣ проводились дороги. Переждать же другую погоду въ такое время было невозможно: она могла тянуться очень долго, какъ это и случилось въ ту зиму, и мы, не приготовивъ себѣ опорной точки по этому ущелью, не могли бы быть весною у берега. Вслѣдствіе этихъ соображеній начались изнурительныя работы: промокшіе до костей отъ безжалостно лившихъ дождей и стоя по колѣно въ грязи, солдаты цѣлые дни долбили каменистые слои горы. Этотъ трудъ, какъ по цѣнѣ жертвъ, такъ и по блестящему результату, замѣнилъ славныя сраженія: каждая колонна въ Хадыжи увозила съ собою много больныхъ тифозною горячкой и сильно простуженныхъ солдатъ; за то, опираясь на плоды трудовъ ихъ, мы были весною тамъ, гдѣ безъ всякой дороги, при тогдашнемъ настроеніи умовъ въ Европѣ, мы были бы еще Богъ знаетъ когда.

Почему до сихъ поръ не придаютъ настоящей цѣны подобнымъ работамъ? почему до сихъ поръ сраженія, не только не утомляющія солдатъ, но даже заключающія что-то притягивающее для военнаго человѣка, имѣютъ преимущество передъ такими работами, гдѣ и офицеры и нижніе чины поголовно жертвуютъ своими силами и здоровьемъ?

Еслибъ можно было предложить кавказскимъ солдатамъ на выборъ: или два хорошихъ сраженія, или работу одной недѣли, то поголовно выбрали бы первое. Они не боялись дѣлъ; но имъ не по сердцу приходились мученія цѣлаго дни, которыя обходились всегда дорого. Жертвы сраженій, какъ плата за наши успѣхи, нисколько не имѣютъ вліянія на другихъ: на кого выпадетъ жребій, тотъ и страдаетъ. Работа же изнуряетъ всѣхъ, отнимаетъ силу войскъ, и все это разражается страшною смертною. Раны, залеченныя послѣ сраженія, несравненно меньше мучатъ солдатъ, чѣмъ ревматизмы, отъ которыхъ многіе лишаются ногъ.

Нѣкоторые говорили, что слѣдовало бы около всѣхъ дорогъ поставить столбы съ наименованіемъ тѣхъ баталіоновъ, которые ихъ дѣлали, потому что въ глазахъ кавказца это имѣло бы

великое значеніе. Другіе же очень основательно замѣчали, что больше найдется такихъ, которые, проѣзжая по отличной дорожкѣ, пожалуй, съ улыбкою скажутъ: что за геройство выкопать дорогу!⁴

Въ концѣ октября тѣ части войскъ, которыя принадлежали прежде къ пшехскому отряду, начали понемногу переходить изъ позиціи при Гойтхъ въ Ашабшинскую долину. Такимъ образомъ, въ первыхъ числахъ ноября какъ даховскій, такъ и пшехскій отряды вошли въ прежніе свои составы.

Горцы, между тѣмъ, не теряли надежды нанести намъ какой-нибудь вредъ. Они хорошо понимали важность позиціи даховскаго отряда и, кажется, противъ него-то именно и замыслили что-то рѣшительное. Появленіе эмисаровъ и подвозка нарѣзныхъ орудій съ боевыми припасами подзадоривали ихъ, вслѣдствіе чего горцы все яснѣе и яснѣе стали выражать свои намѣренія. Противъ нашихъ засѣкъ на Гойтхъ и на другихъ высотахъ видѣлись непріятельскіе пикеты; чаще стали они надѣдать своими мелкими стычками. Извѣстно было, что горцы выбрали даже позицію, съ которой хотѣли обстрѣливать лагерь. Полковникъ Граббе, какъ завѣдывающій дѣйствіями обоихъ отрядовъ, получалъ ежедневно извѣстія отъ полковника Геймана: то о скопленіяхъ большихъ партій, то о необходимости скорѣйшей высылки батарейныхъ и облегченныхъ орудій. Зная, что находящіяся у него восемь баталіоновъ пѣхоты слишкомъ слабы своею численностію, полковникъ Граббе началъ черезъ своихъ лазутчиковъ усиленно слѣдить за положеніемъ непріятеля. Вскорѣ онъ узналъ, что главный сборъ горцевъ расположенъ на *Челипси*; что тамъ находится, подъ начальствомъ хаджи-Догомукова, четырехтысячный отрядъ, съ четырьмя горными нарѣзными орудіями и значительнымъ количествомъ эмисаровъ, и что, расположившись на перевалѣ верстахъ въ шести отъ даховскаго отряда, Догомуковъ намѣревается вскорѣ сдѣлать на него нападеніе, но когда именно, было неизвѣстно.

7-го ноября явился лазутчикъ съ извѣстіемъ, что завтра или послѣзавтра нападеніе на позицію при Гойтхъ непременно состоится и что къ убухамъ присоединились еще шапсуги. Мѣшкать было нечего. Полковникъ Граббе, по предварительнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ полковника Геймана, не могъ рассчитывать на одинъ даховскій отрядъ, и, зная, что от-

вѣтъ за всякую неудачу, хотя бы и даховскаго отряда, падеть на него, онъ, въ полночь съ 7-го на 8-е число, сообщилъ начальнику даховскаго отряда, что, узнавъ о намѣреніи непріятеля напасть на позицію при Гойтхъ, онъ самъ хочетъ предупредить это покушеніе нападеніемъ на расположеніе горцевъ, и предлагалъ полковнику Гейману: взявъ шесть баталіоновъ пѣхоты и четыре орудія, двинуться прямой дорогою по ущелью къ челипсинской скалѣ, прибавляя, что самъ онъ пойдетъ дорогой, ведущей мимо позиціи даховскаго отряда. Такимъ образомъ, полковникъ Граббе думалъ съ разсвѣтомъ атаковать расположеніе противника съ двухъ сторонъ, куда вели двѣ дороги: одна—прямая, мимо укрѣпленія на горѣ Гойтхъ, по ущелью небольшой рѣченки, потомъ черезъ невысокій перевалъ на верховья Челипси; другая — круглая, по правому берегу Ази-Шиши, идущая по горамъ

Полковникъ Граббе, собравъ немедленно на ашабшинской позиціи 6 баталіоновъ пѣхоты, 2 эскадрона драгунъ и 6 горныхъ орудій (*), приказалъ имъ запасться трехдневнымъ провіантомъ, а въ два часа ночи повелъ вверхъ по Шишу. Конечно, превосходными совокупными силами нагнать на скопища было бы крайне хорошо; но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, говоритъ народная поговорка.

Безъ шума шли наши войска. Не доходя до расположенія даховскаго отряда, мы переправились черезъ рѣку Ази-Шиши и пошли по высотамъ праваго ея берега, намѣреваясь къ разсвѣту обойти непріятеля и, ставъ въ тылу, ожидать появленія полковника Геймана, по ущелью Челипси, противъ фронта горцевъ, чтобы потомъ сдѣлать одновременное нападеніе. Но непредвидѣнные обстоятельства помѣшали исполненію этого хорошо задуманнаго плана.

Дорога была страшно размочена дождями и проходила по крутизнамъ, которыя, по системѣ Лемана, считались недоступными для пѣхоты. Свойство дороги было хуже, чѣмъ могли предполагать; туманъ былъ рѣшительно непроницаемъ. Все это замедляло наше движеніе. Когда передніе баталіоны начали спускаться къ Челипси, то было уже не очень рано, хотя время

(*) Стрѣлковыя баталіоны: 19-й, кавказскій гренадерскій, самурскій, ширванскій, сводно-линейный № 1-й и одинъ баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка; 3-я саперная рота; эскадронъ Нижегородскаго и эскадронъ Тверскаго драгунскихъ полковъ; горный взводъ облегченной № 3-го батареи 19-й артиллерійской бригады, облегченной № 7-й и легкой № 8-й 20-й артиллерійской бригады.

еще не ушло; поэтому начальник отряда сначала не хотѣлъ идти только съ тремя передовыми баталіонами и, давъ имъ отдыхъ, рѣшился подождать немного остальныхъ. Между тѣмъ, въ хвостъ нашей колонны произошла страшная кутерьма: по неисповѣдимымъ судьбамъ, войска даховскаго отряда, подъ начальствомъ полковника Геймана, пошли тоже по дорогѣ пшекскаго отряда, по совершенно неизвѣстной причинѣ. Полковникъ Гейманъ зналъ про кратчайшую дорогу къ Челипси, потому что туда уже ходили его войска. Какъ бы то ни было, перепутавшіяся части нашей колонны съ войсками даховскаго отряда при спускѣ въ балку были задержаны. Узнавъ о случившемся, полковникъ Граббе, не желая терять время, велѣлъ двумъ баталіонамъ спускаться къ Челипси. Лагерь непріятеля былъ расположенъ на лѣвомъ берегу этой рѣки; орудія и пороховой запасъ находились сзади ихъ шалашей.

Въ это время, съ высоты праваго берега, горный взводъ облегченной № 3 й батареи открылъ по непріятельскому лагерю пальбу. Дальнѣйшая атака была напрасна: перепуганный неожиданнымъ появленіемъ нашихъ войскъ, противникъ быстро бросился въ горы, и, какъ послѣ говорили, иностранные эмиссары были въ числѣ первыхъ бѣглецовъ, при чемъ оставили на мѣстѣ орудія. Горцы на рукахъ успѣли вывезти свое сокровище наверхъ, куда отступили и остальные; значительная же часть ихъ, разойдясь по ущелью, завязала съ нами перестрѣлку изъ всѣхъ балочекъ; наши стрѣлки отвѣчали очень успѣшно.

Какова была мѣстность около Челипси, можно судить по тому, что другой артилерійскій взводъ успѣлъ отыскать позицію только для одного горнаго орудія. Черезъ нѣсколько времени по открытіи пальбы, пороховой складъ въ лагерѣ противника взлетѣлъ на воздухъ; говорятъ, что они сами взорвали его. Затѣмъ подошла остальная часть нашего отряда, а непріятельскіе выстрѣлы стали рѣдѣть и наконецъ совсѣмъ умолкли. Отдохнувъ на мѣстѣ боя, мы вернулись прямою дорогою по Челипси на Гойтхъ, а оттуда перешли на поляну выше устья рѣки Шибси. Потеря 8 го ноября состояла изъ 3 убитыхъ и 20 раненыхъ.

Не тотъ бы вышелъ результатъ, если бы... ну, да дѣло прошедшее! Жалѣли, правда, всѣ, что все такъ перепуталось и орудія не были отобраны у непріятеля; но потомъ мало по малу стали забывать эту неудачу.

Въ это время слышно было, что иностранные эмиссары немного начали ступневываться, что они потеряли всякое значеніе въ горахъ и что настоящая тому причина было желаніе ихъ вернуться въ Турцію, вѣроятно вслѣдствіе той ужасной погоды, которую должны были они переносить большую часть времени безъ крова, а можетъ быть и вслѣдствіе личнаго убѣжденія въ невозможности остановить наше стремленіе, исходъ котораго дѣлался яснымъ и долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы весною войска наши непременно были у берега; почему всѣ ихъ радужныя мечты, которыя они такъ усердно навязывали горцамъ, лопались какъ мыльные пузыри.

Въ скоромъ времени послѣ 8-го ноября, полковникъ Граббе уѣхалъ въ Майкопъ, и многіе офицеры отпросились на побывку по разнымъ станицамъ до возвращенія начальника отряда. Только такіе случаи и давали офицеру возможность хотя на короткое время погрѣться въ хатѣ, около печки, немного обсушиться и починить погибающее платье.

Утомительная скука снова водворилась въ лагерѣ. Достать книги было очень трудно.

Долго стояли мы на этой позиціи. Погода, какъ на зло, выдерживала все прежній характеръ: то шли проливные дожди, то моросило по цѣлымъ суткамъ; воздухъ охлаждался все болѣе и болѣе; кашель раздавался въ каждой палаткѣ. Повременамъ начиналъ выпадать снѣгъ. Когда же случалось, что облака, отсыпавъ на землю лишній грузъ, подымались выше вершинъ окрестныхъ горъ, тогда, футовъ на полтора выше нашей позиціи, открывалась оригинальная картина, и мы могли любоваться, какъ обиндевѣвшій лѣсъ верхней полосы рѣзкою чертой отдѣлялся отъ темной безлиственной чащи, стоящей ниже его.

Работы, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ во всѣхъ четырехъ лагеряхъ, на которые раздѣлился пшекскаго отрядъ:

1) Колонна полковника Ильинича разработывала колесную дорогу въ семь аршинъ ширины, отъ впаденія рѣчки Шибси вверхъ по рѣкѣ Пшишъ.

2) Колонна подполковника Комарова достраивала постъ Шибсинскій, при впаденіи рѣки Схальдуко, и уширяла дорогу отъ этого поста къ долиноу Мальгошенъ.

3) Колонна подполковника Папчинскаго оканчивала Тукскій постъ въ долиноу Тукъ и ограду около поста для склада провіанта на четыре тысячи четвертей, и дорогу вверхъ по рѣкѣ Пшишъ.

4) Колонна подполковника Солтана уширяла дорогу.

Работы эти приходили къ концу. Дорога, сдѣланная пшехскимъ отрядомъ, простиралась отъ Хадыжей по всему ущелью до поста Ашабшинскаго, и только остальные версты семь недоконченной дороги разрабатывались войсками отряда полковника Геймана.

Вся линия постовъ была выстроена пшехскимъ отрядомъ, именно: *Мирной, Шабшинскій, Тукскій* и *Ашабшинскій*.

Завладѣвъ Пшехскимъ ущельемъ вполне, мы могли приступить къ новымъ предпріятіямъ.

Сначала обратили вниманіе на Тубу. Не будучи въ силахъ отдѣлать туда достаточное количество войскъ изъ своего отряда, полковникъ Гейманъ просилъ содѣйствія полковника Граббе, который немедленно направилъ къ нему недавно прибывшій 6-й резервный баталіонъ Крымскаго пѣхотнаго полка и кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ. По прибытіи этихъ войскъ въ Самурскую станицу, къ нимъ былъ присоединенъ резервный баталіонъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, со взводомъ конно-казацкѣй артилеріи. Весь этотъ отрядъ подчинили полковнику Выборгу, которому предписано: сначала устроить дорогу внизъ отъ Самурской станицы, потомъ, окончивъ ее, оставить одинъ баталіонъ впереди станицы, а съ остальными войсками окончить ограду Ширванской станицы.

Наконецъ дошла очередь и до племени, живущихъ по правому берегу Пшиша. Отъ командующаго войсками Кубанской области прислано было приказаніе начать одновременное движеніе обоими отрядами: пшехскому — по рѣкѣ Сеже, а даховскому — по верховьямъ рѣки Пшиша. На этомъ основаніи, 27-го ноября, часть пшехскаго отряда, именно: 5 баталіоновъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и 4 горныхъ орудій были стянуты къ Ашабшинскому посту (*), для наступательныхъ дѣйствій; 2 баталіона пѣхоты, при взводѣ горныхъ орудій (**), со всѣми остающимися вьюгами отъ подвижной колонны, были отправлены въ Гойтхское укрѣпленіе, съ приказаніемъ подвезти продовольствіе изъ Хадыжей, пока войска, назначенныя для дви-

(*) Стрѣлковые баталіоны: 19-й, кавказскій гренадерскій, ширванскій, апшеронскій и сводно-линейный № 1-й; Петропавловская и Родниковская казачьи сотни; горные взводы 19-й и 20-й артилерійскихъ бригадъ.

(**) Самурскій и сводно-кубанскій стрѣлковые баталіоны, при взводѣ горныхъ орудій 20-й артилерійской бригады, остались на позиціи при г. Гойтхъ, гдѣ еще оставался апшеронскій резервный баталіонъ отъ даховскаго отряда.

женія, не вернутся на Гойтхъ; а чтобы не прерывались неоконченныя работы, 6 баталіоновъ пѣхоты и рота саперъ (*) были взяты изъ разныхъ мѣстъ пшишской кордонной линіи и расположены между рѣкою Мальгошепъ и Тукскимъ постомъ.

Уже въ продолженіе очень многихъ дней мы не видали даже сносной погоды; но ночь и утро на 28-е ноября были хороши. Ночной морозъ скрѣпилъ грязь и обманчиво показалъ намъ сухую землю; восходящее солнце выглянуло сквозь раздвинувшіяся на востокъ облака, какъ бы желая напомнить о своемъ существованіи.

Ущелье р. Сеже находится по правую сторону р. Пшишъ, стало быть въ той мѣстности, которую абадзехи должны были давно очистить. Между тѣмъ, горцы, руководствуясь нашимъ русскимъ „авось“, досидѣли въ своихъ аулахъ до того, что наши войска должны были изгонять ихъ силой.

Первое наше появленіе въ долину рѣки Сеже сопровождалось истребленіемъ ауловъ.

Выступивъ рано утромъ, колонна наша шла больше правую сторону рѣки Сеже. По отлогимъ высотамъ берега рѣки было разбросано множество ауловъ. Все шло своимъ порядкомъ. Въ командахъ, наряженныхъ для сжиганія ауловъ, опытомъ проученные солдаты осторожно подходили къ нимъ, оцѣпляли кругомъ и, послѣ тщательнаго осмотра наружныхъ сакель, отправлялись къ слѣдующимъ. Пока осматривались внутреннія сакли, крайнія были уже въ огнѣ. Такъ было сожжено въ этотъ день значительное количество ауловъ, брошенныхъ непріателемъ. Наконецъ одна изъ очередныхъ командъ подошла къ довольно хорошему аулу. При осмотрѣ его внутреннихъ сакель, вдругъ какой-то солдатъ во все горло крикнулъ:

— „Жители живутъ!“

— „Взять ихъ!“ было отвѣтомъ.

Вслѣдъ за этимъ приказаніемъ команда мигомъ сбѣжалась къ жилой саклѣ и, наклонивъ штыки въ двери, скрылась внутрь ея; вскорѣ затѣмъ раздались отчаянные вопли испуганныхъ женщинъ. Для возможнаго успокоенія горянокъ, немедленно былъ посланъ туда переводчикъ, съ обѣщаніемъ, что ихъ никто не обидитъ, лишь бы мужчины оставались покорными. Между

(*) На Мальгошепъ: самурскій и мингрельскій резервные баталіоны, 4-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка и 1/2 роты саперъ.

На Тукской долины: 1, 2 и 3-й баталіоны Кубанскаго полка и 1/2 р. саперъ.

тѣмъ, крайнія сакли начали уже куриться; еще немного, и дымъ покрылъ внутреннія сакли аула; изъ-за него, попрежнему, слышались то плачь дѣтей и женщинъ, захваченныхъ врасплохъ войсками, то увѣщеванія переводчика, передаваемые во все горло, чтобъ перекричать отчаянные ихъ возгласы. Наконецъ, охраняемые конвоемъ, горцы вышли изъ пожара. Между тѣмъ, въ густомъ дымѣ пожара мелькали еще неясныя, темныя фигуры съ пламенемъ въ рукахъ, быстро перебѣгающія отъ сакли къ саклѣ.... Вскорѣ море огня охватило весь аулъ. Такова безусловная необходимость, таковы были неумолимыя требованія войны—съ цѣлями водворенія вѣчнаго мира въ неспокойныхъ трущобахъ Кавказа.

Болѣе уже не встрѣчалось жилыхъ ауловъ—все было пусто—и колонна продолжала свое движеніе, оставляя за собою пылающіе аулы, оставленные населеніемъ.

Долина рѣки Сеже мѣстами очень ровна, широка и весьма удобна для поселенія и хлѣбопашества. Окоймляющія ее окрестныя высоты покрыты густымъ кустарникомъ и невысокимъ лѣсомъ. Въ этотъ день нами были захвачено 51 человекъ плѣнныхъ и 50 штукъ баранты. Дойдя до большаго аула Хуаже-Хабль, гдѣ завязалась перестрѣлка съ горцами и мы потеряли трехъ человекъ убитыми, отрядъ остановился на ночлегъ. Попрежнему побрызгивалъ дождикъ, поэтому нельзя было не похвалиться этой позиціей, доставившей намъ въ изобиліи сухія дрова.

Недалеко отъ аула Хуаже-Хабль соединялись двѣ небольшія рѣченки: Большое и Малое Сеже, изъ слиянія которыхъ образуется рѣка Сеже; первая изъ этихъ рѣчекъ беретъ начало близъ верховій рѣки Пшиша, а вторая вытекаетъ изъ горы Куши.

На другой день запылалъ нашъ ночной пріютъ, и колонна потянулась вверхъ по рѣчкѣ Большому Сеже, долина которой быстро суживалась. На пятой верстѣ мы уже вошли въ узкую лощину, которая, черезъ нѣкоторое разстояніе, получала видъ трещины, ограниченной отвѣсными скалами. Едва-едва удалось намъ подняться на чрезвычайно крутую высоту праваго берега рѣчки. Затѣмъ, пройдя немного по верхней площадкѣ, мы увидѣли, что отступившія отъ рѣки горы снова образовали значительную долину, по которой небольшими частями двигалась наша кавалерія и пылали аулы.

Спустившись съ высотъ и стаявшись, мы отдохнули и снова двинулись въ походъ, но скоро оставили долину верховья рѣки Сеже и повернули въ долину рѣки Чукуа-Перь, впадающей въ Сеже, и затѣмъ начали переваливаться въ долину верховья рѣки Пшишь. Путь нашъ черезъ перевалъ на Пшишь былъ тяжелъ: долго шли мы по крутымъ косогорамъ безъ дороги, между кустами, постоянно подымаясь все выше и выше.

— „Эй, братцы, немного осталось до неба“, приговаривали запыхавшіеся солдаты.

— „Ну-ну! еще маленько осталось“, понукали самихъ себя ни отъ чего неунывающіе кавказцы.

Такъ шли мы, пока не взобрались на очень высокой хребетъ, и только на ровныхъ мѣстахъ верхней площадки немного отдохнули и сомкнулись. Но вотъ и спускъ. Войска остановились. Погода немного разгулялась, и передъ нами открылся громаднѣйшій лабиринтъ лѣсистыхъ отроговъ, изрѣзанныхъ глубокими промоинами и лощинами. Тамъ, вдали, виднѣлись отары овецъ, стада рогатаго скота; кое-гдѣ выглядывали аулы. Все это было явными обличителями невыселившагося народонаселенія. Началась военная облага: кавказскій гренадерскій, 19-й, а потомъ и ширванскій стрѣлковые баталіоны были спущены внизъ и, образовавъ одну общую длинную цѣпь, охватили всѣ изгибы горъ и трещинъ. Постепенно подвигаясь впередъ, они наткнулись, совершенно неожиданно, на цѣль семейства женщинъ и дѣтей, которыя расположились среди своего имущества, сваленнаго въ кучи. Спасаясь отъ колонны даховскаго отряда, который шелъ вверхъ по Пшишу, они попали въ руки другой. Нѣсколько мужчинъ бросились защищаться, и, конечно, одни легли на мѣстѣ, другіе были взяты въ плѣнъ. Одинъ убитый, одинъ смертельно, а два легко раненые составляли нашу потерю.

Конвоируя огромное количество плѣнныхъ и большія стада, весь отрядъ спустился по промоинѣ маленькой рѣчки Хапсъ въ долину рѣки Пшиша, гдѣ и расположился на лѣвомъ берегу рѣки, въ виду лагеря даховскаго отряда, который во все это время шелъ вверхъ по Пшишу и тоже набралъ множество плѣнныхъ.

Непривлекательна была картина той части лагеря, гдѣ были расположены плѣнные: три небольшихъ костра едва обогрѣвали ооченѣлые ихъ члены. Сырой воздухъ, мокрая земля,

легкое платье женщинъ невольно возбуждали сочувствіе къ положенію захваченныхъ горцевъ. Этимъ тремъ группамъ всё, за очень малымъ исключеніемъ, помогали чѣмъ могли: хлѣбъ, масло, чай приносили со всѣхъ сторонъ. Не говоря объ офицерахъ, у которыхъ такой взглядъ и сочувствіе къ несчастнымъ есть прямое требованіе нравственнаго развитія, слѣдуетъ съ полнымъ уваженіемъ упомянуть и о солдатахъ, которые очень охотно таскали для плѣнныхъ дрова, дѣлились съ ними своими сухарями; даже нѣкоторые давали имъ деньги, удѣляя изъ своихъ ограниченныхъ достатковъ.

Холодный вѣтеръ съ сильнымъ дождемъ привѣтствовалъ наши сборы на слѣдующее утро. Даховскій отрядъ рано поднялся и направился въ долину рѣки Пшехи; а нашъ отрядъ, выступивъ въ десять часовъ, отправился на Гойтхъ.

Кто не былъ на Кавказѣ, тотъ едва-ли можетъ себѣ представить положеніе войскъ зимою. Кавказскій солдатъ мокнуть и дрогнетъ бывало всю зиму и обсушивался только тогда, когда позволяла сама природа. Перенести же такую зиму, какъ 1863—1864 годовъ, могло только войско, вполне закаленное въ непогодахъ, и люди, такъ плотно свинченные, какъ русскіе. Безжалостный дождь съ 13-го октября и по 11-е декабря шелъ постоянно, съ перерывами самое большее на два дня, и во все это время солдатъ щеголялъ въ мокрой рубашкѣ, проходилъ непрерывно броды по колѣно и по поясъ въ водѣ и оставался для ночлега въ грязи, смѣшанной со снѣгомъ, прикрываясь только палаткой, а поврежденъ обходясь и безъ нея. Цѣлыхъ два мѣсяца почти подъ непрерывнымъ дождемъ и стоя въ глубокой холодной грязи, солдатъ проводилъ время въ долбленіи горъ и другихъ работахъ по прокладкѣ дорогъ. Все это, взятое вмѣстѣ, съ дополненіями, составляло такъ называемую *зимнюю экспедицію*.

Но 30-му ноября хотѣлось, кажется, отличиться передъ другими днями: дождь, пробирающій до костей, лилъ на всѣ лады и былъ какъ-то особенно жестокъ. Поздно вечеромъ прибыла колонна на позицію, къ укрѣпленію Гойтхъ, залитую водой отъ дождей и размокшую до безобразія. Худшая же участь выпала на долю арьергарда, конвоировавшего плѣнныхъ (*): большая часть плѣнныхъ состояла изъ женщинъ,

которыя, несмотря на то, что слабѣйшихъ изъ нихъ солдаты несли на рукахъ, не могли поспѣвать по грязной и скользкой дорогѣ за войсками. Идя шагъ за шагомъ, арьергардъ понемногу отставалъ отъ обоза; между тѣмъ, наступилъ вечеръ, и вскорѣ, вслѣдствіе наступившей непроглядной ночи, замѣнившейся сѣрымъ туманнымъ днемъ, дальнѣйшее движеніе войскъ сдѣлалось почти невозможнымъ. Надо было рѣшиться на что-нибудь: или, пренебрегая опасностію, сбиться съ дороги и попасть въ какую-нибудь промоину, идти далѣе, или расположиться на ночлегъ. 19-й стрѣлковый баталіонъ рѣшился идти на соединеніе съ отрядомъ и сообщить о положеніи остальныхъ. То же могъ бы сдѣлать и кавказскій гренадерскій баталіонъ; но опасенія за орудія и въ особенности за положеніе несчастныхъ плѣнныхъ, выбившихся изъ силъ, остановили его.

Шумъ рѣки, сливаясь съ шумомъ падающаго дождя, съ сильнымъ завываніемъ вѣтра и рыданіемъ плѣнныхъ, представлялъ что-то худшее мокрой одежды. Конечно, лучше было остановиться. Ощупью поставили на позицію орудія и расположили на бивуагъ баталіонъ. Можно ли было достать сухія дрова, какъ единственное облегченіе такого положенія—о томъ никто еще не зналъ. Сквозь непроницаемый мракъ такой ночи нельзя было различать предметовъ; никто не узнавалъ мѣстности, хотя въ эти мѣста войска приходили на фуражировку. Дороги и тропинки обратились въ ручьи; всѣ углубленія на полѣ залились водою; Пшишь началъ сильно выходить изъ своего ложа и, теряясь противоположнымъ берегомъ во мракѣ, представлялъ безконечное водное пространство, перегораживавшее мѣстами дорогу. Къ счастью, нѣсколько человекъ въ своихъ поискахъ наткнулись на плетень, который былъ мигомъ разобранъ; костры едва-едва разгорѣлись...

Дождь, между тѣмъ, шелъ съ прежнимъ ожесточеніемъ. Дрожащія отъ холода плѣнные жадно кидались къ кострамъ; но ночью не могли найти много дровъ, и костры были невелики. Плѣнные и плѣнницы кружками тѣснились вокругъ огней. Около одного изъ нихъ сидѣла жена старшины, молодая женщина, рядомъ съ другою, должно быть своею родственницею; онѣ были почти однихъ лѣтъ. Княгиня (какъ называли солдаты первую), повидимому, ослабѣла и горько плакала, ни на минуту не осушая глазъ; легкое ситцевое платье не защищало ее отъ холода, и члены ея дрожали. Пожилыя женщины совер-

(*) Кавказскій гренадерскій, 19-й стрѣлковый баталіоны и горный взводъ облегченной № 3-й батареи 19-й артиллерійской бригады.

шенно изнывали отъ такой погоды, и стоны ихъ, прерываемые дрожью, походили скорѣе на вздержанные глухіе крики, раздававшіеся около всѣхъ костровъ. Но одна изъ плѣнницъ отличалась отъ всѣхъ остальныхъ: наружность ея не подходила ни къ одной изъ окружающихъ: бронзовый ровный цвѣтъ кожи, черные волосы и хорошо очерченные глаза, въ которыхъ трудно было отличить зрачки, придавали ей видъ типичной цыганки; покрытая одною промокшею сорочкой, она, наклонившись, прикрывала собою отъ дождя маленькое дитя свое. Несмотря на страшную дрожь и видимыя страданія, она не только не уронила ни одной слезы, не издала ни одного стога, но даже лицо ея выдерживало постоянно спокойное выраженіе. Она была или истинная фаталистка, либо женщина-герой.

Нехорошо было и положеніе войскъ, оставшихся безъ обоза, съ которымъ ушли всѣ припасы; но до какой степени заботливы и осторожны кавказскія войска, можетъ служить примѣромъ этотъ непредвидѣнный случай. Прошло не болѣе часу послѣ разведенія костровъ, какъ фельдфебели пришли съ докладомъ, что ужинъ готовъ. Многіе ротные командиры были даже удивлены. Какимъ образомъ явились необходимые продукты—рѣшительно было секретомъ опытныхъ кавказцевъ. Да и деньщики, вышедшіе изъ той же школы нужды и горя, еще болѣе удивляли робинзоновскими способностями.

— „Вотъ бы чайку теперъ напитокся! „сказалъ кто-то изъ офицеровъ, вѣроятно, строя воздушные замки.

— Прикажете поставить? раздался изъ кружка чей-то отрядный голосъ.

— „Наставь! наставь!“ крикнули въ одно время всѣ.

— „Да гдѣ же у тебя взялся чай и сахаръ?“ спросили его.

— У меня въ карманѣ, спокойно отвѣчалъ деньщикъ.

— „А наставлятъ же въ чемъ будешь?“

— Со мною мѣдный чайникъ.

— „Да вѣдь и пить-то не изъ чего.“

— Достанемъ что-нибудь, отвѣтилъ деньщикъ, ставя чайникъ на угли.

Черезъ нѣсколько времени чай былъ готовъ и отысканы двѣ посуды для питья... кто бы могъ отгадать, какія? одна—маленькая деревянная мисочка, а другая—нижній обломокъ бутылки, ровно отколотый, съ острыми, какъ бритва, краями, который и выполнялъ у владѣльца его должность стакана.

Богъ знаетъ какимъ образомъ при такихъ обстоятельствахъ у одного изъ ротныхъ командировъ явились супъ съ фасолью и ячневая каша, у другаго — супъ съ курицей, и все это дѣлилось на всю офицерскую братью.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело бы на любителя чая, еслибъ онъ взглянулъ на желтоватую, мутную бурду, состоящую изъ настоя карманнаго чая въ водѣ, густо разболтанной глиною; но мы пили его съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ не пивалъ богдыханъ лучшаго изъ чаевъ своей имперіи. Согрѣвшись немного и утоливъ голодь, всѣ почувствовали дремоту; но спать было почти невозможно: огромные потоки, бѣжавшіе съ горъ, уже шицѣли около костровъ и перескакивали каскадами чрезъ лежація кругомъ бревна. Однако сонъ взялъ свое, и многіе офицеры задремали сидя, а другіе заснули подмостивъ подъ себя хорошія бревна. Этотъ дождь, поклявшійся, кажется, вывести изъ терпѣнія даже привычныхъ кавказцевъ, мало имѣлъ успѣха относительно солдатъ: нашлись чудо-богатыри, которые улеглись просто въ грязи и усердно похрапывали во всю носовую завертку.

Просыпавшіеся офицеры не оставались безъ дѣла: они брали подъ свои бурки по нѣсколько дѣтей и, закрывая ихъ отъ дождя, отогрѣвали понемногу; нѣкоторые отдали свои бурки матерямъ этихъ дѣтей. Около полуночи солдаты замѣтили, что одинъ мальчикъ терлетъ уже силы, подхватили его и давай вертѣтъ передъ огнемъ; но все оказалось тщетнымъ, и черезъ часъ покойникъ лежалъ уже подъ ружьями. Къ утру одна дѣвочка тоже окончила свои страданія...

Начало свѣтать. Замѣтивъ, что заборъ былъ разобранъ далеко не весь и что вблизи находится еще и сакля, солдаты кинулись туда, и костры, черезъ нѣсколько времени, запылали сильнымъ огнемъ; а дождь все не унимался. Часовъ въ восемь, въ сѣверо-западной сторонѣ надъ горами появился клочекъ голубаго неба и дождь началъ понемногу утихать; къ десяти часамъ онъ прекратился. Небо немного расчистилось, и наша позиція получила видъ прачешнаго двора: на натыканыхъ кольяхъ были развѣшены для просушки разныя части солдатскаго гардероба.

Въ одиннадцать часовъ мы оставили это мѣсто, гдѣ могилы двухъ дѣтей свидѣтельствуютъ о томъ бичеваніи, которое перетерпѣли несчастные плѣнники отъ неумолимой погоды.

Не прошли мы еще и версты, какъ съ лѣваго берега Пшиша раздались по насъ ружейные выстрѣлы, которые проводжали колонну версть шесть, и хотя пули ложились очень хорошо, но вредъ, ими причиненный, былъ только отбитый палецъ у стрѣлка и пробита скатанная шинель на артиллеристѣ. Показавшееся солнце, утершее слезы несчастныхъ плѣнныхъ, потѣшало насъ недолго: опять дунулъ сырой западный вѣтеръ, опять небо покрылось тучами и вчерашнее угощеніе начинало скопляться надъ головами.

Пришли къ позиціи; но разлившіяся Пшишь не позволилъ переправиться на лѣвую сторону его, гдѣ стоялъ отрядъ. Этому прибывшему остатку вчерашняго арьергарда кое-какъ верхами переправили всѣ продукты, спиртъ и палатки, какъ для солдатъ, такъ и для плѣнныхъ; часть офицеровъ перѣхали на лѣвую сторону. Но не весело было и въ отрядѣ... Правда, палатки, повидимому, прикрывали войска отъ дождя, но въ палаткахъ было грязи на четверть аршина глубиною; люди, въ промокшихъ полушубкахъ и папахахъ съ нависшимъ на лицо мокрымъ курпеемъ, бродили какъ полумертвые; костровъ почти не существовало, такъ какъ за дровами приходилось ходить версты за три; пѣсни и лагерный шумъ притихли, и лишь изрѣдка какой-нибудь подгулявшій солдатъ заоретъ что-то такое странное, либо прокричитъ любимое выраженіе кавказскихъ солдатъ: „горе, горе, гдѣ ты живешь? на Кавказѣ!“, и снова ничего не слышно на позиціи, кромѣ шлепанья по грязи проходящихъ солдатъ. Часа въ четыре опять полило сверху и не переставало весь вечеръ, цѣлую ночь и слѣдующій день. Пшишь на другой день поднялся въ берегахъ еще выше, а грязь сдѣлалась еще невылазѣе. Наконецъ дождь добился до своего: шелъ онъ до тѣхъ поръ, пока не вымочилъ не только всего, что было на солдатъ, но того, что было въ его торбочкахъ, лишивъ, такимъ образомъ, возможности надѣяться на сухую рубашку, приберегаемую имъ къ морозу или къ хорошей погодѣ. Затѣмъ съ 3-го на 4-е декабря хватило морозомъ. Солдатъ былъ поставленъ еще въ худшее положеніе: мокрое платье и рубашка замерзали на его тѣлѣ, а переменить было нечѣмъ.

Утромъ невозможно было хладнокровно смотрѣть на сторбившіяся и трясущіяся фигуры солдатъ, которые, не будучи въ силахъ разжать пальцы, должны были осѣдлывать лошадей и

подтягивать нестибавшіяся подпруги, чтобы отправиться въ Хадыжи за провіантомъ и фуражемъ, какъ было приказано накануне. Кругомъ позиціи на значительное разстояніе было выбрано всѣмъ сѣно и вырубленъ весь лѣсъ даховскимъ отрядомъ, простоявшимъ на этой позиціи почти два мѣсяца.

Несчастныя лошади, невѣшія сѣна двое сутокъ, подобравъ подъ себя заднія ноги, тряслись всѣмъ тѣломъ, бугвально, стоя по колѣни въ грязи. Съ жадностію онѣ ѣли палки и хворостъ; но и этого лакомства достать было негдѣ. Не выдержали лошади такой пытки, и по всей позиціи видѣлись ихъ трупы, какъ цвѣтныя острова на грязномъ морѣ.

Колонна, отправившаяся за провіантомъ 4-го числа, вернулась поздно 7-го, побросавъ по дорогѣ огромное количество лошадей. Броды дождями были уничтожены, а копанная глинистая дорога сдѣлалась почти непроходимой. Оставаться на этой позиціи и подвозить фуражъ изъ Хадыжей было невозможно: не было баталіона, который бы не потерялъ менѣе двѣнадцати лошадей.

Начальники, покрайней мѣрѣ, были довольны тѣмъ, что за все это время не было ни одного несчастнаго случая съ солдатами, кромѣ усилившагося числа больныхъ. Даховскій же отрядъ, какъ рассказывали, потерялъ очень много больными.

Узнавъ о нашемъ положеніи, командующій войсками Кубанской области, выжидавшій окончанія движеній нашихъ отрядовъ въ Пшехской станицѣ, велѣлъ войскамъ отступить и самъ уѣхалъ въ Ставрополь. Нашъ отрядъ, 10-го числа, выступилъ подъ дождемъ изъ Гойтхъ и прямой дорогой двинулся черезъ Ази-Пшишь, потомъ черезъ высокій горный отрогъ, миновавъ, такимъ образомъ, копанную дорогу до Тукскаго поста. 11-го числа отрядъ выступилъ изъ Шабшинской поляны, гдѣ провѣлъ хорошо ночь. Это былъ первый день, который, послѣ такой отвратительной погоды, позволилъ войскамъ идти безъ башлыковъ и не оцупью въ туманѣ отыскивать себѣ дорогу. Сильный восточный вѣтеръ съ помощью теплаго солнца принялся за трудную работу—высушивать цѣлыя глыбы мокрой глины. Въ третьемъ часу отрядъ сталъ сходиться въ Хадыжахъ, располагаясь впереди предмостнаго укрѣпленія.

Слѣдующій день былъ истинно отраднѣе для измученнаго отряда. Это былъ чисто-весенній день. Теплое солнце выманило всѣхъ изъ палатокъ. Пользуясь имъ, начались всеобщая

просушка, чистка и починка. Въ первый разъ въ эту зиму замелькали по лагерю рубахи; полушубки встрѣчались только вечеромъ. Еще такихъ же прекрасныхъ два дня провели мы на этой позиціи и начинали уже понемногу забывать прошедшее.

15-го назначено было части отряда перейти на лѣвую сторону Пшиша и расположиться лагеремъ въ восьми верстахъ ниже Хадыжей. Проснулись рано утромъ, а хорошей погоды какъ не бывало: снова встрѣтилъ насъ старый знакомый и вѣчный спутникъ солдатскихъ походовъ — „не осенній мелкій дождичекъ“, что „брызжетъ, брызжетъ сквозь туманъ“.

Новая позиція отряда находилась по лѣвую сторону Пшиша, при впадніи въ него рѣки Воцепси. Въ первый разъ войска наши перешли Пшишь. Перемиріе съ абадзехами, жившими за рѣкой, должно было скоро кончиться, и расположеніе нашихъ войскъ, чуть не на порогѣ ихъ сакель, было самое дѣйствительное средство для напоминанія имъ о выселеніи и угрозою немедленнымъ вторженіемъ въ ихъ предѣлы за малѣйшее покушеніе съ ихъ стороны открыть непріязненные дѣйствія.

Не успѣлъ отрядъ перейти на позицію, разбить палатки, какъ приказано было двумъ баталіонамъ пѣхоты, двумъ сотнямъ казаковъ и двумъ горнымъ орудіямъ трогаться дальше съ начальникомъ отряда. Назначенныя части выступили и, пройдя виднѣющійся на правой сторонѣ Схалюкскій постъ, версты за двѣ, остановились на ночлегъ. Утромъ проводили мы полковника Граббе еще верстъ шесть и остановились противъ Тверской станицы; а драгуны Тверскаго полка, выѣхавшіе навстрѣчу, продолжали конвоировать начальника отряда до Пшехской.

Дорога по этому берегу была несравненно лучше копанной, проложенной по правому: она все время шла по плоскости ровной, почти безъ замѣтныхъ спусковъ и подъемовъ, непересѣкаемая ни крутыми балками, ни глубокими промоинами, и въ то время была даже очень веселая, потому что проходила по цѣлому ряду ауловъ. Жители не убѣгали при нашемъ приближеніи, но выходили на встрѣчу даже безъ кинжаловъ, которые составляли у нихъ принадлежность пояса, и выносили то воду желающимъ наниться, то угольки для закуриванія трубочекъ. Замѣтно однако было, что неожиданное появленіе нашихъ войскъ, раньше ерока, сильно встревожило ихъ; многіе пос-

пѣшно сгоняли свои семьи въ сакли, а сами выходили на дорогу. Встрѣчались намъ и вооруженные всадники, которые рысью спѣшили куда-то; въ разговорахъ видно было у всѣхъ желаніе узнать цѣль нашего движенія. Одинъ, понаивнѣе другихъ, подошелъ къ офицеру во время движенія колонны и началъ разговоръ съ тою же цѣлю.

— „Знакомъ, знакомъ!“ заговорилъ горецъ, лаская офицера по рукаву.

— „Здравствуй, знакомъ!“ отвѣчалъ офицеръ.

— „Знакомъ, моя Лаба гайда... баранчукъ копъ, марушка копъ; арба пропалъ, бикъ пропалъ... бикъ работай, арба работай, Лаба гайда (*).“

— „Лаба гайда; Лаба садись; Лаба якши...“ отвѣтилъ ему офицеръ.

— „Знакомъ, знакомъ — началъ опять хитрый горецъ, немного помолчавъ, рѣшившійся прямо приступить къ цѣли. — Стрѣлай будешь?“

— „Твоя стрѣлай не будетъ, урุษь стрѣлай не будетъ“, отвѣчали ему.

Узнавъ, что не съ воинственнымъ направленіемъ пришли мы къ нимъ, обрадованный горецъ поторопился проститься и побѣжалъ, вѣроятно, извѣстить свою семью о полученномъ свѣдѣніи.

Правду сказать, никто изъ насъ не отгадывалъ цѣли нашего движенія. Большинству казалось, что это простая рекогносцировка дороги по лѣвому берегу.

17-го декабря колонна вернулась на позицію при рѣкѣ Воцепси, на которой весь отрядъ оставался до февраля мѣсяца.

(*) По переводу на понятный языкъ означаетъ, что онъ имѣетъ большое семейство и что если онъ и не переходитъ еще на Лабу, такъ потому, что нѣтъ ни быковъ, ни арбы, а какъ только достанетъ то и другое, сейчасъ же и перейдетъ.

VII.

Особенно дурная зима съ 1863 на 1864 годъ. — Жизнь солдатъ въ палаткахъ. — Начало перевозки провіанта на Гойтхъ. — Неоконченная рекогносцировка 15-го января. — Положеніе абадзеховъ этою зимой и разнаго рода столкновенія ихъ съ солдатами. — Выступление 8-го февраля двумя колоннами за Пшишь. — Соединеніе ихъ у Калмыко-Хабля. — Перевалъ черезъ гору Котхо. — Позиція при рѣкѣ Хатыпсѣ. — Перевалъ черезъ гору Шенепси. — Позиція при Вотепси. — Движеніе къ главному хребту. — Слѣды недавно-прошедшихъ переселенцевъ. — Перевалъ черезъ главный хребетъ. — Позиція на Туапсе. — Движеніе къ морю. — Случай на привалѣ. — Сцены изъ жизни горцевъ на берегу въ ожиданіи переселенія въ Турцію. — Послѣдній періодъ военныхъ дѣйствій. — Передвиженіе пшехскаго отряда въ Тубу.

Съ 15-го декабря мелкія части пшехскаго отряда были растянуты по всему протяженію отъ Хадыжей до Гойтхъ, для наблюденія за ущельемъ; главная же часть его стояла лагерьмъ при устьѣ рѣки Воцепси.

Долгое пребываніе на этой позиціи, повидимому, благоприятствовало тому, чтобы войска отдохнули вполне и собрались съ новыми силами для предстоящихъ трудовъ и походовъ. Но зима этого года отравила сладкія надежды: не дѣлая никакихъ походовъ, мы попрежнему утомлялись въ борьбѣ съ такою ужасною зимой, какая была съ 1863 на 1864 годъ. Немалый подвигъ простоять такое время въ палаткахъ.

Съ первыхъ дней расположенія частей отряда на новыхъ позиціяхъ, частные начальники, по приказанію графа Евдокимова, принялись за распоряженіе о перевозкѣ провіанта и фуража въ укрѣпленіе Гойтхъ для образованія склада, долженствовавшего обезпечить наше дальнѣйшее движеніе за перевалъ; но всѣ эти распоряженія могли быть выполнены при первой установившейся, хотя сколько-нибудь сносной, погодѣ.

Долго мы сидѣли у моря и ждали погоды. Отвратительное состояніе дороги на Гойтхъ не было исправлено трехдневною хорошею погодой, а продолжавшіеся потомъ дожди до 23-го декабря размочили ее окончательно; затѣмъ, передъ Рождествомъ, на незамерзшую грязь выпалъ снѣгъ въ поразительномъ изобиліи, и всѣ дороги покрылись такимъ толстымъ слоемъ его, что всякая ѣзда остановилась. Въ лагеряхъ, нижнихъ частей палатокъ не было совсѣмъ видно. Во время Рождества начались морозы, доходившіе до 25° и болѣе. Снѣгъ, неуспѣвшій осѣсть, проваливался подъ тяжестью. Такая дорога не помогала перевозкѣ; люди же вмѣсто того, чтобы отдыхать, кряхтѣли отъ мороза какъ подъ тяжелою работой, хватаясь то за носъ, то за уши. Усы и бороды солдатъ представляли одну сплошную льдину (*), а часовые, чтобы хотя нѣсколько согрѣться, ни на секунду не останавливались и бѣгали взадъ и впередъ. Лошади тоже не поправлялись: раны на ихъ спинахъ — непремѣнное слѣдствіе вьючныхъ походовъ — заживали очень плохо, а кормъ былъ далеко не въ изобиліи. Горцы сначала возили въ лагерь сѣно на продажу, но морозъ отбилъ у нихъ охоту; возить же самимъ изъ складовъ, даже тогда, когда дорога дѣлалась удобною, по отдаленности было затруднительно. Такъ дрогли мы въ ожиданіи хорошей погоды.

Незавидно было положеніе и абадзеховъ: полунагіе, безъ обуви, съ вѣчною дрожью, они появлялись въ нашъ лагерь обмѣнивать на хлѣбъ разныя вещицы. Впослѣдствіи, замѣтивъ, что солдаты начинаютъ ходить далеко за сухими дровами, они начали притаскивать въ лагерь цѣлыя бревна за очень умѣренныя порціи хлѣба. Намъ странно было только то, что заходившіе въ лагерь горцы были жители участка между Пшишемъ и Пшекупсомъ, то есть того мѣста, куда еще не заходили наши войска, стало быть и неиспытанные бѣдственныхъ результатовъ войны. Неужели они и всегда были такъ бѣдны?

Утѣшеніемъ для солдатъ въ это прохладное каникулярное

(*). Военныя обстоятельства и перенесеніе всѣхъ временъ года подъ открытымъ небомъ заставляли часто кавказцевъ отступать, по необходимости, отъ нѣкоторыхъ установленныхъ формъ; одно изъ подобныхъ отступленій было ношеніе зимою бороды. Солдаты находили въ этомъ ту выгоду, что не отмораживали себѣ подбородковъ и всему лицу было теплѣе; опытомъ дознали также, что зубныя боли, увеличивающіяся въ холодное время, не усиливались; замѣтно нагрѣвалась шея безъ всякихъ галстуховъ. Офицеры испытывали тѣ же выгоды отъ ношенія бороды.

время были только чарка спирта, костры или горячіе угольки въ палаткѣ.

Можетъ быть, не всёмъ извѣстно, какимъ образомъ на Кавказѣ солдаты дѣлали свои палатки возможными для жизни въ сильные холода. Съ этою цѣлію они снизу покрывали полы палатокъ толстымъ слоемъ снѣга, а съ внутренней стороны затыкали отверстія снѣгомъ; затѣмъ въ палатку вносили хорошо-пережженные угли изъ костра. Не обходилось, конечно, безъ того, чтобы не было случаевъ угорѣвшихъ на полусмерть; но это бывало рѣдко, а между тѣмъ угольки зимою были единственнымъ средствомъ хорошо отогрѣваться или, какъ выражались солдаты, „отойти“. Мокрое полотно не пропускало сквозь себя много теплоты, и внутри палатки температура возвышалась до того, что можно было сидѣть безъ верхняго платья. Такимъ же образомъ жили и офицеры.

Понятно, что могъ бы испытать отрядъ, еслибъ не было близко лѣса и въ особенности брошенныхъ ауловъ, единственныхъ источниковъ сухихъ дровъ: отсутствіе того и другаго было главною причиною страданій отряда на позиціи Гойтхъ.

Погода въ началѣ января перемѣнилась. Послѣ морозовъ, навѣянныхъ сѣверо-восточными, сибирскими зефирами, подулъ вдругъ юго-западный вѣтеръ, но съ такою силой, что не только разбрасывалъ костры, срывалъ палатки, но и рвалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ клочья. Подъ эту погоду солдатъ опять скорѣе задыхался, чѣмъ отдыхалъ. Въ полѣ поднялась мятель; замѣтенныя дороги продолжали служить путями разобщенія, и при такихъ обстоятельствахъ подвозъ не могъ начаться, да и лошади еще не поправились. Со дня на день стали ждать перемѣны погоды, рассчитывая, конечно, на хорошую; но вѣтеръ продолжалъ дуть съ прежнею силою до тѣхъ поръ, пока не притащилъ откуда-то тяжелыхъ, сѣрыхъ тучъ, и съ первыми каплями дождя, которымъ разразились эти тучи, стихъ: снова дождь, а за нимъ и снѣгъ начали пытаться натуру кавказскаго солдата.

Желательно знать, какая армія въ мірѣ могла бы перенести съ такимъ стоицизмомъ все то, что переносила кавказская. Понятно, что нравственная сила и бодрость, которыми обладаютъ всё хорошо-содержимыя войска, знакомыя съ боевою жизнью, помогутъ имъ перенести временную невзгуду въ теченіе дня, двухъ дней, недѣли, наконецъ мѣсяца; но годъ,

два, три года, и даже двадцать годовъ, тутъ ужъ какъ ни бодись вначалѣ, а невольно поддашься и физическому, и нравственному утомленію.

Но неподобенъ закалъ кавказскихъ войскъ! Переходя отъ жары къ холоду, они живо усвоивались съ наступающимъ временемъ года и переносили зиму какъ архангельцы, а жару какъ персіяне.

Впрочемъ, гоненія этой зимы были особенно безпощадны: ждаль цѣлую зиму лучшихъ дней и попадалъ съ мороза на бурю, съ бури на дождь, и непрерывно дрогнуть, не зная отдыха, можно окончательно потерять силы. Доставалось-таки солдатамъ въ ту зиму сильнѣе, чѣмъ во всё предъидущія; однако не пали они духомъ, и дурное вліяніе погоды только и выражалось тѣмъ, что прекращались, неумолгаемыя во всякое другое время, пѣсни и не слышно было веселаго шума; но едва погода дѣлалась хотя на столько лучше, что можно было не опасаться отморозить черезъ часть носа, какъ уже пискливые кларнеты раздавались въ разныхъ углахъ лагеря, по срединѣ котораго, на площади, собирався базаръ, и солдаты выносили туда на продажу водку, табакъ, старое платье, деревянныя ложки, корыты, разныя татарскія вещицы и проч.

Откладывая перевозку провіанта и фуража со дня на день, никакъ не могли найти удобнаго для этого времени. Назначили 8-е января; но погода, не позволявшая предпринимать ничего серьезнаго до сихъ поръ, сдѣлалась къ этому времени еще несноснѣе, а сильная мятель навалила снѣгу непроходимые сугробы. Воловщики, подрядившіеся возить провіантъ на Гойтхъ, отказывались наотрѣзъ, и никакія цѣны не могли принудить ихъ на эту попытку. Такъ безъ результатовъ прошло и 8-е число. Наконецъ терпѣніе лопнуло, и первый перевозочный транспортъ двинулся 13-го, не потому, чтобы заваленная снѣгомъ грязная дорога стала лучше, а потому, что нужно было торопиться, такъ какъ лошади съѣдали приготовленный для перевозки запасъ сѣна, и потому, наконецъ, что ранней весною необходимо было быть у берега моря. Крайность сдѣлала непроходимую дорогу, проходимою.

Около мѣсяца простоялъ нашъ отрядъ при устьѣ Воцеси въ бесплодной борьбѣ съ природою. Срокъ къ окончанію перемирія приближался. Общее ожиданіе, что по окончаніи его абадзехи откроютъ военныя дѣйствія, заставило начальника

отряда ознакомиться съ мѣстностію, нанести ее на планъ, напомнить абадзехамъ о скоромъ срокѣ ихъ выселенія и вообще быть вполне готовымъ къ успѣшной борьбѣ. Поэтому назначена была рекогносцировка: отрядъ изъ трехъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, полка драгунъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ (*), выступилъ 15-го числа вверхъ по рѣкѣ Воцепси. Это было первое движеніе внутрь страны, служившей послѣднимъ убѣжищемъ для горцевъ по сѣверному склону горъ.

Огромные сугробы снѣга, подтаявшіе снизу, не держали на себѣ солдатъ, почему пущенная въ „одинъ конь“ кавалерія должна была утаптывать дорожку: весь отрядъ растянулся въ одного человѣка. Упавшій духъ горцевъ давалъ огромное вѣроятіе предположенію, что они не осмѣлятся первыми предпринять какое-нибудь рѣшительное дѣйствіе противъ насъ, а тѣмъ болѣе нарушить миръ, котораго оставалось еще 15 дней: иначе нападеніе ихъ на нашу колонну, въ такомъ строю, могло бы стоить намъ большихъ жертвъ. Хотя всю дорогу солдаты шли по протоптанной дорожкѣ, но постоянно проваливались выше колѣна, набирая въ сапоги подснѣжной воды.

Пройдя берегомъ верстѣ пять, отрядъ перешелъ черезъ рѣку Хошарамуко, притокъ Воцепси съ лѣвой стороны, потомъ поднялся на плоскую возвышенность, поросшую кустарникомъ. Невысокія вершины сосѣднихъ горъ торчали кругомъ, а впереди насъ возвышался хребетъ Котхъ, тянущійся параллельно главному хребту. Потомъ, повернувъ направо, мы перевалили черезъ три горныхъ отрога и въ первый разъ встрѣтили группу ауловъ, по рѣкѣ Цыце, около которыхъ расположились на позиціи.

На другое утро страшная буря пробарабанила колышками палатокъ по головамъ спящихъ солдатъ слишкомъ раннюю повѣстку; по ней отрядъ поднялся раньше обыкновеннаго. Часовъ въ восемь войска выступили и направились къ хребту Котхъ, съ цѣлію перевалить на южную его сторону; но природа и тутъ помѣшала этому намѣренію: лошади драгунъ, прокладывавшія впереди дорогу, проваливались уже не по брюхо, какъ вчера, а уходили въ снѣгъ такъ глубоко, что едва могли выскатываться. Не удалась борьба съ природой: нужно было вернуться назадъ.

(*) Ширванскій, самурскій, сводно-линейный № 1-й стрѣлковые баталіоны; горный взводъ облегченной № 3-й батареи и весь Тверской драгунскій полкъ.

Быстро шли мы по прежней же дорогѣ; буря къ полудню достигла такой силы, что съ каждымъ порывомъ ея не только цѣлая масса людей, но и лошади, какъ курицы, гонимыя вѣтромъ, сбѣгали въ сторону отъ дороги. Если приходилось кому-нибудь развѣвать ротъ противъ вѣтра, тотъ рѣшительно захлебывался напоромъ воздуха. Поправивъ и очистивъ мѣстами дорогу, 17-го числа мы опять были подлѣ устья Воцепси. Правда, снова морозъ, снѣгъ, дождь и буря, какъ акуратные часовые, смѣняли другъ друга, да все-таки бѣда эта переносилась на позиціи легче, чѣмъ въ походѣ. Складъ сухихъ дровъ, найденный нами здѣсь, былъ для насъ неоцѣнененъ. Видя такое изобиліе ихъ и зная, что вблизи не было много жилыхъ ауловъ, нѣкоторые старались разузнать объ этомъ немного поподробнѣе.

— Ужъ давно, ваше благородіе, мы разбираемъ аулы версты за три отсюда, отвѣчалъ спрошенный солдатъ на вопросъ: „издалека ли приходится носить дрова“.

— Да вѣдь тамъ живутъ еще.

— Они выселяются понемногу: какъ очередь приходитъ разбирать аулъ на дрова, и они подаются дальше.

— Развѣ вы получили право выгонять ихъ силою?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! Это они, значить, сами знаютъ, что намъ безъ дровъ нельзя быть.... Вотъ анадьсы, ваше благородіе, какъ разбирали тотъ аулъ, что стоялъ на горѣ, пришли мы, а навстрѣчу къ намъ и выходитъ старенькій старичокъ съ клюкой, да и началъ словно фатеры отводить: вотъ эту саклю—говорить—разбирайте, вотъ эту можно, говоритъ; какую покажетъ, ту и беремъ.

— Значить, тѣ сакли, гдѣ живутъ, вы не трогаете?

— Всяко бываетъ, ваше благородіе! проговорилъ солдатъ.

— Кто же вамъ позволилъ растаскивать жилыя сакли?

— Какъ можно, ваше благородіе! Мы не трогаемъ тѣ горницы, гдѣ они живутъ. Вотъ примѣрно, ваше благородіе, вышелъ, евто, вчера къ намъ хозяинъ да и говоритъ, что у него марушка копь, баранчукъ копь, и просить, чтобы не трогали его саклю; а она осталась одна, новыхъ мѣстовъ, стало, мы еще не знаемъ: откелева добыть намъ дровъ? Ну, мы и начали растаскивать....

— Эту саклю?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не всю: ту горницу, куда они собрались, мы оставили, а забрали только порожекъ.

нюю половину. — Ваше благородіе! да вѣдь начальство имъ велить выселяться: чего же они не выселяются? закончилъ солдатъ.....

Опять надолго расположился отрядъ на этой позиціи и, конечно, не оставался празднымъ: во-первыхъ, устроилъ засѣку, какъ первый опорный пунктъ и первое складочное мѣсто запасовъ на лѣвой сторонѣ Шиша; во-вторыхъ, открылъ съ природою нѣкотораго рода борьбу: 20-го числа была отправлена колонна для раскопки занесенной снѣгомъ дороги на Гойтхъ. Послѣ долгаго спора съ вѣтромъ и снѣгомъ, постоянно уничтожавшими труды войскъ, дорога была приведена въ сносное состояніе. Остальныя войска жили себѣ попрежнему.

Въ этотъ же періодъ времени полковникъ Граббе получилъ чинъ генераль-маіора. Всѣ радовались отъ души за добраго, ласковаго и всегда внимательнаго къ положенію солдата молодого своего начальника.

Положеніе абадзеховъ въ теченіе этой зимы было крайне нехорошо. Смертность горцевъ по Пшекупсу доходила до огромныхъ размѣровъ. Густое населеніе этихъ плодородныхъ долинъ до того увеличилось приходомъ абадзеховъ, удалившихся изъ мѣстъ, занятыхъ нашими войсками, что въ одной саклѣ проживало по четыре, иногда и по пяти семействъ. При тѣснотѣ, опасныя простуды, которымъ подвергнулись горцы во время переселеній съ одного мѣста на другое, при страшной распутицѣ зимы, содѣйствовали сильному распространенію тифа. Тяжкая болѣзнь, вмѣстѣ съ плѣнными, перешла и къ намъ на Лабу.

Бѣдность горцевъ дошла между тѣмъ до крайней степени и число просящихъ хлѣба удесятирилось; даже женщины, „марушки“, какъ называли ихъ солдаты, появлялись за подаіемъ. Не только взрослые, но и двѣнадцатилѣтнія дѣти, имѣя въ виду заработать хлѣбъ, стали таскать бревна. Въ это время солдаты обращались съ горцами очень ласково, хотя не могли удерживаться, чтобы не выкинуть какого-нибудь колѣнца, съ цѣлію посмѣшить товарищей. Такъ, напримѣръ, одинъ солдатъ, услышавъ во фразѣ просителя хлѣба слово „баатырь“ (*), обратился къ товарищамъ съ вопросомъ:

(*). Баатырь, слово татарское, значить богатырь. Просители, желая придать кому-нибудь почетный титулъ, называютъ „богатырями“.

— Видали, братцы, какіе у нихъ богатыри?—Такъ ты богатырь? спросилъ онъ исхудалаго горца.

Вопросъ этотъ, обращенный къ жалкой фигурѣ горца, возбуждиль общій хохотъ. Ободренный смѣхомъ острякъ иодошелъ къ горцу съ словами:

— Такъ твоя богатырь, а моя — солдатъ, урусъ. Давай, кто кого одолѣетъ? и, схвативъ удивленнаго абадзеха въ охапку, повалилъ его на землю. Лицо горца, подднявшагося съ земли среди общаго смѣха, выражало полное недоумѣніе. Не понимая, что онъ былъ невольнымъ представителемъ абадзехскихъ богатырей, горецъ, оправившись, послѣ борьбы, намѣревался уже бѣжать, но былъ остановленъ своимъ бывшимъ соперникомъ и получилъ отъ побѣдителя добрую краюху хлѣба.

Случалось иногда видѣть престранное отношеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ бѣдняковъ къ солдатамъ. Между горцами встрѣчались такіе, которые приносили дрова постоянно одной и той же части войскъ и, не торгуясь, складывали ихъ около костра, а сами садились безъ церемоніи около солдатъ, справедливо считая, что услугой они купили себѣ право сидѣть съ ними у огня. Солдатамъ такіе горцы особенно нравились: они съ ними охотно сходились, весело встрѣчали ихъ, когда они появлялись съ обычной ношею, давали имъ хлѣба, водки и борща съ саломъ. Горцы, мало по малу, какъ бы прикомандировывались на довольствіе къ той части, куда носили дрова, и солдаты называли ихъ обыкновенно „прикомандированными землячками“. Недешево, впрочемъ, обходилось горцамъ такое сближеніе съ нашими солдатами: прочіе абадзехи смѣялись надъ ними и не принимали ихъ къ себѣ, преимущественно за нарушеніе адата: не ѣсть сала. Одинъ изъ такихъ горцевъ, придя разъ на позицію и не заставъ тамъ, выступившаго наканунѣ въ походъ, отряда, подстергъ колонну, прибывшую за провіантомъ, и пошелъ было съ нею, но былъ остановленъ другими абадзехами.

Однажды, какой-то несчастный горецъ, съ потухшими глазами, полунагой, и съ совершенно красной и изуродованной морозомъ грудью, едва ступая дрожащими ногами, подошелъ къ костру. Всѣ солдаты были поражены его наружностію.

— Тоже воинъ, подумаешь, сказалъ кто-то, осматривая горца. — Ёсть нечего, а ружье, небось, бережетъ.

Вскорѣ затѣмъ, говорившій принесъ свой старый полушубокъ и, подойдя къ бѣдняку, началъ безцеремонно стаскивать съ

него послѣднія отрепья. Горецъ хотѣлъ было оказать сопротивленіе, но по слабости силъ не могъ; когда же на него надѣли полушубокъ, онъ апатично посмотрѣлъ кругомъ и, подобравъ свои прежнія тряпки, накиннулъ ихъ сверхъ полушубка. Какъ груба оболочка и какъ благородно содержаніе этого поступка! Не жестокъ русскій солдатъ, хотя иногда странно выражаются его благородныя чувства!

Зима приближалась къ концу. Хорошая погода стала чаще утѣшать насъ и дальше выстаивать; снѣгъ, между тѣмъ, началъ замѣтно опадать.

5-го февраля въ Пшишскую станицу пріѣхалъ командующій войсками Кубанской области, куда, для встрѣчи графа, еще 31-го января, были отправлены апшеронскій и ширванскій стрѣлковые баталіоны, при взводѣ горныхъ орудій 20-й артиллерійской бригады.

Перемиріе съ абадзехами, по ихъ просьбѣ, было отложено еще на семь дней, а 8-го числа, по приказанію графа Евдокимова, какъ войска, стоящая на Воцепси, такъ и бывшія въ это время въ Пшишской станицѣ, двинулись за Пшишь, уже не для осмотра мѣстъ, а для выселенія бывшихъ хозяевъ и уничтоженія сакель.

Около этого времени всѣ отряды двинулись къ главному хребту, окончательно очищая отъ населенія все пространство по сѣверному его склону.

Дѣйствовавшіе отряды были: главные—*пшехскій* и *даговскій*; лѣвѣе ихъ, у самыхъ снѣжныхъ горъ—*мало-лабинскій* и *хамышейскій*, а правѣе ихъ—*адагумскій* и *джубскій* отряды. Послѣдніе два сначала приближались къ общей линіи дѣйствія, но потомъ оба сошлись въ одно Джубское ущелье и одинъ за другимъ были расформированы.

Ясные дни, установившіеся съ 25-го января, своимъ постоянствомъ какъ будто вознаграждали за прошедшее. Съ непривычки намъ казалось, что солнце въ полдень пекло сильно; но толстый слой снѣга, скрѣпляемый по ночамъ морозами, трудно поддавался теплымъ лучамъ, хотя мѣстами большія черныя прогалины, выглядывавшія уже изъ-подъ снѣга, сильно пестрили видъ полей.

Войска пшехскаго отряда, выступившія изъ двухъ пунктовъ, переночевавъ на рѣчкѣ Пхагитль и рѣчкѣ Кумби, соединились 10-го числа въ огромномъ аулѣ Калмыко-Хабль, который со-

стоялъ изъ цѣлой цѣпи большихъ и малыхъ ауловъ, тянувшихся вдоль рѣки Марте.

Съ 10-го по 16-е февраля отрядъ нашъ простоялъ въ этомъ мѣстѣ. Каждый вечеръ позиція окаймлялась горящими аулами. Изобиліе фуража вознаграждало лошадей за долгое терпѣніе. Стоянка эта была полезна тѣмъ, что запасы фуража въ Пшехской станицѣ и въ Хадыжахъ уже истощались, и впереди не было скорой надежды на большой сборъ фуража, почему было бы хорошо постоять здѣсь и подольше; но насъ манилъ берегъ моря, который былъ еще важнѣе.

Страна между Пшишемъ и Псекупсомъ представляла слегка всхолмленную мѣстность, перерѣзанную безчисленнымъ множествомъ горныхъ ручьевъ и рѣченоекъ. По качеству своему, грунтъ земли могъ равняться съ черноземомъ. Конечно, не удивительно послѣ этого, что всѣ балки, гдѣ едва только протекали струйки воды, были застроены сплошными линіями ауловъ. Мы въ первый разъ встрѣтили слѣды такого огромнаго населенія. Грустно было горцамъ оставлять эти мѣста. Случалось видѣть, что огонь уже охватывалъ сотни ауловъ, а въ слѣдующихъ едва только начинали выбираться для выселенія или на Лабу, или въ „Стамбуль“. Ни одна пуля не была послана въ защиту чудныхъ мѣстъ: до такой степени горцы были проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости беспрекословнаго переселенія.

Дальнѣйшее движеніе продолжалось, попрежнему, безъ выстрѣла. Какая-то непонятная робость заставляла горцевъ бѣжать отъ нашихъ войскъ безъ попытки на сопротивленіе; не дождавшись обѣщанной помощи и не вѣря въ свои силы, абадзехи даже избѣгали встрѣчи съ нами; оставляя аулы, они исчезали безслѣдно. Нѣсколько дней тому назадъ начавшіеся туманы были такъ сильны, что въ пятидесяти шагахъ фигура человѣческая обращалась въ неопредѣленную тѣнь; густота тумана, скрывая отъ насъ окрестности, спасла много ауловъ отъ истребленія.

17-го февраля отрядъ расположился на ночлегъ недалеко отъ высоты *Котъа*, по южному скату горы, совершенно очищенному отъ снѣга. На другой день солнце привѣтствовало наше наступленіе, однако освѣщенный путь нашъ былъ гораздо труднѣе пройденнаго наканунѣ. Мѣста были красивы, но сильно всхолмлены, что намекало на близость главнаго хребта, и

мы непрерывно ныряли изъ одной балки въ другую. Всякій разъ, какъ только подымались на высоты, передъ нами раз-
вертывались красивыя окрестныя ущелья. Вслѣдъ затѣмъ мы
спускались въ балки, по которымъ двигались среди треска го-
рящихъ сакель и воя оставшихся въ аулахъ вѣрныхъ псовъ.
Въ этотъ день туманъ не застилалъ намъ глазъ, почему и
огромное количество ауловъ было обращено въ пепель.

Начали подыматься на гору Котхъ. Крутизна, глубокой
снѣгъ по сѣверному склону, топкая грязь по южному—утом-
ляли войска; тяжелая и громкая одышка сотни людей, тихо
поднимающихся на крутизну подъ тяжестью ранцевъ и дру-
гихъ боевыхъ принадлежностей, еще болѣе громкой сапъ и фыр-
канье утомленныхъ животныхъ замѣнили всякіе разговоры и
сопровождали движеніе до самой вершины горы. Но окон-
чился тяжелый подъемъ, и все измѣнилось: внизу, подъ горой,
уже раздавался гомерическій хохотъ нѣсколькихъ баталіоновъ,
забавлявшихся поединкомъ артельной собаки съ кошкой, по-
павшейся въ этихъ мѣстахъ. Право, иной, посмотрѣвъ на такую
сцену, не повѣрилъ бы, что это тѣ же самые солдаты, кото-
рые, четверть часа тому назадъ, обливаясь потомъ, едва не
задыхаясь отъ усталости, съ трудомъ переступали съ ноги на
ногу. Впрочемъ, привычка къ переходамъ по горамъ тѣмъ и
выражалась, что вмѣстѣ съ окончаніемъ труда при подъемѣ
кончалось и всякое дурное впечатлѣніе, не оставляя въ лю-
дяхъ, привычныхъ къ горнымъ походамъ, даже большой уста-
лости.

Спустились съ горы; прошли еще немного и стали на по-
зицію при рѣкѣ Хатыпсъ. Отсутствіе фуража, дичь и безлюдье,
неподававшія надежды на возможность добыть его, начавшійся,
знакомый намъ, безконечный дождь со снѣгомъ, глубокая грязь
на позиціи и суровый видъ самой мѣстности стали намъ на-
помянуть пребываніе наше на Гойтхъ, только съ тою разли-
цею, что теперь оставалось у насъ одно утѣшеніе — ожиданіе
теплаго времени. Да не вѣчно же быть и хорошей погодъ: от-
дохнули мѣсяць — ну, и довольно. На этой позиціи мы про-
стояли четыре дня. Посланная оттуда колонна въ Хаджи воз-
вратилась 21-го февраля, измученная переходами черезъ раз-
лившіяся рѣченки, и привезла намъ запасы по 4-е марта.

22-го февраля, спустившись въ ущелье Хатыпсъ, отрядъ
тронулся внизъ по этой рѣкѣ, непрерывно переходя броды.

Какъ извилисты горныя рѣченки въ своихъ узкихъ долинахъ,
можно судить по тому, что въ этотъ переходъ, не болѣе двѣ-
надцати верстъ, мы перешли рѣчку въ бродъ счетомъ трид-
цать-восемь разъ. Версты за двѣ до Псекупса, куда впадаетъ
Хатыпсъ, мы встрѣтили обширную, круглую долину; окру-
жающіе ее скаты были усѣяны аулами. Какъ и въ Калмыко-
Хяблѣ, пришельцы сдѣлались хозяевами и расположились по
ауламъ, навѣки покинутымъ абадзехами.

Какъ видно, въ этихъ мѣстахъ абадзехамъ было уже тѣсно
жить: всѣ площадки между кустами на горахъ и вся нижняя
плоскость были освобождены отъ всѣхъ построекъ и хорошо
обдѣланы для посѣвовъ. Скучность покосныхъ мѣстъ застав-
ляла ихъ кормить свой скотъ въ зимнее время сухимъ дубня-
комъ и соломою, что подтверждали и заготовленные въ лѣ-
сахъ цѣлые стоги дубовыхъ сучьевъ и отсутствіе сѣнныхъ за-
пасовъ. На этой позиціи мы простояли опять четыре дня, ры-
ская небольшими отрядами по всѣмъ сосѣднимъ ущельямъ.

Множество ауловъ по Псекупсу соблазняли нашихъ фу-
ражировъ; пожива разными вещицами и надежда на хорошей
фуражъ завлекали ихъ далеко. Небольшими партіями разъ-
ѣзжали „фараоновы воины“ по разнымъ ауламъ и вездѣ
встрѣчали полное безлюдье; изрѣдка поживлялись они не од-
ною мелочью, но иногда находили заблудившуюся скотину.
Покрайней мѣрѣ, не проходило дня, чтобы изъ фуражировки
возвращались безъ добычи: у однихъ видѣлись на выюгахъ
соломы привѣшенные котелки, у другихъ—козы съ зерномъ (*);
у инаго можно было иногда замѣтить выглядывавшую между
вязанками сѣна мордочку маленькаго теленка; нерѣдко встрѣ-
чались фуражиры со свѣжимъ мясомъ въ рукахъ — остатками
быка, порѣшеннаго въ спѣшномъ дѣлѣ. Каждый подобный
транспортъ окружала толпа любопытныхъ, наперерывъ острив-
шихъ надъ разными вещицами.

„Эхъ народецъ, прости Господи, эти татары! слышалось
повременамъ. — Понадѣлаютъ себѣ разныхъ вещицъ, позаведутъ
скотины, а какъ уходятъ—бросаютъ, а за ними знай-ходи и
подбирай, да и вози еще на выюгахъ.“

(*) Холщевые мѣшки у горцевъ не въ употребленіи, а ихъ замѣняли для той
же цѣли козьи шкуры, цѣликомъ снятыя съ животныхъ, съ туго-перевязанными,
короткообрубанными лапками. Шейка служила отверстіемъ, черезъ которое вы-
пало и высыпало зерно.

Четыре дня, проведенных нами на позиции Хатыпс-Хабль, шел теплый, но сильный дождь; снѣгъ съ горъ исчезалъ такъ быстро, что къ 24-му числу южные скаты ихъ уже совершенно очистились. Если зимою природа была какъ противъ насъ, такъ и противъ горцевъ, то теперь она была положительно за послѣднихъ: перегораживая дождями намъ путь, она много замедляла движеніе войскъ. Адагумскій отрядъ не могъ даже продолжать наступленіе; да и нашему приходилось по временамъ тяжело. 25-го февраля было назначено выступленіе. Но потоки дождевыхъ водъ и отъ быстро-таящаго снѣга наполняли всѣ углубленія въ долинѣ. Рѣка же Хатыпс, которая лѣтомъ напоминаетъ о своемъ существованіи почти сухою промоиной, выступила изъ береговъ и смыла построенный саперами мостъ. А потому мы принуждены были остаться на прежней позиціи, въ ожиданіи окончанія постройки новаго моста. 26-го февраля мы выступили, оставивъ за собою слѣдъ уничтоженіемъ ауловъ. Солнце пекло въ этотъ день полѣтнему; за то необсохшая еще дорога была хорошимъ пробнымъ камнемъ какъ для людей, такъ и для лошадей. Послѣдніе еще съ 16-го числа питались большею частію гнилою, копченою соломой съ крышъ. Почти весь переходъ шли мы по косогорамъ скользкимъ отъ грязи; спуски и подъемы тянулись иногда по нѣскольку верстъ. Какъ странно показалось бы непривычному глазу движеніе, въ непріятельской землѣ, колонны, вытянутой въ одного человѣка. Щетинистой змѣей, охватывая три и четыре сосѣднія горы и изгибаясь по формѣ ихъ скатовъ, колонна блистала своими иглами то на темномъ фонѣ южныхъ скатовъ, то на серебристомъ фонѣ сѣверныхъ. Такъ подымаясь все выше и выше, мы дошли наконецъ до вершины хребта *Шенепси*, паралельнаго Котхъ. Холодный вѣтеръ далъ почувствовать высоту, на которой мы находились. Ширина гребня этой горы не превосходила двадцати шаговъ; видъ съ него на южную сторону былъ дикъ и незанимателенъ: горы, почти такой же высоты, поросшія невысокимъ лѣсомъ и дубнякомъ, заслоняли низменные мѣста. Предстоявшій спускъ былъ затруднительнѣе подъема и шелъ по узкой, крутой, каменной промоинѣ. Здѣсь, вѣроятно, соблазнившись хорошою мишенью, образовавшеюся изъ массы войскъ при спускѣ, какихъ-то два или три байгуша начали стрѣлять въ насъ съ сосѣдней высоты. Какъ ни плохо стрѣляли они,

однако ранили одного солдата, что заставило поднять наверхъ роту стрѣлковъ, съ цѣлію прогнать съ вершины всѣхъ, сколько бы ихъ тамъ ни было. Пройденный необыкновенно крутой спускъ былъ послѣднимъ препятствіемъ въ этотъ день. Выйдя изъ тѣснины въ долину рѣки Шенепси, которая впадаетъ въ Псекупс, отрядъ раскинулъ палатки. Хвостъ нашей колонны прибылъ на позицію шестью часами позже головы. Жители ауловъ долины не ожидали нашего появленія и только что начали собираться въ путь.

Невеликъ и нетяжелъ былъ переходъ слѣдующаго дня. Хотя тоже приходилось нырять изъ кручи въ кручу и подыматься съ одной вершины на другую, но дорога была суше и покатости горъ отложе. По дорогѣ мы обогнали семейства, вышедшія изъ ауловъ шенепсинскаго ущелья и направлявшихся къ берегу моря; они были расположены бивуакомъ. Между горцами встрѣчались красивые мужчины и прехорошенькія дѣвушки, которыя, какъ видно, не слишкомъ убивались своимъ положеніемъ: въ улыбкахъ ихъ проглядывала веселость безъ отѣнка грусти. Да и чего было имъ грустить? Привычка съ малыхъ лѣтъ къ мысли, что онѣ могутъ быть всегда проданными въ Турцію, заставляла ихъ чаще думать о „Стамбулѣ“, чѣмъ о родинѣ.

Подойдя къ рѣкѣ Вотепси, мы расположились на позиціи, заставивъ партію переселенцевъ, отдохавшихъ на этомъ мѣстѣ, подняться въ походъ. Мѣсто нашего расположенія находилось на высотѣ Тукскаго поста и отстояло отъ него не далѣе десяти верстъ. Конечно, этимъ воспользовались и послали туда колонну за провіантомъ и овсомъ. Колонна 29-го февраля вернулась, а 1-го марта отрядъ двинулся къ главному перевалу.

Первое, что встрѣтилось намъ на пути—это цѣлый лагерь балагановъ изъ хвороста, гдѣ недавно ночевали переселенцы. Путь ихъ отгадать было легко какъ по этимъ признакамъ, такъ и по трупамъ лошадей, встрѣчавшимся по дорогѣ чуть не черезъ каждые пятьдесятъ шаговъ. Чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ болѣе признаковъ свидѣтельствовали, что цѣлая армія переселенцевъ отъ насъ недалеко; наконецъ начали встрѣчаться и люди, да только въ такомъ видѣ, что лучше бы ихъ никогда и не видѣть: сначала нашли мы недалеко отъ дороги умершаго старика, непогребеннаго горцами; затѣмъ встрѣтили моло-

дую женщину, сидѣвшую передъ бродомъ. По распросамъ оказалось, что мужъ бросилъ ее потому, что у ней болитъ нога и что она не можетъ скоро идти.

— Какъ же не подумалъ твой мужъ о томъ, что съ тобою будетъ, если ты останешься одна? спросили ее черезъ переводчика.

— Онъ взялъ съ собою сына, а мнѣ сказалъ, что кто-нибудь возьметъ меня и уведетъ на Кубань.

— Куда же отправился твой мужъ?

— Въ Стамбуль.

Эти простые отвѣты безъ жалобъ, выражавшіе полное убѣжденіе, что съ нею не случилось ничего особеннаго и что это была только воля мужа, которому она должна покоряться съ молчаливостію рабыни, расположили къ ней всѣхъ окружающихъ. Многіе давали ей деньги, а одинъ изъ женатыхъ баталіонныхъ командировъ взялъ ее подъ свое покровительство.

Нельзя не упомянуть о жестокомъ эгоизмѣ горцевъ и о крайне-грубомъ взглядѣ ихъ на женщину. Въ ночь съ 30-го ноября на 1-е декабря, описанную въ предыдущей главѣ, когда подъ ужасною погодой плѣнные горцы коченѣли безъ помощи, потому что кромѣ костровъ ничего нельзя было имъ предложить, и когда, благодаря запасливости деньщика, офицеры, согрѣвшись чаемъ, начали пить горскихъ дѣтей, тогда мужчины, въ особенности старики, показали, съ какимъ нечеловѣческимъ эгоизмомъ обращаются они со слабѣйшими. Они безсовѣстно отнимали чай у дѣтей и женщинъ и выпивали его сами, такъ что офицеры были принуждены пить эти слабыя существа изъ своихъ рукъ. При переселеніи горцы бросали ослабѣвшихъ женщинъ, если нельзя было рассчитывать получить за нихъ хорошую выручку при продажѣ; молодыхъ же и красивенькихъ дѣвушекъ и женщинъ они возили даже больныхъ. Старость женщинъ не имѣла значенія при такихъ расчетахъ. Немного далѣе мы встрѣтили едва живую старуху, брошенную въ одномъ изъ балагановъ безъ всякой помощи.

Путь нашъ шелъ сначала по широкому ущелью, которое потомъ постепенно суживалось. Наконецъ надо было оставить берегъ рѣчки и подняться на небольшую площадку, гдѣ, сдѣлавъ привалъ, мы начали взбираться на вершину главнаго хребта, который здѣсь еще не очень высокъ. Подъемы были весьма круты, и дорога по покатости, высушенной солн-

цемъ, тянулась не болѣе четырехъ верстъ. Тяжелъ, но не изнурителенъ былъ нашъ путь. По дорогѣ мы попрежнему встрѣчали большіе лагеря балагановъ. Палыхъ лошадей было такъ много, что мѣстами приходилось обходить дорогу. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ остановокъ и отдыховъ, войска послѣдовательно начали всходить на вершину хребта и, не останавливаясь на ней, продолжали спускаться по широкой промоинѣ, служившей однимъ изъ верховій рѣки Туапсе. Черезъ нѣсколько времени передъ нами открылось извилистое ущелье этой рѣки, окаймленное каменными обрывистыми горами, характеризующими свойства южныхъ отроговъ. Видъ этотъ былъ оживленъ такою оригинальною и веселою обстановкой, какой мы не встрѣчали еще до сихъ поръ: оба ската ущелья были покрыты группами отдыхающихъ и идущихъ переселенцевъ. Пестрота женскихъ костюмовъ, мелькавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, движущіяся фигуры конныхъ и пѣшихъ мужчинъ, небольшія стада, пасущіяся въ разныхъ мѣстахъ, до того оживляли картину, что даже восхищали солдатъ, бродившихъ до сихъ поръ по дикимъ и безлюднымъ мѣстамъ.

Пройдя по спуску версты двѣ, голова колонны остановилась, и растянувшійся отрядъ началъ стягиваться. Расположившись на привалъ въ сосѣдствѣ съ отдыхающими переселенцами, наши начали вступать съ ними въ разговоры. Одна изъ такихъ группъ была расположена на косогорѣ и состояла изъ пяти взрослыхъ женщинъ, трехъ мужчинъ и множества дѣтей обою пола. Красивая пестрота костюмовъ издали носила вблизи признаки бѣдности. Шагахъ въ четырехъ ниже группы лежала мужская фигура, покрытая буркою, изъ-подъ которой слышались тихіе и глухіе стоны: высунувшіяся изъ-подъ бурки сухія, босыя ноги по временамъ вздрагивали и вытягивались. Видно было, что несчастный страдалецъ доживалъ послѣднія минуты. Папахъ съ бѣлою чалмой говорила, что это былъ хаджи. Сначала солдаты не замѣчали его, но чрезъ нѣсколько времени онъ былъ окруженъ ими, и, конечно, не обошлось безъ замѣчаній.

— А что, братцы, вѣдь это у нихъ мулла такъ-то пропадаетъ; мычить-то какъ?

— А гляньте-ко, братцы—перебилъ другой—вѣдь вотъ со-всѣмъ значить помираетъ, а ружье-то подъ нимъ.

— Ты, значить, и не слышалъ, что безъ ружья они не по-

мирають. Вотъ выдерни ты ружье изъ-подъ него, будетъ онъ тебѣ хоть пять годовъ такъ-то мычать, а все не помретъ какъ слѣдъ, замѣтилъ какой-то острякъ.

— Стыдно, братцы, шутить надъ умирающимъ, сказалъ имъ одинъ изъ офицеровъ, и солдаты замолчали.

— Да и народъ-то чудной какой-то — началъ опять вполголоса одинъ изъ неугомонныхъ наблюдателей — мы пропадаемъ, какъ взбираемся на гору, а они уже при спускѣ.

— Не все намъ горе — замѣтилъ одинъ изъ толпы — страдась бѣда и на ихъ голову.

Колонна продолжала стягиваться довольно долго. При этомъ каждый пробѣгавшій солдатъ считалъ непремѣннымъ долгомъ отпустить остроту либо насчетъ марушки, либо насчетъ кого-нибудь изъ сидящихъ. Между другими пробѣгалъ одинъ солдатъ, который, увидѣвъ кучу горцевъ, остановился и, вынимая изъ кармана сухари, началъ кидать ихъ дѣтямъ, приговаривая за каждымъ изъ нихъ: „гайда! гайда!...“ и т. д. Дѣти стали ловить сухари, а матери улыбками благодарили его; но солдатъ, не замѣчая ничего, пресерьезно продолжалъ свое занятіе, какъ-будто отправляя службу. Набросавъ такимъ образомъ значительное количество сухарей, онъ хотѣлъ было удалиться; но сидѣвшій тутъ горецъ, жемая, вѣроятно, въ свою очередь отблагодарить его, произнесъ нѣсколько разъ, глядя его по рукаву:

— Якши!... джигить!... якши!...

— Я тебѣ, чортова кукла, дамъ такое якши, что расколется твоя бритая голова, произнесъ неожиданно солдатъ и побѣждалъ дальше.

Какъ трудно разобратъ иногда чувства нашего солдата! Безспорно, онъ сдѣлалъ больше добра, чѣмъ всѣ только ахающіе о бѣдныхъ; но чѣмъ объяснить столь грубую выходку?

Пройдя по ущелью еще верстъ восемь, отрядъ остановился на позиціи при впаденіи Малаго Туапсе въ Большое, почти на одной высотѣ съ укрѣпленіемъ Гойтхъ. Минувя громадная толпа переселенцевъ, направлявшихся къ берегу, мы шли спокойно. Впрочемъ, по фуражирамъ около новой позиціи было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ; но это служило скорѣе исключеніемъ изъ обыкновеннаго порядка вещей.

Впродолженіе 2-го числа мимо нашего лагеря тянулись вереницы переселенцевъ, навьюченныхъ своимъ добромъ. Можно

было встрѣтить и молодую женщину, несущую на спинѣ ношу не менѣ пуда, отъ которой веревка перепоясывала ея грудь, и мать съ младенцемъ на рукахъ и съ цѣлою постелью за спиной; встрѣчались дѣти, не болѣе шести и семилѣтняго возраста, съ головами, покрытыми чугунными котелками, и державшихъ, кромѣ того, въ рукахъ что-нибудь въ родѣ таза. Потерявъ лошадей отъ недостатка корма, цѣлыя семейства горцевъ навьючивались сами и, не будучи въ состояніи перенести весь свой скарбъ въ одинъ разъ, перетаскивали сначала одну его часть версты на двѣ, потомъ возвращались за другою. Особенно тихо подвигались они тамъ, гдѣ широкая и быстрая рѣка Туапсе перерѣзывала ихъ путь.

Въ этотъ же день въ отрядъ былъ полученъ приказъ, вполне соответствовавшій общему желанію: назначалась рекогносцировка внизъ по Туапсе. Рано утромъ выступила колонна, къ которой пристроились всѣ желавшіе повидать море, посмотреть, какъ турецкія кочермы вывозятъ горцевъ, воспользоваться безпошлинною торговлею иностранными товарами, и т. п.

До устья Туапсе было болѣе тридцати верстъ. Солдаты безъ ранцевъ шли очень быстро, непрерывно переходя глубокіе броды. Отъ нашего лагеря все ущелье Туапсе было заставлено таборами направлявшихся къ берегу переселенцевъ, и огромныя вереницы ихъ тянулись не только по долинѣ, но и по всѣмъ горнымъ тропинкамъ.

Не обошлось однако безъ происшествія: на привалѣ казаки привели юношу лѣтъ шестнадцати и увѣрили, что они, по шраму на лѣвой щекѣ и по сходству его съ оставшеюся сестрою, узнаютъ въ немъ одного изъ уведенныхъ горами казачьихъ мальчиковъ. Къ этому казаки прибавляли, что онъ до сихъ поръ хорошо говоритъ по-русски, потому что когда его спросили: „ты русскій или абадзехъ?“ то онъ совершенно ясно отвѣтилъ: „ей-Богу, абадзехъ!“ Но въ разговорѣ съ начальникомъ отряда молодой человекъ притворился, что не знаетъ нашего языка и что никогда не былъ русскимъ. Его отпустили; однако казаки продолжали разными доказательствами подтверждать вѣрность своей догадки, прибавляя, что онъ непременно напуганъ абадзехами, которые окружали его, но что, будучи допрошенъ отдѣльно, можетъ быть, признается. Молодого человека велѣли позвать вторично; казаки поскакали за нимъ и повели его, отгоняя другихъ абадзеховъ. Это вторично

ное и притомъ внезапное приглашеніе сильно встревожило горцевъ. Нельзя было не согласиться, что шестнадцатилѣтній абадзехъ, стоявшій снова въ кругу казаковъ, сильно смахивалъ на русскаго парня: бѣлокурые, пенькообразные волосы, курносый носъ, сѣрые глаза, ухорскія манеры, которыми онъ старался подбодрить себя, невольно подзадоривали заговорить съ нимъ по-русски; но всѣ увѣщанія русской братіи остались тщетными, и паренъ продолжалъ отстаивать свое абадзехское происхожденіе. Для большаго доказательства справедливости его словъ, вѣрно было привести мальчика, котораго онъ называлъ своимъ братомъ, чтобы повѣрить сходство его съ родными. Когда черезъ нѣсколько времени въ кружокъ нашихъ ввели черномазаго мальчишку съ манерами дикаго волченка, отличавшагося поразительнымъ несходствомъ съ молодымъ псевдо-абадзехомъ, то вся толпа разразилась громкимъ хохотомъ. Волченокъ, перепугавшись, не выдержалъ и заревѣлъ во все горло; но тогда подозрѣваемый русскій, спокойно стоявшій до сихъ поръ, при первыхъ звукахъ заплакавшаго мальчика подскочилъ къ нему, крикнулъ что-то и быстро взмахнулъ рукою. Не убери казаки приведеннаго маленькаго дикаря, онъ получилъ бы добрую оплеуху. Плачь у горцевъ считается преступленіемъ. Впрочемъ, и самъ герой, несмотря на постоянно-веселое выраженіе, которое онъ искусственно придавалъ своему лицу, не могъ удержать слезъ, лившихся неспросясь его. Затѣмъ онъ былъ отпущенъ. Насильно милъ не будешь!

Недоходя четырехъ верствъ до берега, отрядъ нашъ встрѣтилъ на позиціи часть даховскаго отряда при двухъ горныхъ орудіяхъ. Во время движенія нашего между Пшишемъ и Псекупсомъ, генераль Гейманъ съ отрядомъ сошелъ наконецъ съ Пшехи, гдѣ простоялъ почти годъ, а 21-го февраля отрядъ этотъ, въ составѣ: тринадцати съ половиною баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ драгунъ, трехъ сотенъ казаковъ, двухъ сотенъ туземной милиціи и шести горныхъ орудій, выступилъ изъ Гойтха, спустился по Чилипси, перешелъ на Туапсе и 23-го числа занялъ Вельяминовское укрѣпленіе, въ четырехъ верстахъ отъ котораго оставилъ небольшую часть войскъ для прикрытія работъ.

Пройдя еще версты двѣ, мы увидѣли, какъ высоты, примыкающія къ берегу, рѣзко очерчивались на гладкомъ синемъ фонѣ, какъ сѣрые клубы дыма вились надъ чернѣвшимъ вдали

пароходомъ, какъ на крайнемъ бугрѣ возвышенности, тянущейся по правой сторонѣ рѣки, то свѣтлыми, то темными полосами вырисовывалась извилистая стѣнка Вельяминовскаго укрѣпленія и какъ у подножія этого бугра, около ряда турецкихъ кочермъ, въ видѣ муравейника, кишело нѣсколько тысячъ народа. Наконецъ мы подошли къ берегу. Взоры, уже утомленные дикими видами, постоянно замкнутыми соседними возвышенностями, теперь жадно впились въ безпредѣльную даль, отдыхая вмѣстѣ съ тѣмъ на мягкомъ колоритѣ спокойнаго моря. Многіе изъ невидавшихъ море прежде, по цѣлымъ часамъ лежа на скалахъ бугровъ, какъ лацпарони, молча любовались этою неравнообразной, но почему то очень привлекательной картиной. При приближеніи къ морю, при видѣ его, много шутокъ, много остротъ было высказано солдатами.

— Вотъ хорошо будетъ идти-то дальше—говорилъ одинъ, притворяясь дурачкомъ—все по ровному, да по ровному.

— Да какъ же ты пойдешь по водѣ-то? спрашивалъ наивно товарищъ.—По ней и черти не пройдутъ.

— Эхъ, братъ, служишь, служишь, а не знаешь того, куда гоняютъ нашего брата. Ну, анадьсь, лѣзли на гору: вѣдь ты жъ говорилъ, что сюда и черти никогда не ходили; а мы взошли. Вотъ и здѣсь говоришь, что никакой чортъ не поидеть по водѣ, а какъ велеть, братъ, пойдешь, безпремѣнно пойдешь.

Въ другихъ кружкахъ шли болѣе серьезные разговоры; тамъ разбирали вопросы: о томъ, почему море подходитъ ажъ къ самому небу, о томъ, есть ли у моря другой край, и земля ли по ту сторону, или нѣтъ, и проч.

Долина Туапсе при ея устьѣ значительно расширяется: рѣка течетъ въ низкихъ болотистыхъ берегахъ и сильно суживается; при впаденіи же въ море не образуетъ никакого расширенія. Возвышенности, отдѣляющія долину Туапсе отъ соседнихъ рѣкъ, доходятъ до самаго моря, круто спускаясь въ него; но высоты ихъ незначительна. Лагерь даховскаго отряда раздѣлялся на два и стоялъ по обѣ стороны рѣки. Отлогій берегъ у подножія Вельяминовскаго укрѣпленія имѣлъ видъ азіатскаго базара: около стоявшихъ на берегу кочермъ столпилось множество горскихъ переселенцевъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ; многія семейства, огородившись низкою стѣнкой, сложенной изъ камня, составляли цѣлый рядъ квадратныхъ и круглыхъ построекъ, въ которыхъ были разведены огни и виднѣлись висѣвшіе надъ нимъ

котелки, а надъ дымомъ куски баранины. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега стояли уже давнишнія постройки въ видѣ сараевъ, стѣны которыхъ были сложены изъ камня, взятаго со стѣнъ укрѣпленія, когда была брошена береговая линія; онѣ тоже были набиты горцами, готовящимися къ отъѣзду въ Турцію. Все узкое пространство между этими сараями и рядомъ кочермъ на берегу было наполнено коннымъ и пѣшимъ народомъ, движущимся взадъ и впередъ. Здѣсь абадзехи продавали свое оружіе и лошадей; тамъ толпы полунагихъ бѣдняковъ выпрашивали себѣ подаваніе, и хотя на этомъ базарѣ не было такого шума, какой встрѣчается на азіятскихъ торговыхъ площадяхъ, но за то все прочее оставалось безъ измѣненія. Расположившись семействами, на землѣ, въ разныхъ мѣстахъ базара, горцы, казалось, считали эти мѣста прочною осѣдlostію и, не стѣсняясь проходящимъ народомъ, занимались своими домашними дѣлами: мыли бѣлье, переодѣвали платья, занимались туалетомъ, шитьемъ, варкой пищи и проч.

Всего любопытнѣе была амбаркація переселенцевъ на три кочермы, готовившіяся къ отходу въ Турцію. Едва только возвращалась къ берегу лодка, сдавшая своихъ пассажировъ на судно, какъ на нее кидались горцы, давно ожидавшіе на берегу счастья попасть въ число отъѣзжающихъ. Конечно, большая часть изъ нихъ оставались только при своихъ ожиданіяхъ. Но были и такіе, которые съ какимъ-то отчаяніемъ бросались въ воду и, несмотря на крики, а иногда и побои, сыпавшіяся на нихъ отъ сидѣвшихъ въ лодкѣ, не выпускали изъ рукъ борта уже отчалившей отъ берега лодки и взбирались-таки на нее, и безъ того переполненную народомъ.

Переселеніе обходилось горцамъ дорого: запрещеніе брать съ собою оружіе и скотъ лишило ихъ значительной части имущества; необходимость заставляла продавать свое имущество за безцѣнокъ. Обыкновенную винтовку можно было, по этому случаю, купить отъ 50 к. до 1 р. 50 к. сер.; шашки и кинжалы продавались иногда дешевле стоимости на нихъ серебра, не считая цѣнности клинковъ и работы. Очень многими было однако замѣчено, что старики, даже въ крайности, не продавали оружія, и подобной торговлей занимались преимущественно молодые люди. Одинъ старикъ, опоздавъ, догнавъ верхомъ уже отчалившую лодку, соскочилъ въ нее, сорвалъ съ лошади уздечку и бросилъ въ море, а лошадь пустилъ на волю; потомъ

выстрѣлилъ изъ винтовки и съ эффектомъ бросилъ ее въ воду; то же сдѣлалъ онъ съ пистолетомъ, за которымъ, въ свою очередь, послѣдовалъ и кинжалъ. Казалось, что, покидая родину, старикъ вырвалъ сердце надъ своимъ оружіемъ, которое въ его рукахъ не остановило сильнаго завоевателя.

Лошадь очень порядочную можно было купить за 15 р. сер.; солдаты же двухгодовалыхъ жеребятъ, конечно, измученныхъ голодомъ и перевозкою, покупали даже по 50 к. сер., за которыхъ, впоследствии брали рублей по 18. Полтора ста штукъ баранты пріобрѣтались многими за 8 р. Нѣкоторые же горцы поступали иначе: прійдя со всѣмъ имуществомъ къ берегу и, узнавъ, что при переселеніи нужно бросать или продавать за безцѣнокъ все свое имущество, они повернули оглобли назадъ отъ такой услуги и на вопросы солдатъ: „знакомъ, куда садись?“ отвѣчали: „Стамбуль яманъ! Кубань якши! Кубань садись!“

Насталъ вечеръ. Косвенные лучи заходящаго солнца ярче позолотили поверхность моря и еще рѣзче отгѣняли черный перепуть вдали стоявшаго нашего военного парохода, который пересталъ разводять пары, потому что графъ Евдокимовъ отложилъ свою поѣздку до другаго дня. Кочермы, набравъ пассажировъ, тихо подвигались къ югу подъ слабо-натянутыми парусами, а прочія оставались у берега. Скоро солнце нырнуло въ море, а взшедшая полная луна обманула наше ожиданіе: вмѣсто того, чтобы въ натурѣ показать намъ тѣ чудные переливы свѣта въ водѣ, какіе встрѣчаются въ ночныхъ видахъ Айвазовскаго, она освѣтила только поднявшійся невысоко надъ моремъ густой, бѣлый туманъ, который, какъ опущенный занавѣсъ, свидѣтельствовалъ, что представленія того дня были кончены. Только гдѣ-то вдали свѣтился слабый огонекъ.

Прошла холодная ночь. Рано утромъ пароходъ сдѣлалъ поворотъ и, распустивъ по небосклону свѣтлый столбъ дыма, повезъ командующаго войсками Кубанской области по направленію къ Новороссійску.

Затѣмъ открылась торжественная церемонія дальнѣйшаго движенія даховскаго отряда изъ долины Туапсе въ долину Псе-зуапе, гдѣ находились остатки форта Лазаревскаго. Раздѣленный на три колонны, отрядъ двинулся тремя отдѣльными дорогами: одною—по берегу моря, другою—по первому ущелью, параллельному берегу моря, третьею—по тому же направленію и по второму ущелью отъ берега; а чтобы и море не было

празднымъ, то на двухъ баркасахъ азовской флотилии размѣстились стрѣлки Севастопольскаго полка, которымъ вѣдно было держаться нѣсколько впереди головы прибрежной колонны. Такъ началось наступленіе въ землю убыховъ. Все утро 4-го марта нашъ отрядъ оставался на берегу.

Здѣсь прибывшіе офицеры могли застать нѣкоторыми предметами для разнообразія своихъ незатѣйливыхъ обѣдовъ, приобретаая все крайне дешево въ сравненіи съ цѣнами въ отрядѣ, хотя товаръ и не отличался хорошою добротою. Но что удивляло насъ болѣе всего, такъ это появленіе въ такое время множества яблоковъ, апельсиновъ, грушъ, картофеля, капусты и проч.

Тысяча различныхъ сценъ занимали насъ: нѣкоторыя чермы начинали собираться къ спуску въ море; между переселенцами вездѣ видны были прощанія, а мѣстами слышенъ былъ плачь. Послѣ утренняго туалета, рѣзче виднѣлась разница между костюмами женщинъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь богатство служило для наблюдателя средствомъ къ опредѣленію разныхъ сословій и кружковъ; достатокъ, дающій досужее время и возможность производить тяжелыя работы руками наемныхъ или крѣпостныхъ, выражался и у нихъ въ болѣе нѣжномъ цвѣтѣ лица, въ менѣе загорѣлыхъ рукахъ и даже въ лучшихъ манерахъ. Тутъ въ первый разъ мы могли рассмотреть большое стеченіе типичныхъ горянокъ, между которыми встрѣчались очень красивыя женщины и дѣвушки.

На грустный ладъ настроены были всѣ ихъ взаимныя отношенія. Нельзя при этомъ не замѣтить, что всякія нѣжныя чувства въ столкновеніяхъ съ женщинами у горцевъ считаются или, вѣрнѣе, считались малодушіемъ, недостойнымъ хорошаго мужчины; но молодые горцы какъ будто разрушали это предубѣжденіе: рѣзко грубое обращеніе оставалось, повидимому, привилегіей стариковъ. Обращеніе же горцевъ съ холопами безразлично-возмутительно.

Раздался сборъ, и мы отправились обратно на свою позицію. Дальнѣйшее движеніе даховскаго и пшехскаго отрядовъ было началомъ финала шестидесяти-трехлѣтней драмы.

Шапсури, живущіе по правой сторонѣ Туапсе, уже изъявили полную покорность; поэтому общій планъ дѣйствій, какъ видно изъ послѣдующихъ предпріятій, состоялъ въ томъ, чтобы даховскій отрядъ, повернувъ къ югу, двигался все время

дальше, по берегу земли убыховъ, переваливаясь изъ ущелья одной рѣки въ другое, постоянно очищая каждое изъ нихъ до ихъ истока, т. е. до главнаго хребта; пшехскій же отрядъ долженъ былъ открыть дѣйствія параллельно движенію даховскаго по верховьямъ рѣкъ, текущихъ по сѣверному склону, открывая сообщенія съ даховскимъ отрядомъ. Потомъ, усиливъ собою всѣ существующіе уже небольшіе отряды по разнымъ ущельямъ, мы должны были открыть по нимъ разработку дорогъ черезъ хребетъ.

Въ скоромъ времени отрядъ нашъ перешелъ въ Хадыжи и, отдохнувъ тамъ дней 17, двинулся въ Тубу. Къ 29-му марта всѣ части его стянулись къ верховьямъ Пшехи и расположились лагеремъ верстахъ въ четырехъ выше Самурской станицы.

30-го марта мы тронулись дальше вверхъ по правому берегу Пшехи, верхнею, дурно-разработанною дорогою; потомъ спустились въ долину и, дойдя до Маратуковскаго поста, должны были взойти по промоинѣ на высоты праваго берега, потому что долина въ этомъ мѣстѣ вдругъ обращается въ узкую трещину.

Болѣе богатая растительность отличала это ущелье отъ ущелій Псекупса и Пшиша. Верстахъ въ четырехъ выше Маратуковскаго поста, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Пшеха протекаетъ въ узкой лощинѣ между двумя высокими горами, есть интересное явленіе въ этой воинственной странѣ: съ вершины хребта праваго берега до вершины лѣваго высится природная каменная стѣнка, состоящая изъ известковыхъ каменныхъ глыбъ, вертикально поднятыхъ изъ земли. Эта сплошная стѣнка, вѣроятно, когда-нибудь перегораживала и русло рѣки; но быстрое теченіе воды въ Пшехѣ очистило себѣ ложе, образовавъ небольшіе пороги. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходилъ отрядъ, стѣнка была разрушена. Горцы, вѣроятно намѣревавшіеся здѣсь защищаться, сдѣлали здѣсь заваль изъ большихъ деревьевъ; но во время нашего движенія заваль былъ уже разбросанъ по скату горы. Отойдя семь верстъ дальше отъ этого урочища, отрядъ остановился на ночлегъ.

На другой день, съ перваго шага, мы начали подыматься на высоту, тянущуюся около четырехъ верстъ; потомъ, пройдя еще нѣсколько подъемовъ и спусковъ, сошли опять къ Пшехѣ, продолжая путь по правому плоскому ея берегу до того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Гогонсъ. На площадкѣ,

въ углу между этими рѣками, забѣдѣлись наши походныя палаточки; на оконечности же высоты, раздѣляющей ущелья двухъ рѣкъ и составляющей какъ бы третью сторону треугольной поляны нашего расположенія, начали строить засѣку, которая извѣстна подъ именемъ *Тубинской*.

Съ лѣвой стороны этой позиціи, среди лѣсистыхъ горныхъ вершинъ, торчала голая, высокая, каменистая скала, далеко виднѣющаяся какъ маякъ, а съ правой стороны тянулись значительныя высоты, отдѣляющія ущелье рѣки Цыце и означенныя, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, замѣчательно-рѣдкимъ подвигомъ пластуновъ, подъ начальствомъ Евтушенки. Чтобы передать этотъ случай, я рѣшаюсь приостановить рассказъ о дѣлахъ отряда. Сухое первоначальное описаніе этого происшествія мало объяснило дѣло.

VIII.

Поиски за барантой.—Евтушенко. — Снятие непріятельскаго поста.—Выступление 15-го февраля команды подъ начальствомъ сотника Дугина.—Утро 16-го числа.—Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ (съ 16-го на 17-е). — Перестрѣлка партии Евтушенки.—Гибель партии Дугина.—Евтушенку казаки выбираютъ за старшаго.—Движеніе къ Цыце. — Непрístupная позиція казаковъ. — Отбитіе штурма 18-го числа.—Доканчиваніе стѣнки въ ночь съ 18-го на 19-е число. — Новая атака въ среду (19-го числа). — Предложеніе сдачи. — Тревога по линіи. — Горцы сѣнавливаютъ поспѣвшую на призывъ пѣхоту.—Положеніе казаковъ въ четвергъ. — Предложеніе Кубанова. — Прибытіе полковника Амилахварова съ войсками. — Движеніе войскъ впередъ 21-го числа. — Казаки спасаются отъ голодной смерти въ ночь съ 21-го на 22-е число. — Предпріятіе въ субботу. — Участь сотника Дугина. — Прибытіе пѣхскаго отряда въ Тубу. — Рекогносцировка 1-го и 2-го апрѣля.—Занятія отряда по 10-е число. — Двойной переходъ черезъ переваль.—Распредѣленіе войскъ пѣхскаго отряда по другимъ.

Многіе говорятъ, что оскудѣлъ Кавказъ молодецкими подвигами и что такихъ молодцовъ, какіе были прежде, стало гораздо меньше. По наружнымъ явленіямъ это замѣчаніе справедливо, но относительно духа кавказцевъ оно крайне неосновательно. Характеръ послѣднихъ военныхъ дѣйствій, заключившійся въ наведеніи ужаса на непріятеля появленіемъ значительныхъ массъ войскъ, въ охватываніи сразу всѣхъ ущелій, непозволявшемъ противнику сосредоточить ударъ на одну изъ частей арміи, имѣлъ слѣдствіемъ, что въ послѣднія времена уже не встрѣчалось кровопролитныхъ дѣлъ и всѣ движенія наши были болѣе похожи на маневрированіе для отгѣсненія слабѣйшаго противника, чѣмъ на подготовительныя дѣйствія для боя.

Въ послѣднее время подобные эпизоды, какъ сухарная экспедиція и разнаго рода критическія положенія нашихъ войскъ, стали дѣломъ невозможнымъ, а потому и случаи, требо-

вавшие вызова охотниковъ на смѣлый подвигъ, сопряженный съ вѣрною опасностію, встрѣчались уже весьма рѣдко. Но если встрѣчались подобные случаи, то кавказцы обнаруживали тотъ же геройскій духъ, которымъ отличались всегда: доказательствомъ можетъ служить происшествіе, случившееся въ февралѣ мѣсяцѣ 1864 года.

Въ началѣ этого мѣсяца, перебѣжчиками съ горъ дано было знать, что недалеко отъ Самурской станицы зимуетъ около двухсотъ штукъ баранты. Не довѣряя вполнѣ слухамъ, вѣрно было, для повѣрки ихъ, послать предварительно пластуновъ, въ числѣ 20 человекъ, подъ командою казака Евтушенки, которые и выступили въ ночь на 8-е число (*).

Николай Матвѣевичъ Евтушенко, теперь урядникъ Самурской станицы, еще не будучи казакомъ, жилъ при одномъ изъ своихъ родственниковъ въ Черноморіи, ходилъ съ нимъ постоянно на охоту въ плавни, гдѣ и приобрѣлъ пластунскія способности и навыкъ къ мѣткой стрѣльбѣ. Когда его родители, жившіе въ Малороссіи, прибыли переселенцами въ Самурскую станицу, тогда молодой Евтушенко оставилъ Черноморію и поселился здѣсь съ своею семьею. Изъявивъ желаніе быть пластуномъ, онъ самымъ усерднымъ образомъ шнырялъ по горамъ, подцѣпляя, повременамъ, оплошныхъ горцевъ и знакомясь съ мѣстностію. Посланный теперь, онъ получилъ приказаніе снимать непріятельскіе пикеты, забирать плѣнныхъ и дѣлать все, что только возможно, избѣгая потерь съ нашей стороны.

Пластуны, шныряя по горамъ, послѣ нѣкотораго времени замѣтили вдаль огонекъ и начали къ нему подкрадываться: то былъ непріятельскій пикетъ. Подползли къ нему ближе и увидѣли три человѣчскія фигуры, освѣщенные костромъ. Выстрѣломъ Евтушенко свалилъ одного изъ нихъ; раздался другой, и

*) Вновь прибывшіе переселенцы на передовую линію состояли большею частию изъ людей бѣдныхъ, немѣвшихъ даже сноснаго хозяйства и жертвовавшихъ послѣдніи копейки на постройку домовъ. Все богатство ихъ состояло изъ нѣсколькихъ быковъ, которые были приведены издалека. Горцы нерѣдко похищали у станичниковъ не только скотъ, но захватывали и неосторожныхъ жителей. Поэтому набѣгъ, съ цѣлію отхватить у противника скотъ, могъ принести много выгодъ: во-первыхъ, набѣгъ могъ обогатить хозяевъ, потому что трофеи подобнаго рода дѣлились всегда между жителями тѣхъ станицъ, которыя принимали участіе въ экспедиціи; во-вторыхъ, заставить противника, опасаясь нашихъ нападений, держаться болѣе въ своихъ предѣлахъ, не дѣлая на насъ набѣговъ; въ-третьихъ, нѣкоторымъ образомъ это была расплата за тѣ похищенія горцевъ, отъ которыхъ нерѣдко терпѣли жители передовыхъ станицъ.

на ногахъ остался только одинъ изъ трехъ. Попавшіе въ плѣнъ горцы, одинъ живьемъ, другой раненымъ, были братья, которыхъ привели въ Самурскую станицу. Показанія братьевъ, взятыхъ въ плѣнъ, подтвердили, что баранта дѣйствительно находилась недалеко, и даже нераненый горецъ предлагалъ свои услуги быть провожатымъ. По этимъ вторичнымъ свѣдѣніямъ былъ собранъ маленькій отрядъ изъ 30 конныхъ и 120 человекъ пѣшихъ казаковъ, въ числѣ которыхъ было 20 пластуновъ съ Евтушенкой. Сотникъ Дугинъ, назначенный начальникомъ отряда, выждавъ, 15-го февраля, закатъ солнца, направился вверхъ по ущелью рѣки Цыце. Плѣнный горецъ находился при сотникѣ переводчикомъ и проводникомъ.

Безостановочно шла команда вверхъ по рѣкѣ. Около полуночи Евтушенко объявилъ Дугину, что конница далѣе идти не можетъ и что недалеко отъ этого мѣста есть фуражъ. Имѣя въ виду вернуться на другой день, сотникъ приказалъ пѣхотѣ сложить здѣсь всѣ лишнія вещи, которыя могли стѣснять ихъ во время дальнѣйшаго движенія, и оставилъ при нихъ кавалерію, съ приказаніемъ ожидать возвращенія колонны. Предполагая проходить не болѣе сутокъ, казаки не взяли съ собою сухарей. Послѣ этой кратковременной остановки, пѣхота двинулась далѣе. Къ разсвѣту она была уже среди значительныхъ горъ, а баранты все не было видно. Вѣроятно, горцы, замѣтивъ, что русскіе начинаютъ чаще появляться въ ихъ предѣлахъ, для безопасности перевели стадо въ другое мѣсто. Сотникъ Дугинъ, не отказываясь однако отъ мысли скоро найти загонъ и отбить его, распорядился на привалѣ такъ: 10 человекъ посладалъ обратно съ приказаніемъ, чтобы кавалерія, забравъ всѣ сложенные тамъ вещи, отправилась въ Самурскую, самъ же, съ остальными казаками, тронулся далѣе по высотамъ, отдѣлявшимъ Цыце отъ Пшехи, приближаясь постепенно къ этой послѣдней. Взойдя на какую-то гору, сотникъ Дугинъ продолжалъ путь по дорогѣ, ведущей вдоль широкаго, довольно ровнаго хребта. Послѣ полудня отрядъ началъ спускаться съ высоты, и здѣсь, въ первый разъ, былъ замѣченъ на полугорѣ аулъ и нѣсколько штукъ пасущагося рогатаго скота. Отряженные пластуны обошли аулъ и такъ быстро кинулись на сакли, что перепуганные горцы побѣжали во всѣ стороны, а одинъ изъ нихъ, впопыхахъ, набѣжалъ даже на команду, стоявшую съ Дугинимъ, и попался въ плѣнъ. Затѣмъ, захвативъ скотину,

пластуны соединились съ прочими казаками. Пока команда Евтушенки возилась у аула, сотникъ Дугинъ отдѣлилъ человекъ двадцать для отысканія баранты; съ остальными же спустился на низкую горную площадку, недалеко отъ Пшехи, гдѣ и остановился для ночлега въ одномъ изъ разоренныхъ ауловъ. Поручивъ Евтушенгѣ разставить пикеты, сотникъ приказалъ разложить значительное число большихъ костровъ и играть зорю.

Если бы онъ предполагалъ оставаться на мѣстѣ и ожидать подкрѣпленія, то, маскируя этимъ способомъ свои силы, могъ бы держать противника въ неизвѣстности и нерѣшительности относительно наступательныхъ дѣйствій; но, находясь съ горстїю людей среди непріятеля, передъ которымъ приходилось на другой день обнаружить слабость своего отряда, возбуждать умышленно вниманіе горцевъ и преждевременно давать имъ свѣдѣніе о мѣстѣ ночлега казаковъ было большою неосторожностію. Перепуганные тубинцы начали собираться партїями для противодействія русскимъ, такъ внезапно появившимся среди ихъ поселеній. Между тѣмъ, отрядъ, поѣвши въ послѣдній разъ вареной говядины съ остатками хлѣба, заснулъ довольно покойно.

На другой день горцы показали, что труба, игравшая въ отрядѣ зорю, сыграла въ то же время тревогу для всей Тубы. Часа за два до разсвѣта, ловко подкрѣпившіеся горцы дали залпъ по лагерю. По этой повѣсткѣ партія нашихъ молодцовъ быстро поднялась на ноги. Едва начало разсвѣтать, какъ Евтушенко, съ 20 пластунами, уже оставилъ позицію, будучи отряженъ, для отысканія слѣдовъ безъ вѣсти пропавшихъ 20 казаковъ, отправленныхъ еще наканунѣ. (*) Затѣмъ, вскорѣ, была отдѣлена еще партія, человекъ въ 35, для конвоирования отбитой скотины, и послѣ всѣхъ выступилъ уже сотникъ Дугинъ съ остальными 35 казаками.

Безъ шума и быстро шли пластуны по хребтамъ горъ, тянувшихся по правому берегу Пшехи; но крутые подъемы немного замедляли ихъ движеніе, почему партія, гнавшая скотину по лѣвому скату высотъ, шла почти наравнѣ съ партїей пластуновъ. Такъ казаки продолжали движеніе, не зная ничего о сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Вдругъ пластунамъ послышались выстрѣлы съ лѣвой стороны. Не думая ни минуты, Евтушенко съ своими хлопцами кинулся въ ту сторону; отбѣ-

(*) Казаки эти, не понятно, какимъ образомъ, въ своихъ поискахъ попали къ утру понедѣльника въ Самурскую станицу.

жавъ съ полверсты по скату горы, онъ встрѣтилъ отбитую вчера скотину, оставшуюся безъ прикрытія. Дѣло объяснилось, почему партія Евтушенки продолжала спѣшить на помощь къ тому мѣсту, гдѣ раздавались выстрѣлы. Наконецъ передъ ними открылась поляна, окоймленная съ двухъ сторонъ густыми перелѣсками, изъ которыхъ непрерывно выскакивали струйки дыма. Не зная, какая изъ этихъ опушекъ занята нашими, Евтушенко, съ нѣсколькими передовыми пластунами, подбѣжалъ къ флангу перестрѣливающихся, противъ середины поляны. Горцы, замѣтивъ недоумѣніе подбѣжавшихъ казаковъ, тотчасъ выбѣжали изъ кустовъ и кинулись на передовыхъ. Казаки, узнавъ по этому непріятельскую сторону, подались было къ своей; но Евтушенко далъ выстрѣлъ по выбѣжавшимъ противъ него четыремъ горцамъ и, кликнувъ къ себѣ пластуновъ, бросился съ ними на флангъ противника. Увлеченные примѣромъ пластуновъ, прочіе казаки, до того перестрѣливавшіеся, также атаковали горцевъ съ фронта и, вытѣснивъ ихъ изъ перелѣска, погнали по полугорью вдоль теченія Пшехи. Но черезъ нѣсколько времени казаки нарвались на засаду. Выбивъ горцевъ изъ засады, разгоряченные преслѣдованіемъ, казаки опять погнали ихъ дальше, но, замѣтивъ приближающуюся помощь къ горцамъ, безпрепятственно отступили на высоту.

Едва Евтушенко взошелъ на гору, какъ сильный залпъ, раздавшійся впереди, снова позвалъ его партію на помощь. Утомленные казаки, едва не бѣгомъ, бросились на призывъ; вскорѣ однако выстрѣлы смолкли, а затѣмъ пластуны издали увидѣли грустную картину: нѣсколько горцевъ обирали какого-то раненаго казака, а въ сторонѣ лежалъ другой. Чтобы обратить вниманіе хищниковъ на приближающихся казаковъ, Евтушенко выстрѣлилъ. Горцы, замѣтивъ ихъ, дѣйствительно, разбѣжались, оставивъ на полѣ израненныхъ шапками хорунжаго Садлуцкаго и казака.

Вотъ что случилось въ продолженіе того времени, пока Евтушенко гналъ горцевъ съ горы. Сотникъ Дугинъ, проходя со своею партїей, забралъ брошенную скотину и двинулся дальше, не придавая большаго значенія завязавшейся перестрѣлкѣ; пройди по хребту версты четыре впередъ, онъ остановился какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы выждать присоединеніе къ нему остальныхъ казаковъ. Позиція, занятая этою партїею, была ограничена съ правой стороны ровнымъ

и почти безлѣснымъ скатомъ, а съ лѣвой скатомъ, заваленнымъ горами валежника.

Горцы, пристально слѣдившіе снизу за маленькою партіею Дугина, замѣтили мѣсто расположенія ея на привалѣ и рѣшились воспользоваться этимъ временемъ, чтобы попытаться сдѣлать нападеніе. Толпа, болѣе семидесяти человекъ, тихо подкралась къ подошвѣ горы, маскируясь густымъ кустарникомъ, и еще тише начала подползать къ позиціи, скрываясь за валежникомъ. Наконецъ ползти дальше было опасно: до позиціи оставалось не болѣе пятидесяти шаговъ. Горцы приостановились на минуту, сомкнулись въ болѣе плотную массу и затѣмъ, съ гикомъ и съ шашками въ зубахъ, выскочили изъ засады, дали залпъ и кинулись въ рукопашную на отдохавшихъ казаковъ. Полилась кровь казачья. Минуть черезъ десять партія Дугина не существовало: часть была изрублена въ неравномъ бою, другая захвачена въ плѣнъ; спаслись только пикетные по правой сторонѣ горы, да горецъ, взятый изъ Самурской, которые и вернулись въ станицу. Про горца же, взятаго въ плѣнъ и который обѣщался показать, гдѣ находится баранта, говорятъ, что онъ былъ убитъ во время схватки самимъ Дугинымъ, будучи заподозрѣнъ въ умышленномъ наведеніи отряда на собравшіяся кругомъ партіи. Про Дугина рассказывали, что онъ, увидѣвъ невозможность предпринять что-либо для отпора, кинулся въ разрѣзъ непріятельской партіи къ тому мѣсту, гдѣ слышалъ прежде перестрѣлку казаковъ, но побѣжалъ не по верху горы, по которой пластуны спѣшили къ нему на выручку, а по полугорью. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ еще невредимымъ разминулъ съ казаками. На это-то роковое мѣсто прибыли теперь пластуны, отбивъ раненаго Садлуцкаго, о чемъ упомянуто выше. Хорунжій уже не могъ принять начальство надъ отрядомъ, потому что безпрестанно лишился чувствъ отъ множества ранъ, нанесенныхъ шашками.

Послѣ потери офицеровъ, общее желаніе выйти изъ опасности заставило казаковъ не спорить о правахъ, а рѣшиться вручить судьбу свою тому, кто былъ, по ихъ мнѣнію, болѣе способенъ въ критическую минуту выручить ихъ изъ бѣды; поэтому, не смотря на то, что въ оставшейся командѣ были урядники, выборъ палъ на молодого казака Евтушенку, отлич-

но знакомаго съ мѣстностію и уже испытаннаго въ бояхъ съ горцами.

Оставшись за начальника, Евтушенко рѣшился избѣгнуть выбранный Дугинымъ путь отступленія, потому что съ высоты ясно были видны движенія нѣсколькихъ партій, готовыхъ перегородить имъ путь. Вслѣдствіе этого, подобравъ раненыхъ, онъ повернулъ къ рѣкѣ Цыце по тропинкѣ, держась на высокую гору, чрезъ которую слѣдовало перевалить, чтобы попасть въ ущелье рѣки.

Было уже поздно, когда слишкомъ пятьдесятъ молодцовъ тронулись въ путь. Пройдя версты четыре, они начали спускаться къ подошвѣ издалека выбранной горы; но, идя все время лѣсомъ, начали замѣчать, что по бокамъ ихъ и сзади стали мелькать въ прогалинахъ лѣса большія толпы горцевъ. Казаки прибавили шагъ, торопясь скорѣе занять тропинку, ведущую черезъ гору; однако исполнить это было трудно: изнуренные непрерывнымъ движеніемъ и перестрѣлками, они уступали свѣжей силѣ вновь прибывшихъ горцевъ. Окружавшій ихъ непріятель продолжалъ сопутствовать. Дойдя до подошвы горы, Евтушенко отдѣлилъ трехъ казаковъ и приказалъ имъ, какъ можно поспѣшнѣе, взбѣгать по тропинкѣ на гору и по ней дойти до Самурской станицы, чтобы дать знать о плохомъ положеніи пластуновъ. Назначенные казаки бѣгомъ обогнали товарищей, но, не доходя до того мѣста, гдѣ тропинка подымалась на гору, встрѣчены были залпомъ изъ только-что устроеннаго горцами завала. Пластунъ Чесноковъ упалъ на мѣстѣ между камнями (*), а раненый и другой невредимый вернулись къ партіи. Числѣный еловый лѣсъ позволялъ видѣть, какъ горцы начинали приближаться къ окруженнымъ съ четырехъ сторонъ казакамъ. Закипѣла перестрѣлка. Казаки почти не отвѣчали и не останавливаясь шли впередъ; но менѣе усталые горцы нагоняли ихъ быстро. Уже раненый хорунжій былъ захваченъ горцами вмѣстѣ съ носильщиками, и уже горцы начали путаться съ хвостомъ партіи казаковъ, уже четыре горца готовы были схватить Евтушенку, за которымъ они слѣдили съ самаго утра (**), но въ это время

(*) Чесноковъ былъ невредимъ, а выкинулъ эту пластунскую штуку, чтобы пробраться въ Самурскую.

(**) Тубинскій старшина Амчуковъ, находившійся впоследствии въ нашемъ отрядѣ во время дѣйствій его въ Халучахъ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей

Евтушенко обернулся, свалилъ выстрѣломъ одного изъ четырехъ и приказалъ казакамъ остановиться. Молодцы, въ эту критическую минуту, послушались приказанія: стали, сплотнились и частыми выстрѣлами заставили сильнѣйшаго врага отойти на почтительное разстояніе. Остановившись, казаки спасли себя отъ бѣгства, а стало быть и отъ истребленія. Здѣсь появились первые раненые. Живая перестрѣлка шла до вечера; только темнота заставила горцевъ отойти, одѣпивъ предвзрительно казаковъ съ трехъ сторонъ пикетами. Вскорѣ на неприятельскомъ бивуацѣ, вдали, запылали костры.

Евтушенко видѣлъ теперь ясно что предстояло на слѣдующій день. Отступать было некуда: единственная дорога черезъ гору была завалена и обороняема, а ждать на этомъ мѣстѣ утра значило вести цѣлый день бой безъ малѣйшей надежды на спасеніе. Чтобы избавиться отъ столь безвыходнаго положенія, оставалось поискать лучшей позиціи, которая могла бы дать хотя малѣйшую надежду на успешную оборону. Евтушенко, взявъ съ собою нѣсколько казаковъ, отправился къ горѣ искать мѣста, удобнаго для упорной обороны. Счастіе не совсѣмъ еще отвернулось отъ попавшихся въ ловушку казаковъ: послѣ кратковременнаго поиска, была открыта позиція, лучше которой, въ такомъ положеніи, трудно было даже желать. Значительно правѣ той дорожки, по которой пластуны хотѣли было пройти въ станицу, крутой скатъ горы образовалъ уступъ въ видѣ горизонтальной площадки шаговъ въ двѣнадцать ширины и шаговъ около пятидесяти длины; надъ ней, въ видѣ навѣса, была наклонена верхняя часть каменистой горы. Позиція эта, удобная для помѣщенія 50 человекъ, давала всѣ средства для долговременной упорной обороны, потому что ее нужно было брать эскаладай.

Обрадовавшись своей находкѣ, Евтушенко поспѣшилъ сообщить своимъ товарищамъ и предложить имъ перейти туда. Казаки и сами видѣли, что недолго приходилось бы имъ защищаться на позиціи, занятой съ вечера, почему тотчасъ же, безъ малѣйшаго шума, могущаго возбудить вниманіе неприятельскихъ пикетовъ, перенесли на новую позицію раненыхъ и перешли сами. Такъ какъ атака противъ избранной позиціи

противъ казаковъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что горцы хорошо замѣтили Евтушенку еще утромъ, когда онъ ходилъ все время по линіи перестрѣливающихся казаковъ, упрасивая беречь патроны.

возможна была только съ фронта, то, чтобы, поражая атакующаго въ упоръ, самимъ не подвергаться той же участи, Евтушенко предложилъ пластунамъ начать постройку по окраинѣ стѣнки изъ валяющагося камня. Работа началась тотчасъ же и длилась, несмотря на усталость казаковъ, до утра; но стѣнка была возведена не выше двухъ футовъ (нѣсколько менѣе аршина) и могла только прикрыть раненыхъ, не обезпечивая стрѣляющихъ казаковъ, даже тѣхъ, которые становились на колѣни. Поэтому Евтушенко расположилъ пластуновъ для ожидаемой обороны слѣдующимъ образомъ: самъ съ десятью человекъ, выйдя изъ-за стѣнки, занялъ пространство вправо отъ нея, а назначенный имъ пластунъ Ушаковъ, съ семью человекъ, занялъ лѣвую сторону площадки; остальные же остались за стѣнкою.

Едва забрежжилъ свѣтъ, какъ противъ того мѣста, гдѣ вечеромъ находились казаки, начали собираться горцы въ огромномъ количествѣ (*). Вслѣдъ затѣмъ горцы съ рикомъ понеслись въ атаку; но казаковъ тамъ уже не было. Озадаченные горцы притихли навремя. Сжались сердца у храбрыхъ пластуновъ, которые, прислонясь къ скалѣ у задней стороны площадки, приготовились стрѣлять въ упоръ, если противникъ будетъ появляться на площадкѣ. Въ такомъ положеніи они ждали своей участи. Еще разъ гдѣсь огласился дикимъ крикомъ, а у казаковъ, среди гробоваго молчанія, защелкали взводимые курки. Вотъ уже крики раздались подъ горою. Еще минута ожиданія... и десятки выстрѣловъ загрѣмѣли противъ пластуновъ, принесъ въ жертву нѣсколько храбрецовъ. Но и отвѣты храбрецовъ были тоже не плохи: ни одному изъ атаковавшихъ горцевъ не пришлось стать ногою на площадку: нѣсколько смѣнивъ атакующихъ одна за другою слетѣли внизъ; между ними было много раненыхъ и убитыхъ. Раздался еще одинъ залпъ... и Евтушенко повалился, раненый вдоль лопатки...

— Братцы, Евтушенко раненъ! крикнули казаки.

— Ничего, сказалъ Евтушенко, оправившись отъ боли. — Если не могу стрѣлять, то могу еще заряжать ружья (**), и

(*) По словамъ старшины Амчукова, къ утру было въ сборѣ болѣе чѣмъ наханунъ; число горцевъ простиралось до 400 человекъ.

(**) Большинство пластуновъ говорятъ постоянною малороссійски; самъ Евтушенко, говорящій недурно по-русски, часто ввертываетъ родное слово. А такъ какъ я не владю этимъ языкомъ, то предпочелъ передавать слышанное на малороссійскомъ языкѣ по-русски.

онъ тотчасъ же началъ дѣйствительно примѣнять сказанное къ дѣлу, помогая тремъ стрѣлкамъ, оставшимся невредимыми изъ десяти его товарищей по лѣвому флангу площадки.

Недолго продолжались дорого-стоившія для непріятеля атаки: скоро горцы начали подкрадываться по нѣскольکو человекъ, за что однако платили такъ недешево. Взлѣзть на эту гору безъ помощи рукъ было невозможно, а потому каждый долженъ былъ показываться постепенно. При появленіи еще края паха, винтовки казаковъ уже выжидали большей цѣли, и едва показывалась голова любопытнаго, желавшаго осмотрѣть казачью полевую квартиру, раздавался выстрѣлъ, и горецъ тотчасъ катился внизъ безъ способности передать то, что видѣлъ. Наконецъ и игра въ любопытные, должно быть, показалась горцамъ тоже не совсѣмъ занимательною. Горцы прибѣгли къ другому, менѣе опасному, хотя и менѣе вѣрному средству наносить вредъ пластунамъ: подкрались къ какому-нибудь камню, они черезъ верхъ его высовывали ружья и стрѣляли „на авось“, не показывая головы. Не помогла и эта военная хитрость. Тогда, недоумѣвая, какъ наносить вредъ казакамъ, часть горцевъ влѣзли на гору и хотя хорошо знали, что казаки закрыты навѣсомъ скалы, все-таки начали бросать сверху камни, которые падали или передъ стѣнкою, или катились подъ гору. Крѣпко сидѣли казаки; въ этотъ день не одолѣла ихъ сила.

Поздно вечеромъ горцы опять отступили, обставивъ скалу пикетами. Такъ прошелъ вторникъ 18-го февраля.

Воспользовавшись набросанными горцами камнями, казаки съ непостижимою бодростію духа принялись опять за возведеніе и продолженіе стѣнки: цѣлую ночь они складывали ее, копали кияжалами землю внутри своего укрѣпленія и обсыпали ею наружность стѣнки. Къ утру стѣнка была готова; казаки убрались во внутрь своей позиціи и взялись за ружья.

Эта импровизованная фортификаціонная постройка имѣла дугообразную фигуру, загнутые фланги которой упирались въ скалу. Внутри скалы, позиція, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, имѣла около восьми шаговъ, а вдоль площадки шаговъ до двадцати-пяти. Къ утру стѣнка была доведена до такой высоты, что, согнувшись немного, можно было скрываться за нею стоя. Амбразуры были сдѣланы низко, и сквозь нихъ можно было стрѣлять, стоя на колѣняхъ; нѣкоторые казаки устроили себѣ

новыя, изъ положенныхъ на верху стѣнки большихъ каменьевъ, противъ промежутковъ нижнихъ амбразуръ.

Утромъ, въ среду 19-го февраля, пластуны приготовились къ новому отпору, при чемъ раненые взялись заряжать ружья. Казаки недолго ждали гостей: снова закипѣла атака, и снова, прикрытые теперь отъ пуль, храбрецы жестоко наказали непріятеля за новую попытку, не понеся сами никакой потери. Послѣ этого горцы не возобновляли штурма. Вѣроятно, они не ожидали видѣть своихъ противниковъ такъ хорошо скрытыми. Въ этотъ день былъ испробованъ новый способъ поражать казаковъ: нѣкоторые горцы умащивались вдали на той части ската горы, откуда была видна площадка, и стрѣляли оттуда; но пули ихъ или не долетали, или на излетѣ не причиняли вреда. Впрочемъ, одинъ изъ случаевъ нѣсколько измѣнилъ положеніе дѣла: послѣ небольшого нападенія, казаки услышали обращенное къ нимъ предложеніе:

— Сдайтесь, казаки! Мы знаемъ, что у васъ нѣтъ хлѣба; все равно, помрете голодною смертію. Мы не будемъ убивать васъ, а продадимъ. Сдайтесь, казаки! (*)

Конечно, парламентаръ не получилъ отвѣта и удалился ни съ чѣмъ; но слова эти произвели на казаковъ сильное впечатлѣніе. Они уже начинали чувствовать томленіе голода, и голодная смерть стала имъ представляться дѣломъ очень возможнымъ: уже третьи сутки они не знали, чѣмъ утолить хотя немного свой голодь. Три дня и двѣ ночи, проведенные въ трудахъ, безъ сна, при сильныхъ душевныхъ волненіяхъ, безъ возможности согрѣться въ самую сырую погоду, еще болѣе усилили страданія отъ голода. Ослабѣвая тѣломъ, пластуны незамѣтно начинали утрачивать бодрость духа. Если бы горцы продолжали развлекать ихъ своими нападеніями, можетъ быть, они, за недостаткомъ времени сообщать свои мысли, тайли бы свои страданія, забывая ихъ въ бояхъ; но теперь горцы оставили казаковъ въ покоѣ, думая блокадой достигнуть своей цѣли. Свободнаго времени стало много, и первый обмѣнъ впечатлѣній выразился въ жалобахъ на мучительный голодь; а тутъ, какъ на зло, подоспѣлъ и горецъ съ своимъ предложеніемъ, который какъ будто подсказывалъ, что имъ остается дѣлать при безвыходномъ положеніи.

(*) Слова эти были переведены однимъ изъ раненыхъ казаковъ, который зналъ ихъ языкъ.

— А что, Николай Матвѣвичъ, вѣдь и взаправду придется къ нимъ выйти. Вотъ ужъ третій день какъ въ атаковкѣ (*), а нѣтъ помощи ни откуда, говорили нѣкоторые казаки.

— Потерпите еще маленько—сказалъ Евтушенко—вѣдь навѣрно кто-нибудь да спасся изъ казаковъ, которые были при сотникѣ; не сегодня, такъ завтра должна прійти выручка.

— Да мы и сами можемъ уйти въ Самурскую. Татарское войско куда-то разошлось, а бекеты по ночамъ остаются малые, да и стоятъ рѣдко. Уйдемъ, Николай Матвѣвичъ!

— Оно пожалуй—отвѣчалъ Евтушенко—да раненыхъ какъ мы возьмемъ? Вѣдь ихъ пятнадцать человекъ, идти съ ними скоро нельзя будетъ; въ случаѣ нападутъ, некому будетъ отбиваться, а безъ нихъ я не пойду! Потерпимъ, братцы: Богъ не оставитъ насъ! Вотъ увидите, сегодня или завтра придетъ выручка.

Обманывая другихъ, Евтушенко обманывалъ и себя въ безнадежномъ положеніи. Однако часть его догадокъ была справедлива.

Упавшій отъ залпа изъ завала пластунъ Чесноковъ былъ невредимъ и, пролежавъ между камнями до ночи, пробрался-таки въ Самурскую станицу и немедленно сообщил воинскому начальнику объ опасномъ положеніи своихъ товарищей. 18-го февраля (во вторникъ) орудійные выстрѣлы передали тревогу по всей линіи, и кромѣ того было послано извѣстіе объ этомъ происшествіи къ начальнику ниже-пешескаго участка. Закипѣли войска по кордонамъ: по первому призыву, въ Самурскую станицу прискакали изъ Дагестанской и Нижегородской станицъ полусотни Хоперскаго и № 26-го полковъ, которыя и были направлены, вмѣстѣ съ двумя ротами Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка, вверхъ по Пшехѣ. Подполковникъ Умаровъ, передавъ извѣстіе по курджипской кордонной линіи, самъ, съ двумя эскадронами, поспѣшилъ въ Самурскую, гдѣ соединился съ подполковникомъ Пистолькорсомъ, прибывшимъ изъ Апшеронской станицы съ сборною сотнею, и вмѣстѣ съ нимъ двинулся вверхъ по Пшехѣ. Черезъ нѣсколько времени прибылъ въ Самурскую станицу, съ тремя эскадронами драгунъ и мѣстною полусотнею № 26-го полка, за отсутствіемъ полковника Амилахварова, исправляющій должность

кордоннаго начальника, командиръ Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка.

Описываемое происшествіе замѣчательно еще тѣмъ, что оно можетъ служить примѣромъ тревоги громаднхъ размѣровъ: вся пшехская, курджипская и даже бѣлорѣченская кордонныя линіи приняли въ ней участіе; а о поспѣшности сборовъ можно судить по дальнѣйшему разсказу.

Первая колонна, изъ двухъ ротъ пѣхоты и сотни казаковъ, съ полною рѣшительностію хотѣла вторгнуться въ Тубу, куда можно было попасть, пройдя, отъ Маратуковского поста, узкое ущелье Пшехи; но лишь только войска показались туда, какъ съ занятыхъ противникомъ обоихъ береговъ и изъ лѣсистой долины посыпались на нихъ пули и каменья. Колонна остановилась: дальше идти было нельзя; однако, не отступая назадъ, войска простояли всю ночь, поджидая подкрѣпленія.

Съ разсвѣтомъ 19-го числа (въ среду) прибыла вторая колонна. По приказанію подполковника Пистолькорса, одною ротою и прибывшею наганунѣ одною сотнею, занятъ былъ скалистый лѣвый берегъ Пшехи; но дальше все-таки идти не было возможности: противникъ былъ силенъ и занималъ весьма выгодныя позиціи.

Такъ прошла и середя, а выручка къ казакамъ не являлась. Тихо миновалась ночь, въ которую казаки могли первый разъ отдыхать по очереди. Вдали, попрежнему, мелькали огоньки неприятельскихъ пикетовъ, а отряда не было видно. Легко было выйти здоровымъ казакамъ, но оставить раненыхъ Евтушенко считалъ преступленіемъ такимъ, что не хотѣлъ объ этомъ и слышать. Насталъ четвергъ 20-го февраля, вмѣстѣ съ нимъ и четвертая голодная сутки. Совершенно покойно прошло утро. Горцевъ, кромѣ стоящихъ на пикетахъ, не было видно; за то сырость и холодъ пробирали казаковъ, начавшихъ уже пухнуть отъ голода. Эти пытки ослабили духъ ихъ.

— Уйдемъ — говорили нѣкоторые казаки—вѣдь все равно пропадать.

— А раненые же какъ? возражалъ Евтушенко.

— Пусть кто здужааетъ, идетъ за нами; а объ остальныхъ будемъ Богу молиться: можетъ, Онъ ихъ спасетъ.

— Нѣтъ, братцы, ихъ горцы убьютъ непременно. Что имъ дѣлать съ больными? По моему, коли спастись, такъ спастись

*) Свое блокадное положеніе казаки называютъ „атаковкой“.

ся все́мъ, а гибнуть, такъ гибнуть вмѣстѣ! Не пойду я безъ раненыхъ, стоялъ на своемъ Евтушенко.

— Да ужь, Николай Матвѣичъ, насъ, видно, никто не выручить.

— Пообождемъ еще сегодня: выручка должна подойти скоро, утѣшалъ онъ.

Безнадежность, видно, стала брать верхъ: говорящихъ въ пользу выхода явилось больше.

— Да что, братцы! Что Богъ дастъ, то и будетъ! отозвался вдругъ завязтый малороссъ Кубановъ, съ прострѣленною рукою. — Попытаю я счастья. Дайте мнѣ ружье и молитесь Богу!... Какъ дойду до своихъ, спасу васъ скоро.

Эти слова послужали истиннымъ утѣшеніемъ: какъ ни было худо состояніе несчастныхъ, но мелькнувшей лучъ надежды на избавленіе сдѣлалъ ихъ способными съ новымъ мужествомъ переносить голодь. Всѣ съ радостію приняли это предложеніе и рѣшили, чтобы Кубановъ выступилъ въ путь какъ только настанетъ темнота.

Пошли опять разговоры: одинъ совѣтовалъ ему „что сказать“, когда онъ увидитъ начальство; другой рассказывалъ, „какъ лучше“ миновать опасность, и, благодаря этому обстоятельству, пластуны дожили до вечера, не раздирая сердца жалобами.

— А вотъ что — сказалъ Кубанову Евтушенко — если на тебя нападутъ и тебѣ придется погибнуть, выстрѣли хоть изъ ружья, чтобы мы знали, что ты не дошелъ.

— Николай Матвѣичъ, зачѣмъ же вы даёте мнѣ прострѣленное ружье? заговорилъ Кубановъ, принимая его отъ Евтушенки.

— А на что тебѣ хорошее? Коли замѣтятъ тебя, такъ имѣй какое хочешь ружье, все-таки навѣрное пропадешь, а если пройдешь такъ, что не увидятъ, то проберешься и съ дурнымъ ружьемъ.

— Ну, давай, спокойно произнесъ Кубановъ.

— А вотъ еще что: когда будешь къ намъ вести войска — продолжалъ Евтушенко — такъ держись на этотъ шахань; если же не найдешь той стороны, гдѣ мы сидимъ, такъ скажи: пусть они сдѣлаютъ сначала три выстрѣла одинъ за другимъ, потомъ немного пообождутъ и снова дадутъ такихъ же три выстрѣла.

— Хорошо, отвѣчалъ Кубановъ.

— Потомъ попроси, чтобы притихли и слушали, какъ мы въ отвѣтъ тоже выстрѣлимъ три раза. Ну, теперь ступай, съ Богомъ!... Ужь начинается темнѣть, сказалъ Евтушенко, попрощавшись съ Кубановымъ. — Да не забудь же, въ случаѣ Богъ не дастъ тебѣ счастья, выстрѣли.

— Выстрѣлю! отвѣтилъ Кубановъ.

Прощавшись съ товарищами, Кубановъ отправился въ опасный путь.

На дорогѣ изъ Майкопа, полковникъ князь Амилахваровъ получилъ свѣдѣніе о случившемся. Обстоятельство это принудило его обратиться съ просьбою о содѣйствіи ему въ предстоящемъ предпріятіи къ начальнику бѣлорѣченской кордонной линіи, полковнику Макарову, и отозвать изъ Майкопа 4-й эскадронъ Нижегородскаго драгунскаго полка; самъ же онъ поѣхалъ далѣе. Въ Прусской станицѣ князь Амилахваровъ получилъ новое свѣдѣніе, что горцы сильно заняли входъ въ ущелье и не пропускаютъ войска; вслѣдствіе этого онъ рѣшился двинуть туда всѣ войска, какія только попадутся подъ руку: такъ онъ приказалъ немедленно выступать въ Самурскую части Астраханской сотни, первому эскадрону драгунъ, сотнѣ Черноморскаго казачьяго войска и ротѣ Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка. Къ полуночи, съ середины на четвергъ, вышеисчисленные войска стянулись въ Самурскую станицу, гдѣ, давъ имъ отдыхъ, князь Амилахваровъ повелъ ихъ далѣе. Спасти несчастныхъ была главная задача отряда, а потому ни разлившаяся рѣка, ни темнота ночи, ни усталость войскъ и личное утомленіе начальника не соблазнили остаться отдохнуть до другаго дня. Часамъ къ десяти утра князь Амилахваровъ прибылъ къ ущелью, гдѣ засталъ прежнія двѣ колонны расположенными бивуакомъ.

Какъ ни спрашивали охотниковъ, вышедшихъ изъ команды сотника Дугина, но не вывели положительно ничего изъ ихъ разнорѣчивыхъ показаній о мѣстѣ нахождения пластуновъ. Эта неизвѣстность была непреодолимымъ препятствіемъ. Куда направить войска? гдѣ искать погибающихъ? А нужно было начать поиски во что бы то ни стало, хотя пришлось бы ихъ сдѣлать только для очищенія совѣсти, потому что всѣ были, по какой-то причинѣ, проникнуты однимъ убѣжденіемъ, что пластуновъ, которыхъ они шли спасать, больше нѣтъ на свѣтѣ, что несо-

размѣрно превосходный неприятель или голодъ сдѣлали свое дѣло. Но, чтобы выполнить свой долгъ, полковникъ Амилахваровъ, занявъ входъ въ ущелье одною ротою и сотнею казаковъ, оставленными по правой сторонѣ рѣки, а другую роту расположивъ на высотахъ лѣваго берега, двинулся съ остальными войсками впередъ. Пройдя нѣкоторое разстояние по полуторью праваго берега, гдѣ пролегалъ путь, онъ для связи оставилъ еще эскадронъ драгунъ и двѣ сотни казаковъ. Но на шестой верстѣ полковникъ повернулъ колонну назадъ, потому что, по единогласному показанію выбѣжавшихъ, до того мѣста, гдѣ находились пластуны, было еще далеко; между тѣмъ, для безопаснаго движенія впередъ по весьма пересѣченнымъ мѣстностямъ нужно было вновь отдѣлять команды и, слѣдовательно, еще болѣе ослаблять колонну; оставлять же подобныя мѣста незанятыми значило допускать возможность незначительной партіи горцевъ перегрэдить намъ путь отступленія, что въ особенности было опасно по причинѣ приближавшейся ночи, которая могла застать отрядъ въ какомъ-нибудь опасномъ мѣстѣ. Всякая изъ неблагоприятныхъ случайностей съ нашими войсками могла бы принести несравненно худшіе результаты по той причинѣ, что взятые на тревогу сухари уже были израсходованы.

Расположившись на прежней позиціи, кавалерія встрѣтила прибывшіе туда: роту Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка, четыре эскадрона драгунъ и двѣ сотни № 13-го полка Кубанскаго казачьяго войска. Въ это время, неизвѣстно откуда, распространилось между войсками новое извѣстіе, что партія пластуновъ вся погибла и что осталось только 10 человекъ. Эта новость сильно ободрила войска, начавшія уже голодать: до сихъ поръ они считали предпріятіе безплоднымъ отыскиваніемъ мертвыхъ казаковъ; но теперь, узнавъ, что живы еще хотя 10 человекъ, всѣ охотно рѣшались идти для спасенія несчастныхъ и къ утру готовились опять къ болѣе энергическому поиску. Такъ неблагоприятно кончился четвергъ.

Богъ знаетъ, каковъ былъ бы результатъ нашихъ поисковъ, если бы счастливый случай не вывелъ насъ изъ затрудненія: уже начинало разсвѣтать и полковникъ князь Амилахваровъ уже начинало распоряженія къ выступленію отряда, какъ привели къ нему мокраго, грязнаго, оборваннаго, испачканнаго кровью казака: это былъ Кубановъ. Тутъ узнали войска, что пластуны безъ малаго всѣ живы и находятся въ страшномъ положеніи.

Трудно описать энтузіазмъ войскъ при этомъ извѣстіи: чувство братства заговорило въ каждомъ; всѣ рвались скорѣе спасти ихъ, забывая про свой голодъ.

Тяжела была дорога: приходилось очень часто прорубать просѣку по глухимъ лѣсамъ и карабкаться по крутизнамъ. Пройдя верстѣ восемь отъ пшехскихъ воротъ, кавалерія вышла на поляну и, здѣсь сомкнувшись, тронулась дальше. Тутъ казакъ Кубановъ сообщилъ, что отъ этихъ мѣстъ пластуны находятся недалеко и что мѣста эти неудобнопроходимы для массы войскъ. Дѣйствительно, мѣстность была недоступна для движенія кавалеріи, а потому, пройдя отъ рѣки верстѣ пять, колонна остановилась, при чемъ было рѣшено выбрать охотниковъ для продолженія движенія пѣшими; къ этому же времени прибыла еще сотня изъ Пшехской станицы. Много вызвалось охотниковъ какъ изъ числа драгунъ, казаковъ, такъ и изъ офицеровъ. Поручивъ эту команду подполковнику Умарову, полковникъ Амилахваровъ, съ остальными войсками, остался въ резервѣ.

Углубившись далѣе въ тущобу, охотники, по предложенію Кубанова, остановились и подали условный сигналъ.

Тихо было на позиціи казаковъ. Нетревожно прошла для нихъ ночь съ четверга на пятницу: часть, бодрствовавшая съ заряженными ружьями, хранила сонъ своихъ товарищей. Неприятеля, по прежнему, не было видно, и такъ же, какъ вчера, маленькіе костры, далеко отстоявшіе другъ отъ друга, опредѣляли положеніе неприятельскихъ пикетовъ. Туманъ и снѣгъ съ дождемъ продолжались по прежнему. Навѣсь, спасавшій пластуновъ отъ каменьевъ, не предохранялъ ихъ отъ дождя. Опять настало утро, принесъ съ собой большія страданія; но теперь, опухшіе отъ голода и страданій, казаки думали только о Кубановѣ. Первый крестъ утренней молитвы былъ за благополучное окончаніе Кубановымъ предпріятія; первыя слова были: „гдѣ теперь Кубановъ? прошелъ ли онъ благополучно?“ Успѣшность экспедиціи Кубанова была для нихъ вопросомъ о жизни и смерти. Условнаго выстрѣла они не слышали!

Въ полузабытій сидѣли изнеможенные казаки, изрѣдка перекидываясь словами; проблескъ надежды на спасеніе кое-какъ поддерживалъ ихъ. Уже было далеко за полдень, а ничего не было слышно. Изнеможеніе доходило до крайнихъ размѣровъ; среди глубокой тишины раздавались только стоны раненыхъ, и всѣхъ

давило какое-то мучительное чувство. Но вдруг казаки подняли головы: имъ почудился отдаленный выстрѣлъ... Вотъ другой... вотъ третій... Не переводя духа прислушивались казаки къ сигнальнымъ выстрѣламъ. Черезъ нѣсколько времени послышалось еще три выстрѣла.

— Наши! крикнули радостно казаки, снимая папахи и крестясь.

— Наши!... И курки были быстро взведены.

— Стой! не всё вдругъ! крикнулъ Евтушенко.

И три призывныхъ выстрѣла раздалась изъ засады. Потомъ все притихло.

Съ улыбкою посматривали другъ на друга казаки, какъ будто взаимно поздравляя товарищей со спасеніемъ отъ жестокой смерти; даже раненые притихли; всё ждали дорогихъ гостей. Но вотъ почудился имъ отдаленный шумъ, который постепенно приближался. Наконецъ, у подножія горы, они ясно услышали русскій говоръ. Но слишкомъ обрадованные казаки стали опять недоувѣрчивы: имъ показалось вдругъ, что горцы, которымъ не удалось съ ними ничего сдѣлать, употребляютъ хитрость, чтобы скорѣе покончить дѣло. Евтушенко первый выразилъ сомнѣніе, опасаясь за ввѣрившихся ему товарищей.

— Чего добраго! отвѣчали ему многие, и снова начали прислушиваться, притаивъ дыханіе.

— Живы ли вы? раздался незнакомый голосъ снизу.

— Слава Богу! Хотя есть убитые и раненые, но остальные живы, отвѣчалъ Евтушенко.

— Мы пришли васъ спасти, раздалось опять снизу.

— Не вѣримъ, что вы наши. Сыграй въ трубу, отвѣчалъ недоувѣрчивый Евтушенко.

Раздался сигналъ.

— Нѣтъ! крикнулъ Евтушенко, вспомнивъ вдругъ, что при гибели партіи Дугина была отбита горцами и труба. — Скажите сначала, кто у васъ начальникъ?

— Полковникъ Амилахваровъ, отвѣчали ему.

— А кого знаете изъ нашихъ? продолжалъ допытываться недоувѣрчивый малороссъ.

— Ты Евтушенко и теперь за старшаго.

Долго продолжались разные допросы для разъясненія истины, какъ вдругъ знакомый голосъ Кубанова раскрылъ все.

Находясь сзади охотниковъ, онъ пробрался впередъ и, услышавъ сомнѣніе осторожныхъ своихъ товарищей, крикнулъ:

— Я, братцы, Кубановъ, котораго вы послали, и привелъ теперь выручку.

— Вѣримъ! крикнулъ восторженно Евтушенко.

Вслушиваясь въ эти переговоры, казаки съ нетерпѣніемъ ждали конца и, по слову Евтушенко „вѣримъ“, вскочили и начали разламывать стѣну, чтобы удобнѣе было выносить раненыхъ.

— Сходите же! раздалось снова снизу.

— Нѣтъ! Вы подымайтесь къ намъ! У насъ есть убитые и раненые, и мы сами всё слабы, сказалъ Евтушенко.

Внизу снова притихло. Сообщенное Кубановымъ свѣдѣніе, что горцы иногда кидаютъ сверху каменя, заставило войска быть осторожными.

Всѣ вышли. Мракъ не помѣшалъ отыскать своихъ, и, чуть зорька, спасители и спасенные были уже въ виду отряда.

Радостное чувство человека, нашедшаго своего брата, гордость при видѣ своихъ ближнихъ, доставившихъ славу всѣмъ, благоговѣніе къ мужеству, неподдавшемуся мученіямъ, наконецъ сладкое чувство сознанія добраго дѣла — выручить изъ бѣды погибающихъ, все это вмѣстѣ отразилось въ душѣ каждаго изъ свидѣтелей, прибывшихъ для спасенія героевъ.

Завидѣвъ ихъ, вмигъ обнажились головы всѣхъ, и самые восторженные крики, долго не умолкая, разносились по окрестнымъ горамъ. Вѣгомъ кинулись къ нимъ всѣ, безъ различія чиновъ, закидывая отрывочными вопросами. У кого что было съѣстного — все отдавали пластунамъ. 49 невредимыхъ казаковъ, подкрѣпившись пищею послѣ долгаго глотанья одного снѣга, стали немного бодрѣе, а 15 едва живыхъ, раненыхъ, переданные младшему доктору Нижегородскаго драгунскаго полка Макаревичу, были такъ тщательно перевязаны, что въ самое короткое время почувствовали облегченіе.

Къ этому времени прибылъ полковникъ Макаровъ съ 4-мя сотнями казаковъ 8-й бригады, снабженными провіантомъ, который и былъ раздѣленъ между всѣми войсками. И такъ, несмотря на то, что тревога эта обхватила пространство верстъ на сто въ длину и, кромѣ того, окрестныя ущелья, все-таки въ трое сутокъ войска были въ Тубѣ.

Можетъ быть, иному покажется, что сборъ войскъ по тре-

вогъ былъ немного мѣшкотенъ. Но вѣдь на тревогу войска обязаны являться только съ ближайшихъ кордонныхъ пунктовъ, что и было исполнено. Въ тотъ же вечеръ, т. е. 18-го числа (во вторникъ), войска находились при входѣ въ Тубинское ущелье, а ближайшая помощь къ нимъ явилась съ разсвѣтомъ другого дня; но такъ какъ тревога выходила изъ ряда обыкновенныхъ тревогъ, то посланы были въ отдаленные пункты извѣстія объ ней съ просьбою о помощи. Провѣзды нарочныхъ и сборы войскъ, раскинутыхъ по кордонамъ, заняли тоже нѣкоторое время. Съ четверга войска начали являться уже съ низовой ущелий, а въ пятницу прибыли сотни изъ бѣлорѣченской кордонной линіи, пройдя болѣе девяноста верстъ по самой отвратительной дорогѣ, черезъ глубокіе броды.

Рано еще было, когда порученная есаулу Олейникову колонна двинулась въ горы для осмотра окрестностей скалы, гдѣ были казаки, съ цѣлю подобрать тѣла убитыхъ. Черезъ нѣсколько времени она вернулась, не отыскавъ погибшихъ. Съ прибытіемъ ея, всѣ тронулись съ позиціи тремя колоннами. Первая, принявъ раненыхъ, отправилась къ выходу изъ Тубинскаго ущелья и состояла изъ двухъ сотенъ казаковъ. Вторая, изъ трехъ сотенъ казаковъ, была отправлена въ горы, для отысканія тѣлъ убитыхъ казаковъ. Поиски ея увѣнчались успѣхомъ: найдено было четыре трупа. Третья двинулась вверхъ по Пшехѣ, какъ для отысканія тѣлъ погибшихъ съ Дугинимъ, такъ и для того, чтобы, воспользовавшись удобною минутой, осмотрѣть верхнее теченіе Пшехи. Колонна эта шла до тѣхъ поръ, пока мѣстность воспрепятствовала дальнѣйшему движенію кавалеріи. Партии непріятельскія, разсѣявшись по горамъ, внимательно слѣдили за нашими движеніями, но не рѣшались остановить насъ.

По словамъ тубинскаго старшины Амчукова, который, какъ я замѣтилъ выше, былъ главный предводитель горцевъ въ эти дни, участь сотника Дугина была плачевная: весь израненный въ бою, онъ былъ схваченъ въ плѣнъ и находился все время въ саклѣ по лѣвой сторонѣ Пшехи; когда же появленіе нашихъ войскъ, съ намѣреніемъ спасти казаковъ, заставило тубинцевъ вывезти свое имущество и бросить аулы, тогда къ израненному сотнику приставленъ былъ только одинъ часовой. Звукъ сигнальнаго рожка, долетѣвшій до слуха, на минуту оживилъ полумертваго Дугина: онъ забылъ свою слабость, не видѣлъ

болѣе присутствія сторожившаго его горца, вскочилъ на ноги и кинулся въ дверь сакли, чтобы увидѣть своихъ, русскихъ; но шашка часоваго покончила его дни!.. Много сердился Амчуковъ на убійцу; хотѣлъ даже, какъ онъ говорилъ, застрѣлить горца за то, что онъ лишилъ его возможности воспользоваться случаемъ выручить за Дугина хорошія деньги, въ видѣ выкупа.

Получивъ назначеніе дѣйствовать въ Тубѣ, шехскій отрядъ, 31-го марта, прибылъ на позицію при впаденіи рѣки Гогопсъ въ Пшеху. Эти мѣста и народъ, на нихъ живущій, были совершенно незнакомы ни нашему начальнику, ни отряду. Вотъ почему генералъ-маіоръ Граббе, немедленно по прибытіи сюда, отправилъ находившагося при немъ лазутчика собрать всѣ предварительныя свѣдѣнія для предстоящей рекогносцировки; но чтобы, въ ожиданіи его возвращенія, не терять даромъ времени, назначена была рекогносцировка на слѣдующій же день, съ цѣлю осмотрѣть тубинскіе хутора по правой сторонѣ верховья рѣки Пшехи.

1-го апрѣля, колонна изъ 8 сотенъ козаковъ, 4 эскадроновъ драгунъ и одного стрѣлковаго баталіона, при взводѣ горныхъ орудій (*), подъ начальствомъ полковника Макарова, выступила въ семь часовъ утра. Пройдя вверхъ по Пшехѣ около двухъ верстъ, колонна повернула налѣво и начала взбираться на высоту по хорошо-проложенной арбяной дорогѣ. Сначала она шла около ущелья рѣки Басъ, но, дойдя до ея вершины, при горной рѣченкѣ Готжетъ, встрѣтила пустые аулы. Аулы эти были нами окончательно уничтожены, при чемъ мы не встрѣтили во время рекогносцировки ни одного горца.

Къ вечеру того же дня прибылъ лазутчикъ съ извѣстіемъ, что незначительная часть тубинцевъ перешла въ долину Курджипсъ съ намѣреніемъ отправиться на Лабу; часть ихъ съ имуществомъ своимъ подалась въ верховье рѣки Гогопсъ; большинство же изъ тѣхъ, которые желали выселиться въ Турцію, навремя размѣстились по Псезуапе, прочіе разошлись по горнымъ ущельямъ.

(*). Одна сотня 2-й бригады, одна—3-й, двѣ—4-й бригады и четыре сотни № 25-го коннаго полка; четыре эскадроны Тверскаго драгунскаго полка; ширванскій стрѣлковый баталіонъ и взводъ горныхъ орудій облегченной № 3-го батареи.

Предварительная рекогносцировка и полученные свѣдѣнія показали, что если можно встрѣтить еще тубинцевъ, такъ только по рѣкѣ Гогопсъ и за высокой горной грядой, торчащей выше всѣхъ окрестныхъ горъ, по лѣвой сторонѣ Гогопсъ; почему, на 2-е апрѣля, и была назначена рекогносцировка по этой рѣкѣ и потомъ влѣво отъ нея.

2-го апрѣля, рано, выступила довольно значительная колонна изъ 3 баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, 2 сотенъ казаковъ и 2 горныхъ орудій (*). Пѣхотою командовалъ полковникъ Экельнъ; общее распоряженіе всѣмъ отрядомъ принялъ на себя самъ генералъ-маіоръ Граббе. Недолго шли мы вверхъ по Гогопсу: на третьей верстѣ перешли рѣку въ бродъ и начали подыматься за крутой лѣвый ея берегъ. Долго продолжалась эта операція; наконецъ мы взобрались на плоскость и, пройдя еще версты двѣ, были встрѣчены выстрѣлами сторожевыхъ хакучинцевъ. Затѣмъ отрядъ вытянулся въ одного и пошелъ по окраинѣ глубокой лѣсистой балки. Выстрѣлы хакучинцевъ произвели тревогу по ущелью. Въ скоромъ времени, обѣжавшіеся на этотъ сигналъ хакучины заняли тропинку по другую сторону лѣсистой промоины и завязали съ нами перестрѣлку. Такимъ образомъ мы дошли до аула, виднѣвшагося съ другой стороны. Полковникъ Экельнъ, замѣтивъ тамъ горцевъ, тотчасъ же приказалъ стрѣлковой ротѣ Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка, двумъ сотнямъ казаковъ и командѣ пластуновъ спуститься внизъ и, перейдя на другую сторону, овладѣть ауломъ. Распоряженіе было выполнено какъ нельзя лучше. Разсыпанная цѣпь 19-го стрѣлковаго баталіона, выше тропинки, по которой мы шли, прикрывала своимъ огнемъ черезъ балку и не позволяла горцамъ подойти даже къ гребню обрыва; но какъ только цѣпь эта была убрана, а войска, зажегши аулъ, отступили, горцы быстро спустились въ балку и начали преслѣдовать насъ. Колонна въ это время огибала скалу съ противоположной стороны отъ лагерей. Горцы продолжали стрѣлять по насъ, подъ прикрытіемъ вѣковыхъ деревьевъ, съ самаго близкаго разстоянія, и пули, вылетающія изъ балки, не всегда бесплодно подымались къ намъ: ра-

(*) Стрѣлковые баталіоны: 19-й, апшеронскій и сводно-линейный; стрѣлковая рота Елисаветпольскаго полка и рота пластуновъ; дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка; двѣ сотни 4-й бригады; взводъ горныхъ орудій облегченной № 7-го батарея 20-й артиллерійской бригады.

ненныхъ прибавлялось. Хотя горцы и не осмѣливались показать изъ лѣсу носа, но заставить ихъ замолчать было невозможно. Узкая тропинка, размоченная дождемъ, по которой опасно было идти, не позволяла стрѣлкамъ дѣйствовать свободно, да и толстѣйшія деревья, скрывавшія противника, были большимъ препятствіемъ; поэтому спустить войска въ балку было крайне опасно: во-первыхъ, это значило бесплодно затягивать перестрѣлку; во-вторыхъ, пришлось бы безъ особенной цѣли перенести мѣсто дѣйствія въ ущелье, что можно было считать съ нашей стороны рискомъ, такъ какъ проливной дождь сдѣлалъ всѣ спуски и подъемы непроходимыми. Лучшій исходъ былъ безостановочно идти, чтобы скорѣе миновать пропасть. Уже совершенно стемнѣло, когда колонна, уставшая, промоченная какъ отъ проливнаго дождя, шедшаго цѣлый день, такъ и отъ двукратнаго перехода въ бродъ черезъ Пшеху и Гогопсъ, прибыла на прежнюю позицію съ противоположной стороны, принеся съ собою раненыхъ: одного офицера и семь рядовыхъ.

Послѣ этой рекогносцировки, нашъ отрядъ невозмутимо занимался работами. Воевать было не съ кѣмъ: тубинцевъ, противъ которыхъ мы назначались, не было; для борьбы съ хакучинцами нужно было переходить главный хребетъ, куда, по диспозиціи, идти не полагалось. А какъ безъ дѣла сидѣть нельзя, то мы каждый день что-нибудь да дѣлали.

3-го апрѣля была произведена съемка по направленію къ хакучамъ, подъ прикрытіемъ одной сотни казаковъ и одного эскадрона драгунъ.

Въ остальные дни, съ 4-го по 10-е апрѣля, исполнено слѣдующее:

- 1) Подвезенъ провіантъ изъ Прусской станицы на весь отрядъ по 17-е апрѣля.
- 2) Окончена рубка лѣса, на горномъ мысѣ при слияніи рѣкъ Гогопсъ и Пшехи.
- 3) Послѣ вырубки лѣса устроена засѣка для склада провіанта и прикрытія вагенбурга.
- 4) Устроенъ очень прочный пѣшеходный мостъ на козлахъ черезъ Пшеху, который выдержалъ нѣсколько полноводій.
- 5) Исправлена вьючная татарская дорога по правую сторону Пшехи, для избѣжанія переправы черезъ рѣку Гогопсъ.

6) Команда пластуновъ ходила по окрестностямъ и сжигала оставшіеся еще аулы.

Мостъ и засѣка принесли и впоследствии большую пользу, когда собрался новый отрядъ для дѣйствія противъ хакучей.

Долгая стоянка на этой позиціи не была однако желаніемъ ни начальника отряда, ни нашихъ. Назначеніе дѣйствовать въ тубинскомъ обществѣ не могло быть приведено въ исполненіе: мѣста были брошены тубинцами, а ближайшій непріятель — хакучинцы и тубинцы, ушедшіе въ верховье рѣки Пшишь, были отъ насъ такъ далеко, что для дѣйствія противъ нихъ нужно было получить особенное разрѣшеніе.

Генераль-маіоръ Граббе обо всемъ этомъ донесъ командующему войсками Кубанской области, но вскорѣ узналъ, что донесеніе не дошло до цѣли, потому что посланный гонецъ пропалъ безъ вѣсти. Вслѣдъ затѣмъ было послано другое донесеніе, которое нужно было доставить по тому же адресу къ берегу Чернаго моря; но второй нарочный былъ убитъ хакучинцами. Видя, что можно очень легко рассчитывать на такую же участь и слѣдующихъ донесеній, генераль-маіоръ Граббе, не желая болѣе оставаться въ бездѣйствіи, рѣшился выполнить другое приказаніе графа Евдокимова, данное еще прежде: изслѣдовать переваль къ рѣкѣ Шахе и открыть, если можно, сообщенія съ даховскимъ и хамышейскимъ отрядами. Въ этихъ видахъ онъ оставилъ на позиціи одинъ баталіонъ пѣхоты, 3 эскадрона драгунъ и 3 сотни казаковъ (*), и, взявъ съ собою 4 баталіона пѣхоты, сотню казаковъ, эскадронъ драгунъ, со взводомъ горныхъ орудій (**), 11-го апрѣля двинулся въ горы. Мѣста, занимаемыя отрядами, были въ такомъ отношеніи другъ къ другу, что не перерѣзывали всѣхъ путей для непріятели, и если бы горцы захотѣли пройти по главному хребту отъ хакучей на Пшишь и въ другія мѣста, то могли бы это сдѣлать безпрепятственно. Вотъ почему сообщенія между сѣвернымъ и южнымъ скатами были важны.

Сначала нашъ путь шелъ по правому берегу Пшехи, по-

(*) Сводно-стрѣлковыи полубаталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка; стрѣлковая рота Елисаветпольскаго полка; рота пластуновъ; три эскадрона Нижегородскаго драгунскаго полка и три сотни 1-й и 4-й бригадъ.

(**) Стрѣлковые баталіоны: 19-й, ашперонскій, ширванскій, сводно-линейный Кубанской области; эскадронъ Нижегородскаго драгунскаго полка; одна сотня 2-й бригады и горный взводъ обозначенной № 7-й батареи 20-й артиллерійской бригады.

томъ переходилъ на лѣвый, а далѣе пролегалъ по горамъ, между рѣками Пшехою и Гугупсомъ. Ни слишкомъ крутые подъемы, ни дождь не препятствовали движенію отряда; но когда онъ дошелъ до верхняго теченія рѣки Гугупсъ, то здѣсь, изъ-за небольшого завала, сдѣланъ былъ по колоннѣ залпъ передовымъ пикетомъ хакучинцевъ. Вслѣдъ за нимъ раздалось еще нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ, и затѣмъ хакучи удалились, бросивъ свой постъ. Въ этотъ день отрядъ, выступивъ довольно поздно, сдѣлалъ значительный переходъ — восемнадцать верстъ по довольно изрѣзанной мѣстности, покрытой глубокимъ снѣгомъ, и, дойдя до рѣки Пцепи, остановился ночевать. Но, въ виду собравшейся партіи, ночлегъ нашъ могъ быть не совсѣмъ покоенъ безъ особенныхъ предосторожностей, почему и было приступлено къ постройкѣ засѣки съ угрожаемой стороны.

Утромъ 12-го числа, сомкнувъ засѣку въ видѣ редута, генераль-маіоръ Граббе оставилъ въ ней линейный сводно-стрѣлковыи баталіонъ Кубанской области, для обезпеченія пути, въ случаѣ если бы пришлось возвращаться по той же дорогѣ; тамъ же съ остальными баталіонами двинулся далѣе, идя болѣею частію по снѣгу въ то время, какъ въ долинахъ уже открылся подножный кормъ. Къ полудню отрядъ безпрепятственно вскарабкался на главный хребетъ. Хакучинцы не тревожили насъ, хотя земли ихъ примыкали съ правой стороны. Также счастливо мы спустились съ хребта и, повернувъ налѣво, продолжали путь по дикому ущелью Шахе. Не доходя версты до Бабукова аула, отрядъ остановился на ночлегъ. Въ этотъ день было пройдено около семнадцати верстъ. Съ мѣста ночлега генераль-маіору Гейману было послано извѣстіе о нахожденіи нашего отряда вблизи даховскаго. На другой день онъ съ частію отряда хотѣлъ было прибыть къ намъ, но не могъ: еще необдѣланная скала перегораживала всякое сообщеніе, и только самъ генераль-маіоръ Гейманъ пѣшкомъ пришелъ для свиданія съ генераломъ Граббе.

Рано утромъ отрядъ тронулся въ путь, но не прошелъ и четырехъ верстъ, какъ опять надлежало подыматься на главный хребетъ съ южной стороны, къ горѣ *Оштену*. Переходъ этого дня былъ очень тяжелъ: единственная тропинка, вьющаяся вокругъ скалы съ вѣчно-снѣжной вершиной, дающей начало многимъ большимъ рѣкамъ, была такъ крута, что сол-

даты мѣстами шли на четверинкахъ. Подобная дорога тянулась версты на три. Страшно-глубокая пропасть съ правой стороны была готовою могилою для всякаго сорвашагося несчастливца. Снѣгъ, болѣе чѣмъ трехсаженной толщины, былъ въ этотъ переходъ очень полезенъ: солдаты, прихлопывая его ногами, сами прокладывали себѣ тропинку въ такихъ мѣстахъ, гдѣ безъ снѣга невозможно бы было пройти. Изъ обрывавшихся случайно солдатъ въ это время, благодаря снѣгу, ни одинъ не спустился въ пропасть; они то врывались ногами въ снѣгъ, то, упираясь въ него, задерживали быстроту своего паденія до того, что могли, безъ поврежденія рукъ, хвататься за сучья. Не то было потомъ: немало лошадей погибло въ этой чернѣющей трещинѣ, куда даже солдаты не пытались спускаться.

Съ ужасомъ слѣдили солдаты за падающими. Общее ожиданіе гибели сорвашагося вначалѣ омрачало эти сцены; но при появленіи спасагося радостное чувство изглаживало первоначальное впечатлѣніе, оставляя въ памяти зрителей только комическое содержаніе ея. Вотъ почему и взрывы хохота провожали несчастнаго, который, повязанный платкомъ, шелъ въ колоннѣ, ведя злосчастную лошадь безъ вьюка. При этомъ бывшіе зрители вспоминали, какъ, послѣ всякой попытки остановиться, лошадь переворачивалась черезъ голову, при чемъ брызгами разлетались вещицы съ ея вьюка; какъ съ такою же быстротою неся за нею ея вожатый, выдѣлывая руками и ногами разныя штуки, сисясь схватиться за что-нибудь; какъ котелокъ, позвякивая рядомъ съ папахою, догоняли своего владѣтеля; какъ мѣшочекъ, вѣчный спутникъ солдата, развязавшись, въ видѣ рога изобилія, покрывалъ по покатости прыгающіе сухарики и вмѣстѣ съ нѣкоторыми мелочами замыкалъ это не совсѣмъ пріятное катанье съ горы. Но вскорѣ новое несчастіе заставляло забывать прежнее. Такъ подвигались мы все въ гору.

Мало по малу вся колонна взобралась на высоты и пошла по болѣе ровнымъ снѣговымъ тропинкамъ. Дни во все время стояли отличные. Солнце пекло до того, что повременамъ приходилось прикрываться рукою; но въ то же время ноги на снѣгу сильно зябли.

Вскорѣ отрядъ прибылъ опять въ Самурскую станицу. Описываемое движеніе пшехскаго отряда было послѣднимъ

славнымъ его дѣломъ во время командованія имъ генераль-маіора Граббе.

Затѣмъ отрядъ былъ въ сущности расформированъ и существовалъ лишь номинально.

Какъ бы то ни было, но къ этому времени все пространство отъ устья Кубани до Соче, по берегу моря, и отъ устья Лабы и нижняго теченія Кубани до истоковъ Малой Лабы, по сѣверному склону горъ, было совершенно очищено отъ враждебныхъ племенъ, за исключеніемъ крошечнаго общества хакучинцевъ, которые рѣшились не поддаваться нашей силѣ, о чемъ тогда еще мало было извѣстно, и которые жили по обѣимъ сторонамъ рѣки Аше и по всѣмъ балкамъ и рѣченкамъ, впадающимъ въ ущелье этой рѣки.

Пшехскій отрядъ уже не существовалъ въ прежнемъ составѣ: апшеронскій и ширванскій стрѣлковые баталіоны поступили въ составъ *мало-лабинскаго* отряда, начальникомъ котораго назначенъ былъ генераль-маіоръ Граббе, и перешли въ Шанъ-Гиреевское ущелье.

Хамышейскій отрядъ получилъ изъ пшехскаго 3-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка и горный взводъ облегченной № 3-й батареи 19-й артилерійской бригады. Начальникомъ его остался, по прежнему, полковникъ Кишинскій.

Изъ остальныхъ частей пшехскаго отряда, съ прибавкою нѣсколькихъ баталіоновъ вновь сформированныхъ полковъ, былъ образованъ *новый пшехскій отрядъ*, подъ начальствомъ полковника Мерхилевича: онъ находился въ Пшехскомъ и Пшишскомъ ущельяхъ.

Всѣ эти четыре отряда занимались устройствомъ дорогъ на перевалѣ, исключая отряда въ Пшехскомъ ущельѣ, который оберегалъ верховье Пшехи. Горные же взводы артилеріи Терской области были отправлены въ свои штабъ-квартиры.

IX.

Очеркъ горныхъ ущелій въ районѣ дѣйствій пшехскаго отряда. — Каменный мостъ. — Окрестности горы Оштенъ. — Позиція хамышейскаго отряда. — Свѣдѣнія изъ газетъ о дѣлахъ между рѣками Сочою и Бзыбью. — О хакучахъ. — Новый пшехскій отрядъ. — Занятіе хребта Пшенантхъ. — Взятіе завала 6-го іюля. — Общее наступленіе въ Хакучи. — Соединеніе трехъ отрядовъ на позиціи при рѣкѣ Хакучепси. — Инструкція генералъ-маіора Геймана для дальнѣйшихъ дѣйствій. — Обширныя занятія пшехскаго отряда. — Дѣйствія отряда подъ командою подполковника Иванова и охотничьихъ командъ. — Періодъ инспекторскихъ смотровъ по высочайшему повелѣнію. — Дурное положеніе гарнизона въ Хакучинскомъ редутѣ. — Конецъ хакучинской экспедиціи. — Система веденія кавказской войны. — Колонизація Кавказа.

Быстрое возвышеніе главнаго хребта кавказскихъ горъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ имѣетъ огромное вліяніе какъ на рѣзкое измѣненіе вида горныхъ ущелій, такъ и на разнообразіе царства растительнаго. Примѣромъ можетъ служить та часть его, которая заключалась въ районѣ дѣйствій пшехскаго отряда, между верховьями рѣкъ Пшекупса и Бѣлой.

Разстояніе между этими рѣками, по прямому направленію (въ проекціи), будетъ не болѣе восьмидесяти верстъ; когда же войска переходили главный хребетъ съ верховья Пшекупса къ верховью Туапсе еще 1-го марта, то застали его не только освобожденнымъ отъ снѣга, но и совершенно сухимъ, а полтора мѣсяца спустя, дѣлая двойной перевалъ черезъ хребетъ съ Пшехи на Шахе и съ нея къ верховью Бѣлой, были принуждены проходить по трехсаженной толщѣ снѣга.

Ущелье Пшекупса, исключая самыхъ верхнихъ частей его (отъ хребта Котхъ), огражденное по обѣимъ сторонамъ незна-

чительными плоскими возвышенностями, отдѣляющими Пшекупсъ отъ сосѣднихъ бассейновъ, не имѣло суроваго вида, а обширныя черноземныя равнины на этихъ водораздѣлахъ, хорошо очищенныя отъ кустарниковъ и лѣсовъ, придавали здѣшнимъ мѣстамъ видъ богатыхъ житницъ, въ то время, какъ сосѣднее ущелье рѣки Пшиша принимаетъ несравненно болѣе дикій видъ уже отъ Хадыжей. Пшехское же ущелье, по разнообразію окрестной мѣстности, по болѣе суровому виду береговъ, по пересѣченности водораздѣльныхъ высотъ, провожающихъ его съ обѣихъ сторонъ, и по богатству растительности, стоитъ еще выше; но замѣчательнѣе всѣхъ предъидущихъ — это ущелье рѣки Бѣлой: отъ Майкопа оно, какъ устья всѣхъ ущелій, имѣетъ видъ широкой долины, окоймленной незначительными высотами, по преимуществу съ отлогими скатами; но отъ Каменнаго моста долина эта вдругъ обращается въ узкое ущелье, которая тянется до самой Хамышейской долины и далѣе.

На пути отъ Абадзехской станицы вверхъ по Бѣлой, еще издали слышится сильный шумъ рѣки; направляясь на него, любопытный прохожій непременно подойдетъ къ тому мѣсту, гдѣ Бѣлая дѣлаетъ крутой поворотъ и перегораживаетъ долину въ перпендикулярномъ направленіи. Въ этомъ мѣстѣ берега рѣки, не возвышаясь надъ плоскостію долины, издали совершенно незамѣтны; но, подойдя къ нимъ, невольное удивленіе вырывается наружу при видѣ неожиданной картины: въ этомъ мѣстѣ рѣка представляется въ видѣ глубокой и извилистой промоины, бока которой состоятъ изъ отвѣсныхъ каменныхъ стѣнъ, опущенныхъ въ глубину и мѣстами подходящихъ другъ къ другу сажени на полторы; внизу же, въ полумракѣ, на десятисаженной глубинѣ, вмѣсто воды, виднѣется съ страшнымъ шумомъ клокочащая пѣна, а надъ нею стоитъ вѣчный туманъ изъ брызговъ. Здѣсь то мѣсто, гдѣ легкій деревянный мостикъ соединяетъ близко-подходящіе другъ къ другу каменистые края противоположныхъ береговъ, извѣстно подъ именемъ Каменнаго моста.

Въ прежнія времена, на краю каменнаго навѣса лѣваго берега стояло народное судилище — мегкеме — выстроенное Магометъ-Аминемъ; оттуда приговоренныхъ къ смертной казни кидали въ ревущую пропасть, гдѣ силою воды несчастные расшибались объ острые выступы извилистыхъ береговъ. Въ послѣднее время, вмѣсто мегкеме, стояли двѣ бревенчатыя хатки въ видѣ блокгаузовъ, гдѣ находился наблюдательный постъ.

Съ этого мѣста дорога круто поворачиваетъ въ горное ущелье и идетъ подъ нависшей скалой праваго берега. Тамъ шумъ рѣки, которая протекаетъ въ такой же трещинѣ, какъ и у Каменнаго моста, отражаясь отъ скалистой полуарки надъ дорогой и отъ высокой стѣны лѣваго берега, отвѣсно спускающейся до дна рѣки, былъ еще оглушительнѣе, еще грознѣе.

Версты четыре далѣе, горы понемногу раздвигаются, и вдали, на высотѣ, виднѣется Даховская станица.

Прекрасна дорога и отъ Даховской до Хамышейскаго укрѣпленія. Вторая половина ея особенно привлекательна: высоты праваго берега, по которымъ проложена дорога, имѣютъ характеръ поднятыхъ каменныхъ слоевъ; края ихъ, составляя вершины горъ, какъ искусственно-сложенныя стѣны тянутся по высотамъ, выглядывая изъ-подъ осунувшейся земли, покрытой зеленью. Этотъ земляной откосъ, поросшій великолѣпными рощами изъ чинара, дуба, ясени, мѣстами и березы, вмѣстѣ съ линіею деревьевъ, оставленныхъ къ сторонѣ обрыва, образовали густую алею.

Бѣлая, въ этихъ мѣстахъ, тоже очень разнообразна: то представляется глазамъ прохожаго, какъ она, будто затаивъ свой гнѣвъ на стѣсняющіе ее берега, съ необыкновенной быстротой, безъ шума, блестящей, гладкой полосой несетъ на отступающаго уже зрителя; вотъ-вотъ налетитъ она на берегъ, но вдругъ, какъ будто отказавшись скрыть стѣснявшія ея преграды, поворачиваетъ въ сторону и снова разражается гнѣвомъ, шипя и пѣнясь. Невольно останавливаешься полюбоваться, какъ рѣка изъ широкаго русла врывается въ узкое, загроможденное отрывками скалъ, какъ съ размаху волны ея, ударяясь о камень, преграждавшій имъ путь, отскакиваютъ отъ него, будто ошеломленные ударомъ; потомъ съ тою же быстротой налетаютъ на скалу противоположнаго берега и затѣмъ, снова отражаясь, съ какимъ-то ропотомъ на неодолимость стѣснителей, сливаются съ массою кипящихъ бѣлыхъ бугровъ.

Незамѣтно проходишь по этой дорогѣ, не чувствуя даже усталости, чему способствуетъ, кромѣ дивныхъ ландшафтовъ, какъ полъ гладкая дорога. Такая отличная отдѣлка ея тянется до моста съ блокгаузами, который переводитъ дорогу съ праваго берега на лѣвый. Шесть верстъ далѣе, на Хамышейской долиинѣ, стоитъ маленькое укрѣпленіе, которымъ замыкается удобный путь. Далѣе подымались уже дикія, незаселенныя го-

ры, съ узкими, глубокими трещинами, между которыми выглядываетъ высокая скала, съ вѣчно-снѣжною шапкой, известная подъ именемъ Оштень, и около которой берутъ свои начала Курджипсъ и Бѣлая съ одной стороны, нѣсколько правыхъ притоковъ Шахе съ другой. Дикость этихъ мѣстъ достаточно опредѣляется тѣмъ, что тамъ не жили даже горцы.

Смотря на окрестность Оштена съ значительной высоты, на первый разъ, непривычному глазу представляется только какой-то хаосъ изъ нагроможденныхъ безлюдныхъ скалъ, неправильно изрѣзанныхъ балками и глубокими оврагами. Вершины этихъ горъ освобождаются отъ снѣга только мѣсяца на полтора въ годъ и въ лѣтнее время едва проходимы. По мѣрѣ того, какъ сходитъ снѣгъ, постепенно начинаютъ выказываться изъ-подъ него то безобразныя груды каменьева, то цѣлыя завалы поваленныхъ деревьевъ, то глубокіе провалы, то земляныя осыпи и т. п. Впрочемъ, въ іюлѣ и въ августѣ опасно проходить и тѣ мѣста, гдѣ оставался еще снѣгъ: слыша, какъ журчитъ подъ нимъ вода, проваливаясь поминутно до колѣна, невольно помышляешь о возможности провалиться сквозь разрыхлѣвшій снѣгъ и быть увлеченнымъ подснѣжнымъ потокомъ. Богъ знаетъ куда. Какъ всхолмлены эти мѣста, можно судить уже потому, что при разбивкѣ лагеря не находили ровной площадки для помѣщенія даже пяти палатокъ.

Флора здѣшнихъ мѣстъ могла напомнить солдатамъ изъ Архангельской и Вологодской губерній ихъ родину: начиная отъ Хамышейской поляны, непрерывно тянутся по Бѣлой еловые и сосновые лѣса, состоящіе изъ деревьевъ громадныхъ размѣровъ, между которыми, въ видѣ исключенія, попадаетъ только мелкій березнякъ. Въ этихъ лѣсахъ въ изобиліи растутъ кусты лѣсной малины, барбариса и смородины; но на южномъ скатѣ главнаго хребта опять появляются невысокіе лиственные лѣса и сплошные кустарники, а ель и сосна уже исчезаютъ.

Необитаемость этихъ мѣстъ была поразительна: глухари, которые такъ пугливы въ Россіи, встрѣчались здѣсь во множествѣ, удивляя насъ своею смѣлостію: несмотря ни на пѣсни солдатъ, ни на барабанный бой, они толпами бѣгали по снѣгу около самыхъ лагерей; въ первое время они не отлетали даже отъ выстрѣловъ, если давали по нимъ промахъ; повременамъ и медвѣди подходили на лагерный шумъ. Тамъ, какъ видно,

некому было пугать звѣрей; тамъ природа не пріютила человека. Бури и зимнія мятели были страшны даже для проходящихъ: иначе, при разработкѣ дорогъ, не было бы найдено такъ много труповъ, занесенныхъ снѣгомъ. Среди этой дичи, выше линіи лѣсовъ, на голыхъ или покрытыхъ снѣгомъ горахъ, былъ расположенъ хамышейскій отрядъ.

7-го мая, черезъ перевалъ у горы Оштень, проѣхали къ берегу моря графъ Евдокимовъ, генераль-лейтенантъ Ольшевскій и генераль-маіоръ Шульманъ.

Въ это же время по всѣмъ ущельямъ кипѣла самая дѣятельная работа дорогъ, при чемъ болѣе тяжелая выпала на долю мало-лабинскому и хамышейскому отрядамъ. Хотя впоследствии, видя неодолимость каменистыхъ горъ у Оштена, продѣлка дороги черезъ Бѣлорѣченскій перевалъ была остановлена, однако въ этотъ періодъ времени хамышейскій отрядъ все-таки успѣлъ подолбить камень, хотъ ради искупленія своихъ грѣховъ.

Ничто не благоприятствовало этому отряду; даже позиціи были какія-то невеселыя: снѣжные скаты горъ съ прогалинами безъ травы, едва распустившіеся кусты, обнаженные каменные шпильи, темнозеленыя полосы лѣсовъ, тянущихся подъ ногами, въ глубокихъ ущельяхъ—вотъ главный характеръ окрестныхъ ландшафтовъ. Если же иногда и встрѣчались дикія, но своеобразно-прекрасныя мѣста, какихъ здѣсь довольно много, такъ любоваться ими приходилось очень рѣдко: густые, холодные туманы заволакивали окрестность около шести или семи дней изъ десяти — это значило, что мы находились въ тучахъ. Не видя ничего, мы слышали неумолкаемый шумъ потоковъ и минутные взрывы скалъ, гдѣ работалась дорога; но хуже всего были частые проливные дожди и сильныя бури. Кашель слышался во всѣхъ палаткахъ, а простудныя лихорадки увеличивали число больныхъ. Благодаря туманамъ, приходилось въ шесть часовъ послѣ полудня сидѣть уже при свѣчахъ. Такая погода напоминала прошлую осень и не позволяла вѣрить, что на линіи и въ Майкопѣ стоятъ сильнѣйшіе жары и что ожидаютъ даже засуху.

Ирѣдка, для отдохновенія отряда, выдавались и хорошіе дни. Тогда намъ дѣлалось понятно чувство, которое заставляетъ радоваться узника, выпущеннаго изъ сыраго, темнаго заключенія на Божій свѣтъ.

Тѣ, которымъ приходилось проводить долгое время почти на снѣжныхъ высотахъ, помнятъ, вѣроятно, какъ бывала привлекательно-хороша горная природа при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, когда безчисленное число вершинъ различныхъ видовъ и формъ, столпившіяся кругомъ, то освѣщенные, то спрятавшіяся въ тѣни, будто отдѣльные острова, выглядывали изъ неподвижныхъ волнъ розовыхъ и бѣлыхъ облаковъ, отрѣзавшихъ ихъ отъ нижнихъ частей горъ. Какъ былъ интересенъ видъ, когда поднявшееся выше солнце, требуя болѣе паровъ для насыщенія воздуха, заставляетъ густыя облака подыматься изъ ущелій въ видѣ паровыхъ столбовъ и исчезать безслѣдно; когда закурившіяся вершины горъ отъ полуденной жары, образуя одно облачко за другимъ, отпускали эти прозрачныя массы погулять по вѣтру, и когда съ охлажденіемъ воздуха дѣлались онѣ меньше, плотнѣе, потомъ спускались все ниже, ниже, и снова, въ глубинѣ ущелій, подъ ногами зрителя, смыкались въ длинныя полосы, представляя изъ себя морскіе протоки, залившіе всѣ ущелья и застывшіе навѣки.

Въ ясный день самая дикость этихъ мѣстъ получаетъ какое-то разнообразіе и загадочность: многія изъ узкихъ темныхъ ущелій, отрываясь противоположными концами въ ярко-освѣщенные мѣста и показывая словно въ гигантской панорамѣ то посеребренные снѣжные, то позолоченные зеленые скаты горъ, невольно подстрекають сходить туда, въ ожиданіи встрѣтить живописныя долины и столь же привѣтливую природу, какъ въ заселенныхъ мѣстахъ Швейцаріи; но подойдешь къ тѣмъ мѣстамъ и встрѣтишь тѣ же глубокія щели, тотъ же мрачный лѣсъ. Однако однообразіе въ общемъ и суровый видъ кавказскихъ горъ не утомительны: различные изгибы линій, разнообразныя переливы цвѣтовъ, безчисленныя формы ущелій отъ страшныхъ трещинъ до широкихъ полянъ и другіе оттѣнки придаютъ этимъ мѣстамъ много интереснаго.

Стоя въ недоступныхъ мѣстахъ, хамышейскій отрядъ былъ уединенъ отъ всего живущаго въ окрестностяхъ; всѣ слухи съ моря доходили до него только черезъ фурштатскихъ рядовыхъ, возившихъ въ Сочѣ и Майкопъ разныя разности. Всѣ одоляемые любопытствомъ получали свѣдѣнія то о томъ, что скоро пріѣдетъ императоръ, то о томъ, что у нихъ былъ большой праздникъ, въ который, послѣ молебна, долго стрѣляли изъ орудій и много кричали ура.

Несравненно позже прочитали мы въ газетахъ (*), что дѣлалось на берегу моря. Изъ нихъ узнали мы, что 18-го марта всё прибрежныя племена изъявили покорность, но что войска продолжали ходить по всѣмъ ущельямъ, не довѣряя словамъ живущихъ въ неприступныхъ мѣстахъ южнаго склона, между рѣками Сочео и Бзыбью. Изъ племенъ, обитавшихъ тамъ, рѣзче всего выдавалось общество ахчипсу, заселявшее котловину рѣки Мзымты, замѣчательную по своей непроходимости. По приказанію Его Императорскаго Высочества, двинуты были туда четыре колонны: *первая*, состоявшая изъ 27 ротъ пѣхоты и сотни цебельдинской милиціи, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Шатилова, должна была изъ Гагръ направиться въ долину Псоу и вверхъ по этой рѣкѣ; *вторая*, десантная, которую составляли восемь баталіоновъ пѣхоты, четыре сотни пѣшей милиціи и сотня ирегулярнаго полка, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою генераль-лейтенанта Святополка-Мирскаго, назначалась перейти сначала изъ Сухума въ Адлеръ, а потомъ слѣдовать вверхъ по Мзымтѣ; *третья*, силою только въ четыре баталіона пѣхоты, сотни казаковъ и сотни милиціи, при двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ командою генераль-маіора Геймана, направлена была отъ Кубанскаго поста вверхъ по Соче и отъ верховья ея параллельно главному хребту къ верховьямъ Мзымты; *четвертая*, свиты Его Величества генераль-маіора Граббе, составленная изъ шести баталіоновъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ, сотни милиціи и двухъ горныхъ орудій, двинулась вверхъ по Малой Лабѣ къ перевалу.

Узнавъ, во время слѣдованія, что колонна генераль-маіора Шатилова въ одномъ изъ ущелій была сильно засыпана камнями, отъ чего понесла потерю, Его Императорское Высочество немедленно послалъ войска изъ второй колонны на гору, гдѣ сидѣли горцы. 20-го мая всё отряды сошлись въ ущелье Ахчипсу; на другой день былъ отслуженъ благодарственный молебенъ за окончаніе кавказской войны, послѣ чего всё собравшіеся тамъ 23 баталіона пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ, 10 сотенъ милиціи и 12 горныхъ орудій вскорѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

Пшехскій отрядъ въ это время находился на Пшишѣ, по сѣверному склону главнаго хребта, занимаясь разработкою до-

(*) „Русскій Инвалидъ“ за 1864 годъ, № 131.

роги отъ Хадыжей до Гойтхъ и постоянными рекогносцировками по окрестнымъ ущельямъ. Было извѣстно, что нѣкоторые горцы, вопреки даннымъ обѣщаніямъ выселиться, затаились въ горахъ и, надѣясь на мало-доступную мѣстность и на покровительство Аллаха, думали остаться тамъ на жительство. Образовавъ нѣсколько летучихъ отрядовъ, подъ начальствомъ подковника Эжелна, ихъ разсылали рыскать всюду и захватывать оставшихся горцевъ; пойманныхъ препровождали военнопленными въ городъ Екатеринодаръ, а оттуда, за нарушеніе заключеннаго договора, отправляли дальше, подъ строгимъ карауломъ, одиночныхъ горцевъ—на Донъ, а взятыхъ съ семействами—въ Ейскій округъ.

Тотчасъ же, по отъѣздѣ Его Императорскаго Высочества, хамышейскій отрядъ былъ расформированъ; работа дороги черезъ Бѣлорѣченскій перевалъ прекращена, и войска разведены для другаго назначенія. Пятигорскій пѣхотный полкъ былъ переведенъ въ ущелье р. Шахе, къ Бабукову аулу, гдѣ велѣно ему было ожидать приказанія отъ генерала Геймана, а 3-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка и горный взводъ облегченной № 3-го батареи, какъ на время откомандированные отъ пшехскаго отряда, должны были опять войти въ составъ его, который къ этому времени стягивался въ Тубу.

Отъ Тубинской засѣки есть прямая дорога къ Хакучинскому перевалу: сначала она идетъ по высотѣ между Пшехою и Гогопсомъ, потомъ между Гогопсомъ и Гугупсомъ, по опустѣлой странѣ тубинскаго общества; далѣе подымается на хребетъ Хорзешо, отъ южнаго ската котораго начинаются жилища хакучей.

Много кое-чего передавали намъ объ нихъ горцы, но невѣжество разскащиковъ было причиною, что собрать свѣдѣнія сколько-нибудь точныя было невозможно. Одни опредѣляли ихъ словомъ: „хакучь-яманъ!“ другіе: „хакучь-марушка!“ но они не были ни тѣмъ, ни другимъ. Изъ внимательнаго вслушиванія въ нескладные рассказы, можно было вывести, что всё едва проходимые горы и лѣса, по обѣимъ сторонамъ рѣки Аше, съ давнихъ поръ были заселены семействами различныхъ племенъ: тамъ жили убыхи, абадзехи, шапсуги и другіе, къ которымъ впоследствии присоединились вышедшіе

изъ Россіи старообрядцы (*), и составили между собою особенную федерацію, связанную однимъ образомъ жизни и одними интересами, обусловленными мѣстностію. Разбой былъ ихъ спеціальностію. Опасными сосѣдами считались они для шапсуговъ, убыховъ и тубинцевъ. Дѣлая на нихъ набѣги и захваты-вая богатые добычи, они хорошо умѣли пользоваться до невозможности пересѣченною мѣстностію и общими силами выступали противъ хозяевъ ограбленнаго имущества, пытавшихся силою оружія возвратитъ пропажу, при чемъ почти всегда отстаивали свое приобрѣтеніе. Но передъ началомъ нашей экспедиціи земля хакучей была заселена совершенно иначе: туда сбѣжались разные бездомные особняки всѣхъ племенъ, которымъ разбой нравился больше всего на свѣтѣ; они-то и сдѣлались главными нашими противниками, а для страны—неограниченными деспотами, угрожая смертію всѣмъ, кто только захочетъ переселяться либо въ Турцію, либо въ Россію.

Главнымъ распорядителемъ хакучинской экспедиціи былъ назначенъ генераль-маіоръ Гейманъ.

Пшехскій отрядъ, подчиняясь въ главныхъ распоряженіяхъ ему же, получилъ приказаніе стянуться къ Тубинской засѣкѣ. Въ среднихъ числахъ іюня почти весь отрядъ былъ уже въ сборѣ.

Тотъ же пшехскій отрядъ по имени былъ, въ это время, другой по составу, начиная съ начальника отряда: полковникъ Мерхилевичъ занялъ мѣсто генераль-маіора Граббе; гостившіе у насъ стрѣлковые баталіоны изъ Дагестана, ширванскій и апшеронскій, вмѣстѣ съ артилерійскими горными взводами Терской области, разошлись по своимъ штабъ-квартирамъ; самурскій стрѣлковый баталіонъ переведенъ былъ въ даховскій отрядъ, а двѣ роты 19-го стрѣлковаго баталіона оставались въ пшехской станицѣ. Эти лучшія составныя части нашего отряда замѣнились баталіонами вновь сформированныхъ полковъ.

Предполагаемыя военныя дѣйствія требовали не такъ много войска; поэтому не всему пшехскому отряду пришлось собратъся къ Тубинской засѣкѣ: немалая часть его осталась на Гойтхѣ, для продолженія пшишской дороги черезъ переваль (**).

(*) У нихъ отъ христіанской религіи остался только крестъ, который встречали мы и на дорогахъ и на нѣкоторыхъ могилахъ; но значеніе его они уже забыли и кланялись ему какъ идолопоклонники истукану.

(**) Части, составлявшія дѣйствующій отрядъ, расположенный у Тубинской засѣки, были: двѣ роты 19-го стрѣлковаго баталіона; 2-й и 3-й бат. Бакинскаго;

Недавно сформированные баталіоны были чѣмъ-то новымъ для непривычныхъ глазъ кавказцевъ: цѣлые полки красивой молодежи, въ сравненіи съ загорѣлыми, обросшими и исхудалыми старослуживыми, представляли скорѣе полки „потѣшныхъ“; а видя, какое значительное количество отсталыхъ тащилось за арьергардомъ, при переходахъ по горамъ, невольно рождался вопросъ: замѣнятъ ли они старыхъ героевъ? Но общій, едва не восторженный отзывъ объ ихъ трезвости, готовности на все честное и хорошее, а также несравненно лучшее обращеніе съ ними начальниковъ, которое не могло убить такихъ наклонностей и которое отражалось въ естественно-бодромъ и веселомъ видѣ молодежи, подавали большую надежду получить утѣшительные результаты. Привычка къ труднымъ кавказскимъ походамъ и нѣсколько разъ испытанныя лишенія могли и ихъ довести до степени непобѣдимости старыхъ кавказцевъ.

Въ ожиданіи распорядженія о началіи военныхъ дѣйствій, пшехскій отрядъ приступилъ къ расчисткѣ тропы отъ поста Маратуковскаго до Тубинской засѣки, съ цѣлію облегчить подвозъ провіанта изъ станицъ Прусской и Дагестанской. Наконецъ и эта работа была окончена, а отъ генерала Геймана все-таки не получалось ни приказаній о началіи военныхъ дѣйствій, ни общей инструкціи, указывавшей, къ чему отрядъ долженъ былъ готовиться.

18-го іюня сдѣлана была начальникомъ отряда рекогносцировка тропы, ведущей прямо къ перевалу. Она оказалась удобною для прохода войскъ, и ни одного горца не встрѣтилось на пути.

Эти данныя навели начальника отряда на мысль подвинуться впередъ какъ можно дальше, чтобы не дать возможности неприятелю завалить дорогу впереди насъ и усложнить наше движеніе; вслѣдствіе чего, 2-го іюля, мы выступили съ позиціи.

4-й бат. Кубанскаго, 1-й бат. Ставропольскаго; 2 роты Елисаветпольскаго пѣхотныхъ полковъ; горные взводы облегченной № 3-й и батарейной № 3-й батарей и 2-я Григоріопольская сотня.

Оставшіеся на Гойтхѣ: 1-й, 2-й и 3-й бат. Дербентскаго, 1-й и 2-й бат. Абхазскаго пѣхотныхъ полковъ и 2 роты стрѣлковаго сводно-линейнаго бат. Кубанской области.

Предположеніе начальника отряда было: при открытіи военныхъ дѣйствій въ Хакучинскомъ обществѣ, 1-й бат. Елисаветпольскаго полка присоединить къ отряду, а взамѣнъ его въ Тубинскую засѣку поставить 2 роты 2-го бат. того же полка. Вслѣдствіи произошло еще нѣсколько перемѣнъ, результатомъ которыхъ было увеличеніе дѣйствующаго отряда.

Отрядъ, вытянувшись въ одного человѣка, шелъ по тропинкѣ, или, вѣрнѣе, по узкому гребню хребта Пшенайтхъ, крутые бока котораго поросли густымъ лѣсомъ. На шестой верстѣ авангардъ встрѣтилъ завалъ изъ сваленныхъ накрестъ деревьевъ и принялся за уничтоженіе его. Прошло полчаса времени, и завала не существовало. Версты три дальше, съ высокаго бугра увидѣли мы впереди еще большій бугоръ, увѣнчанный крѣпкимъ заваломъ, доступъ къ которому былъ сильно затрудненъ множествомъ чинаровъ громадныхъ размѣровъ, разбросанныхъ по весьма крутому подъему. Оттуда раздался первый сигнальный выстрѣлъ сторожевыхъ хакучинцевъ. Возшелъ авангардъ и на этотъ бугоръ, отъ котораго хребетъ Пшенайтхъ поворачивалъ въ сторону; дорога отъ завала спускалась внизъ по уступамъ горы, потомъ подходила къ отрогамъ главнаго хребта, подымаясь по нимъ до его гребня, среди густѣйшаго лѣса. Это былъ кратчайшій путь къ хакучинцамъ, непревышавшій 12 верстъ.

При небольшой остановкѣ нашего отряда, сдѣланной для обозрѣнія впереди лежащей мѣстности, совершенно неожиданно родился вопросъ: идти ли впередъ, или повернуть назадъ? Неумѣнье лазутчиковъ показать, есть ли далѣе достаточное количество воды, съ одной стороны, предписаніе командующаго войсками Кубанской области, чтобы дѣйствовать по возможности безъ потерь, съ другой, поколебали рѣшительность начальника отряда относительно движенія впередъ. Расположившись же на томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, не было возможности, какъ по сильной пересѣченности мѣста, такъ и по тѣснотѣ позиціи, на которой могло помѣститься не болѣе двухъ баталіоновъ; поэтому полковникъ Мерхилевичъ велѣлъ отряду вернуться и, остановивъ его въ томъ мѣстѣ, гдѣ верхняя площадка горы Пшенайтхъ достаточно широка, приказалъ разбить лагерь. Позиція эта отстояла отъ Тубинской засѣки не болѣе пяти верстъ.

Общественное же мнѣніе офицеровъ было за движеніе впередъ: непріятели не было видно, стало быть не предстояло и препятствій для дальнѣйшаго наступленія, а отступить, показавъ хакучинцамъ шутъ, который мы избрали для предстоящихъ предпріятій, значило надолго распроститься съ кратчайшею дорогой. Занявъ же перевалъ, мы, своимъ положеніемъ, угрожали бы землямъ хакучинцевъ, которые жили по

южному скату главнаго хребта, стало быть могли не опасаться за появленіе въ тылу нашемъ значительныхъ партій, а отправляя команды охотниковъ для розысковъ мелкихъ шаекъ, мы дѣлались хозяевами по всему пространству отъ главнаго хребта до Тубинской засѣки. Что же касается присутствія тамъ воды, то за это ручались какъ жилища горцевъ, такъ и наша опытность, потому что по всѣмъ лѣсистымъ высотамъ намъ встрѣчались всегда хорошіе и изобильные источники.

Тихо простояли мы 3-е іюля, хотя мѣстами и замѣчали горцевъ, высматривавшихъ наше расположеніе, которое, правду сказать, было не совсѣмъ удобно.

Желая однако приготовить путь для дальнѣйшаго движенія, послана была, 4-го іюля, небольшая колонна для расчистки дороги до кургана на краю хребта; но горцы не зѣвали и, занявъ его, снова успѣли огородить вершину заваломъ. Завидѣвъ приближеніе нашихъ войскъ, они приготовились къ бою. Отрядъ подошелъ ближе. Тубинскій старшина Амчуковъ, находившійся въ нашемъ отрядѣ, высланъ былъ впередъ для переговоровъ; начались перекрикиванія; черезъ нѣсколько времени Амчуковъ, подъ прикрытіемъ охотниковъ, былъ уже на полу-горѣ и уговаривалъ ихъ покориться безъ сопротивленія, представляя имъ все безуміе защищаться противъ такого сильнаго побѣдителя, который заставилъ выселиться всѣ окрестныя, многочисленныя племена. На все это ему отвѣчали только одно, что будутъ биться до послѣдняго, при чемъ пожелали, на всякій случай, переговорить на другой день съ самимъ начальникомъ отряда.

5-го іюля опять рабочая колонна выступила къ большому кургану. Не доходя его, мы ясно увидѣли порядочное собраніе вооруженныхъ горцевъ, которые, при нашемъ появленіи, подняли какой-то гамъ. Посланный впередъ Амчуковъ, на предложеніе начать переговоры, услышалъ только одни крики негодованія.

— Какъ же вы сказали, что придете для переговоровъ, а пришли съ войскомъ? укоряли насъ горцы.

— Войска пришли для расчистки дороги, а не противъ васъ, угѣшалъ ихъ переводчикъ.

Наконецъ, послѣ нѣкотораго упорства, два человѣка начали мало по малу спускаться внизъ, а нашъ переводчикъ, шагъ за шагомъ, приближаться къ нимъ. Сошлись, и началась дипло-

матическая болтовня. На предложеніе, чтобъ горцы отказались отъ напраснаго пролитія крови, полученъ былъ отвѣтъ, что имъ хорошо известна сила русскихъ и малочисленность ихъ общества и что, несмотря на возможность скоро погорить ихъ, они все-таки рѣшились биться до невозможности.

— Отчего же не хотите вы выселиться на Лабу или въ Турцію? спросилъ ихъ Амчуковъ, по приказанію полковника Мерхилевича.

— Въ Турцію не выселяемся потому, что всѣ наши поля засѣяны и при выселеніи приходится много терять, а какъ живутъ переселившіеся на Лабу, намъ еще неизвѣстно.

— Да вотъ я живу съ семействомъ на Лабѣ и доволенъ этой жизнью, сказалъ Амчуковъ. Потомъ, по приказанію начальника отряда, прибавилъ:—если вы объявите желаніе поселиться на Лабѣ, то ваши поля останутся неприкосновенными; вамъ позволять безпрепятственно убирать хлѣбъ и перевозить имущество.

На это хакучинцы обѣщали отвѣтить, посоветовавшись со старшинами, изъ которыхъ, какъ они говорили, не всѣ еще были дома, при чемъ просили начальника отряда не производить рубку лѣса, но, разумѣется, получили отказъ.

Много лжи и мало хитрости проглядывало въ переговорахъ со стороны хакучинцевъ. Старшинъ у нихъ никакихъ не бывало, а старики не имѣли особеннаго голоса. Общество это была скорѣе разбойничья республика, безъ признаковъ правленія, чѣмъ общество на патріархальныхъ началахъ.

По примѣру прошлыхъ дней, и 6-го іюля была составлена очередная колонна изъ четырехъ ротъ и отправлена для расчистки дороги, все по тому же направленію къ высокому кургану (*).

Имѣя въ передней цѣпи команду охотниковъ, отрядецъ этотъ не успѣлъ отойти отъ лагерей и версты, какъ былъ внезапно встрѣченъ залпомъ, свалившимъ трехъ въ цѣпи и надѣлавшимъ тревогу въ лагеряхъ, откуда двѣ роты 13-го стрѣлковаго баталіона и одно горное орудіе кинулись къ сторонѣ выстрѣловъ. Между тѣмъ, маіоръ Саранчевъ, находившійся при ротахъ Елисаветпольскаго полка, до прибытія помощи, раскинулъ боковыя цѣпи по одной ротѣ съ обѣихъ сторонъ гребня,

(*) Команда охотниковъ изъ всѣхъ баталіоновъ, 2 роты Елисаветпольскаго и 3-я стрѣлковая рота Бакинскаго пѣхотныхъ полковъ.

а оставшуюся роту поставилъ такъ, что она могла, при случаѣ, подкрѣпить всѣ три цѣпи; послѣ чего, кинувшись на курганы, изъ-за которыхъ были сдѣланы выстрѣлы, выгналъ оттуда горцевъ и погналъ ихъ по гребню къ большому кургану. Въ это время явилось вышеупомянутое подкрѣпленіе: орудіе немедленно взгромоздилось на предпоследній меньшій курганъ и выстрѣломъ своимъ противъ засѣки противника какъ-будто подало сигналъ къ атакѣ; снова учащенная пальба и крикъ „ура!“ разнеслись по лагерю, который чутко прислушивался къ происходившей стычкѣ. Сначала „ура!“ наше было слышно глуховато, но потомъ звонко загремяло оно на высотѣ. „Гора взята!“ заговорили въ лагерѣ, и не ошиблись: фронтальная цѣпь, примкнувъ флангами къ боковымъ, кинулась на штурмъ, направляясь по кособокому правѣ и лѣвѣ засѣки; схвативъ такимъ образомъ противника съ тыла, заставила его бѣжать, не позволяя подбирать убитыхъ. Это дѣло было боевымъ крещеніемъ молодыхъ солдатъ, первый разъ попавшихъ въ перестрѣлку.

Не приходилось уже больше хакучинцамъ владѣть этой горой: въ тотъ же день принялись наши за работу; вдвое лучшимъ заваломъ огородили верхнюю площадку горы, складывая его изъ чинаровъ въ два обхвата толщиной; къ вечеру кое-какъ втиснули туда 1-й баталіонъ Ставропольскаго полка и два горныхъ орудія, обязавъ ихъ наблюдать всю впереди-лежащую низменность и прикрывать работы, производимыя близъ него.

Хакучинцы, сброшенные съ высотъ Пшенайтхъ, не ушли далеко. Съ засѣки, занятой ставропольскимъ баталіономъ, видно было, какъ они, избравъ внизу одинъ изъ бугровъ, всѣ послѣдующіе дни укрѣпляли его и, въ параллель нашимъ работамъ, тоже занимались рубкою лѣса; по вечерамъ же, подражая обычаю нашихъ солдатъ пѣть до зори, они тоже издавали какое-то волчье завыванье; только изрѣдка бросаемыя туда гранаты прерывали ихъ наслажденіе. Впрочемъ, пальба эта была не-дѣйствительна, потому что надлежало подымать хоботъ.

Работы относительно обезпеченія хребта Пшенайтхъ, по которому былъ растянутъ нашъ отрядъ, подходили къ концу: тропинка была расчищена, а по сторонамъ настроено до пяти засѣкъ, и все это не выполняло своего назначенія: густыя лѣса, глубокія балки, крутые скаты, высокій папоротникъ могли

быть преодолены только сверхъестественными трудами большой массы людей и въ продолжительное время. Между тѣмъ, хакучинцы очень ловко пользовались всѣми преградами и съ нѣкоторымъ успѣхомъ вели сначала свою разбойничью войну; залегая шагахъ въ тридцати отъ дороги, они на выборъ убивали кого-нибудь изъ проходящей колонны. Когда же солдаты наши кидались къ тому мѣсту, то уже никого не находили; только по треску валежника и вѣтвей, иногда раздававшемуся въ глубинѣ оврага, догадывались, что виновникъ ушелъ, и выстрѣлы наши на этотъ звукъ, кромѣ выраженія неудовольствія, не имѣли другаго значенія.

Такія внезапныя убійства встрѣчались почти черезъ день. Солдаты наши до того вѣрили въ серьезное значеніе хакучинскихъ выстрѣловъ, что гдѣ ни слышатъ, бывало, звукъ черкесской винтовки (*), тотчасъ же и заговариваютъ: „видно, еще кого-нибудь зацѣпили“ и рѣдко когда ошибались (**).

Опытомъ убѣдились мы, что выборъ нашей позиціи былъ ошибоченъ, что потеря, понесенная за все время пребыванія на ней, была, можетъ быть, немногимъ меньше той, какую могли бы понести при занятіи и стоянціи на перевалѣ. Лучше было бы отступить къ Тубинской засѣлкѣ, тѣмъ болѣе, что водопой былъ скудный да и на пастбу гоняли лошадей за Пшеху. Впрочемъ, трудно было все это предвидѣть, а главное — нельзя было предполагать, чтобы генераль Гейманъ такъ долго продержалъ отряды въ бездѣйствіи.

Скука, между тѣмъ, одолевала всѣхъ. Общее желаніе сходить къ хакучамъ и, покончивъ съ ними дѣло, хотя немного отдохнуть въ станицахъ, оставалось неудовлетвореннымъ; а между тѣмъ провіантъ съѣдался и войска безъ дѣла стояли подъ ружьемъ. Такъ бесплодно протянули мы 20 дней и только 19-го были обрадованы извѣстіемъ, что отъ генераль-маіора Геймана получена инструкция предстоящимъ дѣйствіямъ и что 23-го числа открывается общее наступательное движеніе одновременно тремя колоннами:

Одна, подъ начальствомъ полковника Габаева (остатокъ

(*) Выстрѣлы черкесскихъ винтовокъ такъ рѣзко отличаются отъ звуковъ нашихъ ружей, что во время перестрѣлки легко было со стороны считать неприятельскіе выстрѣлы.

(**) Такъ погибли Кубанскаго пѣхотнаго полка штабъ-капитанъ Лабановскій, который велъ колонну, и около трехъ рядовыхъ. Такою же смертью погибали и впоследствии.

даховскаго отряда); должна была двигаться отъ Лазаревскаго укрѣпленія по правому берегу Псезуапе (Псыфъ).

Другая, стоявшая до того у Бабукова аула, получила предписаніе выступить, подъ командою полковника Рукевича, направляясь параллельно главному хребту къ верховью Аше.

Третья, подъ начальствомъ полковника Мерхилевича (пшехскій отрядъ), должна была, двинувшись по Гогопсу изъ тубинскаго общества, перейти Хакучинскій перевалъ.

Самъ же генераль-маіоръ Гейманъ со штабомъ предполагалъ находиться при первомъ отрядѣ.

Исходъ дѣйствій, опредѣляемый инструкціею, долженъ былъ заключаться въ соединеніи всѣхъ отрядовъ въ центрѣ хакучей, въ истребленіи по пути уцѣлѣвшихъ ауловъ и вообще въ вытѣсненіи оставшагося населенія. До 23-го числа всѣ должны были продолжать разработку дорогъ, а съ 23-го начать общее наступленіе.

Далѣе въ инструкціи прибавлялось, что наступленіе должно вести какъ можно рѣшительнѣе, чтобы разомъ навести на горцевъ страхъ и доказать имъ невозможность сопротивленія; истреблять жилища ихъ до тла; съ жителями поступать какъ съ плѣнными; въ плѣнъ брать только тѣхъ, которые будутъ выходить сами; въ переговоры не вступать, а если придутъ съ этой цѣлю къ кому-нибудь депутаты, то отсылать ихъ къ генералу Гейману; вступать постоянно въ сношеніе съ сосѣдними колоннами; согласовать свои дѣйствія въ главныхъ чертахъ съ дѣйствіями той колонны, гдѣ будетъ находиться генераль Гейманъ. Въ случаѣ изъявленія хакучинцами желанія на переселеніе въ Турцію препровождать ихъ къ устью рѣки Псезуапе.

Движеніе нашего отряда могло быть произведено по тремъ дорогамъ: по кратчайшей, которая шла отъ засѣлки на высокомъ курганѣ, прямо къ перевалу; но она была вся перерѣзана сильными завалами и хорошо оберегаема горцами; по другой, тянущейся между Пшехой и Гугупсомъ, тоже много испорченной неприятелемъ, и по третьей, кружной, несравненно длиннѣйшей, которая шла сначала по сильно-всхолмленной мѣстности ущелья рѣки Гогопса, потомъ переходила на восточный скатъ горнаго отрога, полукругомъ огибающаго истоки рѣки Гугупса, и только на сѣверной отлогости главнаго хребта соединялась она съ прямой дорогой, идущей отъ засѣлки.

Полковникъ Мерхилевичъ, имѣя постоянно въ виду предпи-

саніе графа Евдокимова дѣйствовать по возможности безъ потерь, не рѣшался идти по кратчайшимъ дорогамъ и выбралъ кружную, по рѣкѣ Гогопсъ, которая слабѣе другихъ наблюдалась горцами; кстати, движеніе по ней согласовалось и съ инструкціей генерала Геймана.

Дождались наконецъ 23-го іюля, и наступленіе началось: пять баталіоновъ пѣхоты, три горныхъ орудія, раздѣленные на три колонны, одна за одной начали сниматься съ позиціи около трехъ часовъ ночи: сначала тронулся авангардъ, подъ командою подполковника Иванова (*); въ четыре часа выступилъ длинный обозъ всѣхъ частей, самая слабая часть отряда, подъ командою подполковника Давыдовича, при которой находился и начальникъ отряда (**), а арьергардъ выступилъ часу въ седьмомъ утра, подъ начальствомъ маіора Саранчева (***) . Въ засѣлкѣ же, по прежнему, оставались баталіонъ Ставропольскаго пѣхотнаго полка и одно орудіе батареіной № 3-й батареи.

Чтобъ перейти въ ущелье Гогопсъ, нужно было сначала отступить по дорогѣ къ Тубинской засѣлкѣ, потомъ, не доходя до нея, круто повернуть налѣво. Недолго шли мы вдоль Гогопса: переходя непрерывно то на правый, то на лѣвый берегъ рѣки, вскорѣ нужно было перевалить къ верховью рѣки Гугупса, отгороженному отъ Гогопса дугообразнымъ хребтомъ значительной высоты. Перевалили и его.

Осматривая эти мѣста, мы замѣтили, что въ земледѣліи не такую важную роль играетъ искусство, какую нужда. Кому не случалось слышать отъ пріѣзжающихъ изъ-за границы преразмѣчательные рассказы по этой части; но, вѣроятно, никто изъ нихъ не передавалъ о возможности обдѣлывать поля по скатамъ крутизною въ 50°, а мы видѣли подобныя мѣста со сильнымъ овсомъ и рѣшительно недоумѣвали какимъ способомъ обдѣлывали горцы землю: „голь на выдумки хитра“! Эта же самая нужда заставила ихъ сжигать лѣса на вершинахъ холмовъ,

(*) Состоявшій изъ 4-го баталіона Кубанскаго пѣхотнаго полка; 2-хъ ротъ 19-го стрѣлковаго бат.; одного горнаго орудія батареіной № 3-й батареи; команды охотниковъ и нѣсколькихъ казаковъ.

(**) Прикрытіе обоза составляли: 1-й бат. Елисаветпольскаго, 3-й бат. Кубанскаго пѣхотныхъ полковъ; 2 роты линейнаго сводно-стрѣлковаго бат. Кубанской области и горное орудіе облегченной № 3-й батареи.

(***) Арьергардъ состоялъ изъ 2-хъ ротъ сводно-стрѣлковаго баталіона Кубанской области, 2-хъ ротъ Елисаветпольскаго полка и горнаго орудія облегченной № 3-й батареи.

со сколько-нибудь обширными площадками, почему и видъ на хакучинскія высоты, между которыми торчали вершины, увѣнчанныя сухими, обгорѣлыми мачтами, вмѣсто деревьевъ, имѣлъ свою особенность.

Путь нашъ пролегалъ постоянно то по балкамъ, густо заросшимъ дикими фруктовыми деревьями; то по высотамъ среди прекрасныхъ, старыхъ лѣсовъ, изрѣдка встрѣчая и небольшіе аулы. Наконецъ подошли къ послѣдному истоку Гугупса и повернули налѣво по правому берегу рѣки. Тутъ пришлось намъ подыматься на высокую сопку, лавируя между безчисленнымъ количествомъ поваленныхъ деревьевъ, которыми весь скагъ заплетался какъ паутиной. Работа для расчистки проходовъ задержала на ней средній эшелонъ на столько, что арьергардъ догналъ его. Вскорѣ гора обратилась въ муравейникъ, въ которомъ одни ползли наверхъ, другіе работали, третьи помогали вьючнымъ лошадямъ, и т. д.

Подстерегли-таки хакучинцы этотъ моментъ и довольно частыми выстрѣлами изъ окрестныхъ лѣсистыхъ балокъ и съ высотъ начали провожать наше восхожденіе. Тутъ они показали, что, стрѣляя безъ промаха на 30 шаговъ, еще не могли назваться хорошими стрѣлками, почти безвредно пуская пули въ такую громадную цѣль. Долго подымались войска на коническую гору. Часа въ четыре арьергардъ подошелъ къ подножію главнаго хребта, а авангардъ былъ въ это время на вершинѣ его; онъ шелъ быстро, не исправляя дороги, торопяся занять скорѣе переваль, чтобы, явившись надъ головами хакучинцевъ, заставить стоящихъ передъ засѣлкой, какъ обойденныхъ, отступить и тѣмъ очистить тылъ и дорогу для остальныхъ частей отряда.

Сначала процессъ взбирания на гору былъ еще кое-какъ сносенъ; но потомъ тропинка становилась все круче. Утомленные солдаты, подъ сильной жарой, теперь едва передвигали ноги; толпы отсталыхъ кое-какъ тинулись съ арьергардомъ, опасаясь въ лѣсахъ оторваться отъ колонны. Съ наступленіемъ сумерекъ затрудненія стали увеличиваться. Наконецъ совершенно стемнѣло: изъ силъ выбившіеся люди падали отъ малѣйшаго препятствія; тихіе стоны по сторонамъ говорили о той тратѣ силъ, которая уничтожала въ несчастныхъ страхъ отстать и быть убитыми противникомъ; вьючныя лошади съ громомъ начали срываться въ пропасть; ежеминутныя остановки еще болѣе утомляли войска. „Послать рабочихъ!“ непрерывно раздавалось

то спереди, то сзади; шумъ и споръ ихъ, оцупью подымавшихъ свалившихся животныхъ, разносились по лѣсу; сигналъ „стой“ чаще сталъ слышаться въ арьергардѣ и передаваться по всей колоннѣ. Наконецъ усталость, количество отсталыхъ, ночныя суматохи, отъ падающихъ въ кручу, не позволяли двигаться далѣе. Остановились, развьючили лошадей и поставили поперекъ тропинки, чтобы не держать ихъ на вѣсу; ослабѣвшіе люди, вслѣдъ за ранцами, бросились на землю, болѣе бодрые развели огонь и пошли разыскивать воду, но поиски были напрасны. Не имѣя возможности утолить жажду, мучившую всѣхъ, и сварить пищи, солдаты довольствовались хотя правомъ уснуть; лошади тоже занялись астрономіей, и чрезъ нѣсколько времени притихло все.

Замѣчательно мнѣніе кавказцевъ относительно движенія этого дня. Узнавъ на Пшенаитхѣ, что полковникъ Мерхилевичъ намѣревался предпринять движеніе по обходной дорогѣ, большинство бывалыхъ офицеровъ говорили другое: они предпочитали движеніе по прямой дорогѣ, увѣряя, что это несравненно лучше для войскъ. Большой опасности они не допускали при атакахъ непріятельскихъ засѣкъ, которыя всегда можно было обходить съ обоихъ фланговъ; лѣсъ, покрывавшій все это пространство, уравнивалъ наши шансы съ шансами противника; десятиверстное пространство отъ засѣки до главнаго хребта, несмотря на перестрѣлки, было бы пройдено легко и скоро; потерю понесли бы, какъ они рассчитывали, не болѣе 20 человекъ, и то при атакѣ перваго завала, потому что въ остальные пришлось бы врываться по пятамъ бѣгущихъ; люди были бы бодры и веселы, какъ обыкновенно послѣ неутомительнаго перехода и удачныхъ схватокъ; предписание командующаго войсками, чтобъ дѣйствовать по возможности безъ потерь, было бы выполнено точнѣе, потому что круговая, почти 35-верстная дорога, идущая по сильно-изрытой мѣстности, при іюльской жарѣ, могла быть пагубна для здоровья солдатъ, навьюченныхъ, кромѣ всѣхъ припасовъ, еще шанцовыми инструментами. Офицеры рассчитывали, что больныхъ послѣ этого передвиженія будетъ болѣе 60 человекъ, стало быть и больше выбывшихъ изъ строя; кромѣ того они предсказывали, что такое утомленіе поведетъ за собою вредное настроеніе духа войскъ. Намъ казалось тогда, что старые кавказцы были правы, потому что войска дѣйствительно выбились изъ силъ

и заболѣвшихъ лихорадкой выбыло больше предполагаемой цифры.

Къ утру и остальные поднялись на гору, уронивъ въ промону еще нѣсколько лошадей съ व्यюками. Пока прибывшія на гору части готовили себѣ обѣдъ, баталіоны, составлявшіе вчера авангардъ, а за ними и прикрытіе обоза, начали передвиженіе на высокій, впереди насъ торчавшій, хребетъ; позднѣе перешелъ туда и арьергардъ.

Чудный видъ раскрылся передъ нами, какъ съ южной, такъ и съ сѣверной стороны этой горы: впереди цѣлыя тысячи наменистыхъ вершинъ торчали изъ густѣйшихъ лѣсовъ; лоцины, перерѣзавшія все пространство, шли по всѣмъ направленіямъ, повидимому, безъ всякаго закона, а вдали темной синевой виднѣлось море, съ бѣлыми движущимися по немъ точками. Сзади насъ открывалось значительное пространство съ тѣмъ же хаосомъ вершинъ и трещинъ, по которымъ пролегалъ пройденный нами путь; вдали, на Пшенаитхѣ, бѣлѣлись палатки, а высоко торчащая скала, лѣвѣ Тубинской засѣки, виднѣющаяся съ этой высоты, утрачивала свое величіе, и все это рисовалось подъ ногами въ миніатюрѣ, какъ на красивой, но трудной для работы, топографической модели.

Около четырехъ часовъ послышались выстрѣлы; черезъ нѣсколько времени показали впереди войска, темною полоской изгибавшіяся внизу по извилинамъ нѣсколькихъ холмовъ; въ арьергардѣ у нихъ шла перестрѣлка. То былъ даховскій отрядъ. Подойдя ближе, онъ расположился въ виду насъ лагеремъ на одной изъ болѣе ровныхъ мѣстностей при рѣкѣ Хакучепси.

Ночь съ 24-го на 25-е іюля провели мы на горѣ. Холодъ былъ сильный: только костры и могли обогрѣвать солдатъ. Судя по молодой травѣ, только-что пробившейся между старой, и по рыхлости почвы, можно было навѣрно сказать, что снѣгъ сошелъ здѣсь очень недавно, и что лѣто на этой высотѣ не продолжается долѣе двухъ мѣсяцевъ.

Вечеромъ, того же числа, получено было отъ генерала Геймана предложеніе нашему отряду спуститься на другой день съ высоты и стать около его позиціи, гдѣ онъ рѣшилъ поджидать колонны полковника Рукевича, при чемъ объяснилъ, что мы находимся теперь въ центрѣ хакучей. На другое утро мы рано примкнули къ его позиціи (около Хакучинской засѣки, постройка которой началась съ 26-го числа). Немногочислен-

нымъ оказался даховскій отрядъ: всего семь стрѣлковыхъ ротъ, около двухъ сотенъ милиціонеровъ, между которыми были имеретины и абхазцы, да двѣ сотни казаковъ и два горныхъ орудія.

Несмотря на большую пересѣченность мѣстности съ южной стороны хребта, чѣмъ съ сѣверной, тутъ можно было найти болѣе удобныхъ мѣстъ для посѣвовъ, нежели среди лѣсовъ сѣверныхъ отроговъ; порой встрѣчались цѣлыя горы, засѣянные по преимуществу овсомъ, кукурузой и просомъ; въ изобиліи попадался намъ также обыкновенный горохъ, а около нѣкоторыхъ ауловъ были довольно обширные огороды съ овощами, которыхъ мы прежде не встрѣчали у горцевъ, именно: съ капустой, огурцами, лукомъ, чеснокомъ и картофелемъ. При этомъ невольно приходило на мысль, что огороды принадлежали хозяевамъ, которые когда-нибудь да были русскими.

На другой день, вокругъ позиціи, запылали оставленные аулы, и среди дыма, отъ времени до времени, раздавались выстрѣлы нашихъ милиціонеровъ, на которыхъ была возложена обязанность истреблять ихъ. Вскорѣ въ артельныхъ котлахъ закипѣла наваленная въ изобиліи капуста, картофель и другія приправы русскихъ огородовъ. Въ одной изъ сакель найдена была кавалерійская труба, по догадкамъ нѣкоторыхъ, та самая, что была отбита у насъ при гибели партіи сотника Дугина.

Часамъ къ пяти, съ юго-восточной стороны, по ущелью, показалась ожидаемая колонна полковника Рукевича, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты Пятигорскаго пѣхотнаго полка и значительнаго количества милиціонеровъ. Итакъ, всѣ три отряда сошлись въ центрѣ хакучей, потерявъ въ общей сложности не болѣе 48 человекъ убитыми и ранеными. 27-го іюля были отправлены колонны за провіантомъ, а 28-го отрядъ изъ милиціонеровъ и охотниковъ всѣхъ баталіоновъ, подъ начальствомъ полковника Абдеррахманова, выступилъ къ сѣверо-западу отъ нашей позиціи, запасшись трехдневнымъ провіантомъ.

Страна, противъ которой мы выставили почти четырехтысячную массу войскъ, противодѣйствовала намъ только сильными природными препятствіями, а живыхъ защитниковъ, съ оружіемъ въ рукахъ, врядъ-ли было болѣе тысячи. Трудно сказать, что руководило ихъ дѣйствіями, но нельзя отнять ихъ достоинства: они были воинственны и крайне единодушны: ни одного ла-

зутчика, ни одного проводника не являлось къ намъ съ ихъ стороны; во все время дѣйствій до этого времени ни одного парламентаря не высылали они съ просьбою о мирѣ, да и ни одинъ человекъ не попался намъ въ плѣнъ, до прибытія на эту позицію. Понимая всю слабость свою, хакучинцы рассыпались по трупобамъ: скрываясь удобно не только вдали отъ войскъ, но и около нашего расположенія, они выжидали оплошныхъ одиночныхъ людей и убивали ихъ въ упоръ. Въ разныхъ мѣстахъ, отъ времени до времени, раздавались ихъ выстрѣлы и почти ежедневно прибывало хоть однимъ раненымъ больше. Все это, конечно, не могло вредить нашей экспедиціи, но за то крѣпко сердило нашихъ солдатъ, которые часто проклинали и эти дебри, и упорство туземцевъ къ выселенію, вслѣдствіе котораго пришлось имъ бродить по труднымъ дорогамъ въ то время, когда большинство войска уже отдыхало по станицамъ, окончивъ тяжелые походы. Въ зависимости отъ такихъ мыслей невольно рождалась и другія: что еслибъ абадзехи и другія племена также единодушно условились биться до послѣдняго? При ихъ большей численности, они навѣрно сдѣлали бы то, что мы прошлаго года были бы не далѣе Гойтхъ. Впрочемъ, предложеніе желающимъ начать выселеніе въ Турцію ускорило окончаніе войны, разстроивъ общество, стало быть и ослабивъ энтузіазмъ къ упорной оборонѣ. Въ большомъ обществѣ трудно прививается такое единодушіе, какимъ были проникнуты хакучинцы.

29-го числа прибыли колонны съ провіантомъ, снабдивъ имъ войска по 16-е августа, а къ 30-му полковникъ Абдеррахмановъ окончилъ свою экспедицію, приведя рѣдкій призъ — трехъ плѣнниковъ. Между тѣмъ, засѣлка была уже на столько окончена, что два горныхъ орудія облегченной № 3-го батареи и баталіонъ Таманскаго пѣхотнаго полка заняли ее какъ гарнизонъ.

Съ этого времени хакучинская экспедиція принимаетъ серьезный характеръ. Невольно рождался вопросъ: какой способъ нужно было принять противъ такой страны, которая была почти пуста, но которую все-таки нельзя было назвать страной, принадлежащею намъ? Каждый получившій свѣдѣнія о хакучинцахъ и о мѣстности, гдѣ жили они, ясно пойметъ, что отыскивать жителей значило гоняться за вѣтромъ въ полѣ, а подвигаться постройками хуторовъ — не стоило труда, какъ по неудобству

мѣсть для большихъ поселеній, такъ и по мѣшкотному достиженію цѣли; между тѣмъ, изгнать жителей было необходимо, чтобъ уничтожить разбойничій притонъ. Вслѣдствіе этого, какъ вѣрнѣйшій и скорѣйшій способъ покончить съ ними всѣ расчеты, было предложено уничтожить весь хлѣбъ на корню и все, что могло служить поддержаніемъ существованія жителей, и затѣмъ на зиму распустить войска по штабъ-квартирамъ. Но и эта задача была нелегка: истребленіе хлѣбовъ должно было тоже потребовать не мало времени, а все-таки способъ этотъ, какъ лучший и скорѣйшій, былъ принятъ всѣми. Вотъ что генералъ-маіоръ Гейманъ предлагалъ начальникамъ отрядовъ для дальнѣйшихъ дѣйствій.

1) Необходимо держать войска до поздней осени. Устроить хакучинскую кордонную линію по Псезуапе до Хакучинскаго редута, оттуда къ перевальной засѣкѣ и на Тубу, для чего предполагалось въ оконченномъ уже Хакучинскомъ редутѣ оставить два баталіона пѣхоты и два горныхъ орудія, разработать отъ него дорогу до Лазаревскаго укрѣпленія, по этой линіи устроить посты, по которымъ предполагалось разбить еще баталіонъ; для соединенія Хакучинской и перевальной засѣкъ устроить промежуточный постъ (*).

2) Для уничтоженія всѣхъ жилищъ невыселившихся еще горцевъ и для истребленія хлѣбовъ предполагались движенія по верховьямъ рѣкъ Туапсе, Псезуапе и далѣе, между истоками Псезуапе и Шахе, которое должно было начаться 1-го или 2-го августа, то есть послѣ того, какъ возвратившійся отрядъ полковника Абдеррахманова успѣетъ сдѣлать дневку, а Пятигорскій полкъ совершенно окончить порученный ему Хакучинскій редутъ. При этомъ генералъ Гейманъ предлагалъ полковнику Мерхилевичу очистить бассейнъ рѣки Аше и, если не встрѣтитъ препятствія, выступить туда съ отрядомъ на другой же день, 31-го іюля, оставивъ на позиціи всѣ тяжести, подъ прикрытіемъ баталіона, а по возвращеніи съ пятидневнаго набѣга выступить на сѣверный склонъ, гдѣ пшехскій отрядъ долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно, посылая отъ времени до времени небольшіе отряды и на южную сторону хребта.

3) Когда истребятся хлѣбъ и жилища, послѣднія убѣжища горцевъ на западномъ Кавказѣ, тогда останется только силою

(*). Этотъ соединительный постъ такъ и остался предположеніемъ, между тѣмъ какъ постройка его принесла бы много пользы.

оружія заставить скорѣе выселиться безъ пристанища скитающихъ горцевъ. Для этого распорядитель хакучинской экспедиціи предлагалъ всѣмъ частямъ сформировать небольшія команды охотниковъ и посылать ихъ во всѣ стороны, въ особенности осенью, когда спадутъ листья; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщался просить разрѣшенія у командующаго войсками Кубанской области присоединить къ нимъ, для этой же цѣли, и милицію.

Конечно, всѣ предположенія, касавшіяся до пшехскаго отряда, были приведены въ исполненіе въ точности.

Чуть засвѣрѣло въ воздухѣ, 31-го іюля, какъ 4¹/₂ баталіона пѣхоты, съ малочисленною сотнею казаковъ, были уже въ строю, и подполковникъ Ивановъ, которому была поручена эта колонна, повелъ ее къ верховьямъ Аше.

Переваливъ въ тотъ же день довольно высокій хребетъ, войска прибыли къ слиянію двухъ притоковъ Аше — Петхо-Готхо и Санафей. Послѣ двухчасоваго отдыха, войска тронулись вверхъ по этимъ рѣкамъ и въ теченіе остальныхъ четырехъ дней занимались уничтоженіемъ посѣвовъ и жилья. Много трудовъ перенесли они, карабкаясь по едва доступнымъ скаламъ, сдѣлавшимся еще неодолимѣе отъ непрерывно шедшихъ проливныхъ дождей. 2-го августа началось обратное движеніе: девять стрѣлковыхъ ротъ и команда охотниковъ, раздѣленные на двѣ части, двинулись двумя отдѣльными колоннами, одна въ ущелье Шоожъ, другая въ ущелье Аше, опустошая на пути всѣ окрестности. Въ этотъ день произошла небольшая перестрѣлка, лишившая насъ двухъ рядовыхъ; наши же успѣли захватить порядочное количество скота и уничтожить посѣвы на огромномъ пространствѣ. Въ одномъ мѣстѣ хакучинцы начали было бросать со скалы камень; но шалость эту скоро остановили, и войска прошли безпрепятственно. 3-го августа они были уже на позиціи при Хакучепси, а черезъ день, 5-го числа, пшехскій отрядъ отдѣлился отъ даховскаго и снова взобрался на вершину главнаго хребта Хорзешо.

На слѣдующій день намъ снова пришлось испытать оригинальное явленіе горной природы: рано утромъ страшная буря разбудила всѣхъ; рѣдкая палатка устояла противъ бѣшеныхъ порывовъ вѣтра; люди, лишенные палатокъ, едва могли выдерживать боль: до того сильно сѣкла по лицу какая-то крупа; въ видѣ мелкаго града; лошади не шли противъ вѣтра, и подобное оскорбленіе приходилось переносить намъ въ августѣ

мѣсяцѣ! Погода такого свойства продержалась цѣлый день; къ вечеру дождь притихъ, стало какъ-то особенно темно, и вдругъ надъ нами, какъ на сценѣ при быстрой перемѣнѣ декораций, раскрылось чистое небо, а на высотѣ съ нашею горой стояли плотныя сплошныя массы облаговъ, похоронившія подъ собою всю окрестность и образовавшія изъ своихъ глыбъ какія-то причудливыя, тихо-движущіяся горы гигантскихъ размѣровъ; потомъ они сѣли еще ниже, и холодная, безоблачная ночь съ безчисленными звѣздами обѣщала хорошую погоду. Не ошиблись мы въ своемъ ожиданіи: ярко взошедшее солнце на слѣдующій день поздравило насъ съ добрымъ утромъ.

Весело какъ-то потянулась колонна въ Тубинскую засѣку за провіантомъ, а часть оставшагося отряда приступила къ постройкѣ поста, подъ руководствомъ прапорщика 2-го кавказскаго сапернаго баталіона Чоглокова.

Дѣятельность пшехскаго отряда охватывала въ это время огромное пространство. Часть его находилась на перевалѣ у Чилипси и занималась разработкою дороги отъ Гойтхъ на Туапсе; другая, небольшая, прокладывала дорогу по правому берегу Пшехи, черезъ скалу, и стояла лагеремъ между Тубинской засѣкой и ст. Самурской; третья оберегала складъ въ засѣкѣ, а четвертая, главнѣйшая, составляла дѣйствующую часть его. Пшехскій отрядъ, будучи временно обезсиленъ и низведенъ на степень второстепеннаго уменьшеніемъ его состава и удаленіемъ отъ театра военныхъ дѣйствій, теперь опять, по многочисленности своей и по разнообразію трудовъ, сталъ главнѣйшимъ и полезнѣйшимъ изъ всѣхъ. Ему принадлежитъ большая часть славы за тѣ результаты, которые были поднесены нашему отечеству всею кавказскою арміею.

Дорога, проводимая черезъ перевалъ у Чилипси, была продолженіемъ той, которую пшехскій отрядъ безъ посторонней помощи (*) проложилъ отъ Хадыжей на Гойтхъ еще въ 1863 году. Но и при этомъ не обошлось-таки безъ столкновеній съ горцами.

Жители вновь заселенной Чилипсинской станицы, посѣщая сосѣднія ущелья, замѣтили, что въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ горцы продолжаютъ себѣ жить на прежнихъ мѣстахъ. Плохо разсчитали они выгоды своей жизни въ родныхъ тру-

(*) Потому что не стоитъ считать пятиверстный участокъ, проведенный даховскимъ отрядомъ за все время стоянки на Гойтхъ.

щобахъ, предполагая, вѣроятно, что если по безчисленности балокъ наши войска не могли побывать во всѣхъ, то больше ужъ и не покажутся. Свѣдѣнія эти имѣли однако характеръ серьезный, потому что лѣто приходило къ концу, стало быть замѣченные горцы протягивали время не для сборовъ своего имущества, а рѣшительно думали остаться на зимовку. Опасаясь дурныхъ послѣдствій, немедленно была наряжена колонна изъ десяти ротъ Абхазскаго пѣхотнаго полка. Въ ночь на 1-е августа, отрядъ этотъ тихо подошелъ къ тому хребту, на другомъ скатѣ котораго находились аулы. Раздѣленный на четыре части, онъ съ разныхъ сторонъ долженъ былъ атаковать ихъ. Успѣхъ ожидался полный; даже отданъ былъ приказъ, чтобъ употреблять всѣ силы для схватыванія жителей безъ боя. Но когда войска наши показались на вершинѣ хребта, то собаки въ аулахъ, какъ гуси въ Римѣ, подняли всѣхъ жителей на ноги; пораженные паническимъ страхомъ, горцы бѣжали во всѣ стороны, скрываясь по лѣсамъ. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ открыли пальбу, наши бѣгомъ кинулись въ аулы, которые уже были пусты, и успѣли захватить только двѣнадцать человѣкъ да 170 штукъ разнаго скота.

Войска же, назначенныя проводить дорогу по Пшехѣ, дѣйствовали не такъ успѣшно, кажется, по недостатку бурильныхъ инструментовъ, и задерживали этимъ жителей предполагаемой станицы Тубинской, безъ дѣла стоявшихъ бивуакомъ около поста Чуэпсинскаго.

Съ выступленіемъ войскъ изъ Тубинской засѣки, въ окрестностяхъ ея не происходило ничего особеннаго, почему и стоявшее тамъ прикрытіе оставалось безъ дѣла.

Экспедиціонная же часть отряда, окончивъ 8-го августа засѣку на перевалѣ, спустилась съ высоты и прибыла 9-го числа въ Тубинскую, оставивъ на горѣ, въ видѣ гарнизона, сводно-стрѣлковый баталіонъ Кубанской области. Захворавшій начальникъ отряда отправился въ Майкопъ, возложивъ на подполковника Иванова весь ходъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Энергически принялся новый командиръ за дѣло.

Къ сѣверу отъ главнаго хребта, гдѣ приходилось дѣйствовать пшехскому отряду, оставалось еще много ауловъ, принадлежавшихъ шапсугамъ, которымъ не хотѣлось выселяться, и замѣчены обширные посѣвы. Истребить совершенно то и другое было главною задачею для нашихъ войскъ.

Сформировавъ отрядъ изъ 4½ баталіоновъ пѣхоты и двухъ сотенъ казаковъ (*), подполковникъ Ивановъ, 12-го августа, оставилъ Тубинскую засѣку и направился вверхъ по р. Гогопсъ; дойдя до того мѣста, гдѣ виднѣлось больше ауловъ и чаще попадались засѣянные поля, онъ остановился, разбивъ лагерь при р. Вазуко, притокъ Гогопса. Переходъ былъ не великъ—всего двѣнадцать верстъ, войска не утомлены; поэтому въ тотъ же день, часа въ три послѣ полудня, часть отряда была направлена внизъ по Гогопсу для истребленія брошенныхъ уже ауловъ и посѣвовъ, которые были замѣчены утромъ при движеніи колонны. 13-го, съ тою же цѣлю, назначенъ былъ небольшой отрядецъ вверхъ по Гогопсу, гдѣ встрѣтилъ онъ нѣчто въ родѣ сопротивленія. Такъ продолжали мы опустошать окрестности нашей позиціи при Вазуко.

Система войны, принятая въ этихъ мѣстахъ, действительно была лучшая: истребленіе насущнаго пропитанія передъ зимой и лишеніе возможности достать его даже покупкой въ обезлюженныхъ окрестностяхъ сломили-таки непреклонность одичалыхъ хакучинцевъ, которые начали выбирать уполномоченныхъ, чтобъ вступить съ нами въ переговоры.

Генераль Гейманъ, въ письмѣ своемъ начальнику пшехскаго отряда отъ 13-го августа, писалъ:

„Движеніе наше для истребленія хлѣбовъ, какъ кажется, послужитъ къ лучшему результату.

„Сегодня, въ 12 часовъ утра, приходилъ почетный старшина, абадзехъ, съ просьбою на полученіе билета на десять семействъ для переселенія въ Турцію. Старикъ этотъ отправился обратно и прибудетъ послѣзавтра. Къ вечеру, сегодня, приходилъ шапсугскій старшина и объявилъ, что онъ завтра придетъ со старикомъ своего аула за полученіемъ билета для выселенія на Лабу...“

15-го августа, на позицію нашего отряда тоже понаѣхали горцы съ той же цѣлю. Часа въ три послѣ обѣда подполковникъ Ивановъ принялъ ихъ для обсужденія условий, облегчавшихъ выселеніе.

Дѣйствія отряда однако не прекращались: заботливо собирая свѣдѣнія объ аулахъ и засѣянныхъ поляхъ, мы не остав-

(*) 2 роты 19-го стрѣлковаго баталіона; 2-й и 4-й баталіоны Кубанскаго, одинъ баталіонъ Елисаветпольскаго, одинъ баталіонъ Ставропольскаго пѣхотныхъ полковъ; команда охотниковъ и малочисленные сотни 2-й и 6-й бригадъ.

ляли безъ вниманія и бродящихъ жителей; для разысканія ихъ, во всѣхъ частяхъ были сформированы мелкія охотничьи партіи, которыми съ этою цѣлю дѣйствовать было удобнѣе, чѣмъ большими массами; вдобавокъ, занимаясь спеціально только преслѣдованіемъ противника, они давали возможность отрядамъ не прерывать своихъ занятій. Итакъ, противъ горцевъ открытъ былъ тотъ же способъ дѣйствій, которымъ они надѣдали намъ вначалѣ; теперь, въ свою очередь, охотники стали сильно донимать ихъ: тихо подкрадывались они къ мѣстамъ ихъ сбора и смертію нѣкоторыхъ изъ собесѣдниковъ поканчивали интимныя бесѣды. Замѣтивъ производящіяся на поляхъ работы, они накрывали неожиданно рабочихъ и провождали ихъ плѣнными въ отрядъ; замѣтивъ слѣды стада, они не оставляли его, и послѣдняя надежда горцевъ на пропитаніе отбивалась нашими молодцами; шныряя по всѣмъ направленіямъ, они не давали противнику покоя, не позволяя ему оставаться долго въ неизвѣстности, а, сообщая обо всемъ, знакомили начальниковъ съ положеніемъ хакучей, которое съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Вотъ два эпизода изъ походовъ охотниковъ.

Оставленный въ перевальной засѣкѣ, кавказскій линейный сводно-стрѣлковый баталіонъ Кубанской области сформировалъ свою команду охотниковъ изъ 30 человекъ, подъ командою унтеръ-офицера, какъ для огражденія себя отъ внезапныхъ нападений, такъ и для знакомства съ окружающею мѣстностію и розысковъ непріятельскихъ убѣжищъ. Бродя по скатамъ хребта и по болотистымъ мѣстамъ, охотники нечаянно наткнулись на свѣжій слѣдъ стада, увлеклись приманкой и пошли по слѣду. Недолго приходилось имъ переваливать крутые горные отроги: вскорѣ замѣтили они отару овецъ, оберегаемую десятью вооруженными горцами, вѣровавшими въ скрытность этого мѣста и неподозрѣвавшими близость подкрадывавшихся пластуновъ. Залпъ и внезапное „ура!“ вдругъ измѣнили ихъ безпечность въ безвыходное положеніе; слабое сопротивленіе повело только къ тому, что часть пастуховъ легла на мѣстѣ, часть разбѣжалась, а 170 штукъ баранты прибыли къ перевальной засѣкѣ, для поправки артельныхъ суммъ. Это было 12-го августа.

Въ другой разъ, тѣ же охотники, замѣтивъ, 2-го сентября, дымокъ, пробравшійся между деревьями, кинулись въ ту

сторону, осторожно подкрались поближе, прилегли и начали подползать. Тут они увидѣли между деревьями небольшой костеръ, около котораго сидѣли до 20 горцевъ. Разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ этого мѣста, стало уже не велико, и они приостановились. По приказанію унтеръ-офицера, половиное число ружей навели дула на костеръ; раздались выстрѣлы, и охотники кинулись въ штыки. Какъ робкіе зайцы бросились несчастные отъ такого сюрприза, уводя съ собою раненыхъ; на мѣстѣ же осталось только два трупа. По осмотрѣ, у одного изъ нихъ оказался въ карманѣ сафьянный чемоданчикъ, въ которомъ находились разныя вещицы: бритва, шило, ланцетъ, ножницы, игольникъ, молитвенникъ; кромѣ того, въ тряпицѣ была завернута бронзовая медаль. Страннаго сорта попадались иногда хагучинцы.

Не меньшею неутомимостію отличались и тѣ охотничьи команды, которыя дѣйствовали при отрядахъ. Въ Тубинскую засѣку заходили онѣ только для пополненія израсходованныхъ запасовъ. Еслибъ описывать каждое ихъ движеніе, то вышло бы крайне однообразное повѣствованіе. Опредѣляя вкратцѣ ихъ дѣятельность, можно сказать, что ими было истреблено тоже не мало ауловъ и посѣвовъ, захвачено порядочное количество плѣнныхъ и что, вообще, онѣ сильнѣйшимъ образомъ беспокоили противниковъ.

Отрядъ нашъ, между прочимъ, очистивъ всю окрестность рѣки Вазуко, сошелъ съ этой позиціи 16-го августа и занялъ новую—ниже, при рѣкѣ Ефикою; избравъ и ее центромъ, снова огнемъ и мечемъ началъ во всѣ стороны проводить радіусы, усердно истребляя все, что могло способствовать хоть къ кратковременному облегченію жизни горцевъ. 22-го числа восемь семействъ прибыло въ лагерь съ выраженіемъ желанія выселиться на Лабу. Того же числа отрядъ возвратился въ Тубинскую засѣку.

Нѣкоторыя необходимыя приготовленія къ смотру генералъ-отъ-инфантеріи барона фонъ-Врангеля, пріѣхавшаго инспектировать войска по высочайшему повелѣнію, остановили навремя ходъ военныхъ дѣйствій.

Конецъ августа и начало сентября отрядъ проводилъ въ отправленіи баталіоновъ къ тѣмъ пунктамъ, которые назначались сборными для смотровъ: такъ, къ 1-му сентября сосредото-

точили въ укрѣпленіи Хадыжахъ 4 баталіона пѣхоты (*), въ ст. Ширванской—6 бат. пѣхоты (**).

На этихъ пунктахъ войска выжидали дня прибытія инспектора до 7-го сентября; но около того же числа вездѣ получено было приказаніе сосредоточить всѣ баталіоны близъ укрѣпленія Майкопа, по случаю болѣзни барона Врангеля, помѣшавшей ему самому объѣхать вышеозначенныя мѣста. Къ 9-му числу, по лѣвому берегу Бѣлой, противъ укрѣпленія раскинулся обширный лагерь тѣхъ частей войскъ, которымъ слѣдовало прибыть на смотръ. Съ 11-го по 17-е число, по мѣрѣ окончанія смотра, часть за частью выступали изъ лагерей на свои позиціи, которыя были не много измѣнены въ сравненіи съ прежнимъ расположеніемъ: 2-й баталіонъ Абхазскаго полка отправился на Пшишь для разработки дороги, 1-й баталіонъ Дербентскаго полка пошелъ въ засѣку на перевалѣ, для смѣны сводно-стрѣлковаго баталіона Кубанской области, который, въ свою очередь, назначался въ ст. Пшишскую для постройки моста; остальные 4 баталіона были направлены къ Маратуковскому посту, для разработки дороги до Тубинской засѣки.

Пока баталіоны были на смотрѣ, въ отрядъ прибылъ дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Удобство уничтожать лошадыми хлѣба на поляхъ дѣлало присутствіе кавалеріи полезнымъ, а изобиліе корма избавляло отъ хлопотъ по части продовольствія ея.

Чтобы не терять времени, подполковникъ Ивановъ, взявъ эскадронъ драгунъ и Григориполійскую сотню, отправился вверхъ по Гугупсу, чтобъ удостовѣриться, скрываются ли еще горцы около перевала и есть ли неистребленные посѣвы и жилища. Безъ препятствій со стороны противника дошелъ онъ до перевала; но какъ только начали отступать, имъ ясно послышались крикъ и два татарскихъ выстрѣла. Колонна остановилась и съ убійственнымъ терпѣніемъ, не нарушая тишины, довольно долго выжидала либо появленія горцевъ, либо повторенія какого-нибудь намека на близкое ихъ присутствіе. Безплодно прождавъ на этомъ мѣстѣ, кавалерія направилась къ

(*) 2-й баталіонъ Дербентскаго, 3-й бат. Елисаветпольскаго и 1-й и 2-й бат. Абхазскаго пѣхотныхъ полковъ.

(**) 1-й баталіонъ Ставропольскаго, 2-й бат. Кубанскаго, 1-й и 3-й бат. Дагестанскаго, 1-й 2-й бат. Елисаветпольскаго пѣхотныхъ полковъ.

Тубинской засѣлкѣ. Однако и то, что было слышно, болѣе или менѣе указывало на присутствіе жителей; поэтому устроена была облава. Капитанъ Рудзинскій, съ тремя ротами Ставропольскаго пѣхотнаго полка, долженъ былъ скрытными тропинками осторожно подойти къ тому мѣсту, около котораго слышны были крикъ и выстрѣлы, послѣ чего остановиться и, не обнаруживая себя, находиться тамъ до одиннадцати часовъ. Самъ подполковникъ Ивановъ, съ эскадрономъ драгунъ и двумя сотнями, поднялся по дорогѣ на хребетъ къ перевальной засѣлкѣ, присоединилъ къ себѣ пластунскую команду и двинулся далѣе по хребту до того мѣста, гдѣ отрядъ переходилъ черезъ переваль; спустился внизъ, обошелъ предполагаемое жилое мѣсто и, не найдя никого, соединился со скрывавшимися тамъ ротами. Поиски же этихъ послѣднихъ увѣнчались лучшими успѣхами: находясь въ засадѣ, капитанъ Рудзинскій вызвалъ охотниковъ и приказалъ имъ осмотрѣть окрестности; тѣ, съ своей стороны, взявъ съ собою милиціонера Салмена, который всегда удачно хаживалъ на поиски, отправились шнырять по сосѣднимъ балкамъ и горамъ. Прошло не болѣе двухъ часовъ, какъ они прибыли къ части и привели двухъ плѣнныхъ мужчинъ и одного мальчика, схваченныхъ во время уборки хлѣба, при чемъ пригнали и двухъ воловъ. Осмотрѣвъ еще нѣкоторыя мѣста, колонна къ вечеру вернулась въ засѣлку.

Изъ приведеннаго ряда предпріятій нашихъ войскъ довольно хорошо разъясняются тотъ способъ, тотъ характеръ и общій ходъ военныхъ дѣйствій, которыя были приняты нами за лучшія въ этой войнѣ. Послѣдующія дѣла были полнымъ повтореніемъ рассказанныхъ, а потому не выписываю всего дневника военныхъ дѣйствій какъ большихъ отрядовъ, такъ и охотничьихъ командъ.

Не трудно замѣтить, что съ августа мѣсяца горцы были для насъ не только безопасны, но сами едва успѣвали скрываться отъ нашихъ поисковъ: раздавшіеся гдѣ-нибудь выстрѣлы или крикъ, замѣченные на болотѣ слѣды или что-нибудь наводящее на мысль объ обитаемости какого-либо мѣста сейчасъ же скликали туда войска; но рѣдко когда находили жителей. Безъ пристанища, какъ полудикіе, скрывались остатки горцевъ по лѣсамъ, больше спасая себя, чѣмъ отыскивая средства вредить намъ. Но бесплодное ихъ упорство было вредно для насъ тѣмъ, что войска, ожидавшія отдыха, должны были стоять подъ ружьемъ и переносить великіе труды, даже потери, особенно сна-

чала, когда еще не былъ хорошо понятъ характеръ этой войны; въ августѣ же мѣсяцѣ, принявъ горскую методу войны, мы успѣли навести ужасъ на нашихъ учителей, и положеніе пшехскаго отряда стало лучше относительно спокойствія. Но вскорѣ явились два новыхъ врага, которые обрушились бѣдствіемъ болѣе на даховскій отрядъ: лихорадка и небывалый разливъ рѣкъ.

Пшехскій отрядъ, бродившій по высокимъ горамъ, вдали отъ приморскихъ болотъ, еще крѣпился кое-какъ противъ лихорадки, убыль больными была не велика; но по южному скату горъ, начиная отъ Хакучинскаго редута до берега моря, она валила людей сотнями. Въ эту несчастную колею попался клочокъ пшехскаго отряда, именно горный взводъ облегченной № 3-го батареи, оставленный въ засѣлкѣ.

Начиная съ послѣднихъ чиселъ сентября, кладбища около Хакучинскаго редута, Лазаревскаго укрѣпленія и промежуточныхъ постовъ начали занимать все большее и большее пространство, а больные солдаты, оставшіеся на ногахъ, бродили какъ тѣни, ожидая своей очереди. Не больше 20 человекъ въ ротѣ могли дѣйствовать оружіемъ; гарнизоны же двухъ ближайшихъ къ редуту постовъ имѣли: одинъ пять, а другой—семь человекъ, способныхъ стоять подъ ружьемъ; некому было даже конвоировать колонну за провіантомъ, потому что необходимое прикрытіе потребовало бы всѣхъ способныхъ еще дѣйствовать, оставивъ посты на попеченіе больныхъ, да некому было и распоряжаться: воинскій начальникъ и почти всѣ офицеры въ Хакучинскомъ редутѣ лежали больными. Къ этому времени и командующій отрядомъ, полковникъ Габаевъ, уѣхалъ въ штабъ для встрѣчи инспектора, барона фонъ-Врангеля.

Горцы, между тѣмъ, угрожали сожженіемъ Хакучинской засѣлки. Выполнить это обѣщаніе было крайне легко: деревья, составлявшія ее, были до того сухи, что могли вспыхнуть какъ порохъ отъ малѣйшей искры. Темная ночь, смѣльчакъ-горець—и угроза приведена въ исполненіе. Противодѣйствіе наше могло состоять только въ бдительныхъ часовыхъ и въ бодрости гарнизона, который, при первой тревогѣ, былъ бы готовъ наказывать дерзкихъ. Что же могъ сдѣлать гарнизонъ, состоявшій изъ трехъ четвертей больныхъ? Некрасиво было его положеніе: стоя среди кладбища, занимавшаго вдвое большее пространство, чѣмъ укрѣпленіе, солдаты ежедневно прибавляли по одной, а иногда и по нѣскольку свѣжихъ могилъ.

Подполковникъ Ивановъ, разузнавъ обо всемъ этомъ, принялъ на себя обязанность помочь имъ и, по сношенію съ полковникомъ Мерхилевичемъ, 25-го сентября направилъ въ Хакучинскій редутъ сводно-стрѣлковый баталіонъ Кубанской области, смѣненный 1-мъ баталіономъ Дербентскаго пѣхотнаго полка. Только съ прибытіемъ стрѣлковаго баталіона хакучинскій гарнизонъ получилъ возможность отправить колонну въ Лазаревское укрѣпленіе за провіантомъ и оберегать редутъ. (*)

Рѣдко встрѣчается такое оригинальное явленіе: войска, конвоирующія свой обозъ, требуютъ прикрытія и для себя, а часть другаго отряда спѣшить на помощь къ своимъ братьямъ, перенося на рукахъ котлы и всю провизію, такъ какъ посылать за лошадьми было крайне далеко.

По ходатайству подполковника Иванова, полковникъ Мерхилевичъ разрѣшилъ даже хакучинскому гарнизону получать провіантъ изъ Тубинской засѣки, хотя и тамъ запасы приходили къ концу.

Это невыгодное положеніе войскъ въ Хакучинской засѣкѣ было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, которое постигло его впоследствии. Бѣдствуя отъ лихорадокъ и не имѣя возможности сходить за провіантомъ въ Лазаревское укрѣпленіе, солдаты все-таки нашли сочувствіе въ начальникахъ пшехскаго отряда; во-лошскіе орѣхи и сухари кое-какъ пропитывали еще несчастныхъ. Но настало другое время: проливные дожди, шедшіе очень долго, до того наполнили всѣ балки и углубленія, что едва замѣтные прежде ручьи обратились въ непроходимые потоки, а нижнія теченія большихъ рѣкъ произвели страшное опустошеніе, какого не помнили старики: жилища, нестоявшія на значительной высотѣ, были уничтожены и мѣста эти покрылись водою. Цѣнные мельницы, прикрѣпленныя цѣпами и расположенныя въ боковыхъ протокахъ, были разбиты въ щепы; почти всѣ мосты по Лабѣ, Бѣлой, Кубани и по другимъ рѣкамъ либо совершенно снесены, либо до того испорчены, что были негодны для проѣздовъ. А бѣдному Хакучинскому редуту выпала еще худшая доля: разливомъ онъ былъ отрѣзанъ совершенно отъ Лазаревского укрѣпленія и если могъ еще сооб-

(*) 8-го октября колонна, ходившая за провіантомъ, возвратилась изъ Лазаревского укрѣпленія. Сводно-стрѣлковый баталіонъ Кубанской области, 9-го числа, оставилъ Хакучинскій редутъ, снова прибылъ въ перевальную засѣку, дождался своихъ подъемныхъ лошадей и ушелъ въ Тубу.

щаться съ пшехскимъ отрядомъ, то по самымъ труднѣйшимъ и опаснѣйшимъ дорогамъ. Въ это время и нашъ отрядъ не могъ не только помочь товарищамъ, но и самъ находился на канунѣ голода: къ 3-му октября въ тубинскомъ провіантскомъ складѣ оставалось только 16 четвертей, а обозъ, подвезшій провіантъ, стоялъ гдѣ-то далеко, за Пшехой, не будучи въ силахъ переѣхать рѣку.

Артилерійское начальство, внявъ жалобамъ офицера, подъ командою котораго находился горный взводъ, страдавшій въ Хакучинской засѣкѣ, просило спустить его. Генераль Гейманъ отвѣтилъ, что между 10-мъ и 20-мъ числами октября хакучинская кордонная линія будетъ снята, что около этого времени 15 стрѣлковыхъ ротъ, по распоряженію атамана, должны будутъ отъ Адлера, горною полосою, подойти къ Хакучинскому редуту, къ которому двинутся одновременно съ ними и отряды какъ съ туабсинской линіи, такъ и изъ Тубы, и что послѣ этого движенія всѣ войска будутъ спущены.

Въ упомянутый срокъ началась послѣдняя облава. Выступивъ съ Адлера, генераль-маіоръ Гейманъ едва-едва одолѣвалъ преграды, представляемыя природой: разлившіяся рѣки непрерывно перегораживали путь; войска выбивались изъ силъ. Наконецъ онъ остановился и повернулъ отрядъ на Бѣло-рѣченскій переваль. Гора Псегашко въ это время была недоступна; поэтому и предполагаемое послѣднее, всеобщее наступленіе въ Хакучи было приведено въ исполненіе несравненно позже, а съ перваго ноября всѣ войска были уже по своимъ квартирамъ, оставивъ ненавидимые Хакучи.

Никто, конечно, не поручится за то, что тамъ не осталось жителей, хотя колонны наши исходили эти мѣста по всѣмъ направленіямъ; но могли ли онѣ перебивать во всѣхъ ущельяхъ и заглянуть во всѣ безчисленныя промоины? Наконецъ, пройдя по всѣмъ уголкамъ этой страны, можно было и не встрѣтиться со скитающимся противникомъ, такъ какъ онъ постоянно скрывался при нашемъ приближеніи. Остались ли еще неистребленными аулы и посѣвы, опредѣлить было трудно по той же причинѣ....

Кончилась кавказская война, кончились и сопряженные съ ней тяжелые труды; только болѣзни, какъ послѣдствія недавнихъ, чуть не сверхъестественныхъ усилій, еще продолжали вы-

рывать молодцовъ изъ нашихъ рядовъ. Живые рассказы и ярко рисующіеся въ воображеніи случаи связывали насъ съ недавнимъ прошедшимъ, а кавказскій офицеръ, видя, что кончилась его боевая карьера, съ какою-то любовію отзывается о прошедшемъ: имъ живетъ онъ еще на яву и во снѣ.

Спать, и представляется ему походная землянка, въ которой безопасно сидитъ онъ съ товарищами за зеленымъ столикомъ. Вдругъ раздается тревога. — „Послѣ доиграемъ!“ говорить, бросая карты.... хватаетъ пашку и бѣжитъ среди толпы, издающей крики, между которыми слышнѣе другихъ слова: „татары!... татары!...“ Вотъ подбѣжали къ какой-то высокой горѣ и начали подыматься по страшной тропинкѣ.... вотъ раздался внезапно отчаянный крикъ, и одинъ несчастный полетѣлъ въ кручу, за нимъ — другой, тамъ — третій....

Иному грезится, будто онъ сидитъ передъ кучею насыпанныхъ угольевъ въ палаткѣ, которую страшно теребитъ зимняя вьюга, и, при слабомъ мерцаніи свѣчи, ждетъ обычнаго извѣстія о распоряженіяхъ на завтрашній день. Но вотъ дунулъ вѣтеръ со снѣгомъ изъ распахнувшейся полы палатки, и вошелъ фельдфебель.

— Что за приказаніе? спрашиваетъ офицеръ.

— Завтра, ваше благородіе, изъ отряда назначаются двѣ колонны....

— А мы назначены?

— Назначены, ваше благородіе.

— Куда?

— Не на касировку дороги, а такъ себѣ (*)....

— А гдѣ идемъ?

— Въ заднемъ аленгардѣ, ваше благородіе (**).

— Апшеронцы съ нами?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: они назначены въ колонну, которая пойдетъ съ планщиками, а потомъ пойдутъ на касировку дороги.

— А какъ рано?

— Съ разсвѣтомъ, ваше благородіе.

Фельдфебель ушелъ, и вотъ офицеръ начинаетъ ворочаться

(*) Трасировка дороги на солдатское нарѣчіе переводилось словами: „касировка дороги“; рекогносцировка же — „касировка не дороги, а такъ себѣ“.

(**) Слова *передній аленгардъ* означали авангардъ; *задній аленгардъ* — арьергардъ.

на постели; его тревожитъ мысль о возможности проспять время выступления, и, наконецъ, дѣйствительно, просыпается... Какъ-то странно осматривается онъ кругомъ... начинаетъ понемногу сознавать непривычную ему обстановку деревянной хаты; потомъ, улыбнувшись, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ произноситъ: „не пойдѣмъ мы завтра ни на касировку дороги, ни такъ себѣ, а будемъ спать“, и съ пріятнымъ впечатлѣніемъ снова засыпаетъ въ завоеванной и усмиреной странѣ, гдѣ провелъ онъ много тревожныхъ дней, гдѣ нерѣдко изнывалъ отъ потери силъ, гдѣ тысячу разъ видѣлъ передъ собою смерть и смѣло шелъ ей на встрѣчу, ведя за собою такихъ же молодцовъ, какъ самъ. Прошло все... не повторится прошедшее! Но кавказцы во всю жизнь не забудутъ пройденныхъ ими военныхъ уроковъ и, пока живы, будутъ представлять собою незамѣнимый источникъ для добыванія отличныхъ партизанскихъ начальниковъ.

Впрочемъ, такъ или иначе, а кавказской войнѣ больше не повториться....

Какъ ни крута была система обезлюживанія края, принятая для окончательнаго покоренія Кавказа, но, согласуя ее съ характеромъ полудикихъ жителей, нельзя не признать громадную ея выгоду относительно спокойствія Россіи.

Оставить горцевъ на прежнихъ мѣстахъ, поддерживая съ ними миръ разными договорами, значило вѣчно воевать: долготѣніе опыты показали, какъ хранятъ они данное ими слово, на что указываетъ до сихъ поръ положеніе Терской области, гдѣ горцы оставлены и гдѣ поэтому отъ времени до времени раздаются выстрѣлы и находятъ убитыхъ.

Употребивъ же другой способъ — поселять между ними русскихъ — можно ли было ручаться за безопасность новыхъ жителей? Можно ли было не держать страну, еще Богъ знаетъ сколько времени, на военномъ положеніи, тратясь на содержаніе лишнихъ войскъ? Наконецъ и такимъ способомъ можно ли было удержать отъ разныхъ безпорядковъ покоренныя племена, фанатически враждебныя къ пришельцамъ?

Просьба горцевъ о дозволеніи имъ выселиться къ своимъ единовѣрцамъ въ Турцію дала возможность нашему правительству разрѣшить этотъ вопросъ и, выполняя ихъ желаніе, исполнить также свое: именно, очистивъ страну отъ горскихъ поселеній, замѣнить ихъ русскими переселенцами. Съ 1861 года идея эта въ крупныхъ размѣрахъ была приведена въ ис-

полненіе, такъ что къ концу года прибыло уже 1,763 семейства и заселено одиннадцать станицъ, изъ которыхъ двумя станицами закончили кубанскую линію, тремя—лабинскую, а остальные шесть размѣстили за Лабою.

Весною и лѣтомъ 1862 года, между Бѣлой и Лабой, было выстроено пятнадцать станицъ; изъ числа ихъ одна была возведена въ Пшехскомъ ущельи. Въ это же время, между Адагумомъ и Чернымъ моремъ поднято новыхъ станицъ двѣнадцать, и во всѣхъ двадцати-семи было водворено 4,185 семействъ съ пособіями отъ правительства и 202 охотника (ст. Гагинская), поселившихся въ районѣ 1-й бригады, безъ пособія отъ казны, только съ трехлѣтнимъ увольненіемъ отъ несенія службы. Изъ поселенныхъ въ 1862 году образовались три полка: 24-й, 25-й и Адагумскій.

Въ 1863 году, на очищенныхъ отъ туземцевъ пространствахъ, за Бѣлой и Лабой было возведено тринадцать станицъ и доселена Пшехская, а между Адагумомъ и Илемъ и въ Натухайскомъ округѣ было выстроено восемь. Переселившихся же семействъ—3,433. По примѣру Гагинской станицы возведена была ст. Келермеская въ 188 семействъ, безъ пособія отъ казны. Изъ поселенцевъ, прибывшихъ въ 1863 году, вновь сформировано два полка: 26-й — въ семисотенномъ составѣ, и Абинскій — въ пятисотенномъ.

Въ 1864 году колонизація быстро подвинулась впередъ съ прибытіемъ 4,417 семействъ. Появленіе такого огромнаго числа новыхъ поселенцевъ вполне гармонировалось съ необходимостію скорѣе заселить не только сѣверный склонъ, но и полосу земли по берегу моря. Быстро воздвигнуты были пятьдесятъ-двѣ станицы съ тремя поселками. Изъ этого числа, въ составъ Абинскаго полка вошли четыре станицы, могущія выставить шесть сотенъ; двѣ станицы усилили 24-й полкъ; изъ девятнадцати сформировался 27-й, а изъ пятнадцати — Пшекупскій, каждый въ шестисотенномъ составѣ; затѣмъ двѣнадцать станицъ вошли въ районъ расположенія Шапсугскаго береговаго полка.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ кавказской войны, въ Закубанскомъ краѣ возведено сто-одиннадцать станицъ съ тремя поселками, въ которыхъ водворены были 14,396 семействъ (*).

(* Для интересующихся предлагаю таблицу переселенцевъ по сословіямъ:

1) Офицерскихъ семействъ 147

Слава правительству за принятую систему войны! Результаты ея особенно рѣзко высказались весною 1864 г.: нельзя было не любоваться, какъ русское племя, занявъ уже всѣ ущелья по сѣверной сторонѣ главнаго хребта, спокойно бороздило плугами землю, тогда какъ полгода тому назадъ нельзя было показаться изъ станицы, чтобъ не наткнуться на горцевъ, рыскавшихъ кругомъ. Уже начинали забывать, что значить ходить съ прикрытіемъ, а такъ называемыя шалости горцевъ остались только въ разсказахъ солдатъ и первыхъ переселенцевъ. Не слышно стало роковыхъ выстрѣловъ: ихъ замѣнилъ тихій колокольный звонъ, раздающійся въ горахъ и призывающій христіанъ на молитву въ убогія, временныя станичныя церкви.

Теперь, безопасно пасущіяся стада, ночные костры, по степямъ и ущельямъ, среди мирныхъ чумацкихъ вагенбурговъ, громкія пѣсни запоздалыхъ гулякъ, одиночные невооруженные прохожіе, встрѣчающіеся по дорогамъ и днемъ, и ночью, звонкія, заунывныя трели валдайскихъ колокольчиковъ, заливающихъ то въ той, то въ другой сторонѣ, говорятъ только одно, что

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

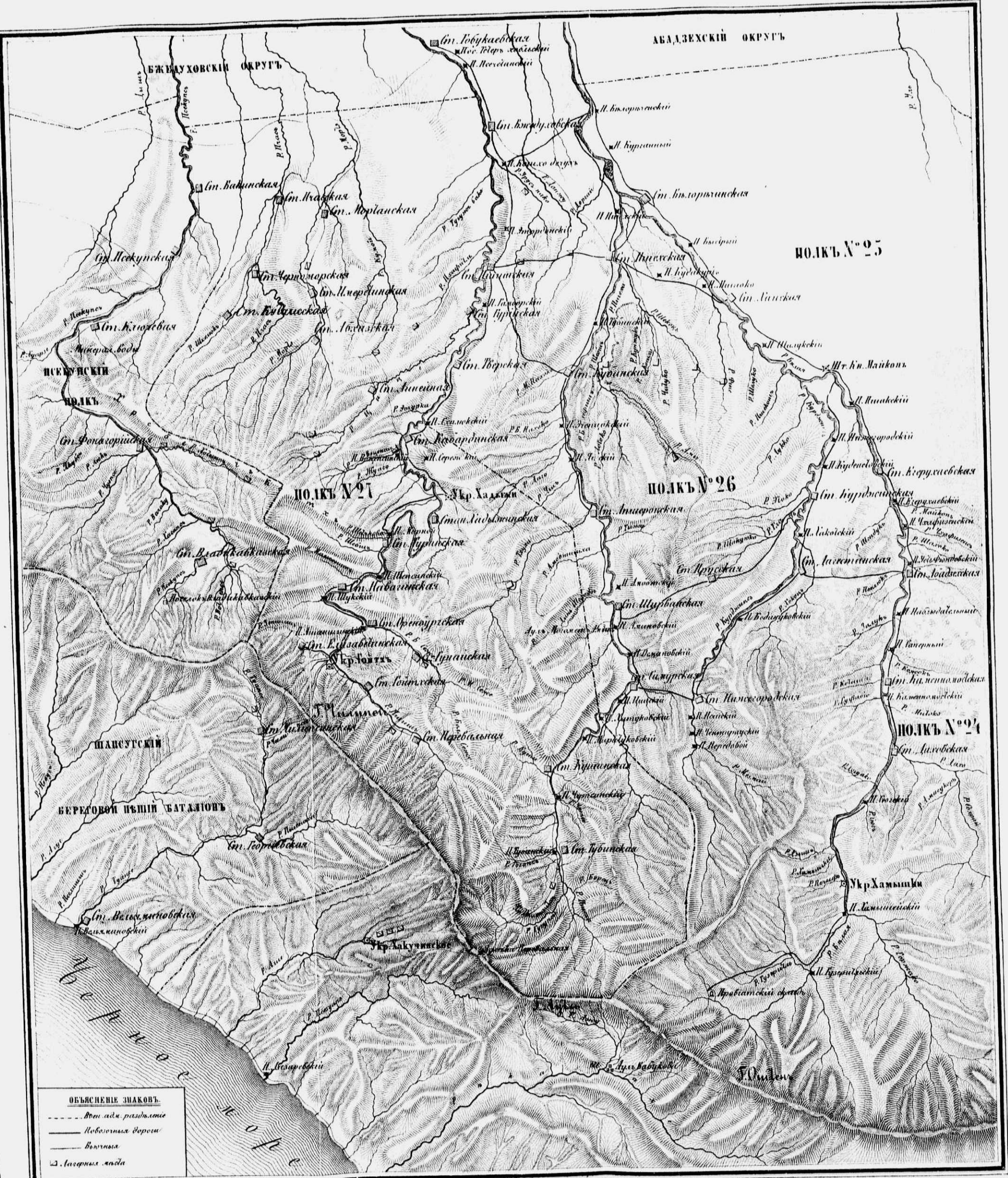
2) Бывшаго Черноморскаго войска	3,850
3) Бывшаго линейнаго казачьяго войска, въ числѣ которыхъ значится 310 семействъ, поселенныхъ безъ пособія отъ казны	4,490
4) Терскаго казачьяго войска	51
5) Донскаго казачьяго войска	1,008
6) Азовскаго казачьяго войска	1,051
7) Оренбургскаго казачьяго войска	425
8) Уральскаго казачьяго войска	83
9) Нижнихъ чиновъ кавказской арміи	1,014
10) Государственныхъ крестьянъ	1,338
11) Охотниковъ разныхъ сословій, въ числѣ которыхъ: 224 семьи временно-обязанныхъ крестьянъ войска Донскаго, 45 семействъ зачинщиковъ неповиновенія крестьянъ, 82 семейства эзень-амскихъ поселанъ, 166 семействъ отставныхъ и служащихъ матросовъ, а также мѣщанъ города Николаева, вызванныхъ собственно для поселенія по берегу	651
12) Переселенцевъ всѣхъ сословій, водворенныхъ въ станицахъ на другой годъ по ихъ возведеніи, т. е. когда онѣ входили въ составъ старыхъ линій	288

Всѣхъ 14,396

1868

КАРТА РАІОНА ДѢЙСТВІЙ ПШЕХСКАГО ОТРЯДА

съ 1862-64 годъ



ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ.
 - - - - - Грани адм. раздѣленія
 ————— Новополюсскія дороги
 ————— Вѣтви
 □ Изгородь мѣста

Въсп. Сводъ за 1866 годъ къ статіѣ Пшехскій отрядъ

Масштабъ
Въ 1 верстѣ къ 1 дюйма

Въсп. Сводъ за 1866 годъ къ статіѣ Пшехскій отрядъ

